



# **World of the Great Altai**

## **Үлкен Алтай әлемі**

### **Мир Большого Алтая**



---

**ISSN 2410-2725**

---

**ҮЛКЕН АЛТАЙ ӨЛЕМІ**  
**халықаралық ғылыми журнал**

**МИР БОЛЬШОГО АЛТАЯ**  
**Международный научный журнал**

**THE WORLD OF THE GREAT ALTAI**  
**International research journal**

---

**Журнал үш айда бір рет шығады**  
**Журнал выходит один раз в три месяца**  
**The journal is published once in three months**

---

---

**5(2) 2019**

---

---

**Басредакторы–Халықаралық редакциялық кеңес төрағасы**  
*Жанбосинова А.С.*

**РЕДАКЦИЯЛАҚАСЫ:**  
*Ражепаева Ф.З. (бас редактордың орынбасары),*  
*Казбекова А.Т., Жириндинова К.Р., Токанова С.О., Фридман Э.З.*

**ХАЛЫҚАРАЛЫҚ РЕДАКЦИЯЛЫҚ КЕҢЕС:**  
*Аблажей Н.Н. (Ресей), Аманжолова Д.А. (Ресей), Алексеенко А.Н. (Қазақстан),*  
*Балдано М.Н. (Ресей), Григоричев К.В. (Ресей), Водичев Е.Г. (Ресей), Демчик Е.В. (Ресей),*  
*Дашковский П.К. (Ресей), Дятлов В.И. (Ресей), Жангуттин Б.О. (Қазақстан),*  
*Кабульдинов З.Е. (Қазақстан), Камалов А.К. (Қазақстан), Каримов Б.Р. (Өзбекстан),*  
*Мендикулова Г.М. (Қазақстан), Наваанзоч Х. Цэдэв (Моңғолия), Пужоль К. (Франция),*  
*Самашев З.С. (Қазақстан), Сактаганова З.Г. (Қазақстан), Султангалиева Г.С. (Қазақстан),*  
*Тадышева Н.О. (Ресей), Ташагил А. (Түркия), Щеглова Т.К. (Ресей)*

---

**Editor in Chief – chairman of the International Editorial Board**  
*Zhanbosinova A. S.*

**EDITORIAL BOARD:**  
*Rejepbaeva F.Z. (Deputy editor),*  
*Kazbekova A. T., Zhirindinova K.R., Tokanova S. O., Freedman E.Z.*

**INTERNATIONAL EDITORIAL BOARD:**  
*Ablazhey N.N. (Russia), Amanzholova D.A. (Russia), Alekseenko A.N. (Kazakhstan),*  
*Baldano M. N. (Russia), Grigoriev K.V. (Russia), Vodichev E.G. (Russia), Demchik E.V. (Russia),*  
*Dashkovsky P.K. (Russia), Dyatlov V.I. (Russia), Zhanguity, B. O. (Kazakhstan),*  
*Kabuldinov Z. E. (Kazakhstan), Kamalov A.K. (Kazakhstan), Karimov, B. R. (Uzbekistan),*  
*Mendikulova G.M. (Kazakhstan), Davanzo H. CEDAW (Mole), K. Pujol(France),*  
*Samashev Z.S. (Kazakhstan), Saktaganova Z.G. (Kazakhstan), Sultangalieva G.S. (Kazakhstan),*  
*Tatishcheva N. About. (Russia), Tasagil A. (Trke), T.K. Shcheglova (Russia)*

---

**Главный редактор – председатель Международного редакционного совета**  
*Жанбосинова А.С.*

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:**  
*Ражепаева Ф.З. (заместитель главного редактора),*  
*Казбекова А.Т., Жириндинова К.Р., Токанова С.О., Фридман Э.З.*

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:**  
*Аблажей Н.Н. (Россия), Аманжолова Д.А. (Россия), Алексеенко А.Н. (Қазақстан),*  
*Балдано М.Н. (Россия), Григоричев К.В. (Россия), Водичев Е.Г. (Россия), Демчик Е.В. (Россия),*  
*Дашковский П.К. (Россия), Дятлов В.И. (Россия), Жангуттин Б.О. (Қазақстан),*  
*Кабульдинов З.Е. (Қазақстан), Камалов А.К. (Қазақстан), Каримов Б.Р. (Узбекистан),*  
*Мендикулов Г.М. (Қазақстан), Наваанзоч Х. Цэдэв (Моңғолия), Пужоль К. (Франция),*  
*Самашев З.С. (Қазақстан), Сактаганова З.Г. (Қазақстан), Султангалиева Г.С. (Қазақстан),*  
*Тадышева Н.О. (Россия), Ташагил А. (Түркия), Щеглова Т.К. (Россия)*

---

Меншік иесі: «Сәрсен Аманжолов атындағы Шығыс Қазақстан мемлекеттік университеті»  
шаруашылық жүргізу құқығындағы республикалық мемлекеттік кәсіпорны  
Owner: Republican state enterprise on the right of business «Sarsen Amanzholov East Kazakhstan State University»  
Собственник: Республиканское государственное предприятие на праве хозяйственного ведения  
«Восточно-Казахстанский государственный университет имени Сарсена Аманжолова»

---

## The Content – Мазмұны – Содержание

<b>Шығарылымының жауапты редакторының алғы сөзі</b> <b>Welcome word of executive editor of the issue</b> <b>Приветственное слово ответственного редактора .....</b>	<b>130</b>
<b>Savin A.I., Teplyakov A.G.</b> Levon Mirzoyan and Stanislav Redens: notes on the biography of the leaders of the Kazakh SSR (1937-1938) <b>Савин А.И., Тепляков А.Г.</b> Левон Мирзоян және Станислав Реденс: Қазақ КСР басшылары өмірбаянының кейбір көріністері (1937-1938 жж.) <b>Савин А.И., Тепляков А.Г.</b> Левон Мирзоян и Станислав Реденс: штрихи к биографиям руководителей Казахской ССР (1937-1938 гг.) .....	<b>133</b>
<b>Ablazhey N.N., Potapova N.A.</b> "National" operations of Great terror: hierarchy of governing powers and punitive agencies in the center and the periphery <b>Аблажей Н.Н., Потапова Н.А.</b> Ұлттық террорду «Ұлттық» операциялары: орталық және терминдерге қуат және жаналық органдардың мемлекеттері <b>Аблажей Н.Н., Потапова Н.А.</b> «Национальные» операции Большого террора: иерархия полномочий власти и карательных органов в центре и на периферии.....	<b>151</b>
<b>Kudaibergenova A.I., Murzahodzhaev K.M., Omarova G.A., Zhynisova B.N.</b> The living conditions of prisoners in «Alzhir» camp (by witnesses memories) <b>Құдайбергенова А.И., Мурзаходжаев Қ.М., Омарова Г.Ә., Жүнісова Б.Н.</b> «Алжир» тұтқын әйелдерінің материалдық- тұрмыстық ахуалымен қапаста отыру жағдайы» (күәгерлердің естеліктерінен) <b>Құдайбергенова А.И., Мурзаходжаев Қ.М., Омарова Г.Ә., Жүнісова Б.Н.</b> Материально-бытовое положение и условия содержания узниц Алжира (воспоминания свидетельниц).....	<b>163</b>
<b>Kudaibergenova A.I., Kупenova Zh.K.</b> The problems of the ethnogenesis and relocation of akhis turks in Kazakhstan <b>Құдайбергенова А.И., Купенова Ж.Қ.</b> Ахыска түріктерінің этногенезімен Қазақстанға жер аудару мәселесіне орай <b>Құдайбергенова А.И., Купенова Ж.Қ.</b> К проблеме этногенеза и депортации ахыска-турков в Казахстан.....	<b>177</b>
<b>Shcheglova T.K.</b> Anthropology of extremality: social and cultural everyday adaptation of the ethnic deportees (the years 1939-1949) and host rural community in the South of Western Siberia in the context of involuntary deportations <b>Щеглова Т.К.</b> Экстремалдық антропологиясы: күштеп қоныс аудару контексіндегі этникалық депортанттардың (1939-1949 жж.) және оларды Батыс Сібірдің оңтүстігіне қабылдаған ауыл қоғамының әлеуметтік және мәдени-тұрмыстық бейімделуі <b>Щеглова Т.К.</b> Антропология экстремальности: социальная и культурно-бытовая адаптация	

этнических депортантов (1939-1949 годы) и принимающего сельского общества на юге Западной Сибири в контексте принудительных переселений..... 197

**Saktaganova Z.G.**

Memories' fragments of of deported women: adaptation and life in Kazakhstan

**Сактаганова З.Г.**

Депортацияланған әйелдер естеліктерінен үзінділер: бейімделу және Қазақстандағы өмір

**Сактаганова З.Г.**

Фрагменты воспоминаний депортированных женщин: адаптация и жизнь в Казахстане..... 232

**Amanzholova D.A.**

Bolshevik elite of the Kazakh ASSR of 1920-1930s: the evolution of socio-political characteristics

**Аманжолова Д.А.**

1920-1930 жылдардағы Қазақ АКСР-ның большевиктік элитасы: әлеуметтік-саясипаттамалардың эволюциясы

**Аманжолова Д.А.**

Большевистская элита Казахской АССР 1920-1930-х гг.: эволюция социально-политических характеристик ..... 248

**Krasovitskaya T.Y.**

Federalism of the Turkic elites in the modernist and Bolshevik schemes

**Красовицкая Т.Ю.**

Модернистік және большевиктік сызбадағы түркі элитасының федерализмі

**Красовицкая Т.Ю.**

Федерализм тюркских элит в модернистских и большевистских схемах ..... 260

*Article-submission – Таныстыру мақаласы – Статья-представление*

**Asanova S.A.**

On the major behavioral motivation factors of the kazakh national military formations' soldiers during the war

**Асанова С.А.**

Соғыс жылдарындағы қазақ ұлттық әскери құрама жауынгерлерінің мінез-құлық уәждемесінің негізгі себептері туралы (1941-1945)

**Асанова С.А.**

Об основных факторах поведенческой мотивации воинов казахских национальных войсковых формирований в годы войны (1941-1945) ..... 280

**Schmider M.A.**

Front-line biographies of natives of the Removsky selsoviet of the Borodulikha District (East Kazakhstan) on the basis of materials from the documents of the Central Archives of the Ministry of Defence, Russian Federation

**Шмидер М.А.**

Ресей Федерациясының ҚМОН құжаттарының материалдарындағы Бородулиха ауданының Ремовский ауылдық кеңесі (Шығыс Қазақстан) тұрғындарының майдандық өмірбаяндары

**Шмидер М.А.**

Фронтовые биографии уроженцев Ремовского сельсовета Бородулихинского района (Восточный Казахстан) на материале документов ЦАМО РФ ..... 296

## Words of welcome of the executive editor of the issue

*Dear Colleagues!*

We present to your attention thematic issue of the journal Political Repression: History, Methodology, Historiography.

By decree of the President of the Republic of Kazakhstan N.A. Nazarbayev 1997 was declared the Year of National Accord and Remembrance for the Victims of Political Repression. Every year on May 31, Kazakhstanis pay tribute to the memory of victims of political repression.

Mass terror against the enemies of Soviet power, announced by the V All-Russian Congress of Soviets, led to the creation of the VCheka triplets, endowing them with the rights of execution without trial or investigation. The subsequent stages of the Reformation led to the creation of the GPU-OGPU-NKVD-NKGB-MGB, which became the "power tool" of the accelerated transformation of the socio-economic and socio-political processes of the Soviet state.

The historiography of the history of political repression has a wide geography and various methodological approaches.

The current issue contains the article by A.I. Savin, A.G. Teplyakov "LevonMirzoyan and StanislavRedens: touches to the biographies of the leaders of the Kazakh SSR (1937-1938)". The personal history of political repression affected in most cases the victims of terror, this publication is devoted to the last period in the life of two Bolshevik activists who have long deserved their own biographers - party functionary LevonMirzoyan and security officer StanislavRedens. On the basis of a number of documents that were not previously introduced into scientific circulation, three of which are published as a documentary annex, demonstrate the clan system and the cult of honoring Soviet leaders.

The study made by Ablazhey, N.A. Potapova is devoted to the "national" operations of the NKVD of the USSR. The materials of the departmental clerical work of the NKVD and extrajudicial instances allowed the authors to show that mass terror was initiated by the Politburo of the CPSU (b), which delegated broad punitive powers to the NKVD, sanctioned the extrajudicial nature of repression and the implementation of a series of "linear" punitive operations. The authors believe that in the period of the Great Terror in the USSR, in the framework of "national" operations, planned repressive actions were carried out aimed at "withdrawing" the "non-civil" and "foreign" element, which led to a decrease in the number of diasporas.

The problem of deportations is an integral part of political repressions directed against entire nations recognized by the state as unreliable. The article by A.I. Kudaybergenova is devoted to the issues of ethnogenesis and deportation of Ahiska-Turks to Kazakhstan, the issues of social, cultural and domestic adaptation of ethnic deportees and the host rural society are presented in the article by T.K. Sheglova, oral history of deported women in the focus of their adaptation in Kazakhstan is shown by Z.G. Saktaganova. The undoubted advantage of the above publications is their innovative methodological approaches used by the authors in research practice.

In the articles of D. Amanzholova, T. Krasovitskaya, the issues of the formation of the ethnopolitical elite and the projects of the federal structure of the Turkic ethnic groups were considered, later many of the personalities represented by the authors were repressed during the Great Terror.

Article submissions made by M. Schmider and S. Asanova cover the events of the Great Patriotic War, the studies are regional in nature, taking into account the relevance of the material presented, we found it necessary to include them in the thematic number.

*Sincerely yours, editor-in-chief N. Ablazey*

## Шығарылымның жауапты редакторының алғы сөзі

### *Құрметті әріптестер!*

Сіздердің назарларыңызға журналдың «Саяси қуғын-сүргін: тарих, әдіснама, тарихнама» атты тақырыптық номерін ұсынып отырмыз.

Қазақстан Республикасының Президенті Н.Ә. Назарбаевтың Жарлығымен 1997 жыл – саяси қуғын-сүргін құрбандарын еске алу және жалпы халықтық келісім жылы деп жарияланған. Қазақстандықтар жыл сайын 31 мамырда саяси қуғын-сүргін құрбандарын еске алады.

Кеңестердің V Бүкілресейлік съезінде жарияланған кеңес өкіметінің жауларына қарсы жаппай террор БТК үштіктерін құруға негіз болып, оларға азаматтарды сотсыз және тергеусіз атуға құқық берді. Бұл органды реформалау МСБ – БМСБ – ІІХК – ХМҚК – МҚМ органдарына құрылуына ықпал етіп, кеңестік мемлекеттің әлеуметтік-экономикалық және қоғамдық-саяси үрдістерін жедел жүргізудің «күштеу құралдарына» айналды.

Саяси қуғын-сүргін тарихының тарихнамасы кең географиялық ауқымды қамтып, әртүрлі әдіснамалық көзқарастардың негізінде қарастырылады.

Журналдың ағымды номерінде А.И. Савин мен А.Г. Тепляковтың «Левон Мирзоян және Станислав Реденс: Қазақ КСР басшылары өмірбаянының кейбір көріністері (1937-1938 жж.)» атты мақаласы ұсынылған. Саяси қуғын-сүргіннің жеке тұлғаларға қатысты тарихы көбінде террордың құрбандарының тағдырына арналады, бұл мақала екі большевиктік қайраткерлер – партиялық-функционер Левон Мирзоян мен чекист Станислав Реденстің өмірлерінің соңғы сәттерін қарастырады. Бұрын ғылыми айналымға енгізілмеген бірқатар құжаттардың негізінде, соның ішінде қосымша ретінде жарияланып үш құжатты пайдаланып, кеңестік көсемдердің кландық жүйесі мен жеке басқа табынушылық әрекеттерін ашып көрсетеді.

Н.Н. Аблажей мен Н.А. Потапованың зерттеулері КСРО-ң ІІХК-нің «ұлттық» операцияларына арналған. ІІХК-нің мекемелік іс жүргізу мен соттан тыс мекемелердің материалдары жаппай террор БК(б)П-ның саяси бюросының ұсынысы бойынша жүргізіліп, ІІХК-на жазалау өкілеттілігін кең көлемде берді. Сонымен қатар, бұл орган қуғын-сүргінді соттан тыс сипатта да жүргізіп, жазалау операцияларының «түзу» бағытын жүзеге асырды.

Авторлар КСРО-дағы Үлкен террор кезеңінде «ұлттық» операциялардың шеңберінде «азаматтық емес» және «шетелдік» элементін «алып тастауға» бағытталған жоспарлы қуғын-сүргін шаралар жүргізіліп, бұл диаспоралар санының азаюына әкелгендігі жөнінде қорытынды жасайды.

Депортация мәселесі мемлекет «сенімсіз» деп есептеген тұтас халыққа қарсы бағытталған саяси қуғын-сүргіннің құрамдас бөлігі болып табылады. Қазақстандағы ахыска-түріктердің этногенезі мен күштеп қоныс аудару мәселесіне А.И. Құдайбергенованың мақаласы арналады. Т.К. Щеглованың мақаласы этникалық депортанттардың әлеуметтік және мәдени-тұрмыстық бейімделуі мен оларды қабылдаған ауыл тұрғындарының мәселесіне, З.Г. Сактаганованың мақаласы Қазақстанда бейімделу жағдайында депортацияланған әйелдердің ауызша тарихын зерттеуге арналған. Осы авторлардың зерттеуде қолданған жаңа әдіснамалық тәсілдері жоғарыда аталған мақалалардың жетістігін айқындай түседі.

Д. Аманжолова, Т. Красовицкаяның мақалаларында этносаяси элитаның қалыптасуы мәселелері мен түркі этностарының федералдық құрылым туралы жобалары қарастырылған. Бұл жобалардың авторларының Үлкен террор жылдарында қуғын-сүргіннің құрбандары болғандығы да атап көрсетілген.

М. Шмидер мен С. Асанованың мақалалары Ұлты Отан соғысы оқиғаларын қарастырады. Олардың зерттеулері аймақтық сипатта болып, өзекті мәселелерді қарастыратындықтан, тақырыптық номерге қосуды жөн көрдік.

*Құрметпен, номердің жауапты редакторы Н. Аблажей*



## Приветственное слово ответственного редактора выпуска

*Уважаемые коллеги!*

Вашему вниманию представлен тематический номер журнала «Политические репрессии: история, методология, историография».

Указом Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева 1997 год был объявлен Годом общенационального согласия и памяти жертв политических репрессий. Ежегодно 31 мая казахстанцы отдают дань памяти жертв политических репрессий.

Массовый террор против врагов советской власти, объявленный V Всероссийским съездом Советов, обусловил создание троек ВЧК, наделив их правами расстрела без суда и следствия. Последующие этапы реформации привели к созданию ГПУ-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ, ставшие «силовым инструментарием» ускоренной трансформации социально-экономических и общественно-политических процессов советского государства.

Историография истории политических репрессий имеет широкую географию и различные методологические подходы.

В текущем номере представлена статья А.И. Савина, А.Г. Теплякова «Левон Мирзоян и Станислав Реденс: штрихи к биографиям руководителей Казахской ССР (1937–1938 гг.)». Персональная история политических репрессий затрагивала в большинстве случаев жертв террора, настоящая публикация посвящена последнему периоду жизни двух большевистских деятелей, которые уже давно заслужили своих собственных биографов – партийному функционеру Левону Мирзояну и чекисту Станиславу Реденсу. На основе ряда документов, ранее не вводившихся в научный оборот, три из которых публикуются в качестве документального приложения, демонстрируют клановую систему и культ почитания советских вождей.

«Национальным» операциям НКВД СССР посвящено исследование Н.Н. Аблажей, Н.А. Потаповой. Материалы ведомственного делопроизводства НКВД и внесудебных инстанций позволили авторам, показать что массовый террор был инициирован Политбюро ВКП(б), делегировавшему НКВД широкие карательные полномочия, санкционировавшему внесудебный характер репрессий и реализацию серии «линейных» карательных операций. Авторы полагают, что в период Большого террора в СССР в рамках «национальных» операций осуществлялись спланированные репрессивные акции, направленные на «изъятие» «иногражданского» и «инонационального» элемента, что привело к снижению численности диаспор.

Проблема депортаций является составной частью политических репрессий, направленных против целых народов, признанных государством неблагонадежными. Вопросам этногенеза и депортации ахыска-турков в Казахстан посвящена статья А.И. Құдайбергеновой, вопросы социальной и культурно-бытовой адаптации этнических депортантов и принимающего их сельского общества представлены в статье Т.К. Щегловой, устная история депортированных женщин в фокусе их адаптации в Казахстане показана З.Г. Сактагановой. Несомненным достоинством указанных выше публикаций являются их инновационные методологические подходы, применяемые авторами в исследовательской практике.

В статьях Д. Аманжоловой, Т. Красовицкой рассмотрены вопросы формирования этнополитической элиты и проекты федерального устройства тюркских этносов, впоследствии многие из представленных авторами персоналий оказались репрессированы в годы Большого террора.

Статьи-представления М. Шмидер и С. Асановой освещают события Великой Отечественной войны, исследования имеют региональный характер, учитывая актуальность представленного материала, мы сочли нужным включить их в тематический номер

*С уважением, ответственный редактор номера Н.Аблажей*



## **Levon Mirzoyan and Stanislav Redens: notes on the biography of the leaders of the Kazakh SSR (1937-1938)**

**DOI:** 10.31551/2410-2725-2019-5-2-133-150

### **Savin Andrey Ivanovich**

PhD in Historical Sciences, Senior researcher in Institute of History SB RAS, Novosibirsk (Russia).  
E-mail: a\_savin\_2004@mail.ru

### **Teplyakov Alexey Georgievich**

PhD in Historical Sciences, Senior researcher in Institute of History SB RAS, Novosibirsk (Russia).  
E-mail: teplyakov-alexey@rambler.ru

**Abstract.** The scientific and political biographies of the Soviet leaders remain one of the weak points of both Russian and foreign historiography. Even the biographies of the Soviet “first rank” figures can still be counted on the fingers of one hand, not to mention the representatives of the party-state and military elites who resided in the “shadow of the leader” and his closest associates. This publication focuses on the last period of life of two Bolshevik activists who have long since deserved their own biographers – party functionary Levon Mirzoyan and chekist Stanislav Redens. Fate brought them into contact not for long in Kazakhstan in 1938 as the leaders of the republic. Both of them are typical representatives of the Stalinist nomenclature, which took direct part in the implementation of the Great Terror and then became its victim. This article aims to study the functioning of informal structures and practices of party-state elites during the Great Terror on the basis of a number of documents introduced into scientific circulation for the first time, three of which are published as a documentary annex. Great attention is paid to the clan system and the cult-like worshipping of the Soviet leaders as a specific feature of the Bolshevik political culture. The authors agree with the opinion of a number of researchers who believe that it was the desire of I.V. Stalin to destroy the patronage-clientele relations and to introduce the practice of personal worship of the local leaders, which flourished on all levels of the Soviet political Olympus, which constituted one of the main reasons for the purge of Soviet elites.

**Keywords:** Levon Mirzoyan, Stanislav Redens, party-Soviet elites, political practices, clans, personality cults, the Great Terror

## **Левон Мирзоян және Станислав Реденс: Қазақ КСР басшылары өмірбаянының кейбір көріністері (1937-1938 жж.)**

### **Савин Андрей Иванович**

тарих ғылымының кандидаты, Ресей ғылым академиясы Сібір бөлімінің Тарих институтының аға ғылыми қызметкері (Новосібір қ., Ресей). E-mail: a\_savin\_2004@mail.ru

### **Тепляков Алексей Георгиевич**

тарих ғылымының кандидаты, Ресей ғылым академиясы Сібір бөлімінің Тарих институтының аға ғылыми қызметкері (Новосібір қ., Ресей). E-mail: teplyakov-alexey@rambler.ru

**Аңдатпа.** Кеңестік кәсемдердің ғылыми саяси өмірбаяндары ресейлік, сонымен қатар, шет елдік тарихнаманың әлсіз жақтарының бірі болып табылады. Тіпті «бірінші рангтағы» кеңес қайраткерлерінің өмірбаяндары санаулы ғана зерттелген. “Кәсемнің көлеңкесінде” және жанында қызмет еткен партиялық – мемлекеттік және және әскери элита өкілдерінің өмірбаяндары мүлдем зерттелмеген деуге болады. Бұл мақала екі большевистік қайраткерлер – партиялық – функционер Левон Мирзоян мен чекист Станислав Реденстің өмірлерінің соңғы сәттерін қарастырады. 1938 жылы тағдыр оларды Қазақстанда республиканың басшылары ретінде бірге қызмет етуге әсер етті. Олардың екеуі де Үлкен террорды жүзеге асырған сталиндік номенклатураның өкілдері болып, соның құрбаны болды. Мақаланың мақсаты – бұрын ғылыми айналымға енгізілмеген бірқатар құжаттардың негізінде, соның ішінде қосымша ретінде жарияланып үш құжатты пайдаланып, Үлкен террор кезеңіндегі формальды емес құрылымдардың қызметін және париялық мемлекеттік элитаның тәжірибесін зерттеу болып табылады. Мақалада большевиктік саяси мәдениеттің ерекше сипаты ретінде кеңестік кәсемдердің жеке басына табыну мен кландық жүйесіне ерекше назар аударылады. Авторлар И.В.Сталиннің кеңестік саяси Олимптің барлық қабаттарында орын алған жергілікті кәсемдерге табынушылықты және патронаждылықты жою мақсаты кеңестік элитаны тазалаудың басты себебі болғандығы туралы пікірде болған зерттеушілермен ойларын ұштастырады.

**Түйінді сөздер:** Левон Мирзоян, Станислав Реденс, партиялық-кеңестік элиталар, саяси тәжірибелер, жеке басқа танушылық, Үлкен террор.

## **Левон Мирзоян и Станислав Реденс: штрихи к биографиям руководителей Казахской ССР (1937-1938 гг.)**

**Савин Андрей Иванович**

канд. ист. наук, старший научный сотрудник, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск, Россия). E-mail: a\_savin\_2004@mail.ru

**Тепляков Алексей Георгиевич**

канд. ист. наук, старший научный сотрудник, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск, Россия). E-mail: teplyakov-alexey@rambler.ru

**Аннотация** Научные политические биографии советских вождей остаются одним из слабых мест как российской, так и зарубежной историографии. Даже биографии советских деятелей «первого ранга» все еще можно пересчитать по пальцам, не говоря уже о представителях партийно-государственных и военных элит, находившихся в «тени вождя» и его ближайшего окружения. Настоящая публикация посвящена последнему периоду жизни двух большевистских деятелей, которые уже давно заслужили своих собственных биографов – партийному функционеру Левону Мирзояну и чекисту Станиславу Реденсу. Судьба ненадолго свела их в Казахстане в 1938 г. в качестве первых лиц республики. Они оба являются типичными представителями сталинской номенклатуры, которая приняла непосредственное участие в реализации Большого террора и сама стала его жертвой. Цель публикации состоит в том, чтобы на основе ряда документов, ранее не вводившихся в научный оборот, три из которых публикуются в качестве документального приложения, изучить функционирование неформальных структур и практик партийно-государственных элит в период Большого террора. Большое внимание в публикации уделяется клановой системе и культу почитания советских вождей как специфической черте большевистской политической культуры. Авторы солидаризуются со мнением ряда исследователей, согласно которому именно стремление И.В. Сталина разрушить отношения патронажа и клиентелы и ввести в рамки персональные культы почитания местных вождей, расцветавшие на всех этажах советского политического Олимпа, являлось одной из главных причин чистки советских элит.

**Ключевые слова:** Левон Мирзоян, Станислав Реденс, партийно-советские элиты, политические практики, кланы, культы личности, Большой террор.

**УДК/UDC 343.43(574) «1937/1938»**

## **Левон Мирзоян и Станислав Реденс: штрихи к биографиям руководителей Казахской ССР (1937-1938 гг.)**

*А.И. Савин, А.Г. Тепляков*

**Введение.** В истории Казахстана 1930-х годов особую роль сыграли такие крупные представители союзного Центра, как партийный работник Л.И.Мирзоян<sup>1</sup> – первый секретарь республиканской организации ВКП(б) с января 1933 г. по май 1938 г., и чекист С.Ф.Реденс<sup>2</sup> – нарком внутренних дел Казахской ССР в феврале – ноябре 1938г. В центральных архивах все еще сохранилось значительное количество документов, касающихся этих исторических личностей, никогда не вводившихся в научный оборот. Три из них

<sup>1</sup> Мирзоян Левон Исаевич (1897–1939), чл. РСДРП(б) с 1917. Из крестьян, армянин. В 1920-25 – пред. Азербайджанского совета профсоюзов, нарком труда Азербайджанской ССР, секретарь Бакинского комитета КП(б) Азербайджана. В 1926-29 – первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана, в 1929-33 – секретарь Пермского окружкома ВКП(б), 2-й секретарь Уральского обкома ВКП(б). В 1933-38 – секретарь Казахстанского крайкома ВКП(б), первый секретарь ЦК КП(б) Казахстана. Арестован 23.5.1938, расстрелян 26.2.1939. Реабилитирован в 1956.

<sup>2</sup> Реденс Станислав Францевич (1892–1940), комиссар ГБ 1-го ранга (1935). Чл. РСДРП(б) с 1916. Из рабочих, поляк, образование неполное среднее. В органах ВЧК-НКВД с 1918. В 1931-33 – пред. ГПУ УССР. В 1933-38 – полпред ОГПУ и нач. УНКВД по Московской обл. С 1938 – нарком внутренних дел Казахской ССР. Арестован 21.11.1938, расстрелян 12.2.1940. Реабилитирован в 1961.

предлагаются здесь читателям. В двух случаях речь идет фактически о доносах на Мирзояна и Реденса, еще в одном – о воспоминаниях очевидца событий, хорошо знакомого с жизнью партийно-государственной элиты Казахстана периода Большого террора.

**Теоретико-методологические основания.** Научные политические биографии советских вождей остаются одним из слабых мест как российской, так и зарубежной историографии. Даже биографии советских деятелей «первого ранга» все еще можно пересчитать по пальцам, не говоря уже о представителях партийно-государственных и военных элит, находившихся в «тени вождя» и его ближайшего окружения. По сути дела, можно утверждать, что историография не справилась даже с задачей создания традиционных позитивистских биографий, в то время как «культурный» поворот в исторических исследованиях уже достаточно давно ставит задачу создания «новой биографической истории», открытой методологическим новациям современности (История через личность, 2010). Настоящая статья – лишь скромная попытка, показать, как могут выглядеть отдельные биографические сюжеты, где факты интерпретированы с акцентом на «новую культурную историю» и «проблемный» принцип.

**Обсуждение.** Историки Казахстана традиционно рассматривают выдвижение Левона Мирзояна как исправление сталинской верхушкой губительного решения, поставить во главе республики Ф.И.Голощекина<sup>3</sup>, осуществившего коллективизацию варварскими методами за счет принуждения кочевников к оседлости, что привело к массовому голодному среди казахов в начале 1930-х годов. Действительно, Мирзоян действовал более мягкими методами и способствовал развитию промышленности и культуры (Левон Мирзоян в Казахстане, 2001), но его продолжительное руководство Казахстаном пришлось не только на период смягчения советской внутренней политики, но и на Большой террор. Мирзоян продемонстрировал свое умение гибко соответствовать зигзагам сталинской политики. Так, Сталин 14 марта 1933 г. направил первому секретарю Казахского крайкома ВКП(б) Мирзояну следующий характерный ответ на его не менее типичную для той эпохи просьбу: «Против предложения об опубликовании ряда приговоров в местной печати не возражаем» (Хромов, 2009: 153). Эта инициатива Мирзояна была связана с резким скачком репрессий в регионах после указаний Сталина, данных в декабре 1932г. руководству ОГПУ, активизировать борьбу с «вредителями». Особые тройки и гражданские суды приговорили к расстрелу в 1933 г. в СССР множество людей, в т.ч. свыше тысячи человек было уничтожено в Казахстане. Поэтому в первые месяцы своей деятельности в качестве фактического руководителя Казахстана Мирзоян сначала действовал в духе Голощекина, а уже потом выполнял директиву ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 8 мая 1933 г. об ограничении произвольных арестов и ссылок крестьян местными властями, а также сокращении числа заключенных.

В 1937-1938 гг. Мирзоян стал одним из организаторов массовых террористических операций НКВД в республике. Историками опубликованы телеграммы Мирзояна на имя Сталина и Ежова, в которых он цинично выторговывал повышение расстрельных «лимитов», первоначально выделенных Казахстану в соответствии с приказом НКВД №00447. Так, 3 октября 1937г. Микоян запросил санкцию Москвы дополнительно расстрелять

<sup>3</sup> Голощекин Филипп Исаевич (1876 –1941), чл. РСДРП с 1903. Из семьи подрядчика, еврей. С 1912 чл. ЦК РСДРП(б). В 1917 – чл. Петроградского ВРК, в 1918 – чл. Пермского и Екатеринбургского Советов. В 1925-33 – первый секретарь ЦК компартии Казахстана. В 1933-39 – главный государственный арбитр СССР. Арестован 15.10.1939. Расстрелян 18.10.1941. Реабилитирован в 1961.

3.500 человек, 14 ноября 1937г. – расстрелять еще 2.000 человек и отправить в лагеря 3.000 человек. 1 декабря 1937 г. «для полной зачистки остатков» Мирзоян выторговал право расстрелять еще 600 человек и приговорить к заключению в лагерях тысячу человек. Но и этого оказалось мало: «в связи с вскрытием новых повстанческих и диверсионных групп в различных районах и приказом тов. Ежова о продлении срока зачистки антисоветских элементов», Мирзоян просил Сталина и Ежова предоставить дополнительный лимит вразмере 4.400 человек, из которых 900 человек предполагалось расстрелять и 3.500 человек – отправить в лагеря. Все запрошенные Мирзояном дополнительные лимиты были Казахстану предоставлены (Сталинский план по уничтожению народа, 2016).

Мирзоян был типичным представителем советской номенклатуры, верно служившим вождю и системе. Его личное крушение было обусловлено не столько какими-то конкретными ошибками в управлении подвластной территорией, сколько общей сталинской линией на кардинальную чистку советского правящего класса. Публикуемый здесь донос на Мирзояна, написанный одним из работников ЦК ВЛКСМ, наглядно показывает, что одной из главных причин этой чистки было стремление Сталина сломать сложившуюся клановую систему. Йорг Баберовски характеризовал эту систему кланов и клиентелы как «квазифеодальную»: «Советским Союзом правили квазифеодальные объединения лиц» (Баберовски, 2010: 743). В качестве подтверждения своей гипотезы Баберовски приводит выступление Сталина на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937г., где вечером 5 марта вождь обрушился с жесткой критикой на Л.И.Мирзояна, а также первого секретаря Ярославского обкома ВКП(б) А.Р.Вайнова и уже покойного Г.К.Орджоникидзе за формирование кланов, члены которых подбирались по принципу «личного знакомства, личной преданности, приятельских отношений, вообще по признакам обывательского характера». С трибуны пленума Сталин во всеуслышание предупредил свой «генералитет», что клановый метод подбора управленческих кадров – это «метод подбора небольшевистский, я бы сказал, антипартийный метод подбора людей, с этим методом товарищи должны покончить, пока не поздно» (Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 г., 1995, 12: 13). Г.М. Маленков, выступавший перед Сталиным, на утреннем заседании 5 марта 1937г., привел в качестве примера существующих кланов (Маленков использовал термин «артели», а вслед за ним и автор публикуемого здесь доноса) группы, сложившиеся вокруг первого секретаря Татарского обкома ВКП(б) А.К. Лепы и первого секретаря Восточно-Сибирского обкома ВКП(б) М.О.Разумова (Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 г., 1995, 10-11: 5-6). Здесь добавим, что клановая система стабильно воспроизводилась в регионах и ведомствах СССР и после эпохи Большого террора.

Еще одним весомым прегрешением Мирзояна в глазах Сталина, очевидно стал непомерно раздутый «культ личности», который сформировался вокруг Мирзояна в Казахстане. Именно формированию «культа личности» Мирзояна посвящен, наряду с клановой темой, публикуемый ниже документ. В случае с персональным культом Мирзоян не являлся, как и в случае с кланом, каким-то особым исключением из числа региональных руководителей. На том же февральско-мартовском пленуме 1937г. Маленков привел целый перечень случаев неуместного возвеличивания местных «вождей». Под огонь критики, наряду с Мирзояном и Вайновым, попали первый секретарь Челябинского обкома ВКП(б) К.В. Рындин и первый секретарь ЦК ВКП(б) Грузии Л.П. Берия. Но этими фамилиями перечень «культов» региональных вождей отнюдь не

ограничивался. Фактически вокруг каждого крупного партийно-советского деятеля в 1930-е годы формировался свой собственный культ, о чем наглядно свидетельствуют, в том числе массовые переименования населенных пунктов, улиц, промышленных предприятий, колхозов, совхозов и т.п. в честь большевистских вождей (Савин, 2015). Эта практика, начатая в 1920-е годы как стремление увековечить память погибших или умерших «товарищей», постепенно превратилась в 1930-е годы в один из инструментов формирования вождистских культов.

Специалисты в сфере истории диктаторских режимов XX века утверждают, что культы личности были одной из важных политических практик современных диктатур. Сандра Дальке полагает, что персональные культы играли существенную роль в деле легитимации большевистской власти и были значимым инструментом управления и мобилизации масс, а также выполняли интегрирующую функцию, связывая воедино коммунистическую партию и население (Dahlke, 2010: 77). Бенно Эннкер пишет о том, что Сталин восславлялся как главный герой и образец для всех советских граждан, но зачастую рядом с его именем назывались имена других героев, представлявших все сферы общественно-политической жизни (Ennker, 2010, 347-378).

Таким образом, сам по себе культ того или иного деятеля не мог быть основанием для гонений, если только его размеры не вступали в конкуренцию с почитанием самого Сталина. Баберовски утверждает, что политические «долгожители» Л.П. Берия и М.Д. Багиров умели инсценировать свои персональные культы как культы «второго ранга», которые не ставили под сомнение ранжирование в сталинской системе власти (Баберовски, 2010: 744). Мирзояну, возможно, не хватило чувства меры: автор доноса обоснованно выражает свое недоумение по поводу того, что спустя целый год после февральско-мартовского пленума Мирзоян не счел нужным отреагировать на сталинскую критику, сохранив при себе ключевых деятелей своей «артели», поименно перечисленных в марте 1937г. Сталиным, а также продолжал благосклонно воспринимать свое безудержное восхваление и возвеличивание в качестве «главного архитектора» всех достижений Казахстана.

О сборе компрометирующих материалов на Мирзояна говорит также факт, зафиксированный в воспоминаниях чекиста М.П. Шрейдера<sup>4</sup>: во время демонстрации в Алма-Ате 1 мая 1938г., накануне отъезда Мирзояна в Москву, «корреспонденты „Правды“ Козлов, „Известий“ Семеновкер, а также ряда других газет усиленно фотографировали, причем бросалось в глаза, что их особенно интересовали те колонны, над которыми плыли особенно большие портреты Мирзояна (большие по размеру, чем портреты Сталина), или где количество портретов Мирзояна было значительно больше<sup>5</sup>. Скорее всего, публикуемый здесь донос был передан генеральным секретарем ЦК ВЛКСМ А.В. Косаревым, как он и намеревался поступить, И.В. Сталину, сыграв свою роль в отъезде Мирзояна из Казахстана в мае 1938г. и его последующем аресте.

<sup>4</sup> Шрейдер Михаил Павлович (1902–1978, Москва), сотрудник ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД, заместитель народного комиссара внутренних дел Казахской ССР по милиции (1938), капитан милиции (1936). Чл. РКП(б) с 1919. Из семьи мещан, еврей, образование начальное. В органах ВЧК-НКВД с 1919, прошёл путь от рядового оперативного работника до заместителя наркома внутренних дел союзной республики. Арестован 16 июня 1938. Осужден в 1939 к 10 годам ИТЛ. Амнистирован в 1942, отправлен на фронт. Автор широко известных воспоминаний «Жизнь чекиста-оперативника».

<sup>5</sup> Архив НИПЦ «Мемориал» – Архив научно-исследовательского просветительского центра «Мемориал» – Архив НИПЦ «Мемориал». Ф. 2. Оп. 2. Д. 102. Л. 764.

Для сталинского свояка Станислава Реденс перевод в Казахстан был явным понижением после должности начальника УНКВД по Московской области. «Грех» Реденса состоял в том, что в 1937 г. он старался несколько ограничить размах репрессий и сосредоточился преимущественно на чисткестолочного уголовного элемента. Основную чистку номенклатуры в Москве проводил аппарат ГУГБ НКВД СССР, но Реденс был обязан вносить свою лепту в истребление потенциально опасных для власти лиц. Относительная безынициативность Реденса в проведении террора на фоне ежовских выдвиженцев, требовавших все новых лимитов на аресты и расстрелы, вызвала недовольство Сталина. В результате комиссар госбезопасности 1-го ранга потерял свой неформальный статус сталинского эmissара в органах ОГПУ-НКВД. Суровый родственник снял Реденса с почетной работы начальника столичного УНКВД и отправил в Казахстан, что оказалось предвестием окончательного падения заслуженного чекиста.

Публикуемый нами донос на Реденса одного из его подчиненных показывает, что в Казахстане этот старый чекист, искушенный в политических интригах и прекрасно знающий, что требовал от него Сталин, повел себя осторожно и не проявлял инициативы в терроре. Это же подтверждают известные мемуары М.П. Шрейдера, занимавшего в Казахстане пост заместителя Реденса по милиции. Надо полагать, опыт подсказывал Реденсу, что за чудовищные масштабы «перегибов» Большого террора чекистам придется рано или поздно ответить, поэтому, с одной стороны, он старался исполнять установки Центра, с другой – перекладывал карательную инициативу на плечи подчиненных. Будучи позднее вынужден признать свое участие в мифическом «заговоре» Ежова, Реденс в своих показаниях от 14 мая 1939 г. собственноручно написал: «Ежов дал мне следующее задание, нажать на корейцев, которые были переселены в Казахстан из Дальнего Востока, и для этой цели, он сказал, что дает мне новых лимитов 10 тыс. по первой категории. То есть расстрелять можно 10 тыс. корейцев. О [прежнем наркоме внутренних дел] Залине он сказал только, что он там сидит очень давно и что он там делает, неизвестно, дальше он сказал: нажать на альбомные операции<sup>6</sup>, и потом, когда я приеду на место [тогда] и напишу ему о положении в Казахстане. Больше никаких заданий я не получил»<sup>7</sup>.

Также во время следствия Реденс признал, что в Казахстане он санкционировал расстрел четырех тысяч человек «без достаточных оснований». Сам он избегал участвовать в избиениях, но подчиненным давал необходимые инструкции. Как вспоминал бывший заместитель П.В. Володзько, на вопрос, как быть, если нет оснований для ареста, Реденс ответил: «Нужно бить беспощадно, тогда будут сознаваться» (Дворкин, 1962). Арестовав основные руководящие кадры республики, включая чекистско-милицейский аппарат, скомпрометированный арестом бывшего наркома Л.Б. Залина<sup>8</sup>, а также нанеся опустошительный удар по интеллигенции, Реденс, тем не менее, не смог вернуть расположения вождя. Причастность к семейному клану не помогла, Сталина переиграть не удалось, в связи с чем, Реденс оказался обвинен в причастности к «заговору» Ежова и приговорен к расстрелу.

<sup>6</sup> То есть массовых операций НКВД по репрессированию национальных меньшинств.

<sup>7</sup> ЦА ФСБ. Архивно-следственное дело на С. Ф. Реденса № 975047 в 2 тт. Т. 1. Л. 203–243

<sup>8</sup> Залин (Левин) Лев (Залман) Борисович (Маркович) (1897–1940), комиссар ГБ 2-го ранга (1935). Из семьи приказчика, еврей. С 1918 – в органах ВЧК-НКВД, работал в Особых отделах и ЭКУ ВЧК. В 1930–31 – зам. начальника Особого отдела ОГПУ. С авг. 1931 – зам. полпреда ОГПУ по Средней Азии. С янв. 1935 – нач. УНКВД Казахской АССР, затем – нарком внутренних дел Казахской ССР. С марта по июнь 1938 – нач. 9-го отдела 1-го Управления НКВД СССР (наблюдение за торговлей, заготовками и сельским хозяйством). Арестован 7.6.1938, расстрелян 22.1.1940. Не реабилитирован.

В его следственном деле сохранился весьма примечательный донос одного из подчиненных, относящийся к периоду, когда новое руководство НКВД СССР в лице начальника ГУГБ и первого заместителя Ежова Л.П. Берии, затребовало от чекистов как можно больше компрометирующих материалов на крупных чекистов-«ежовцев». Речь идет о заявлении начальника УНКВД по Карагандинской области Н.Е. Кустова на имя Н.И. Ежова от 9 ноября 1938 г., которое мы здесь публикуем (с некоторыми сокращениями, обусловленными состоянием доступной копии). Предчувствовавший наступление чистки среди активных проводников террора, Кустов решил сообщить наркому компрометирующие материалы на Реденса, особо подчеркнув его польскую национальность. Однако при новом наркome – Л.П. Берии – Кустов сам был признан «отработанным материалом» и репрессирован (достоверных сведений о его расстреле после вынесения смертного приговора не имеется).

Письмо Н.Е. Кустова демонстрирует не только нравы в чекистском ведомстве и обостренное чутье чекистов, ходивших по лезвию ножа. Оно наглядно показывает личные качества наркома внутренних дел Реденса, который обращался с подчиненными как со своими крепостными, демонстрируя привычное чиновничье хамство. Характерно, что в мемуарах Шрейдера, для которого казахстанский нарком был образцом чекистских и человеческих добродетелей, также фигурируют эпизоды, показывающие Реденса интриганом и грубияном. Акцент, сделанный в доносе на решение дел в узком кругу доверенного окружения, привезенного Реденсом из Москвы, перекликается с клановой темой в доносе на Мирзояна.

Фигуры Мирзояна и Реденса в определенной степени связывают воспоминания М.П. Шрейдера, который не только хорошо знал Реденса, но по иронии судьбы оказался в одной камере с Л.И. Мирзояном и подробно рассказал о мучениях своего сокамерника, упомянув важный эпизод с допросом Мирзояна в застенке лично членами Политбюро ЦК ВКП(б) (Шрейдер, 1995: 169–176, 178–179). Но Шрейдер также сохранил немало живых подробностей о быте партийно-советской и чекистско-милицейской верхушки Казахстана конца 1930-х годов. Мы публикуем эпизод из его обширных мемуаров, не вошедший в свое время в отдельную книгу. Он связан с широким чествованием в 1938 г. самого известного казаха той эпохи – легендарного акына Джамбула Джабаева, который, после смерти в 1937 г. дагестанского ашуга Сулеймана Стальского, был сделан символом расцвета национальных литератур в советских республиках. История, сохраненная Шрейдером, в юмористическом виде показывает столкновение традиций разных культур и вынужденное подчинение приезжей номенклатуры непривычным для нее обычаям патриархального общества. Также она сообщает любопытные подробности привилегированного существования Джамбула, который, в полном соответствии с восточными традициями, без каких-либо комплексов воспринял свое положение певца достижений сталинского руководства. Джамбул восхвалял как расцвет Казахстана под лучами «Сталинской Конституции», так и борьбу с «врагами народа» в «Песне о батыре Ежове», выражая удовлетворение, что, несмотря на маскировку, враги разоблачены («Шпионы оделись в народный чапан, Шпионы: Исаев<sup>9</sup> и Мирзоян») (Джамбул Джабаев: Приключения казахского акына, 2013).

<sup>9</sup> Исаев Ураз Дзанжакович (1899–1938), член РКП(б) с 1920. Казах, образование начальное. В 1921–22 – сотрудник Уральской губЧК. С 1928 – второй секретарь Казкрайкома ВКП(б). В 1929–38 – пред. Совнаркома Казахской АССР-СССР. В 1937–38 – член республиканской тройки НКВД. Арестован 31.5.1938, расстрелян 29.8.1938. Реабилитирован в 1956.



**Выводы.** Таким образом, введенные в научный оборот документы показывают разные формы существования партийной, чекистской и культурной номенклатуры Казахстана эпохи Большого террора, а также функционирование неформальных структур и практик партийно-государственных элит в период Большого террора. Большое внимание в публикации уделяется клановой системе и культу почитания советских вождей как специфической черте большевистской политической культуры. Авторы солидаризуются со мнением ряда исследователей, согласно которому именно стремление И.В. Сталина разрушить отношения патронажа и клиентелы и ввести в рамки персональные культы почитания местных вождей, расцветавшие на всех этапах советского политического Олимпа, являлось одной из главных причин чистки советских элит.

### Документальное приложение

#### № 1

**Докладная записка ответственного инструктора ЦК ВЛКСМ Позднякова  
генеральному секретарю ЦК ВЛКСМ А.В. Косареву  
об «обстановке восхваления в Казахстане»**

[г. Москва]

14 февраля 1938 г.

Как член партии, хочу высказать свои замечания в отношении существующей обстановки восхваления в Казахстане.

Видимо, много еще подхалимствующих людей в Казахстане.

Такую обстановку восхваления я еще нигде не видел в областях. Тем более – это удивительным становится – после решений февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б).

Я уже не говорю о том, что на территории Казахстана, во всех общественных местах, везде и всюду обильное количество, развешены портреты руководителей Казахстана.

Например, десять дней не прошло после выборов в Верховный Совет СССР, как через несколько дней в газете «Казахстанская правда» в первых числах января [1938 г.] печатается речь тов. Мирзояна, произнесенная «на совещании директоров совхозов» с портретом. Через 3 дня – 6-го января печатают речь на пленуме Алма-Атинского обкома – опять с портретом.

Скромности не хватает у некоторых областных работников. Вот газета «Ленинское знамя» – орган Северо-Казахстанского обкома КП(б)К – в номере от 26/XI-37 г. дается материал с крупной шапкой – т. Нурпеисов<sup>10</sup> «организатор и воспитатель комсомола Казахстана».

Видимо, редактор газеты не знает, что организатором и воспитателем комсомола является большевистская партия, Ленин и Сталин.

Автор не в меру старается восхвалять т. Нурпеисова как «воспитателя комсомола Казахстана». Он пишет: «Нельзя так просто передать все те качества организатора и руководителя, которыми обладает тов. Нурпеисов».

Так, некоторые комсомольские руководители тоже стараются подражать некоторым подхалимствующим элементам.

<sup>10</sup>Нурпеисов Садык Нурпеисович (1904–1939), партийный деятель, чл. РКП(б) с 1925. Казах, образование начальное. В 1925–27 зав. орготделом Казахского крайкома ВЛКСМ. В 1927–29 – первый секретарь Казахского крайкома ВЛКСМ. В 1932–34 – второй секретарь Карагандинского обкома ВКП(б). В 1934–37 – второй секретарь Казахского крайкома ВКП(б). В 1937 – и. о. 2-го секретаря ЦК КП(б) Казахстана. В 1937–38 – второй секретарь ЦК КП(б) Казахстана. С мая 1938 в распоряжении ЦК ВКП(б). Арестован 1.11.1938, расстрелян. Реабилитирован в 1956.

Например: в выступлениях на съезде некоторые руководители комсомола начинали свою речь так: «Мы обязаны, исходя из указаний Центрального комитета товарища Сталина и тов. Мирзояна...».

При нас было созвано общегородское комсомольское собрание в г. Алма-Ата. На это собрание явился т.Мирзоян. Просто невозможно описать то, что творилось на этом собрании. Каждое упоминание имени тов. Мирзояна встречалось стоя, бурными аплодисментами, выкриками «ура», лозунгами и исполнением (музыки) Интернационала.

На этом собрании, выступая от [имени] комсомольской организации строителей, активист (фамилию его не помню) произнес примерно такую речь: «Кто из аулов сделал цветущие колхозы? Лион Исаич<sup>11</sup> Мирзоян». В таком духе перечислял все достижения Казахстана. И никто его не поправил.

На этом собрании дошло до того, что начали выкрикивать лозунги: «Да здравствует заместитель председателя ЦИКа Казахстана тов. ...»<sup>12</sup>.

Вообще, как правило, заведено [–] на всех торжественных заседаниях, собраниях и в почетный президиум избирается после членов Политбюро [ЦК ВКП(б)] тов. Мирзоян.

У меня создалось такое впечатление, слушая речи, читая газеты, разговаривая с людьми, присутствуя на собраниях[:] здесь воспитывается часть людей в таком понимании, что Казахстанский народ<sup>13</sup> добился счастливой жизни благодаря [работе] т. Мирзояна, и мало упоминается, что все это достигнуто под руководством нашей партии Ленина-Сталина и ее Центрального комитета.

В воспитательной работе комсомола тоже имеется этот крупнейший недостаток.

Видимо, такая обстановка нескромности еще сохранилась в Казахстане потому, что «артель тов. Мирзояна» – о которой говорилось на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) – в большинстве своем еще сохранилась на крупнейших руководящих постах в Казахстане, которые в свою очередь имеют немало «своих людей» в областях, я некоторых перечислю:

Первый секретарь Северо-Казахстанского ОК КП(б)К – т. Кузнецов<sup>14</sup>.

Первый секретарь Восточно-Казахстанского обкома – т. Свердлин<sup>15</sup>.

Первый секретарь Карагандинского обкома – т. Пинхасик<sup>16</sup>.

<sup>11</sup> Так в тексте.

<sup>12</sup> Многоточия в документе.

<sup>13</sup> Так в тексте.

<sup>14</sup> Кузнецов Николай Семенович (1898–1967), чл. РСДРП(б) с апр. 1917. Русский. Участник гражданской войны, учился в Комуниверситете им. Я. М. Свердлова, Уральском политех. институте и Ин-те красной профессуры. В 1929–30 – ответструктор ЦК ВКП(б), пом. заведующего Орг.-инструкторским отделом ЦК ВКП(б). В 1935–36 – зав. сельхозотделом Северо-Казахстанского обкома ВКП(б). В 1936–37 – первый секретарь Кустанайского обкома ВКП(б), член тройки при УНКВД. Снят в октябре 1937, с ноября 1937 по май 1938 – и. о. 1-го секретаря Северо-Казахстанского обкома ВКП(б). Арестован 21.5.1938, осужден 26.10.1940 к 10 годам ИТЛ. Освобожден в 1947, до выхода на пенсию работал в лесном хозяйстве.

<sup>15</sup> Правильно: Свердлов Саул Маркович (1902–1938), чл. РКП(б) с 1919. Уроженец Курска, из семьи торговца, еврей. Участник гражданской войны в Туркестане. Работал вместе с Мирзояном в Баку и на Урале. В 1934–1938 – первый секретарь Восточно-Казахстанского обкома ВКП(б), чл. тройки УНКВД. Депутат Верховного Совета СССР 1-го созыва. Арестован 19.3.1938, 28.8.1938 приговорен к ВМН, расстрелян. Реабилитирован в 1956. Упомянут Сталиным на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 г. в составе «артели» Мирзояна.

<sup>16</sup> Пинхасик Гдалий Исаакович (1897–1951), чл. РКП(б) с 1918. Уроженец Одессы, еврей, образование среднее. В 1919–20 – следователь СибЧК и нач. Верхнеудинского облотдела Госполитохраны ДВР, в 1923–30 – на руководящей партийной работе в Новониколаевске и Омске. В 1930 – ответсекретарь Рыбинского окружкома ВКП(б), в 1930–33 – секретарь Уралобкома ВКП(б). С февраля 1933 – зам. зав., зав. агитмассовым отделом, зав. промышленно-транспортным отделом, 3-й секретарь Казахстанского крайкома ВКП(б). С авг. 1936 – первый секретарь Оргбюро ЦК ВКП(б) по Карагандинской обл. С мая 1937 – первый секретарь Карагандинского обкома ВКП(б), чл. тройки УНКВД. Арестован 22(28?).5.1938. Осужден 26.10.1940

Второй секретарь Алма-Атинского обкома – т. Юсупов.

Зав. ОРПО ЦК КП(б)К – т. Ариев.

Зам. Наркомзема – т. Панкратов.

В частных беседах партийные работники разговаривают об «артели». Но, видимо, критика здесь совсем не в почете, в чем я убедился на примере истории с разоблачением Досова<sup>17</sup> в Чимкенте, о котором я уже Вам писал в своем письме из Казахстана.

О ряде партийных работников в системе выдвижения людей на партработу я Вам писал в прежних письмах<sup>18</sup>.

*Ответ. инструктор ЦК ВЛКСМ (подпись)*

*Поздняков.*

РГАСПИ. Ф. 1-М. Оп. 23. Д. 1285. Л. 55–57. Машинописный подлинник. Подпись Позднякова – автограф. На тексте имеются делопроизводственные пометы: «мс-2. – 1 экз. уничтожен. (подпись неразборчива)».

## Документ № 2

**Письмо начальника УНКВД по Карагандинской области Н. Е. Кустова наркому внутренних дел СССР Н. И. Ежову о поведении наркома внутренних дел Казахской ССР С. Ф. Реденса**

г. Караганда

9 ноября 1938 г.

Народному комиссару внутренних дел Союза ССР,

Генеральному комиссару государственной безопасности товарищу Ежову Н. И.

От начальника Карагандинского областного управления НКВД младшего лейтенанта госбезопасности Кустова Н.Е.<sup>19</sup>

Уважаемый Николай Иванович!

Убедительно прошу прочесть мое письмо до конца. Речь идет о непартийном поведении наркома внутренних дел Казахстана, комиссара государственной безопасности первого ранга тов. Реденс.

[...] В феврале месяце этого года вместо Залина приехал новый нарком товарищ Реденс.

В первый период работы Реденс произвел на нас неплохое впечатление: простой, внимательный к аппарату человек, заходит в кабинеты к рядовым

к 8 годам ИТЛ. Реабилитирован в 1955. Упомянут Сталиным на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 г. в составе «артели» Мирзояна.

<sup>17</sup> Досов Абиляхир Исакович (1899–1938), чл. РКП(б) с 1919. Казах, образование начальное. В годы гражданской войны – подпольщик, партизан. В 1919–20 – чекист, пред. Кокчетавской уездной ЧК. В 1934–36 – первый секретарь Актюбинского обкома, в 1936–37 – первый секретарь Южно-Казахстанского обкома ВКП(б), чл. тройки УНКВД. Арестован 28(26?). 11.1937, осужден 8.3.1938 к расстрелу. Реабилитирован в 1956 «за недоказанностью состава преступления».

<sup>18</sup> На первой странице письма красным карандашом наложена резолюция (автограф) А. В. Косарева: «Надо направить т. Андрееву и т. Сталину. А К».

<sup>19</sup> Кустов Николай Евстафьевич (1904–1940?), мл. лейтенант ГБ (1936). Чл. ВКП(б) с 1930 (чл. ВЛКСМ с 1923). Уроженец Вологодской обл., из крестьян-середняков, русский. Образование среднее. Работал зав. магазином, зам. пред. РИК, зав. райземотделом. С 1931 – в органах ОГПУ-НКВД Казахстана: уполномоченный ЭКО, нач. отделения ЭКО; нач. кооперативного отдела ПП ОГПУ – УНКВД по Казахстану (с авг. 1933). С 1936 – зам. нач. СПО УГБ НКВД КазССР, награжден знаком «Почетный работник ВЧК-ОГПУ» (9.5.1938). С июля 1938 – врид начальника, с дек. 1938 по янв. 1939 – нач. УНКВД по Карагандинской обл. С 7.4.1939 уволен из НКВД, арестован. Осужден 16.8.1940 Военным трибуналом войск НКВД Казахской ССР по ст. 193-17 п. «б» УК РСФСР (за фабрикации дел) к расстрелу.

работникам, беседует, вникает в детали работы, расспрашивает об условиях работы и тому подобное.

Так было приблизительно с месяц. После этого товарищ Реденс просто стал неузнаваем и удивлял многих своим непартийным отношением к аппарату.

Приходящие к нему на доклад работники, как правило, получали вместо указаний, даже по пустяковым вопросам, отборный мат, ругань, оскорбления и нередко случаи, когда товарищи выгонялись из кабинета.

В частности, товарищ Мешков<sup>20</sup> (бывший мой заместитель, которого вы назначили на должность начальника особого отдела Первой Дальневосточной армии) за то, что он высказал свое нежелание ехать на работу в Караганду и просил назначение в другое место, – был обруган матом, обозван лентяем, дураком, не большевиком и выгнан из кабинета.

Разговор по телефону с работниками, как правило, сопровождается подобными же словами. На звонок к нему по телефону после двух часов ночи, с разрешением зайти с бумагами на подпись, получаешь как правило ответ: «я вам не лошадь, давайте потом». Кстати, бумаги, даваемые т. Реденс на подпись, за редким исключением [, им не] прочитываются и в большинстве подписываются не читая.

В конце июля сего года товарищ Реденс вместе с секретарем ЦК КПБК т.Скворцовым<sup>21</sup> приехали в Караганду (пробыли у нас полтора дня). Характерно, что в аппарате областного управления товарищ Реденс был всего лишь два часа – вызвал начальника третьего отдела товарища Коновалова<sup>22</sup>, просмотрел несколько [агентурных] разработок, дел-формуляров<sup>23</sup> и все.

Начальник 4[-го] отделения<sup>24</sup>, другие начальники оперативных отделений и начальник облуправления милиции приняты не были совершенно и наркома не видели. [...] Приготовленные материалы для доклада наркому по следствию, агентуре и другим вопросам – остались не доложенными, и на это я получил ответ: «потом напишешь», тогда как времени было достаточно и нарком со своим секретарем, не выходя из-за стола в доме отдыха, по 4-5 часов играли в шахматы.

Характерно и то, что за 4,5 месяца моей работы в области все директивные указания из наркомата [внутренних дел Казахстана] как правило идут за подписью начальников отделов и только два-три получены за подписью наркома.

16 сентября 1938 года я получил разрешение наркома – вылететь самолетом к нему с докладом. Мне как молодому начальнику областного управления необходимо было получить указание по ряду вопросов.

Во время доклада ни по следственным делам, ни по агентуре от наркома я никаких замечаний не получил. Докладывая о бытовом положении рабочих на Балхаше, мною были доложены недостатки в жилищном строительстве, в частности, то, что работающие на Балхаше 900 человек осужденных

<sup>20</sup> Мешков Николай Михеевич (? - ?), ст. лейтенант ГБ (1936). В 1937 – нач. 2-го отделения 5-го (Особого) отдела УГБ НКВД Казахской ССР, с 10.8.1937 – нач. 3-го отделения КРО УГБ НКВД КазССР. С 11.12.1937 – зам. нач. УНКВД по Северо-Казахстанской обл. С 1949 – зам. нач., нач. Ухто-Ижемского ИТЛ (и на 1953), подполковник. Награжден знаком «Почетный работник ВЧК-ОГПУ» (9.5.1938).

<sup>21</sup> Скворцов Николай Александрович (1899–1974), партийный деятель, чл. РКП(б) с 1919. Из крестьян, русский, образование высшее. С 1918 в РККА, с 1921 – на партийной и сов. работе. С 1933 – в отделе руководящих парторганов ЦК ВКП(б). С 7.5.1938 – второй секретарь, с 16.5.1938 по 1945 – первый секретарь ЦК КП(б) Казахстана. В 1947-53 – министр совхозов СССР. Член ЦК ВКП(б) в 1939-52. С 1966 на пенсии.

<sup>22</sup> Вероятно, Коновалов Сергей Александрович (? - ?), лейтенант ГБ (1936), чл. ВКП(б) с 1925.

<sup>23</sup> Досье.

<sup>24</sup> Секретно-политическое, занимавшееся политическим сыском.

карлаговцев живут до сих пор (сентябрь) в палатках и что с наступлением осенних заморозков их переселять некуда.

Стоит вопрос так, или их отправлять обратно в Карлаг [НКВД] и еще больше обострить положение с недостатком рабочей силы, или надо их расселять по квартирам, чего администрация комбината сделать не может. В связи с этим решение Балхашского ГК<sup>25</sup> КПБК и распоряжением директора комбината было предложено – расселить карлаговцев в землянках, которые могут быть вырыты в течение двух недель (половина домиков в земле, стены забиты тесом, а окна и крыши – на поверхности), по этому вопросу я просил указание наркома, можно ли так строить. Услышав это, товарищ Реденс буквально вышел из себя, стал на меня кричать, стучать кулаком по столу, ругать матом, обозвал вологодским дураком (я родом из Вологды), сволочью и еще целым рядом подобных эпитетов.

Я был настолько поражен его поведением, что не нашелся даже что ответить.

На второй день я был вызван наркомом и мне была устроена вторая «баня» за то, что мой помощник выслал в наркомат протокол допроса одного арестованного плохо откорректированным<sup>26</sup>. Я был обозван лентяем, барином, идиотом и тому подобное. При этом присутствовали: начальник 3[-го] отдела<sup>27</sup> УГБ капитан госбезопасности товарищ Виктор<sup>28</sup>, начальник 8[-го] отдела УГБ лейтенант госбезопасности товарищ Гитлин<sup>29</sup>, начальник 9[-го]<sup>30</sup> отдела УГБ младший лейтенант госбезопасности товарищ Ка[д]яев<sup>31</sup> и начальник 4[-го] отдела УГБ старший лейтенант госбезопасности товарищ Павлов<sup>32</sup>, которые были не меньше моего удивлены руганью т.Реденс и, в частности, товарищ

<sup>25</sup> Городского комитета.

<sup>26</sup> В тогдашней обстановке «откорректированный» протокол представлял собой принципиально измененный текст протокола допроса арестованного, куда произвольным образом вносились сведения о всевозможной «контрреволюционной деятельности» обвиняемого и его знакомых. Ложной и провокационной «корректировкой» допросов важных арестованных лично занимались начальники отделов управления НКВД и нередко сам начальник УНКВД.

<sup>27</sup> Контрразведывательного.

<sup>28</sup> Виктор Александрович (1898 – ?), капитан ГБ (1935). Чл. РКП(б) с 1921. Уроженец Москвы, русский, образование неполное среднее. Солдат Французского иностранного легиона; служил в армии Врангеля. С 1933 до июля 1937 – пом. нач. 2-го, нач. 3-го отделения СПО, пом. нач. СПО УНКВД по Московской обл. В 1937 – пом. нач., врид нач. отдела УГБ УНКВД по Ивановской промобл. С февр. 1938 по 1.3.1939 – врид нач. 3-го отдела УГБ НКВД Казахской ССР, с 16.3.1939 уволен из НКВД вовсе. Арестован 19.4.1939. Осужден 3.6.1940 ОСО при НКВД СССР на 5 лет заключения. С 19.4.1943 освобожден, работал в системе ГУЛАГа НКВД-МВД СССР.

<sup>29</sup> Гитлин Ефим Давыдович (1903–1943), лейтенант ГБ (1936). Чл. компартии с 1924. Уроженец Гомеля, еврей. В органах ВЧК-НКВД с 1921. Сотрудник УГБ УНКВД по Казахской АССР, с 1937 – пом. нач. КРО УГБ НКВД Казахской ССР, до апр. 1939 – врид нач. 8-го отдела (надзор за оборонной промышленностью) 1-го управления НКВД Казахской ССР. Награжден орд. Красной Звезды (1937). В апреле 1939 уволен из НКВД за невозможностью дальнейшего использования. Жил в Чимкенте, в июне 1941 мобилизован в РККА. Был замполитом 368-го полка 149-й стр. дивизии 65-й армии, майор; погиб в бою в Лоевском р-не Гомельской обл. 27.10.1943.

<sup>30</sup> Контролировал сельскохозяйственные предприятия.

<sup>31</sup> Кадяев Петр Васильевич (1901–1967), полковник ГБ (1943). Чл. РКП(б) с 1920. Уроженец Пензенской губ., русский. Из бедных крестьян, образование неполное среднее. В 1920 служил в РККА, затем в ВЧК-НКВД (с перерывом в 1924–30). С 1930 работал в Гурьевском окротделе ГПУ, нач. ЭКО Западно-Казахстанского облотдела ГПУ. В 1937–38 – нач. 4-го и 6-го отделений КРО УГБ НКВД КазССР; с сент. 1938 – нач. 9-го отдела НКВД КазССР, нач. 3-го отдела ЭКУ НКВД КазССР. С дек. 1939 – нач. УНКВД по Семипалатинской обл. В 1941 – зам. НКВД КазССР. С авг. 1941 – нач. Транспортного отдела НКВД-НКГБ Карагандинской, Калининской и Казанской ж. д. С февр. 1948 – нач. УМГБ по Красноярскому краю, с авг. 1949 – зам. нач. управления охраны МГБ Ярославской ж. д., нач. охраны МВД Северной ж. д. С февр. 1954 на пенсии.

<sup>32</sup> Павлов Николай Александрович (1903 – ?), ст. лейтенант ГБ (1936). Чл. РКП(б) с 1919. Уроженец С.-Петербурга. В органах ВЧК-НКВД с 1919. До 1936 – зам. нач. СПО УГБ НКВД Казахской АССР, с авг. 1936 – нач. УНКВД по Кустанайской обл. В 1938–39 – нач. СПО УГБ НКВД КазССР, с 13.4.1939 уволен вовсе из НКВД. Арестован 4.5.1939, осужден 30.10.1939 ВТ войск НКВД Казахской ССР на 15 лет заключения. Возможно, амнистирован в годы войны. Реабилитирован в июле 1999.

Павлов после этих указаний мне прямо заявил: «Я ничего не понимаю, почему нарком на тебя так набросился».

В наркомате я пробыл 3 дня, после чего вылетел в Караганду. Кстати, я просил наркома – разрешить мне остаться в Алма-Ате еще на один день и сделать рентгеновские снимки, так как в Караганде снимков сделать нет возможности. У меня камень почечных лоханок. В начале августа я 5 дней болел и только присланный заместителем наркома товарищем Володзько<sup>33</sup> из Алма-Аты самолетом врач избавил меня от операции. Врач предложил обязательно сделать рентгеновские снимки с тем, чтобы определить возможность дальнейших осложнений.

На эту просьбу мне товарищ Реденс грубо ответил (дословно): «Какое мне дело до твоих почек, немедленно вылетай обратно, чтобы завтра духу твоего здесь не было». Я вылетел в Караганду, не сделав рентгеновских снимков.

Надо сказать, что за всю свою жизнь я ни разу не был в отпуске, никогда не был на курортах и сейчас на этом не настаиваю, несмотря на то, что здоровьем похвалиться не могу.

Я считаю, поскольку врачи требуют сделать рентгеновские снимки с тем, чтобы избежать повторных осложнений, один день для этого мне дать было можно и нужно.

Карагандинская область одна из первых в Казахстане выполнила план хлебосдачи и оказала по решению ЦК КПБК помощь автомашинами Северо-Казахстанской области, куда заброшено из нашей области 240 автомашин и 440 шоферов.

Аппарат НКВД был также ориентирован на помощь партийным советским организациям в выполнении плана хлебосдачи.

В связи с этим я ежедневно доносил наркому, как выполняется план и наши оперативные мероприятия.

16 октября 1938 года я позвонил товарищу Реденс по телефону и доложил ему, что план хлебосдачи по области на 15 октября выполнен на 94 % (не считая натуральной оплаты, которая учитывалась отдельно, так как тракторный парк МТС работал еще в колхозах и план шел нарастающим итогом<sup>34</sup>).

Услышав это, нарком по радиотелефону меня выругал, обозвал дураком и что я не умею считать, что Советская власть меня учила в вузе напрасно и, наконец, заявил, что он со мной больше разговаривать не желает. На второй день, 17 октября, обком партии и Заготзерно донесли в ЦК КПБК и Казсовнарком [про] выполнение плана по области на 15 октября 1938 года на 94,2 % (без натуральной оплаты).

Спрашивается, за что я был выруган?

Подобное обращение наркома с подчиненным ему аппаратом известно многим, но люди боятся об этом прямо заявить. Грубость т. Реденс могут подтвердить товарищи Мешков, Гладков<sup>35</sup>, Ка[д]яев, Горбунов<sup>36</sup> и многие другие, кто сталкивался с ним в работе.

<sup>33</sup> Володзько Павел Васильевич (1888–1951), майор ГБ (1935). Чл. РКП(б) с 1918. Уроженец Слуцка, белорус. Из ремесленников, образование среднее. С 1918 служил в органах ВЧК-НКВД. С 1932 в Казахской АССР: нач. Алма-Атинского облотдела ГПУ, второй зам. ПП ОГПУ по Казахстану; с 1934 – зам. нач. УНКВД по Казахской ССР. В 1937-39 – зам. наркома внутренних дел Казахской ССР. Награжден орд. Красной Звезды (1937). Арестован 7.1.1939, осужден 8.5.1939 по ст. 58-1а, 8, 11 УК РСФСР на 15 лет ИТЛ. Умер в лагере 9.3.1951 (Воркута), не реабилитирован.

<sup>34</sup> Т. е. план продолжал выполняться.

<sup>35</sup> Гладков Тимофей Иосифович (1900 – ?), ст. лейтенант ГБ (1936). Чл. РКП(б) с 1919. Из крестьян, белорус, образование начальное. В органах ВЧК-НКВД с 1919. С 1930 – нач. Шевченковского окротдела ГПУ УССР. В 1931-34 – нач. Пензенского оперсектора ГПУ. В 1934-36 – нач. Кооперативного отдела ПП ОГПУ – УНКВД по Челябинской обл. и УНКВД по Крыму. С 25.3.1936 по 17.11.1938 – зам. нач. ЭКО-КРО УГБ УНКВД по

Товарищ Сталин учит нас любовно относиться к кадрам, умело их воспитывать и заботливо выращивать.

Вы лично внесли совершенно новую линию в нашу чекистскую жизнь – это партийность в работе. Отношение же т. Реденс к молодым работникам (которое я испытывал на себе) – конечно, не партийное.

Я знаю, что товарищ Реденс старый большевик, член партии с 1914 года, член ревизионной комиссии ЦК ВКП(б), депутат Верховного Совета СССР, орденоси́нец – и тем более такие факты ему не к лицу.

Поведение товарища Реденс меня просто сбивает с толку, я давно думаю над этим и не могу понять – чем вызвано подобное отношение к подчиненным ему товарищам.

Я не могу говорить о большем, так как совершенно не имею никаких фактов, но здесь все же должен сказать, что с приездом товарища Реденс были разговоры в аппарате и по следующему фактору: товарищ Реденс привез с собой трех работников, это – Байкович, который поставлен на должность начальника бывшего 8 отдела УГБ (УСО<sup>37</sup>), где сосредоточены все материалы НКВД, товарищ Козин<sup>38</sup> – начальник инспекции при наркомате, где сосредоточен весь учет агентуры, и Светлов<sup>39</sup> – личный секретарь.

Эта расстановка позволяет иметь в руках буквально все и по агентуре, и по следствию. Особенно до вашего приказа №00642 об отмене централизованного карточного учета агентуры<sup>40</sup>, на который почему-то т. Реденс обращал особое внимание и чрезвычайно интересовался – вся ли агентура взята на централизованный учет<sup>41</sup>.

Вы знаете, что т. Реденс поляк.

Мне помнятся разговоры т. Реденс со мной в начале его приезда. Он знал, что я окончил сельхозфакультет вуза и часто со мной беседовал о состоянии сельского хозяйства в областях Казахстана, расспрашивая подробно об экономике каждой области (за 7 с половиной лет я с Казахстаном познакомился неплохо).

Часами он держал меня в кабинете около карты и расспрашивал обо всем подробно. В одной из таких бесед он у меня спросил (дословно): «Товарищ Кустов, какие вы имеете награды?» Я ему ответил, что награжден к 20-летию ВЧК-ГПУ-НКВД значком почетного чекиста, тогда он спросил: «Это пустяки, а почему вас не наградили орденом, ведь вы провели много интересных дел». Я ответил, что об этом надо спросить у Залина и что я, как молодой чекист, вполне удовлетворен и этим.

Казахской АССР-ССР, нач. переселенческого отдела НКВД Казахской ССР, уволен из НКВД с 28.1.1939. Награжден орд. Красной Звезды (19.12.1937). Осужден 10.10.1939 ВТ войск НКВД Казахской ССР на 10 лет ИТЛ.

<sup>36</sup> Горбунов Федор Ильич (1896 – ?), лейтенант ГБ (1936). Русский. В 1936 – пом. нач. СПО Карагандинского УНКВД Казахской АССР, с 19.10.1936 – нач. СПО Карагандинского УНКВД. Награжден знаком «Почетный работник ВЧК-ОГПУ» (9.5.1938). В 1939 – нач. Балхашского горотдела НКВД КазССР, ст. лейтенант ГБ (1939). В 1943-45 – нач. особых отделов и ОКР «Смерш» корпусов и армий, полковник.

<sup>37</sup> Учетно-статистический отдел.

<sup>38</sup> Козин Виктор Николаевич (? - ?), ст. лейтенант ГБ (1937). В 1937 – нач. Советского РО УНКВД по Московской обл., с июля 1937 – инспектор УНКВД по Московской обл. С марта 1938 – нач. инспекции при НКВД КазССР. На 1943 – подполковник. На 1950 – зам. МГБ Латвийской ССР, полковник. Награжден знаком «Почетный работник ВЧК-ОГПУ» (21.8.1937).

<sup>39</sup> Возможно, Светлов Михаил Федорович, сержант ГБ (1937).

<sup>40</sup> Возможно, в связи с массовым репрессированием и чисткой основной части прежней агентуры в 1937–1938 гг.

<sup>41</sup> Учет конспиративной агентуры в связи с ее колоссальной текучестью традиционно был поставлен неудовлетворительно, в связи с чем секретные сотрудники местных органов ОГПУ-НКВД должны были вноситься в централизованную картотеку каждого регионального управления госбезопасности. Насколько успешно это делалось, исследователям пока неизвестно.



Было ли это прощупыванием моего настроения – я не знаю, но, мне кажется, это так. [...]

Я знаю одно, что если товарищ Реденс настоящий большевик, он и должен себя вести так. Самодурства в партии не нужно. Но он не самодур – это грамотный, начитанный человек и поэтому его поведение кажется еще более странным.

Я знаю и люблю оперативную работу, для этого пошел на работу в органы НКВД, в партии уже 10 лет, имею образование, имею неплохие показатели по оперативной работе и мне кажется – наркомы можно было бы со мною разговаривать другим языком, если у меня есть ошибки, надо на них указать, я их пойму и исправлю, а не ругать человека последними словами.

Если найдете нужным, прошу вызвать меня на доклад, и я могу доложить более подробно, так как в письме описать все факты чрезвычайно трудно.

Сообщаю на ваше распоряжение.

С коммунистическим приветом.

*Кустов.*

ЦА ФСБ. АСД № 975047 на С.Ф. Реденса в 2 тт. Т. 2. Л. 11–18. Машинопись, подпись – автограф.

### Документ № 3

#### Из мемуаров М.П. Шрейдера «Жизнь чекиста-оперативника»

[...] На трибуне для гостей [1 мая 1938 г.] оказался и знаменитый в Казахстане акын Джамбул<sup>42</sup> со своим не менее знаменитым переводчиком Павлом Кузнецовым<sup>43</sup>. Не помню уже, кто представил меня Джамбулу, сухонькому девяностодвухлетнему старичку, которого торжественно водили под руки. Он ни слова не говорил по-русски, и Кузнецов все время переводил ему все наши слова. Не знаю, как получилось, но Джамбул оказался в Алма-Ате без автомашины, и я распорядился отвезти его домой в колхоз, расположенный недалеко от Алма-Аты, на своей машине.

[...] В мае [1938 г.] (числа не помню) праздновалось 75-летие литературной деятельности Джамбула.

В числе многих почетных приглашенных были Реденс и я. Съезд гостей был огромным. Кроме большого количества представителей казахской общественности, приехали известные писатели из Москвы, Ленинграда, представители союзов писателей Украины, Азербайджана, Армении и почти всех других союзных и автономных республик Советского Союза. Среди приехавших были и зарубежные писатели.

Джамбул с многочисленными родственниками проживал в колхозе<sup>44</sup>, расположенном километрах в 20-ти от Алма-Аты<sup>45</sup>. Несмотря на то, что в

<sup>42</sup> Джабаев Джамбул (1846–1945), казахский поэт-акын, лауреат Сталинской премии 2-й степени (1941). Депутат Верховного Совета Казахской ССР (1938).

<sup>43</sup> Кузнецов Павел Николаевич (1909–1967), журналист, поэт, переводчик. Образование неполное среднее. Начинал как комсомольский работник. Печатался с 1925. С 1929 – на издательской работе, с 1935 – зав. отделом, зам. редактора газеты «Казахстанская правда», с 1938 – редактор журнала «Литература и искусство Казахстана». Был членом правления Союза советских писателей Казахстана. С 1936 публиковал в центральной прессе переводы из Джамбула. В 1941–43 – фронтовой корреспондент, получил ранение. В 1950–56 – зам. редактора журнала «Советский Союз», затем спецкор «Правды» по Казахстану. Автор официально-публицистических стихов, прозаик.

<sup>44</sup> Ныне – пос. Жамбыл Жамбылского района Алматинской обл.

<sup>45</sup> На самом деле – в 60 км.

усадыбе для Джамбула был построен очень хороший большой дом, он жил в юрте, к которой привык, и предпочитал ее самому шикарному дому.

Во время празднования к Джамбулу подвели великолепного скакуна, усевшись на которого этот дряхлый сгорбленный старик мгновенно помолодел и, свободно и твердо держась в седле, лихо прогарцевал перед всеми нами, вызвав восторг всех присутствующих.

После чествования и многочисленных выступлений и речей, посвященных юбилею, для гостей был устроен обильный ужин. Прямо во дворе дома были разостланы ковры, разложены подушки и т.п., и накрыты огромные столы. На столах были расставлены всевозможные местные национальные яства.

Но гвоздем программы был знаменитый плов из баранины. По существующим у казахов обычаям полагалось, чтобы хозяин в начале пиршества собственноручно положил в рот каждому гостю горсть жирного плова, после чего гостю подавали ковшик горячего бараньего жира запить плов.

Джамбул начал эту операцию с самого почетного гостя, которым оказался первый секретарь ЦК [компартии] Казахстана Сковорцов (кажется, Николай Александрович), приехавший незадолго до этого из Москвы на смену отозванному туда Мирзояну. Я находился между Сковорцовым и Реденсом, сидящим от меня с другой стороны.

Сковорцов, как положено, если и не с восторгом, то, во всяком случае, покорно раскрыл рот и проглотил засунутую ему Джамбулом порцию плова, но когда сморщенная старческая рука потянулась к моему рту, я инстинктивно отшатнулся и отрицательно замотал головой.

Переводчик Кузнецов, сопровождавший Джамбула, вопросительно посмотрел на меня, как это я осмеливаюсь нарушать положенный порядок, но я, похлопав себя по животу, сказал, что у меня не в порядке желудок, и для вящей убедительности добавил, что у меня кровавый понос. Тогда Кузнецов что-то сказал по-казахски Джамбулу и пояснил, что мою порцию плова съест за меня мой сосед, то есть Станислав Францевич Реденс.

Реденсу некогда было рассуждать и он, так же, как и Сковорцов, покорно съел одну за другой обе горсти плова, предназначенные ему и мне.

Когда Джамбул с Кузнецовым и другими сопровождавшими удалились, продвигаясь вдоль цепочки сидящих гостей, Реденс и Сковорцов со свирепыми выражениями лиц набросились на меня и вполголоса начали отчитывать, что я, мол, не умею себя держать в приличном обществе и что я обязан был съесть этот плов, чтобы не нанести кровной обиды хозяину.

– Ведь мы должны уважать вековые традиции, – поучал меня Сковорцов.

– А если вам в рот сунут грязную мочалку, вы тоже съедите ее во имя традиций? – защищался я. – Разве лучше было бы, если бы я взял этот плов в рот и меня стошнило бы? Я не могу заставить себя есть из чужой руки, которая, кстати, перед этим лазила в рот нескольких соседей.

– Ну и сволочь же вы, Шрейдер, – стиснув зубы, вполголоса ругался Реденс. – Не моргнув глазом, сбrehали про кровавый понос. А я из-за вас съел две порции этой жирнятины, да еще запил бараньей касторкой. Я вам это припомню. Вы у меня еще не это выпьете, – никак не мог он успокоиться.

Все это говорилось, конечно, в шутку, но ругань была увесистая.

После пиршества Джамбул под собственный аккомпанемент на национальном инструменте, название которого я забыл<sup>46</sup>, стал исполнять песни. Мы, конечно, ничего не понимали по-казахски, да и сама манера

<sup>46</sup> Домбра.

исполнения гортанным голосом, монотонная и заунывная, была чужда уху европейца, но все присутствующие казахи так и сияли от восторга, прерывая Джамбула аплодисментами. А когда Павел Кузнецов стал переводить то, что Джамбул пел, все мы были поражены и восхищены великолепным поэтическим языком.

(Во время Великой Отечественной войны я читал в газете послание Джамбула «Ленинградцы, дети мои...» Хотя прошли многие годы, но и сейчас воспоминание об этих стихах вызывает волнение, а в то время, читая их, я, как и многие другие, плакал, тем более, что сам участвовал в освобождении Ленинграда из блокады и был свидетелем незабываемых трагических картин.)

Таков был поэтический дар этого старого, малограмотного, но великого акына Средней Азии<sup>47</sup>.

Архив НИПЦ «Мемориал». Ф. 2. Оп. 2. Д. 102. Л. 766-768. Машинописная копия 1960-х годов.

### Әдебиеттер тізімі / Список литературы

1. Баберовски, 2010 – Баберовски Й. Враг есть везде. Сталинизм на Кавказе. М.: РОССПЭН, 2010. 855 с.
2. Dahlke, 2010 – Dahlke S. Personenkulte und Kultproduzenten: Emel'jan Jaroslavskij (1878–1943), Stalin und Stalinkult // Der Führer im Europa des 20. Jahrhunderts. Marburg, 2010. S. 74-89.
3. Дворкин П.С. Годы, вырванные из жизни (1962). [Электронный ресурс] / URL: [http://samlib.ru/b/burykina\\_s\\_s/](http://samlib.ru/b/burykina_s_s/) (Дата обращения 11.04.2019).
4. Джамбул Джабаев: Приключения казахского акына, 2013 – Джамбул Джабаев: Приключения казахского акына в советской стране: Статьи и материалы / Под ред. К. Богданова, Р. Николози и Ю. Мурашова. – М.: Новое лит. обозрение, 2013. 308 с.
5. Ennker, 2010 – Ennker B. Der Führer im Europa des 20. Jahrhunderts – eine Synthese // Der Führer im Europa des 20. Jahrhunderts. Marburg, 2010. S. 347–378.
6. История через личность, 2010 – История через личность: историческая биография сегодня / Под ред. Л. П. Репиной. М.: «Квадрига», 2010. 720 с.
7. Левон Мирзоян в Казахстане. Сборник документов и материалов (1933–1938 гг.) / Сост.: Е. М. Грибанова, А. Н. Ипмагамбетова, Е. В. Чиликова. Алматы: Казахстан, 2001. 368 с.
8. Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 г. – Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 г. // Вопросы истории. 1995. № 10–11, № 12.
9. Савин, 2015 – Савин А. И. «Село Душегубово переименовать в село Солнцево» Советские переименования как способ коадаптации власти и общества (1918 – 1930-е годы) // Политическая адаптация населения Сибири в первой трети XX века: сб. научных статей / Научный ред. В. И. Шишкин. Новосибирск: Параллель, 2015. С. 183–238.
10. Сталинский план по уничтожению народа, 2016 – Сталинский план по уничтожению народа: Подготовка и реализация приказа НКВД № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» // Альманах «Россия. XX век». Сост. Н. В. Петров, Н. А. Сидоров. 2016. [Электронный ресурс] / URL: <https://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-intro/1005111> (Дата обращения 20.03.2019).
11. Хромов, 2009 – Хромов С. С. По страницам личного архива Сталина. М.: Изд-во МГУ, 2009. 368 с.
12. ЦА ФСБ – Центральный архив Федеральной службы безопасности – ЦА ФСБ. Архивно-следственное дело на С. Ф. Реденса № 975047 в 2 тт. Т. 1. Л. 203–243.
13. Шрейдер, 1995 – Шрейдер М. П. Записки чекиста: НКВД изнутри. М.: Возвращение, 1995. 256 с.

### References

- Babеровski, 2010 – Babеровski Y. Vrag est' vezde. Stalinizm na Kavkaze. M.: ROSSPEN, 2010. 855 s. (in Rus)
- Dahlke, 2010 – Dahlke S. Personenkulte und Kultproduzenten: Emel'jan Jaroslavskij (1878-1943), Stalin und Stalinkult // Der Führer im Europa des 20. Jahrhunderts. Marburg, 2010. S. 74-89.
- Dvorkin P.S. Gody, vyrvannye iz zhizni (1962). [Electronic resource] / URL: [http://samlib.ru/b/burykina\\_s\\_s/](http://samlib.ru/b/burykina_s_s/) (Last visited 11.04.2019). (in Rus.)

<sup>47</sup> Так у автора.

- Dzhambul Dzhabaev: Priklyucheniya kazakhskogo akyna, 2013 – Dzhambul Dzhabaev: Priklyucheniya kazakhskogo akyna v sovetskoy strane: Stat'i i materialy / Pod red. K. Bogdanova, R. Nikolozzi i Yu. Murashova. – M.: Novoe lit. obozrenie, 2013. 308 s.(in Rus.)
- Ennker, 2010 – Ennker B. Der Führer im Europa des 20. Jahrhunderts – eine Synthese // Der Führer im Europa des 20. Jahrhunderts. Marburg, 2010. S. 347-378.
- Istoriya cherez lichnost', 2010 – Istoriya cherez lichnost': istoricheskaya biografiya segodnya / Pod red. L.P. Repinoy. M.: «Kvadriga», 2010. 720 s.(in Rus.)
- Khromov, 2009 – Khromov S. S. Po stranitsam lichnogo arkhiva Stalina. M.: Izd-vo MGU, 2009. S. 368. [in Rus.]
- Levon Mirzoyan v Kazakhstane. Sbornik dokumentov i materialov (1933–1938 gg.) / Sost.: E.M. Gribanova, A. N. Ipmagambetova, E. V. Chilikova. Almaty: Kazakhstan, 2001. 368 s.(in Rus.)
- Materialy fevral'sko-martovskogo plenuma TsK VKP(b) 1937 g. – Materialy fevral'sko-martovskogo plenuma TsK VKP(b) 1937 g. // Voprosy istorii. 1995. № 10-11, № 12. (in Rus.)
- Savin, 2015 – Savin A. I. «Selo Dushegubovo pereimenovat' v selo Solntsevo» Sovetskie pereimenovaniya kak sposob koadaptatsii vlasti i obshchestva (1918 – 1930-e gody) // Politicheskaya adaptatsiya naseleniya Sibiri v pervoy trety XX veka: sb. nauchnykh statey / Nauchnyy red. V. I. Shishkin. Novosibirsk: Parallel', 2015. S. 183–238. (in Rus.)
- Shreyder, 1995 – Shreyder M. P. Zapiski chekista: NKVD iznutri. M.: Vozvrashchenie, 1995. 256 s. (in Rus.)
- Stalinskiy plan po unichtozheniyu naroda, 2016 – Stalinskiy plan po unichtozheniyu naroda: Podgotovka i realizatsiya prikaza NKVD № 00447 «Ob operatsii po repressirovaniyu byvshikh kulakov, ugolovnikov i drugikh antisovetskikh elementov» // Al'manakh «Rossiya. XX vek». Sost. N. V. Petrov, N. A. Sidorov. 2016. [Electronic resource] / URL: <https://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-intro/1005111> (Last visited 20.03.2019).(in Rus.)
- TsA FSB – Tsentral'nyy arkhiv Federal'noy sluzhby bezopasnosti – TsA FSB. Arkhivno-sledstvennoe delo na S. F. Redensa № 975047 v 2 tt. T. 1. L. 203–243.

## "National" operations of Great terror: hierarchy of governing powers and punitive agencies in the center and the periphery

DOI: 10.31551/2410-2725-2019-5-2-151-162

### Ablazhey Natalia Nikolaevna

Doctor of Sciences (history), Senior Researcher, Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; associate professor, Institute of Humanities Novosibirsk State University. E-mail: ablazhey@academ.org

### Potapova Natalia Anatolyevna

holder of a master's degree in history, PG student, Institute of Humanities Novosibirsk State University. E-mail: skna17talya@mail.ru

**Abstract.** The article is devoted to the analysis of one of the key areas of repression in 1937-1938 – "national" operations of the NKVD of the USSR, on which 347 thousand people were convicted. The place of "national" operations in the history of the Great Terror, the powers of the punitive bodies, the mechanisms of implementation and statistics of repression, as well as the specific interests of the central government, regions and the NKVD are analysed on the materials of the office work of departments and extra-judicial authorities. It is concluded that the mass terror was initiated by the Politburo of the Bolsheviks party, which delegated the NKVD broad punitive powers, sanctioning the extra-judicial nature of the repression and the implementation of a series of linear punitive operations. In the years 1937-1938, the NKVD of the USSR organised eleven national punitive actions, which, under the control of the party and due to the vertical mechanism of organization of power, allowed to implement both all-union and regional punitive directions. The massive character of repressions was provided by the extra-judicial authorities (the NKVD Commission and Prosecutor of the USSR ("dvoika")), and Special meeting of the NKVD and Special "troikas". The repressions did not take the format of ethnic purges, although in the spring of 1938, when the "national" operations took the most important place in the punitive policy, there was a trend to this direction, as 60% of the repressed were representatives of national minorities. The authors conclude that in the period of the Great terror in the USSR in the framework of the "national" operations the planned repressive actions aimed at "withdrawal" of "alien" and "non-indigenous" elements were carried out that led to the decline of expat communities.

**Keywords:** Great terror; repressions; "national" operations; extra-judicial instances.

## Ұлттықтеррорду «Ұлттық» операциялары: орталық және терминдерге қуат және жаналық органдардың мемлекеттері

### Аблажей Наталья Николаевна

Ресей ғылым академиясының Сібір бөлімшесінің тарих институтының аға ғылыми қызметкері, тарих ғылымдарының докторы; Новосібір мемлекеттік университетінің гуманитарлық институтының доценті (Новосібір қаласы). E-mail: ablazhey@academ.org

### Потапова Наталья Анатольевна

Тарих магистрі, Новосібір мемлекеттік университетінің гуманитарлық институты (Новосібір қаласы). E-mail: skna17talya@mail.ru

**Андатпа.** Мақала 1937-1938 жылдардағы репрессияның негізгі бағыттарының бірін талдауға арналған. – КСРО-ның НКВД ұлттық операцияларына 347 мың адам сотталды. НКВД ведомстволық жұмысының материалдары мен соттан тыс істер Ұлы Террордың тарихындағы «ұлттық» операциялар, жазалаушы органдардың өкілеттіктері, репрессияны жүзеге асыру тетіктері мен статистикасы, орталық үкіметтің, өңірлердің және НКВД-ның нақты мүдделерінің орнын талдайды. Қорытындылай келе, жаппай террорға КОКП бюросының (б) бастамасы енгізілді, ол НКВД кең жазалаушы өкілеттіктерді беріп, репрессияның соттан тыс сипатын және бірқатар «сызықтық» жазалау әрекеттерін жүзеге асыруға санкция берді. 1937-1938 жж КСРО-ның НКВД партиясының бақылауымен және энергетикалық ұйымның тік механизмімен бүкілодақтық және аймақтық жазалаушы бағыттарды жүзеге асыруға мүмкіндік берген он бір ұлттық іс-қимылды сатты. Жаппай қуғын-сүргінді соттан тыс жағдайларда (НКВД Комиссиясы және КСРО Прокуроры («екеуі»), КСРО НКВД-нің арнайы отырысы және Арнайы троктар) қамтамасыз етті. Репрессиялар этникалық тазартудың форматын қабылдамады, бірақ 1938 жылдың көктемінен бастап, «ұлттық» операциялар жазалау саясатында басты орын алған кезде, қуғын-сүргінге қарсы үрдіс пайда болды, өйткені қуғын-сүргіндердің 60% ұлттық азшылық

өкілдері болды. Авторлар КСРО-дағы Ұлы Террор кезеңінде «ұлттық» операциялардың шеңберінде «азаматтық емес» және «шетелдік» элементін «алып тастауға» бағытталған жоспарлы репрессиялық іс-шаралар жүргізілді, бұл диаспоралардың санын азайтуға алып келді.

**Түйін сөздер:** Ұлы террор, репрессия, «ұлттық» операциялар, соттан тыс істер.

### **«Национальные» операции Большого террора: иерархия полномочий власти и карательных органов в центре и на периферии**

#### **Аблажей Наталья Николаевна**

д.и.н., старший научный сотрудник, Институт истории СО РАН; доцент, Гуманитарный институт Новосибирского государственного университета (г. Новосибирск). E-mail: ablazhey@academ.org

#### **Потапова Наталья Анатольевна**

магистр истории, аспирант, Гуманитарный институт Новосибирского государственного университета (г. Новосибирск). E-mail: skna17talya@mail.ru

**Аннотация.** Статья посвящена анализу одного из ключевых направлений репрессий 1937-1938 гг. – «национальным» операциям НКВД СССР, по которым было осуждено 347 тыс. чел. На материалах ведомственного делопроизводства НКВД и внесудебных инстанций анализируется место «национальных» операций в истории Большого террора, полномочия карательных органов, механизмы реализации и статистика репрессий, специфика интересов центральной власти, регионов и НКВД. Делается вывод, что массовый террор был инициирован Политбюро ВКП(б), которое делегировало НКВД широкие карательные полномочия, санкционировав внесудебный характер репрессий и реализацию серии «линейных» карательных операций. В 1937–1938 гг. НКВД СССР реализовало одиннадцать национальных акций, что позволило при контроле со стороны партии и вертикальному механизму организации власти реализовывать как общесоюзные, так и региональные карательные направления. Массовость репрессий обеспечили внесудебные инстанции (Комиссия НКВД и Прокурора СССР («двойка»), Особое совещание при НКВД СССР и Особые тройки). Репрессии не приняли формат этнических чисток, хотя с весны 1938 г., когда «национальные» операции заняли главное место в карательной политике, появилась тенденция этнизации террора, так как 60 % репрессированных являлись представителями национальных меньшинств. Авторы делают вывод, что в период Большого террора в СССР в рамках «национальных» операций осуществлялись спланированные репрессивные акции, направленные на «изъятие» «иногражданского» и «инонационального» элемента, что привело к снижению численности диаспор.

**Ключевые слова:** Большой террор, репрессии, «национальные» операции, внесудебные инстанции.

**УДК/UDC 94(47)-1937/1938**

### **«Национальные» операции Большого террора: иерархия полномочий власти и карательных органов в центре и на периферии**

*Н.Н. Аблажей, Н.А. Потапова*

**Введение.** Политические репрессии были неотъемлемой частью политики советского государства с первых лет его существования, однако пика они достигли в 1937-1938 гг., когда февральско-мартовский пленум ЦК ВКП(б) 1937 г. обозначил линию на ужесточение репрессивной политики. Решения пленума одобрили «мероприятия ЦК ВКП(б) по разгрому антисоветской, диверсионно-вредительской, шпионской и террористической банды троцкистов и иных двурушников», обозначили курс на реорганизацию аппарата НКВД с целью сделать его «подлинно боевым органом, способным обеспечить возложенные на него партией и советским правительством задачи по обеспечению государственной и общественной безопасности» (Вопросы истории, 1992: 26). «Курс на репрессии» сопровождался масштабно

организованной пропагандистской кампанией, в ходе которой советское общество, охваченное искусственно раскрученной шпиономанией, было подготовлено к массовым карательным акциям. В период Большого террора ключевыми направлениями репрессий стали: «чистки» элиты по так называемым «сталинским спискам», «кулацкая» операция и серия «национальных» операций. Летом 1937 г. на пике шпиономании стартовала самая крупная карательная акция НКВД – «кулацкая» операция, что и сделало террор «Большим» (Юнге, Биннер, 2003); вслед за ней запускаются «немецкая» и «польская» операции. Репрессии планировалось провести за три месяца, но завершены они были только в середине ноября 1938 г. За период с октября 1936 г. по июль 1938 г., по данным самих карательных органов, в стране было репрессировано около 1,4 млн чел. (Трагедия советской деревни, 2000-2005. Т. 5: 1937-1939. Кн. 2: 163).

**Вертикаль Большого террора: историография вопроса.** Тема Большого террора, базовая для западной советологии, с началом 1990-х гг. стала одним из ведущих направлений, как для отечественной историографии, так и для историографии постсоветских стран. В существующих работах главное место занимает сам феномен Большого террора, его причины, масштабы и последствия. Дискуссию вызывает вопрос, касающийся ответственности центра и регионов за организацию и проведение массовых репрессий. С момента появления первых работ по Большому террору исследователей волнует вопрос о том, кто был направляющей силой репрессий и каковы были полномочия НКВД в проведении чисток 1937-1938 гг.

С. Коэн (Коэн, 1988), Р. Медведев (Медведев, 1990), Р. Конквест (Конквест, 1991), Д. Волкогонов (Волкогонов, 1992), Ф. Волков (Волков, 1992), В. Роговин (Роговин, 1996) возлагают ответственность за развязывание репрессий на Сталина, который, по их мнению, таким образом, пытался расширить и укрепить собственную власть. Представители ревизионистского направления А. Гетти (Getty, 2002: 113-139), П. Холквист (Holquist, 2003: 129-156), Н. Верт (Верт, 2010), Ш. Фицпатрик (Фицпатрик, 2001) считают, что инициатива по организации и проведению массовых чисток принадлежит региональным руководителям. Авторы опровергают мнение о централизованном планировании операций НКВД 1937-1938 гг. и приводят аргументы в пользу того, что центр не управлял карательными акциями. О.В. Хлевнюк (Хлевнюк, 1992, 2010), Н.В. Петров (Петров, Янсен, 2009), В.Н. Хаустов (Хаустов, Самуэльсон, 2009) полагают, что террор не мог выйти из-под контроля Сталина. Причины репрессий они видят в попытке обезопасить страну от «пятой колонны». Международный исследовательский коллектив под руководством немецких историков М. Юнге и Р. Биннера сделал вывод об обоюдной ответственности за террор власти и общества (Юнге, Биннер, 2003; Юнге, Бордюгов, Биннер, 2008; «Через трупы врага», 2010). На примере проведения «кулацкой» операции впервые было показано, что террор 1937–1938 гг. имел вертикальную иерархию управления. Ответственность территориальных органов НКВД, центрального аппарата и Политбюро ЦК ВКП(б) признается как очевидная при проведении «кулацкой» операции.

«Национальные» операции изучены фрагментарно. К настоящему времени в поле зрения специалистов оказались четыре карательные акции: «польская» (Н.В. Петров, А.Б. Рогинский) (Петров, Рогинский, 1997: 22-43), «немецкая» (Н.Г. Охотин, А.Б. Рогинский) (Охотин, Рогинский, 1999: 35-75), «харбинская» (Н.Н. Аблажей) (Аблажей, 2007; Аблажей, 2008: 80-85) и «греческая» (И.Г. Джуха) (Джуха, 2006). Алгоритм изучения массовых акций



против «националов» был предложен Н.В. Петровым и А.Б. Рогинским, которые считали, что приказ № 00485 стал «модельным» для директив НКВД по всем последующим «национальным» операциям. Именно они первыми указали на «безлимитный» принцип и на новый в практике НКВД процессуальный порядок осуждения – «альбомный». В существующих работах по «линейным» карательным акциям не затрагивается вопрос о роли Политбюро ЦК ВКП(б), НКВД в планировании и проведении репрессий. До тех пор пока данная проблема не будет изучена на примере всех массовых операций, вопрос об ответственности за террор нельзя считать закрытым.

**«Национальные» операции и их место в Большом терроре.** «Кулацкая» операция, проводимая по приказу № 00447 от 30 июля 1937 г., стала самой массовой карательной акцией Большого террора. Согласно официальным данным НКВД СССР, общее число осужденных по ней составило около 800 тыс. чел., в том числе около 400 тыс. чел. были приговорены к расстрелу (Трагедия советской деревни, 2000-2005. Т. 5: 1937-1939. Кн. 2: 163). «Национальные» операции заняли второе место в статистике репрессий. «Кулацкая» операция была нацелена на борьбу с «бывшими», а «национальные», направленные на «изъятие» «иногражданского» и «инонационального» элемента.

За период с июля 1937 г. по ноябрь 1938 г. нарком внутренних дел Н.И. Ежов подписал семь оперативных приказов, запускающих репрессии по «немецкой» (№ 00439 от 25 июля 1937 г.), «польской» (№ 00485 от 11 августа 1937 г.), «харбинской» (№ 00593 от 20 сентября 1937 г.), «латышской» (№ 49990 от 30 ноября 1937 г.), «иранской» (№ 202 от 29 января 1938 г.), «афганской» (№ 226 от 16 февраля 1938 г.) и «греческой» (№ 50215 от 11 декабря 1937 г.) операциям (или линиям). Приказ № 00485 («польская» операция) стал «модельным» для всех последующих «национальных» карательных акций. Кроме того, ряд дополнительных инструкций, подписанных Н.И. Ежовым в августе 1937 г. – ноябре 1938 г., усиливал репрессии в отношении целевых категорий «национальных» операций. 15 августа 1937 г. вышел приказ НКВД СССР № 00486, запускающий репрессии против жен и детей изменников родины, который был распространен и на «национальные» операции. 23 октября 1937 г. НКВД СССР издало приказ № 00693, предписывающий арестовывать всех перебежчиков (нелегальных мигрантов)<sup>1</sup>. Оперативный приказ № 00698 от 28 октября 1937 г. обозначил в качестве целевых категорий «национальных» карательных акций служащих диппредставительств<sup>2</sup>.

В 1938 г. Н.И. Ежов дважды – в феврале<sup>3</sup> и мае<sup>4</sup> – давал указания продлить преследования по «национальным» операциям, что давало новый импульс карательным акциям и активизировало репрессии. Весь период Большого террора Нарком внутренних дел пытался поддерживать темп репрессий, этим объясняется большое количество приказов и директивных инструкций. Помимо оперативных приказов, открывающих все новые и новые «национальные» карательные акции, Н.И. Ежов 1 февраля 1938 г. отправляет в регионы шифровку № 234 о перебежчиках, по факту повторяющую аналогичный приказ за № 00693 от 23 октября 1937 г.<sup>5</sup>. 23 февраля в регионы

<sup>1</sup> ЦА ФСБ - Центральный архив Федеральной службы безопасности Ф. 3. Оп. 5. Пор. 2. Л. 34-37

<sup>2</sup> ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 5. Пор. 2. Л. 39-41

<sup>3</sup> ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 5. Пор. 2. Л. 62-63

<sup>4</sup> ЦА ФСБ. Ф. 100. Оп. 1. Пор. 6. Л. 30

<sup>5</sup> ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 5. Пор. 2. Л. 64-65

спускается инструкция, согласно которой в паспорта надлежало вклеивать фотографии. В инструкции указывалось, что «работу по наклейке фотографий на общегражданские паспорта широко использовать для выявления, в первую очередь в промышленности и на транспорте, скрывающихся перебежчиков, беглых кулаков, лиц иностранного происхождения и прочих категорий, подлежащих учету и репрессированию по моим приказам о массовых операциях»<sup>6</sup>. 17 июня 1938 г. нарком внутренних дел подписал меморандум № 1355, предписывающий увольнять из армии и флота всех служащих иностранного происхождения из числа поляков, латышей, греков, немцев и т.д.<sup>7</sup>, хотя приказы по «национальным» операциям уже преследовали названные целевые категории населения. Только в середине сентября 1938 г. Н.И. Ежов подписал приказ № 00606 останавливающий аресты по «национальным» карательным акциям.

Репрессии по «национальным» линиям санкционировала высшая партийная власть. Приказом НКВД СССР предшествовало соответствующее постановление Политбюро ЦК ВКП(б). На постановлениях, открывающих линейные карательные акции, имеются подписи И.В. Сталина, В.М. Молотова, Л.М. Кагановича, К.Е. Ворошилова и др. За июль 1937 г. – ноябрь 1938 г. высшую партийную санкцию получили «немецкий», «польский» «харбинский» приказы, «латышский», «иранский» и «афганский» меморандумы, директива по «греческой» операции. В каждом случае нарком внутренних дел Н.И. Ежов представлял Политбюро готовые тексты оперативных приказов. Дважды он выступал с обширными докладами, первый касался «направлений и масштабов деятельности на территории Советского Союза «польской разведки», второй – «японской». Затем эти доклады в качестве «закрытых писем» стали приложениями к оперативным приказам по «польской» и «харбинской» операциям. В середине августа 1937 г. Политбюро ЦК ВКП(б) распространило действие приказа НКВД № 00486, касающегося репрессий в отношении жен и детей изменников родины, на «польскую» и «немецкую», а 20 сентября 1937 г. – и на «харбинскую» операции.

Террор не закончился в 1937 г. Решение о продлении в стране массовых репрессий могло быть принято только высшей партийной инстанцией. 31 января 1938 г. Политбюро продлило репрессии по «национальным» карательным акциям до середины апреля того же года. Одновременно НКВД рекомендовалось утвердить к проведению, наряду с действующими, «румынскую», «финскую», «эстонскую», «болгарскую», «македонскую» и «китайскую» операции (Лубянка, 2004: 468–469). Еще одним решением от того же числа «О перебежчиках» Политбюро предлагало НКВД провести новые аресты среди нелегалов (Лубянка, 2004: 469).

В конце мая 1938 г. второй раз за год Политбюро вновь продлило репрессии по «национальным» карательным акциям, на этот раз до 1 августа. Прекратились они только в ноябре. Решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г. «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» запрещало органам НКВД проводить массовые операции, а также ликвидировало внесудебные инстанции, сохранив только Особое Совещание НКВД СССР. Выпущенный НКВД 26 ноября 1938 г. приказ № 00762 «О порядке осуществления постановления СНК СССР и Политбюро ЦК ВКП(б)» отменял все оперативные приказы НКВД по «национальным» карательным акциям (№№00439, 00485, 00593, 49990, 50215, 202, 226, 00606, 00486, 00693).

<sup>6</sup> ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 5. Пор. 2. Л. 58-61

<sup>7</sup> ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 5. Пор. 2. Л. 77-78

Политбюро ЦК ВКП(б) контролировало ход «национальных» операций благодаря поступающей из аппарата НКВД во главе с наркомом Н.И. Ежовым отчетности. Еженедельно для И.В. Сталина, В.М. Молотова и других первых лиц готовились докладные записки о результатах репрессий за прошедший период, где отражались сведения о количестве арестованных и осужденных, а также приводились примеры «ликвидации» крупных организаций и групп<sup>8</sup>. Кроме того, ежемесячно членам Политбюро представлялись сводки о результатах «национальных» карательных акций в регионах<sup>9</sup>. Один раз в квартал центральный аппарат составлял сравнительные отчеты с указанием количественных изменений за предыдущий трехмесячный период. Дополнительно итоговые обзоры о результатах карательных акций органы НКВД подготовили в январе, апреле, июле и ноябре 1938 г.<sup>10</sup>. Именно после представления подобных документов членам Политбюро выходило очередное постановление о продлении «национальных» операций. Так, после январского отчета 1938 г. руководство страны рекомендовало органам НКВД провести дополнительные карательные акции, что закономерно вызвало новую волну репрессий.

В 1937-1938 гг. массовость репрессий обеспечили внесудебные инстанции. Приговоры по «национальным» операциям выносили Комиссия НКВД и Прокурора СССР («двойка»), Особое совещание (ОСО) при НКВД СССР и Особые тройки. С августа 1937 г. по сентябрь 1938 г. карательные функции были закреплены за «двойкой», созданной по приказу №00485, в состав которой входили нарком внутренних дел Н.И. Ежов и прокурор СССР А.Я. Вышинский, иногда их заместители. В ее полномочия входило подписание уже готовых протоколов, которые составлялись центральным аппаратом НКВД на основании пришедших из регионов справок на арестованных («альбомная» справка). В последних указывались краткие анкетные данные и суть обвинения. Протоколы могли содержать сведения от одного-двух до тысячи человек. Подписанный документ окончательно утверждал репрессивное решение в отношении арестованных. Параллельно с Комиссией НКВД и Прокурора СССР работало Особое совещание при НКВД СССР. Выносить репрессивные решения в отношении лиц, арестованных в рамках «национальных» операций, ОСО не имело право. В ее задачи входило только оформление выписок на приговоренных к лагерному заключению, ссылке или высылению из страны. Выписки отправлялись на места для ознакомления с ними осужденных.

Весной 1938 г. Комиссия НКВД и Прокурора СССР «захлебнулась» в поступающих со всех регионов «альбомов» по «национальным» операциям. С мест сыпались жалобы на перегруженность тюрем, на дороговизну содержания уже фактически приговоренных к расстрелу заключенных и т.п. (Петров, Рогинский, 1997: 22-43). К этому времени карательные органы уже оказались дискредитированы начатыми арестами организаторов чисток уровня региональных начальников НКВД. В сложившейся обстановке было принято решение о передаче карательных полномочий на места в компетенцию вновь образованных внесудебных инстанций – Особых троек, в состав которых входили начальник территориального НКВД, прокурор республики, края или области и партийный секретарь. Этот орган, созданный по приказу НКВД СССР № 00606 от 17 сентября 1938 г., обязывался в двухмесячный срок разобрать

<sup>8</sup> ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 206. Л. 138-143

<sup>9</sup> ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 5. Пор. 573

<sup>10</sup> ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 581. Л. 77-88

скопившиеся в Москве «альбомные» справки на арестованных. После завершения этой работы массовые аресты прекратились.

Итогом работы внесудебных инстанций по «национальным» операциям стало 347 тыс. чел. осужденных, в том числе Комиссия НКВД и Прокурора СССР вынесла приговоры около 239 тыс. чел., а Особые тройки рассмотрели дела в отношении около 108 тыс. чел.<sup>11</sup> Приговоры по «линейным» карательным акциям были жестче, чем по «кулацкой» операции. Доля расстрельных решений превысила 70 % от общего числа осужденных. Главными направлениями в карательной политике чекистов стали «польская» (около 144 тыс. чел.), «немецкая» (около 57 тыс. чел.) и «харбинская» (около 50 тыс. чел.) операции. По этим направлениям прошло около 72 % от общего количества репрессированных в рамках «национальных» карательных акций.

**Репрессивный механизм. Общесоюзный и региональный аспекты «национальных» операций.** Органам НКВД в период Большого террора были предоставлены широкие полномочия, при помощи которых приводился в действие механизм репрессий. Оперативное делопроизводство НКВД позволяет обозначить семь «национальных» карательных кампаний, по числу подписанных оперативных приказов; вместе с тем, отчетное делопроизводство НКВД, а также материалы внесудебных инстанций позволяют выделить в общей сложности одиннадцать «национальных» операций, а именно: «польскую», «немецкую», «харбинскую», «латышскую», «греческую», «афганскую», «иранскую», «эстонскую», «финскую», «румынскую» и «смешанную» («разную»)<sup>12</sup>.

В рамках одиннадцати карательных операций Комиссия НКВД и Прокурора СССР оформляла особые протоколы, что свидетельствует о наличии общесоюзного характера и санкции НКВД. На проведение семи («польская», «немецкая», «харбинская», «латышская», «греческая», «иранская», «афганская») карательных акций имеется соответствующее решение Политбюро ЦК ВКП(б); санкцию на проведение «румынской», «финской» и «эстонской» линий НКВД получило только 31 января 1938 г. Однако первый протокол по «румынской» карательной акции (на арестованных УНКВД Молдавской АССР) был утвержден Комиссией НКВД и Прокурора СССР уже 8 октября 1937 г.<sup>13</sup>, на задержанных по линии УНКВД Ленинградской области в рамках «эстонской» операции – 4 ноября 1937 г., «финской» – 10 ноября 1937 г.<sup>14</sup> Из этого следует, что решение Политбюро фактически только переводило уже идущие акции регионального масштаба в общесоюзный формат. Кроме того, постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 31 января 1938 г. рекомендовало НКВД провести «болгарскую», «македонскую» и «китайскую» операции. Несмотря на расширение масштаба репрессий, «болгарская» и «македонская» линии карательными органами как отдельные операции, так и не были проведены, а так называемая «китайская» операция стала частью «харбинской» (Потапова, 2018: 156-162).

«Болгарская» и «македонская» карательные акции стали частью так называемой «смешанной» операции, запущенной аппаратом НКВД 8 января 1938 г.<sup>15</sup> По данным протоколов Комиссии НКВД и Прокурора СССР, она коснулась лиц, которым инкриминировали шпионаж в пользу Венгрии, Англии,

<sup>11</sup> ЦА ФСБ. Ф. 8ос. Оп. 1. Пор. 70. Л. 20

<sup>12</sup> ЦА ФСБ. Ф. 8ос. Оп. 1. Пор. 70. Л. 17-18

<sup>13</sup> УФСБ - Управление Федеральной службы безопасности по Омской области. Ф. 6. Пор. 9558. Л. 2-7

<sup>14</sup> УФСБ по Омской области. Ф. 6. Пор. 9749. Л. 1-14

<sup>15</sup> УФСБ по Омской области. Ф. 6. Пор. 10516-10527

Франции, США, Югославии, Чехословакии, Италии, Турции и т.д. Внутри «смешанной» репрессивной акции можно выделить до 20 карательных «линий», в том числе «венгерскую», «английскую», «американскую», «французскую» и др. Инициатива по выделению «смешанной» операции в отдельную серию репрессий принадлежала центральному аппарату НКВД. Вероятно, ее суть заключалась не в проведении отдельной карательной акции со всеми вытекающими последствиями, а в составлении особого вида протоколов; другими словами, выделялась она только на бумаге. В отчетах, докладных записках, сводках, предназначенных для Политбюро ЦК ВКП(б), сведения о «смешанной» операции отсутствовали, как и не отражалась информация о дополнительных репрессивных направлениях, помимо вышеназванных. Впервые статистические сведения о «национальной» акции появляются в отчете НКВД от 15 ноября 1938 г.<sup>16</sup>, хотя территориальные карательные органы с января 1938 г. включали в свои отчеты сведения о результатах проводимых ими дополнительных репрессий в рамках «национальных» операций. Вероятно, центральный аппарат НКВД во главе с Н.И. Ежовым территориальные инициативы по проведению репрессий объединил в единую «смешанную» акцию. В частности, на территории Украины чекисты проводили «чешскую» операцию на основании «модельного» приказа № 00485, подвергая арестам чешских политэмигрантов, перебежчиков, военнопленных и т.д. (Через трупы врага на благо народа, 2010. Т. 2: 1938-1941 гг. Второй этап репрессий. Завершение Большого террора и восстановление «социалистической законности»: 150). В Грузинской ССР НКВД проводил аресты по «турецкой» линии, которая не определялась как общесоюзная (задержаниям подвергались в основном армяне, беженцы от геноцида 1915 г. и турки)<sup>17</sup>. «Венгерская» репрессивная акция проводилась в Московской области, арестам в первую очередь подвергались политэмигранты. Региональные инициативы Комиссией НКВД и Прокурора СССР были вписаны в рамки «смешанной» операции, итогом проведения которой стало около 8,3 тыс. осужденных.

Некоторые репрессивные направления, особенно массовые, не рекомендованные Политбюро к проведению, вписывались в рамки уже идущих «национальных» операций. Так, в рамках приказа № 00593 арестам подвергалось корейское население, проживающее на территории СССР, около 5 тыс. корейцев было репрессировано по «харбинской» операции<sup>18</sup>. При этом данное карательное направление было проведено в общесоюзном масштабе.

«Китайская» операция, рекомендованная к проведению решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 31 января 1938 г., не была выделена в отдельную карательную акцию, хотя начальник УНКВД по Дальневосточному краю, где репрессии в отношении китайцев были особенно масштабными, де факто провел отдельную «китайскую» операцию. Возможно, причины отказа выделить «китайскую» операцию в отдельную линию, заключались в факте побега за границу главного организатора репрессий в отношении «японских шпионов» Г.С. Люшкова и его дальнейшем сотрудничестве с Японией. Начальник НКВД СССР Н.И. Ежов, опасаясь за свою жизнь, не осмелился летом 1938 г. отчитываться по «китайской» операции, поскольку ее провел японский шпион, при том, что темпы арестов здесь могли сравниться только с «польской» (в дальнейшем, как известно, факт побега Г.С. Люшкова стал

<sup>16</sup> ЦА ФСБ. Ф. 8ос. Оп. 1. Д. 70

<sup>17</sup> Архив МВД Грузии - Архив Министерства внутренних дел Грузии. 1-й отдел. Ф. 12. Д. 92

<sup>18</sup> УФСБ по Омской области. Ф. 6. Пор. 11709-10441

одной из причин отстранения от власти и самого Н.И. Ежова) (Потапова, 2018: 156–162). В ходе «китайской» операции, вписанной в рамки «харбинской» карательной акции, репрессиям подверглись около 16 тыс. чел., или около 32 % от общего числа осужденных «японских шпионов».

**Заключение.** Таким образом, репрессии 1937-1938 гг. отличались от предшествующих своими масштабами и организацией. Большой террор имел вертикальную иерархическую структуру управления, на вершине которой находилось Политбюро, выступавшее главным инициатором репрессий. Материалы заседаний Политбюро за 1937-1938 гг. наглядно показывают, насколько тщательно руководящий орган ВКП(б) занимался вопросами государственного террора. Ключевую цель «национально окрашенных» карательных акций Политбюро видело в очищении страны от вероятной «пятой колонны» в преддверии предстоящей войны. По этой причине в список врагов и возможных предателей были включены не только все «бывшие», «чуждые» и «социально-опасные», но также «националы» и иностранцы.

Органы НКВД, которым в период Большого террора Политбюро ЦК ВКП(б) предоставило широкие полномочия, во главе с наркомом внутренних дел Н.И. Ежовым, принимали участие в разработке репрессивной политики и осуществляли репрессивные акции в массовом масштабе. Кроме того, Политбюро наделило органы НКВД внесудебными полномочиями, что также обеспечило массовый характер преследований в период Большого террора. Очевидно, что в случае с «национальными» операциями приговоры не могли быть приведены в исполнение без утверждения Комиссии НКВД и Прокурора СССР, а по факту – без санкции самого Н.И. Ежова. В этих условиях центральный аппарат НКВД выполнял координирующую, организующую и контролирующую функции, подчиняясь решениям Политбюро ЦК ВКП(б). Одна из важных задач заключалась в передаче требований руководства страны территориальным карательным органам. Постановления Политбюро спускались сначала в центральный аппарат НКВД, а уже затем поступали в регионы. Обратная схема существовала при предоставлении отчетности. Вся отчетность из регионов шла на имя наркома внутренних дел Н.И. Ежова. В полномочия территориальных органов входило проведение арестов, ведение следствия и вынесение предварительного приговора. Однако полномочия региональных карательных органов были ограничены. Кроме того, любая местная инициатива не могла быть осуществлена без санкции центрального аппарата или Политбюро ЦК ВКП(б).

При проведении «национальных» карательных акций территориальные органы НКВД стремились очистить подведомственные им территории от «неблагонадежных» групп населения. Именно отсюда появляются региональные инициативы по уничтожению целого ряда «национальных» и «инонациональных» элементов, в отношении которых Политбюро и центральный аппарат НКВД не принимало конкретных репрессивных решений. Однако эти инициативы поддерживались Н.И. Ежовым. Одной из таких акций стало проведение «смешанной» операции. Определенную свободу территориальным органам НКВД давало также отсутствие лимитов в «национальных» операциях, что приводило к увеличению масштабов арестов. В некоторых регионах «национальные» линии использовали для обхода лимитов по «кулацкой» операции.

Карательные репрессии против «инонационалов» и «инограждан» были проведены «по линиям» практически всех стран «враждебного окружения», однако они не носили характер этнических чисток. Критерием принадлежности

к враждебному лагерю здесь выступала в первую очередь не этничность, а факт рождения или проживания во «враждебной» «капиталистической» стране или поддержание любой связи с границей. Даже после завершения Большого террора «национальные» карательные акции не стали репрессиями по этническому принципу, хотя с весны 1938 г. наметилась этнизация в «линейных» операциях, так как 60 % репрессированных являлись представителями национальных меньшинств. Но при этом треть репрессированных с весны по осень 1938 г. составляли представители титульных наций, прежде всего речь идет о русском, украинском и белорусском населении. В целом принадлежность к отдельным народам; якобы установленная, чаще всего гипотетическая «связь с границей»; социальный статус и «антисоветское» поведение увеличивали «шансы» подвергнуться репрессиям. Карательные акции в первую очередь прошли по государственным сферам, связанным с обороноспособностью страны. Главным итогом «национальных» карательных акций стало сокращение численности нетитульных групп в национальных республиках и автономиях, сокращение общин и диаспор.

#### Әдебиеттер тізімі / Список литературы

1. Getty, 2002 – Getty J.A. Origins of the Great Purges: The Soviet Communist Party Reconsidered. Cambridge, 1987; Idem. «Excesses are not permitted»: Mass Terror and Stalinist Governance in the Late 1930s. // Russian Review. 2002. № 1. P. 113–139.
2. Holquist, 2003 – Holquist P. State Violence as Technique: The Logic of Violence in Soviet Totalitarianism // Stalinism the Essential Readings. Bodmin, Cornwall, 2003. P. 129-156.
3. Аблажей, 2007 – Аблажей Н.Н. С востока на восток: Российская эмиграция в Китае. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2007. 298 с.
4. Аблажей, 2008 – Аблажей Н.Н. «Харбинская операция» НКВД в 1937–1938 гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. № 2. С. 80-85.
5. Верт, 2010 – Верт Н. Террор и беспорядок. Сталинизм как система. М.: РОССПЭН, Фонд Первого Президента Б.Н. Ельцина, 2010. 447 с.
6. Волков, 1992 – Волков Ф.Д. Взлет и падение Сталина. М.: Спектр'1, 1992. 336 с.
7. Волкогонов, 1992 – Волкогонов Д.В. Сталин. Политический портрет. М.: Новости, 1992. 704 с.
8. Джуха, 2006 – Джуха И.Г. Греческая операция. История репрессий против греков в СССР. СПб.: Алетейя, 2006. 416 с.
9. Конквест, 1991 – Конквест Р. Большой террор. Рига: «РАКСТНИЕКС», 1991. 416 с.
10. Козн, 1988 – Козн С. Бухарин. Политическая биография 1888–1938. М.: Прогресс, 1988. 574 с.
11. Лубянка, 2004 – Лубянка. Сталин и главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938 / под ред. А.Н. Яковлева. М.: Материк, 2004. 734 с.
12. Медведев, 1990 – Медведев Р. О Сталине и сталинизме. М.: Прогресс, 1990. 483 с.
13. Охотин, Рогинский, 1999 – Охотин Н., Рогинский А. Из истории «немецкой операции» НКВД 1937–1938 гг. // Наказанный народ. Репрессии против российских немцев. М.: Звенья, 1999. С. 35-75.
14. Петров, Рогинский, 1997 – Петров Н.В., Рогинский А.Б. Польская операция НКВД 1937–1938 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан. М.: Звенья, 1997. С. 22–43.
15. Петров, Янсен, 2009 – Петров Н., Янсен М. «Сталинский питомец» Николай Ежов. М.: РОССПЭН, 2009. 447 с.
16. Потапова, 2018 – Потапова Н.А. Антикитайская карательная акция НКВД СССР периода Большого террора в Дальневосточном крае: механизмы и масштабы репрессий // Проблемы Дальнего Востока. 2018. № 3. С. 156-162.
17. Роговин, 1996 – Роговин В.З. 1937. М.: Б. и., 1996. 479 с.
18. Стенограмма февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопросы истории. 1992. № 2-3.
19. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы. в 5 т. / под ред. В. Данилова, П. Маннинг, Л. Виолы. М.: РОССПЭН, 2000–2005. Т. 5: 1937–1939. Кн. 2. 702 с.



20. Фицпатрик, 2008 – Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30–е годы: город. М.: РОССПЭН; Фонд Первого Президента России Б.Н.Ельцин, 2008. 336 с.
21. Хаустов, Самуэльсон, 2010 – Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 г. М.: РОССПЭН, Фонд первого президента России Б.Н. Ельцина, 2010. 432 с.
22. Хлевнюк, 1992 – Хлевнюк О.В. 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. М.: Республика, 1992. 270 с.
23. Хлевнюк, 2010 – Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН, Фонд первого президента России Б.Н. Ельцина, 2010. 479 с.
24. Через трупы врага на благо народа, 2010 – «Через трупы врага на благо народа». «Кулацкая операция» в Украинской ССР 1937–1941 гг.: в 2 т. / сост.: М. Юнге, С. А. Кокин, Р. Биннер, А.О. Довбня, Б. Бонвеч, И.Е. Смирнова, Г.А. Бордюгов; под. общ. ред. О.А. Довбни, Л.С. Макаровой. М.: РОССПЭН, 2010.
25. Юнге, Биннер, 2003 – Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «большим». Секретный приказ № 00447 и технологии его исполнения. М.: АИРО-XX, 2003. 352 с.
26. Юнге, Бордюгов, Биннер, 2008 – Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль большого террора. История операции по приказу НКВД № 00447. М.: Новый Хронограф; АИРО-XXI, 2008. 784 с.

### References

- Getty, 2002 – Getty J.A. Origins of the Great Purges: The Soviet Communist Party Reconsidered. Cambridge, 1987; Idem. «Excesses are not permitted»: Mass Terror and Stalinist Governance in the Late 1930s. // Russian Review. 2002. № 1. P. 113-139. (in Engl)
- Holquist, 2003 – Holquist P. State Violence as Technique: The Logic of Violence in Soviet Totalitarianism // Stalinism the Essential Readings. Bodmin, Cornwall, 2003. P. 129-156. (in Engl)
- Ablazhej, 2007 – Ablazhej N. N. S vostoка na vостok: Rossijskaya ehмиграция v Kitae [From East to East: Russian emigration to China]. Novosibirsk: izdatel'stvo SO RAN, 2007. 298 s. (in Rus)
- Ablazhej, 2008 – Ablazhej N. N. «Harbinskaya operaciya» NKVD v 1937–1938 [«Harbinian operation» NKVD in 1937-1938] // Gumanitarnye nauki v Sibiri [Humanities in Siberia]. 2008. No. 2. pp. 80-85. (in Rus)
- Archive of the Ministry of internal Affairs of Georgia. 1st division. F. 12. D. 92 – archive of the Ministry of internal Affairs of Georgia. 1st division. F. 12. D. 92.
- Vert, 2010 – Vert N. Terror i besporядok. Stalinizm kak sistema [Terror and disorder. Stalinism as a system]. Moscow: ROSSPEN, Fond Pervogo Prezidenta B.N. Elcina, 2010. 447 s. (in Rus)
- Volkov, 1992 – Volkov F. D. Vzlet i padenie Stalina [Rise and fall of Stalin]. Moscow: Spektr, 1, 1992. 336 s. (in Russ)
- Volkogonov, 1992 – Volkogonov D. V. Stalin. Politicheskij portret [Stalin. Political portrait]. Moscow: Novosti, 1992. 704 s. (in Rus)
- Juha, 2006 – Juha I. G. Grecheskaya operaciya. Istoriya repressij protiv grekov v SSSR [Greek operation. History of repression against the Greeks in the USSR]. St. Petersburg: Alethea, 2006. 416 s. (in Russ)
- Konkvest R. Bolshoj terror [The Great terror]. Riga, 1991. 416 s. (in Rus)
- Cohen, 1988 – Cohen S. Buharin. Politicheskaya biografiya 1888–1938. [Bukharin. Political biography 1888-1938]. Moscow: Progress, 1988. 574 s. (in Rus)
- Lubyanka, 2004 – Lubyanka. Stalin i glavnoe upravlenie gosbezopasnosti NKVD. Arxiv Stalina. Dokumenty vysshix organov partijnoj i gosudarstvennoj vlasti. 1937–1938 [Lubyanka. Stalin and the main Directorate of state security of the NKVD. Stalin's Archive. Documents of the Supreme bodies of party and state power. 1937-1938] / pod red. A.N. Yakovleva. M.: Materik, 2004. 734 s. (in Rus)
- Medvedev, 1990 – Medvedev, R. O Staline i stalinizme [About Stalin and Stalinism]. Moscow: Progress, 1990. 483 s. (in Rus)
- Okhotin, Roginsky, 1999 – Okhotin N., Roginsky A. Iz istorii «nemeckoj operacii» NKVD 1937–1938 [From the history of the «German operation» NKVD 1937-1938] // Nakazannyj narod. Repressii protiv rossijskix nemcev [Punished people. Repressions against the Russian Germans]. Moscow: Zvenya, 1999. S. 35-75. (in Rus)
- Petrov, Roginsky, 1997 – Petrov N. In. Roginsky A. B. Polskaya operaciya NKVD 1937–1938 [Polish operation of the NKVD 1937-1938]// Repressii protiv polyakov i pol'skix grazhdan [Repression against poles and Polish citizens]. Moscow: Zvenya, 1997. S. 22-43. (in Rus)
- Petrov, Jansen, 2009 – Petrov N., Jansen M. «Stalinskij pitomec» Nikolaj Ezhov [«Stalin's pet» Nikolaj Ezhov]. Moscow: ROSSPEN, 2009. 447 s. (in Rus)
- Potapova, 2018 – Potapova N. A. Antikitajskaya karatel'naya akciya NKVD SSSR perioda Bol'shogo terrora v Dal'nevostochnom krae: mekhanizmy i masshtaby repressij [Anti-Chinese punitive action of the NKVD of the USSR during the period of Great terror in the far East: mechanisms and scale

- of repression] // Problemy Dalnego Vostoka [Problems of the Far East]. 2018. No. 3. S. 156-162. (in Rus)
- Rogovin, 1996 – Rogovin V. Z. 1937. Moscow: B. I., 1996. 479 s. (in Rus)
- Stenogramma fevral'sko-martovskogo plenuma CK VKP(b) 1937 goda [Transcript of the February-March Plenum of the CPSU(b) 1937] // Voprosy istorii [Questions of history]. 1992. № 2–3. (in Rus)
- Tragediya sovetskoj derevni. Kollektivizaciya i raskulachivanie. 1927–1939: Dokumenty i materialy [The tragedy of the Soviet village. Collectivization and dispossession. 1927-1939: Documents and materials]. in 5 t / ed. V. Danilov, P. Manning, L. Viola. M.: ROSSPEN, 2000-2005. Vol. 5: 1937-1939. kn. 2. 702 s. (in Rus)
- Fitzpatrick, 2008 – Fitzpatrick, S. Povsednevnyj stalinizm. Social'naya istoriya Sovetskoj Rossii v 30-e gody: gorod [Everyday Stalinism. Social history of Soviet Russia in the 30s: the city]. Moscow: ROSSPEN; Fond Pervogo Prezidenta Rossii B.N.Elcin, 2008. 336 s. (in Rus)
- Khaustov, Samuelson, 2010 – Khaustov V., Samuelson L. Stalin, NKVD i repressii 1936–1938 [Stalin, NKVD and repressions 1936-1938]. Moscow: ROSSPEN, Fond Pervogo Prezidenta Rossii B.N.Elcin, 2010. 432 s. (in Rus)
- Khlevnyuk, 1992 – Khlevnyuk O. W. 1937-j: Stalin, NKVD i sovetskoe obshchestvo [1937: Stalin, NKVD and Soviet society]. Moscow: Respublika, 1992. 270 s. (in Rus)
- Khlevniuk, 2010 – Khlevniuk O. V. Hozyain. Stalin i utverzhdenie stalinskoj diktatury [Master. Stalin and the establishment of Stalin's dictatorship]. Moscow: ROSSPEN, Fond Pervogo Prezidenta Rossii B.N. Elcin, 2010. 479 s. (in Rus)
- Through the corpses of the enemy for the benefit of the people, 2010 – «Cherez trupy vruga na blago naroda». «Kulackaya operaciya» v Ukrainskoj SSR 1937–1941 [«Through the corpses of the enemy for the benefit of the people». «Kulak operation» in the Ukrainian SSR 1937-1941]: 2 t / comp.: M. Junge, S. A. Kokin, R. Binner, A. O. Dovbnya, B. Bonvech, I. E. Smirnova, G. A. Bordyugov; pod. the General editorship of O.A. Dovbnya, L. S. Makarova. M.: ROSSPEN, 2010. (in Rus)
- Junge, Binner, 2003 – Junge, M., R. Benner Kak terror stal «bol'shim». Sekretnyj prikaz № 00447 i tekhnologii ego ispolneniya [How the terror became "great". Secret order № 00447 and the technology of its execution]. Moscow: AIRO-XX, 2003. 352 s. (in Rus)
- Junge, Bordyugov, Binner, 2008 – Junge M., Bordyugov G., Binner R. Vertikal' bol'shogo terrora. Istoriya operacii po prikazu NKVD № 00447 [The Vertical of great terror. History of the operation by order of the NKVD № 00447]

## The living conditions of prisoners in «Alzhir» camp (by witnesses memories)

DOI: 10.31551/2410-2725-2019-5-2-163-176

### **Kudaibergenova Aizhamal Ibragimovna**

Head of the Historical demography and Assembly of People of Kazakhstan department, doctor of historical sciences, associate professor. Almaty, Kazakhstan. E-mail: akudaybergen@mail.ru

### **Murzakhodzhayev Kuanysh Madievich**

Research fellow Institute of History and ethnology Ch.Ch. Valikhanov, PhD doctoral student. Almaty, Kazakhstan. E-mail: kuka\_ist@mail.ru

### **Omarova Gulnar Alimbekovna**

Research fellow Institute of History and ethnology Ch.Ch. Valikhanov, Master of Humanities. Almaty, Kazakhstan. E-mail: gulnara\_78@mail.ru

### **Zhunussova Bota Nadirovna**

Research fellow Institute of History and ethnology Ch.Ch. Valikhanov, Master of Social sciences. Almaty, Kazakhstan. E-mail: botanadirkyzy@gmail.com

**Abstract:** The Bolsheviks took all power to their hands after the October revolution. Those, who protested against the new government were persecuted and imprisoned. The liberty of people and freedom of speech were limited by locking up in prisons throughout the territory of the USSR. Such organization included prisons, labor camps, colonies for resettlement and etc.

The horrors of that period have been kept in the minds of people for evermore and will remain as objects of historical memory. Human memory is unique and special. It never loses own meaning.

In this article, authors try to cover the history of the first female camp in Kazakhstan «ALZHIR», according to ex-prisoners evidence.

ALZHIR prisoners were folk enemies and the 1937-1938 red terror victims. They were mothers, wives, sisters, and daughters of those, who were accused of betrayal of Homeland. In a fact it was the color of Nation. The internal life of labor camp has been discovered and researched by authors. They tried to present an inside view of camp inhabitants everyday life.

The contradictory archival documents and ex-prisoners memories have been analyzed and entered into scientific circulation for the first time. The difference in coverage of living conditions and other aspects of «ALZHIR» labor camp's everyday life was shown. The myths about that place have been dispelled.

**Key words:** labor/work camp; GULAG; KARLAG; ALZHIR; memories; women/children destinies; living condition; totalitarian system; repression; legal norms; survive.

## «Алжир» тұтқын әйелдерінің материалдық-тұрмыстық ахуалы мен қапаста отыру жағдайы» (күегерлердің естеліктерінен)

### **Құдайбергенова Айжамал Ибрагимқызы**

Тарихи демография және Қазақстан халқы Ассамблеясы бөлімінің меңгерушісі, т.ғ.д., профессор. Қазақстан Республикасы, Алматы қ.. E-mail: akudaybergen@mail.ru

### **Мурзаходжаев Қуаныш Мәдиұлы**

Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтының ғылыми қызметкері, PhD докторант. Қазақстан Республикасы, Алматы қ.. E-mail: kuka\_ist@mail.ru

### **Омарова Гүлнар Әлімбекқызы**

Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтының ғылыми қызметкері, гуманитарлық ғылымдар магистрі. Қазақстан Республикасы, Алматы қ.. E-mail: gulnara\_78@mail.ru

### **Жүнісова Бота Нәдірқызы**

Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтының ғылыми қызметкері, әлеуметтік ғылымдар магистрі. Қазақстан Республикасы, Алматы қ.. E-mail: botanadirkyzy@gmail.com

**Аңдатпа.** Қазан төңкерісінен кейін большевиктер билікті қолдарына толықтай шоғырландырып, өздеріне қарсы келгендерді, өзгеше ойлайтындарды, жазығы жоқ адамдарды жаппай темір торға тоғыту науқанын бастап жіберген еді. Соған орай бүкіл КСРО территориясында әртүрлі атаулармен бас бостандығын шектейтін орындар көптеп бой көтереді. Оларға түрмелерді, колонияларды, еңбекпен түзету лагерьлерді, қоныс колонияларын, т.б. жатқызуға болады. Бұл

қасіретті орындар адамдардың санасына өшірілмес жара салып, тарихи жадында мәңгіге сақталып қалды. Адамның жады ерекше зат, ол уақыт өте келе өзінің маңызын жоғалтпайды. Авторлар осы мақалада лагерьлер куәгерлерінің жадында сақталған естеліктерге сүйене отырып, Қазақстан жерінде құрылған алғашқы әйелдер лагері – «АЛЖИР» туралы сөз етіледі. Бұл жерде қызыл террордың 1937-1938 жж. құрығына ілінген ұлт зиялыларының отбасы мүшелері, әйелдері, аналары, қыздары жазықсыз жапа шеккен болатын. Авторлар еңбекпен түзету лагерьлерінің ішкі өміріне үңіліп, сотталушылардың күнделікті өмірінің ішкі көріністерін сипаттауға тырысты. Архивтік құжаттар мен лагерь өмірінің куәгерлерінің естеліктері бір-біріне қарама-қарсы қойылып, алғаш рет талдаудан өтіп, сараланды. Нәтижесінде АЛЖИР еңбекпен түзету лагерінің материалдық-тұрмыстық жағдайына, әйелдердің күнделікті тіршілігіне ресми құжаттар мен естеліктердің өзара қарама-қайшылығы, т.б. мәселелерге ақиқат сәулесі түсірілді.

**Кілт сөздер:** еңбекпен түзету лагері; ГУЛАГ; КАРЛАГ; АЛЖИР; естеліктер; әйелдер/балалар тағдыры; материалдық-тұрмыстық жағдай; тоталитарлық жүйе; қуғын-сүргін; құқықтық нормалар, тірі қалу.

### **Материально-бытовое положение и условия содержания узниц «Алжира» (воспоминания свидетельниц)**

#### **Кудайбергенова Айжамал Ибрагимовна**

доктор исторических наук, доцент. Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова. Казахстан, г. Алматы. E-mail: akudaybergen@mail.ru

#### **Мурзаходжаев Куаныш Мадиевич**

Научный сотрудник института Истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, PhДдокторант. г. Алматы, Республика Казахстан. E-mail: kuka\_ist@mail.ru

#### **Омарова Гульнар Алимбековна**

Научный сотрудник института Истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, магистр гуманитарных наук. г. Алматы, Республика Казахстан. E-mail: gulnara\_78@mail.ru

#### **Жунусова Бота Надировна**

Научный сотрудник института Истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, магистр социальных наук. г. Алматы, Республика Казахстан. E-mail: botanadirkyzy@gmail.com

**Аннотация.** После Октябрьской революции большевики сосредоточили всю власть в своих руках. Тех, кто протестовал новой власти подвергали преследованиям и лишению свободы. В этой связи, по всей территории СССР создавались множество мест, где ограничивалась свобода действий и слова. К подобным учреждениям относятся тюрьмы, колонии, трудовые лагеря, колонии для переселения и т.д. Ужасы связанные с этими местами навсегда остались в сознании людей и сохраняются как объекты исторической памяти. Память человека – особая вещь, и со временем она не теряет своего смысла. В данной статье авторы опираясь на сохранившиеся свидетельства бывших узников лагеря, освещают историю первого женского лагеря «АЛЖИР». Узницами этого учреждения оказались члены семей расстрелянных жертв красного террора 1937-1938 годов: женщины, матери и дочери интеллектуалов нации. Авторы изучили внутреннюю жизнь трудовых исправительных лагерей и попытались представить взгляд изнутри на повседневную жизнь подсудимых. Материалы архивных документов и воспоминания свидетелей лагерной жизни противоречивы и проанализированы в данной статье впервые. На основе сопоставительного анализа официальных документов и воспоминаний узниц, показана разница в освещении материально-бытовых условий и других сторон повседневной жизни в трудовом лагере АЛЖИР. Разрушена завеса мифологичности об этом месте.

**Ключевые слова:** исправительно-трудовой лагерь, ГУЛАГ; КАРЛАГ; АЛЖИР; воспоминания; судьбы женщин/детей; материально-бытовое положение; тоталитарная система; репрессии; правовые нормы, выживать.

ӨОЖ / УДК 94(574).084.6

**«Алжир» тұтқын әйелдерінің материалдық-тұрмыстық ахуалы мен қапаста отыру жағдайы» (куәгерлердің естеліктерінен)***А.И. Құдайбергенова, Қ.М. Мурзаходжаев, Г.Ә. Омарова, Б.Н. Жүнісова*

**Кіріспе.** XX ғасырдың 30-жылдарындағы сталиндік саяси-қуғын-сүргін саясаты қоғамдағы адам санасына салған «жара» тарих бетінде қатталып, адамзат жадында мәңгілікке қалады. Бұл зобалаң жылдар зұлматы талай ұрпақтың санасына өшпестей із қалдырып кетті. Бұл саясат қазақ халқының да тағдырына барынша әсер етті. Ұлт зиялыларымен қатар, олардың отбасы да аяусыз қудалауға ұшырады. Оның жарқын дәлелі қазақ даласындағы жаппай салынған жазасын еңбекпен түзету лагерлерінің біріне айналған «АЛЖИР» екені даусыз. Әйел мен аналарды жазықсыз қудалап, сәбилерінен күштеп айырған зұлматты бұған дейін бұрын-соңды бастан өткермеген халық едік. Ер-азаматтармен бірдей саяси қуғын-сүргінге ұшыраған аналарымыз 1937 жылдың зұлматынан сырт қалмады. Жазықсыздан жазықсыз «Отанын сатқандардың Ақмола лагеріне» қамалды. 1930 жылдың ортасынан кейін КСРО аумағында мынадай әйелдер лагері болған: АЛЖИР, Горький қаласынан 40 шақырым қашықтықтағы Темняков лагері, Фрунзе қаласынан (қазіргі Бішкек қаласы) 100 шақырым жердегі Джангир лагері және Потьмадағы Темников лагері (Сәрсембина, 2018). № 00486 бұйрықта «Отанын сатқандардың отбасы мүшелері» атанып, сотталған әйелдердің барлығын Темников лагеріне жөнелту айтылған болатын. Алайда саяси қуғын-сүргіннің кең көлемде жүргізілуінің салдарынан «Отанын сатқандардың» әйелдеріне арналған лагерлер көптеп құрыла бастайды. Өкінішке орай мұрағат құжаттары осындай лагерлерде қанша тұтқын әйелдердің болғаны және олардың немен айналысқандығы туралы жөнді мәлімет бере алмайды. Қазіргі күні «Отанын сатқандардың отбасы мүшелері» атанып, сотталған әйелдер отырған Темников, Сібір, Қарағанды, Томск, Джангир, Нижний Тагил, Сегежск, Колыма, Потьма секілді арнайы лагерлер белгілі болып отыр. Олардың ең ірілері Темников, Сібір, Қарағанды еңбекпен түзету лагерлері болды (Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1981).

**Материалдар мен әдістер.** Тақырыпты талдау барысында зерттеушілер материалдар ретінде Ресей Федерациясының Мемлекеттік архивінің құжаттарын, «Мемориал» қоғамының жинақтаған архивтік құжаттарын, АЛЖИР мұражай қызметкерлерінің жинақтаған сотталушы әйелдер анықтамалары мен істерін пайдаланды. Кеңестік биліктің еңбекпен түзету лагерьлеріне қатысты қабылдаған заңдары мен шешімдері, нұсқаулықтарының жинақтары талданып, лагерь тамұғында болған әйелдердің естелік жинақтарымен өзара салыстырылды.

Зерттеу жұмысында деректанудың негізгі үш принципі басшылыққа алынды. Методологиялық негізін жалпы тарих ғылымындағы методтар мен арнайы әдістер қолданылды. Соның ішінде салыстырмалы талдау мен синтез, тарихилық принципі, объективтілік, жүйелік әдіс, т.б.

**Талқылау.** Кеңестік ГУЛАГ жүйесінің жұмысын баяндайтын, оның алғашқы құрылуы мен ыдырауына дейінгі тарихы жөнінде жарыққа шыққан еңбектер жетерлік. Мәселен, олардың көп бөлігін архивтік құжаттар жинағы құрайды (Безбородов; Хрусталева, 2004). 7-томдық бұл жинақта ГУЛАГ жүйесінің экономикасы, сотталушылардың саны мен орналасуы, күзет пен күзетшілер,

т.б. мәселелерге қатысты ІІХК нұсқаулары мен бұйрықтары, статистикалық мәліметтер келтірілген. Ал А.Н. Яковлев атындағы электронды жеке қорда Кеңес өкіметі орнағаннан бастап, лагерлерге қатысты шығарылған заңдар жинақталған (Личный архив А.Н. Яковлева). Сонымен қатар, АЛЖИР лагерінің тауқыметін тартқан, жазықсыз сотталған әйелдердің анықтамалары мен куәгерлерлердің естеліктері де көптеп жарыққа шыққан. Мысалы: «Ұрпақтар ұмытпайды» атты саяси қуғын-сүргін құрбандары балаларының естеліктер жинағы (Ұрпақтар ұмытпайды, 2017); «Узницы АЛЖИРа» (Узницы «АЛЖИРа», 2003); (Жүнісбеков, 2014); екі томдық Алаш ардақтыларының еңбектері мен отбасының естеліктері жинақталған «Алаш-АЛЖИР жинағы (Жүнісбеков, 2011).

Алайда, АЛЖИР лагерінің күнделікті тұрмыс тіршілігі, еңбекпен түзеу лагерлерінің материалдық-тұрмыстық қамтамасыз етілуі, жабдықтылуы, т.б. мәселелері көптеген зерттеушілердің назарынан тыс қалып жатады. Себебі, бұл мәселелер бойынша архивтік құжаттар аз, бірқатарына шектеу қойылған. Ал куәгерлердің естеліктерінде мұндай мәліметтер өте аз айтылады (куәгерлер жанына жара салған лагерь күндерін естеріне алғылары келмейді, барлығының берген мәліметтерін топтасақ, бірауыздан айтатыны –, жазықсыз сотталғандығы, лагерьдегі жұмыстың қиындығы, қалай күйеулерінің ұсталғандығы, өздерінің қалай тұтқындалғаны, қай уақытта лагерь құрсауынан босап, ақталғандығы, т.б. Ал әйелдердің лагерьде өткізген 3-8 жыл аралығындағы күнделікті өмірі жайлы жақ ашпайды. Әрине бұл да түсінікті жәйт).

**Нәтижелер.** 1917 ж. революциядан кейін Кеңестік тоталитарлық жүйе өзінің қауқарына мініп, билік жолында аяусыз зорлық-зомбылықтарға сүйенді. Оның бір дәлелі ретінде қуғын-сүргін қиянаты орын алған жылдары, 1931 жылдан бастап 1954жылдың 1 ақпанына дейінгі кезеңде КСРО-да соттан тыс және сот органдары 3 млн 777 мың адамды ату жазасына соттап, оның 643 мыңына үкім орындалса, ал 2 млн 369 мыңын 25 жылға дейінгі мерзімге түрмелерге қамап, лагерьлерге айдалған делінеді.

Қазақстанға келсек, тарихшы ғалымдарымыздың 1991 жылы жарияланған зертеулерінде 1920-1953 жылдар аралығында саяси қуғын-сүргінге 110 мың адам ұшырады деп есептелінді (Козыбаев, 1991: 9). Кейінгі кезде бұл сан нақтылануда: 118 мың адам сотталған деген мәлімет бар. Олардың 25 мыңына ату жазасы кесілген.

XX ғасырдың 30-40 жылдары КСРО басшылығы Қазақстанды лагерлер еліне айналдыруға әрекет жасады. Сөйтіп ел аумағында Карлаг, Степлаг, Жезлаг лагерлері және т.б. лагерлер бірінен соң бірі ашылды Солардың бірі – халық арасында «АЛЖИР» деп аталып кеткен әйелдер лагері қазіргі Астана қаласына жақын маңда орналасқан болатын. Бұл жерге саяси айыптаулармен (негізінен 58-бап бойынша) сотталған әйелдер Кеңес Одағының түкпір-түкпірінен әкелінді. Олардың көбісі елдің белгілі мемлекеттік және қоғамдық қайраткерлерінің әйелдері, аналары, қыздары болатын (Кабульдинов, 2017).

Соның ішінде Отанын сатқандар әйелдерінің Ақмола лагері ерекше назар аудартады. Сотталушы әйелдер арасында «АЛЖИР» аталып кеткен бұл лагер ресми құжаттарда «Р-17» немесе «26-нүкте» деп аталып, қазіргі Астана қаласының маңында орналасқан.

1937 жылдың 3 шілдеде ІІХК Батыс Сібір бойынша басқармасының бастығы Сергей Наумович Миронов пен Қазақстан Ішкі істер халық комиссары Лев Борисович Залин бір мезгілде шұғыл құпия тапсырма алады. Онда күзеті күшейтіліп, қатаң тәртіптегі тікенек сыммен және биік дуалмен қоршалған концентрациялық лагерь ұйымдастыруға пәрмен берілген екен. Мұнда қанқұйлы қылмыскер немесе кәнігі ұры емес, нәзік жанды әйелдер – аналар,

жұбайлар, әпкелер және балалар ұсталуға тиіс болыпты. Олардың бар күнәсі - елінің болашағы үшін аянбай еңбек еткен ұлт зиялыларының туысқаны болғандығы ғана.

26-нүкте ҚарЛАГ түрмелер жүйесіндегі бөлімшелердің бірі. 1931 ж. Саратов облысынан кулактарды жер аударған кезде алғашқы арнайы қоныс ретінде пайда болды. Арнайы қоныстанушылар оздері екі-үш барак салып алады. Көп ұзамай, бұл жерге Белорусиядан, Қырымнан, Украинадан, Молдавиядан жер аударылған арнайы қоныстанушылар әкелінеді. 1937 ж. арнайы қоныстанушыларды басқа қоныстарға көшіріп, орнына, келесі жылдың басында, қақаған қыста кеңестік номенклатураның басшылық орындарында жұмыс атқарып, «халық жауы» айдарымен жазаға іліккен, сотталған, көпшілігі атылып кеткен біртуар азаматтардың жұбайлары, аналары мен балалары тауарлы вагондармен әкелінді. Қазақстан жері жазықсыз жапа шеккен әйелдердің қанды жасына тұншықты.

1938 ж. құрылған АЛЖИР лагері аз ғана уақыт ішінде жазықсыз сотталушыларға лық толады. Әйелдер мен балалардың ұсталуына 1937 жылғы 15 тамыздағы №00486 Ішкі істерхалық комиссары Н. Ежовтың жедел бұйрығы тікелей әсер етті. Бұйрықта: «Осы бұйрықты алғаннан соң 1936 жылдың 1 тамызынан бастап бірінші және екінші категория бойынша әскери Алқа және әскери трибуналда айыпталған оңшыл-троцкистік тыңшылық-диверсиялық ұйымдар мүшелері, Отанын сатқандар әйелдерін репрессиялауға кірісіндер» деп ашық айтылды (Көлбаев, 2019). Осы бұйрықтан кейін арнайы лагерлерді құру қажеттілігі туындайды. 1918 жылдан бастап 1953 жылға дейінгі аралықта, яғни 35 жыл бойы түрліше аталған түрмелер мен еңбекпен түзету лагерлері, еңбекпен түзету колониялары кеңес мемлекетінің ажыратылмас бөлігіне айналды. Қазақ даласында да осындай түрмелер, мәжбүрлеп еңбек еткізетін лагерлер санының артқаны белгілі.

Жалпы алғанда, ГУЛАГ жүйесінде 1930-1956 жж. аралығындағы еңбекпен түзеу лагерлері мен колониялардағы сотталған адамдардың саны жөнінде КСРО ІІМ ЕТЛң бас басқармасының төрағасы П.Н. Бакин КСРО бас прокуроры П.И. Кудрявцевке берген есебінде төмендегідей адамдар санының динамикасын көрсетеді: 1938 ж. – 1881570 мың адам, 1939 ж. – 1672438 мың, 1941 ж. – 1929729 мың, 1950 ж. – 2561351 мың, 1953 ж. – 2472247, 1954 ж. – 1325003 мың адам отырған. (Безбородов; Хрусталеv, 2004: 129).

1934 жылы С.М. Кировты өлтіргеннен кейін сотталғандарға қатаң қарау күшейіп, түрме, ЕТЛ, ЕТК жабық орынға айнала бастайды. 1935 жылғы 27-маусымдағы ІІХК-ның № 36354 бұйрығында барлық түрме, колония басшыларына баспасөзге сотталғандар туралы ақпараттың берілмеуі және баспасөзбен байланысты үзу мәселесін күн тәртібіне қою ескертіледі.

Осыншама жазасын өтеушілерді лагерлерге бөліп, оларды күнделікті тұтынатын қарапайым заттармен (сабын, киім-кешек, аяқ киім, құрал-жабдықтар, т.б.) қамтамасыз ету, күнделікті-материалдық жағдайын жақсарту, мәжбүрлі еңбек ету шараларын ұйымдастыру, т.б. мәселесі өзекті болды. Өйткені, сотталушыларды КСРО-ның экономикасына үлес қосулары үшін, қарапайым адам бармайтын, өмір сүре алмайтын, мүлдем игерілмеген алыс әрі ауа райы қатал аудандарға еңбекке жегіп, пайда алуды көздеген. Бірақ, Кеңес билігінің бұл мақсаты толықтай жүзеге аспады.

ГУЛАГ лагерлерінің барлығына ортақ кемшіліктері болды, олар – антисанитария, қарапайым гигиеналық заттардың тапшылығы, мезгілге сай киім-кешекпен жабдықталмауы, т.б. Сөзімізді дәйектейтін болсақ, Соловец аралындағы (УСЛОН) лагерлерінің тұрмыс-тіршілігін зерттеген арнайы

комиссия қорытындысы бойынша сотталушыларды емдейтін дәрігерлердің болмауы, не кәсіби дәрігер орнына сол сотталушылардың бірі болатыны анықталды. Сонымен қатар үй-жайлардың мүлдем ауа райына икемсіздігі айтылып, ал сотталушыларға киім-кешек жетпегендіктен, олар жұмысқа кейде жалаңаш шығуға мәжбүр болғандығы туралы жазылған (Безбородов; Хрусталеv, 2004: 141).

1938 ж. концентрациялы лагерлердегі жазасын өтеушілердің тұрмыстық жағдайын тексерген комиссияның қорытындысы бойынша төмендегі өрескел қателіктер орын алғандығы баяндалады. Мәселен, Байкало-Амур лагеріндегі тұтқындар суық, лас барактарда тұрғандығы, ал адамдарды категориялар бойынша дұрыс орналастырмағандықтан, күші басым сотталушылар әлсіздерге күш көрсетіп, олардың тамағын, киімін тартып алып отырғандығы анықталған. Отырған барлық адамдардың жартысына жуығы биттеп кеткен, тіпті жұмыс істеуге киятін киімдері жоқ жалаңаштар, «санитарлы тұрғыда қауіпті элементтерге айналған», – деп көрсетеді (Безбородов; Хрусталеv, 2004: 158). Ал Ухто-Печерский лагерінде жатын үймен тек 50% ғана жабдықталғандығы, қалғандары қысы-жазы палаткаларда өмір сүріп жатқан болатын. Осы аталған мүшкіл жағдай барлық дерлік лагерлерге ортақ сипат болды.

Жоғарыда аталған қателіктерді ескере отырып, КСРО ІІХК №0033 «ІІХК колониялары мен еңбекпен түзету лагерлерінде отырған сотталушылардың физикалық ахуалын жақсарту мен сақтау» жөнінде бұйрық шығарған. Ол бойынша жазасын өтеушілердің тұрмыстық ахуалының нашар болуы себепті олардың еңбек өнімділігі күрт төмендеп кеткендігі айтылған. Соған орай бірнеше шараларды жүзеге асыру тапсырылады. Мысалы, ауа райының қолайсыз күндері таза ауада жұмысқа шығармау керектігі, айына 3 күн міндетті демалыс беру, ол күндері жазасын өтеушілерді мүлдем жұмысқа жекпеу, 8 сағаттық демалыс, т.б. Келесі нұсқаулар назар аудартады: әр адамға баракта пайдалы тұрмыс көлемі 2 шаршы метрден кем болмауы және барактардағы температура 12-14 градустан төмен болмауы анық бұйырылған. Ал 3-ярусты жататын төсектерді толығымен 2-ярусты төсектерге ауыстыру, бөлмелерді үстелдермен, орындықтармен, сөрелермен жабдықтау бұйырылған (Безбородов; Хрусталеv, 2004: 217-218). Осы тапсырманың орындалу барысын тексеру нәтижесінде біршама еңбекпен түзету лагерлерінде тапсырма орындалған, Карлаг бойынша әр адамға 1,9 шаршы метр пайдалы аудан бөлінген, 2-ярусты төсектермен – 75% құрады, 60% жастық жапқыштармен, 15% көрпемен жабдықталғандығы жазылған (Безбородов; Хрусталеv, 2004: 230-231).

Дегенмен, жоғарыда айтылған нұсқаулықтар тек қағаз жүзінде қала берді. Лагерлік тәртіптің ішкі өмірін көрген бейбақ аналардың естеліктерінде кереғар көріністер баяндалады. Мәселен, Зағипа Тналина, 3 ай Алматы түрмесінде отырған соң АЛЖИРге этаппен жөнелтілген. Ол кезде жалпы 32 барак болған екен. Әр баракта 300-400 адам тұрған. Жастық пен көрпе қамыспен қапталған, барактың ішін қамыспен жылытқан. Қамысты бірнеше шақырым жолда орналасқан қамысты көлшіктен орып әкелген. 800 г. паек норма асқа қол жеткізу үшін тыным таппай қамысты орып, оларды біріктіріп бұған. Оны кептіріп, баракты жылытуға пайдаланған. Бірақ одан айтарлықтай жылулық болмаған. «Таңғы алтыдан бастап жұмысқа кірісетінбіз. Адам мен малды тамақтандыруды салыстырса, малдың ішіп-жемі жақсырақ болған», – деп темір тордың арғы жағындағы өмірді жаспен еске алады. АЛЖИР басшылары болса, тамақтандыру жұмысы жақсы жолға қойылған, жеткілікті болған дейді. Ал Сағадат Ташдитова айтуынша, тамақ жетіспеді, ет мүлдем болған жоқ, қант та



болмаған. Ал Юзипенко естелігінде (АЛЖИР лагерінің надзирателі) күнделікті жұмыс істейтін де, істемейтін де адамға белгіленген сухой паек норма болған. Асханада бүкіл азық-түлік болған, ет те берілген, сүт те берілген дейді. Барлық көкөністер де берілген. Бидайдан жасалған нан болғанын айтып, ақталғысы келгендей (ЦГА, 2-сер. дер. фильм «АЛЖИР»).

Мәриям Есенгельдина Әлиханованың айтуынша, сотталушылар ішінде әртүрлі топтағы жазасын өтеушілер болған. Еш кінәсі жоқ 58-баппен айыпталған қарапайым әйелдермен қоса адам өлтірушілер, жезөкшелер, ұрылар да бірге отырған. Куәгердің естелігі бойынша, әйелдер күніне 20 сағат жұмыс жасаған (ЦГА, 2-сер. дер. фильм «АЛЖИР»).

Сол жылдары тұтқындау орындарында жазықсыз жазаланған әйелдерді шынымен қылмыс жасаған (адам өлтірген, адам тонаған) әйелдермен бірге қамау үрдіс алған. Түрмелердегі қылмыскерлер әйелдер түрме тілімен «урки» деп аталған. Соколова Нина Иванова өз естелігінде, «...Құлағымнан балалардың, әйелдердің жылаған дауыстары кетпейді. Алайда, түрмелерде рецидивистер «урки» де болды. Оларды түрме өмірі шошындырмады (Абрамов, 2011: 119). «Урки» өздерін еркін әрі озбыр ұстады. Тіпті, өзге әйелдердің жеке заттарын тартып та алатын еді. Олар айдауылдармен дөрекі сөйлесетін. «Уркилер» әйелдердің әдемі киімдерін тартып алып, қарсылық көрсеткендерді ұрып-соғатын еді. Бұл жағдай мен үшін жабайылық, әрі өте қорқынышты болды. Үлкен әйелдер біздерге «бәріне шыдау керек, төзу керек» дейтін. Мәдениетті, оқыған әйелдер өздерін түрмеге қамап, балаларын тартып алғанда «өз халқына жасалған қандай заңсыздық» деп те жылап жүрді. Әйелдердің ешқайсысы өздерінің жесір қалғандығын білмеді де. Әйелдер жеке камералардан өлердей қорқатын. Әйелдердің көпшілігі балалары мен күйеулерін ойлап қана өмір сүрді» (Абрамов, 2011: 122).

Маршал Тухачевскийдің әпкесі Елизавета Николаевна Тухачевская: «Мальтхаузен концлагерінің макетіне АЛЖИР лагері өте ұқсас, тіпті бірдей. Тек крематорий мұржасы ғана жоқ» дейді. 1948 ж. оны әпкелерімен бірге тағы да 8 жылға соттап, Колымаға айдауға жіберген.

Кучумова Ольга Михайловна, 8 жылға сотталған, ТАСС анықтамалық редакциясында референт болып істеген. Күйеуі Лавров Миахил Александрович КСРО мемлекеттік банкінің орталық бухгалтерия басқармасы төрағасының орынбасары болып еңбек еткен. Отанын сатқан опасыздардың отбасы мүшесі ретінде АЛЖИР-ге қамалған. Осы әйелдің біршама толық естеліктері жазықсыз жапа шеккендердің күнделікті тұрмыс-тіршілігін, материалдық қамтамасыз етілуін сипиттайды. Ольга Михайловнаның мемуарынан: «Ұзын бір барак, 300-ге жуық әйелдер. Екі-үш жерден әлсіз шырақтар жанып тұр. Ортада сабан кірпіштен жасалған пеш, мұржасы сарайып төбеге дейін созылған. Өзіміз терген қамыс жанып жатыр, ал пештің кептіріліп жатқан біздің шұлықтар мен аяқ-киімдерімізден бос орны жоқ. Себебі таң азанмен суыққа киіп шығып, жұмыс істеуіміз керек», – деп еске алады (Ұрпақтар ұмытпайды, 2017: 394).

Лагерге келген алғашқы екі қыс айларында байғұс әйелдер ешбір жұмыстарға тартылмай тек өздерін Сарыарқаның қақаған аязында жылумен қамтамасыз етті, жазда өздеріне пана болатын қамыстан барак салды. Осы себепті лагерде жазасын өтеп жатқан әйелдер 200 адамнан бөлініп сапқа тұрып Ақмола лагеріне жақын орналасқан көлге барып күннің суығы мен ыстығына қарамай күнделікті пайдалану үшін қамыс жинады. Айта кету керек бұл жұмыстың өзі жан жақты, әсіресе психологиялық және физикалық тұрғыдан күйзеліске ұшыраған әлсіз әйелдер үшін өте ауыр болды. Қыстың күні қамыс барактарды тек 6-8 градусқа дейін ғана жылытатын дейді Алжирде

жазасын өтеген әйелдер өз естеліктерінде. Бұл әйелдердің көбісі күйеулері, балалары қайда қалғанын білмей жалпы отбасының ойран болғанына қамығып жүрген бейшара әйелдер болатын. Өз жазықсыздығын дәлелдей алмай дәрменсіз күй кешкен. Түрлі этнос өкілдері бола тұрып әр қайсысының өз уақиғасы болса да, оларды ортақ қайғы-мұң біріктірді, біріне бірі қамқор болды. Бастарына төнген қыйындықты қарқынды жұмыс істеу арқылы, жазасыз бола тұра қоғам алдындағы жазаларын адал өтеуге тырысты. Олардың психикасы бұзылып, жады қайғыға толып кетсе де адал жұмысы арқылы ары қарай тіршілігін жалғастырды. Жазықсыз лагерге аттанған әйелдер түрлі мамандық иесі еді, кейбіреуі басшылық қызметер де атқарған мықты білікті мамандар. Уақыт өте келе олар лагер басшылығымен келісіп өздерін өздері ең керектімен қамтамасыз ету үшін кәсіп орын шаруашылық ұйымдастыруды ойластырады. Тұтқын әйел азаматшалар Ақмола лагері аумағында тігін фабрикасын, кірпіш зауытын құру, электростанция, монша салу қолға алынды. (Кукушкина, 2002: 95-96).

Осы орайда, тігін фабрикасын ұйымдастырған М.Л. Анцис өз естеліктерінде былай дейді: «Бізді лагерге тыққан адамдарды сөйлеспек түгіл, көргіміз келмесе де олар бізден жұмысты ұйымдастыру бойынша әрекет күтті. Карлагтың сол кездегі басшысы Лениннің сөзі былай еді: «Сіздердің толқуларыңыз біз үшін түсінікті, бірақ айтар жаңалығымыз көңілсіз. Сендердің жолдастарын халық жауы ретінде атылға. Балаларың жетімдер үйінде. Сендерден бас тартқан! Совет Үкіметі оларды нағыз Совет азаматы етіп тәрбиелейді. Ал сендер осы далада өз өмірлеріңізді жалғастыру керексіңдер. Сендер адал жұмыс істеуге мәжбүрсіңдер.» осы талқылау екі сағатқа созылып ақыр сонында Анцис және басқа жазасын өтеп жүрген әйелдер ең жақын елдімекеннен 45 шақырым жерде орналасқан Ақмола лагеріне шикізатты жеткізуді мүмкін деп тапқан. Олардың айтуынша 40 градус суықта осы далаға мыңдаған ана мен балаларды жеткізгенде, басқасы да жететіні айтқан». Бұл тұтқындардың соңғы жауабы еді. Осылайша тігін фабрикасын салуға рұқсат алынған болатын. Келесі күні тұтқын әйел азаматтарды лагер басшылығы дайындаған бұйрықпен таныстырады, онда Э. Кетчикті – тігін фабрикасы ғимаратын салу құрылысының басшылығына, М. Анцисті құрылыс жобасының техникалық басшылығына, Г.И. Руденконі көкөніс базасына, М.И. Синцованы дөңді дақыл өсіру саласына, Шарыгинаны сүт фермасына басшылыққа, О. матренинаны кірпіш зауытына, К. Дьяткованы мал дәрігері етіп тағайындапты. Сөйтіп жылдарға созылған қарқынды жұмыс басталып кеттеді. Жұмысқа берілген әйелдер аянбай тәулігіне 12 сағаттын немесе одан да көп артығымен жұмыс істегенін естеліктерінде айтады. (Жүнісбеков, 2014: 85-86).

Әйелдер еңбекпен түзету лагерлерінде халық шарушылығын дамытуға көп үлес қосты. Қазақстан лагерлерінде де, ГУЛАГ-та қолданылған мәжбүрлеп еңбек еткізу әдістері кеңінен пайдаланылды. Мысал ретінде келтірер болсақ:

- күндік тапсырманы (норма) орындамағандарға берілетін нан мөлшері қысқартылған;

- атқарылатын жұмыс дені сау және дімкәс, науқас әйелдерге де бірдей болды. Ал, егер де бір күндік жұмыс нормасы орындалмаса 18 сағат, тіпті одан да көп жұмыс жасатқызған. Сотталған аналар лагерде өздеріне жұмсалған шығынды еңбегімен өтеп қана қоймай, сонымен бірге мемлекетке табыс әкелуге де міндетті болды. Айыпталғандарға ана ретінде ғана емес, адам ретінде де қарамай, ауа-райы да ескерілмей, ауыр жұмыстарды жасатқызған (Ділманов, 1999: 44). РСФСР еңбекпен түзету кодексінде «Пища работающим заключенным увеличивается в соответствии с количеством затрачиваемой

энергий» – деп жазылғанымен, іс жүзінде жағдай басқаша болды. Сондай-ақ, аталған кодексте тұтқындар еңбегінен түскен таза пайданың 12,5 пайызы сотталғандардың тамағына, ал 40 пайызы тұтқындау орындарындағы өндірісті кеңейтуге, ал 12,5 пайызы түрме, лагерь қызметкерлерін сый-ақымен марапаттауға бөлінетіндігі ескертіледі (Собрание кодексов РСФСР, 1928: 723). Түрмелердегі әйелдер жағдайының адам төзгісіз болғандығы туралы мәліметті, біздер тек қана сотталған аналардың естеліктерінен ғана ала аламыз. Себебі, 1925-1938 жылдардағы ЕТЛ, ЕТК және түрме құжаттарында аталған мәселе төңірегінде әңгіме де қозғалмаған. Түрмелерде тұтқындар санының шектен тыс көп болуы және аурулардың көптігі туралы деректерді мұрағаттардан жиі көруге болады (Сәрсембина, 2018). Сонымен қатар айыпкерлердің арыз-шағымдары да тексеріліп тұрған. Тексеру нәтижесінде түрмелерде басшылар тарапынан сотталғандарға қысым жасалған жағдайлар да кездескен.

Ал Қарлақтың Ақмола бөлімшесінде «Отанын сатқандар» әйелдері лагерінде соғыс кезінде жағымды жағдайдың қалыптасқанын, әйелдер сегіз сағат жұмыс істеп, балаларымен бірге тұрып, барлық медициналық қызмет көрсету салалары болды деп көрсетеді кейбір құжат деректерінде. Ол жерде сондай-ақ лагерьдегі әйелдердің 10 мың га егістік жерге бидай, арпа, тары, сұлы сияқты дәнді дақылдар екен, ал 210 мың га суармалы жерге картошка, капуста, қызылша, сәбіз, помидор, қияр және пияз көкөністерді өсірген. Сонымен қатар 500 бас сиыр және 500 бас жылқы өсіретін 2 ферма болған. Ауыл шаруашылық жұмысынан бөлек 2000 әйел қызмет ететін тігін фабрикасы мен тоқыма өндірісі жұмыс істеді. Негізінен бұл жұмыстардың барлығын жазасын өтеп жатқан әйелдер атқарды, кейбірінің көп жылдық тәжірибесі бар аналар еді. Атап өтетін болсақ, бас агроном қызметін ауылшаруашылық ғылымдарының кандидаты Е.А. Сенцова, аға зоотехник қызметін Н.С. Савельева, мал дәрігері қызметін К.М. Дедкова, көкөніс өсіруші-агроном, суармалы егістің меңгерушісі А.И. Руденко атқарған. Ал тігін фабрикасын тәжірибесі мол маман М.Л. Анцис басқарды. Осы фабриканың құрылуына да, жұмыс жасауына да атсалысып, ұйымдастырушысы да өзі болды. Бұл фабрика соғыс жылдары майданда жүрген солдаттарды әскери киімдермен қамтамасыз етіп отырды. Негізінен фабрикаға шикізатты Ивановадан, Тейковадағы тігін фабрикасынан, Барнаул мен Ташкенттегі комбинаттардан алды. Фабрикада жұмыс істеп жүрген әйелдер: «Бәрі майдан үшін, бәрі жеңіс үшін» деген ұранмен тоқтаусыз жұмыс атқарған. Сөйтіп олар 1942 жылы 1 млн рубльге дейін табыс алып келген<sup>1</sup>.

«АЛЖИР»-дегі ауыр жағдай туралы Мария Даниленко: «Біздер 25, 35, 50 градус салқындық пен 50 градус ыстықта да жұмыс жасадық. Бір жаз ішінде әйелдер 18 құрылыс объектілерін салдық деп өз естелігінде жазады...» (Грибанова и др., 2002: 82).

Осы аталған лагерьде жазасын өтеген Уәзипа Майжолова-Күленованың естелігіне мән берсек: «Лагерьде таңғы сағат төрттен кешкі сағат алтыға дейін үзіліссіз жұмыс жасайтынбыз. Ет дегенді көрмейміз. Жұмыс басына түсте бір булочка мен шәй алып келеді. Орыс, грузин, армян, түркі әйелдері барлығымыз бір кісіден туғандай бір-бірімізге жанымыз ашып тұратын. Бірде мен, Ақмоланың боранды қысты күндерінде, лагерьдің шығыс жағындағы қамыс көлге түсіп кеттім. Әрең дегенде шықтым. Үсті-басымның бәрі мұз болып қатып, денеме киімдерім жабысып қалған. Күзетшіге баракқа барайын десем, қашып кетеді деп жібермеді. Содан кешке келіп, барактағы әйелдер денемдегі

<sup>1</sup> Астана қаласының Мемлекеттік архиві (АҚМА) 370-қ., 1-т., 52-іс., 3-4-пп.; 7-п

жабысып қалған киімдерімді жібітіп, мені босатып алды. Сол оқиғадан кейін қазір менің тырнақтарымның бәрі аппақ цемент сияқты опырылып түсіп жатады (Грибанова и др., 2002: 170)» - деп, өз естелігінде лагерьдегі әйелдердің ауыр жағдайын көрсетеді.

Сонымен қатар, Зағипа Тінәлина өз естелігінде лагерьдегі әйелдердің өмірі туралы былай деп айтады: «...Қатар-қатар барақтар, адам тұратын жайдан гөрі мал немесе ит ұстайтын қораға немесе колхоздың темір-терсек сақтайтын қамбасына ұқсайды. Іші үш қатар нар (бөстекше), ертеңгісін және кешкісін сапқа тұрғызып қойып тексеру, одан айдауылмен итін өршелендіре дедектетіп қара жұмысқа апарады, алып қайтады. Ауыр жұмыстан, аштықтан әлсіреп сүйретіле түннің бір уағында бөстекшелерімізге құлаймыз. Қыста қақап (жылытылмайтын болғандықтан), жазда монша жаққандай пысынап, керегелерінен пар тамшылап, тұншықтырып, алқымды буып, тынысты тарылтатын қапырық сасық үйімізге жолшыбай құлап-сүрініп, итке таланбай аман жеткенге шүкір етеміз. Бір барақта үш жүзге дейін адам тұрамыз... Құлдық дәуірдегі құлақ кесті құлдардың өмірі бізден көш ілгері шығар-ау. Бәрінен қиыны-өнебойы аш құрсақ, жадауымыз. Мен мал бақтым. Күзде қамыс орамыз, белуардан мұздай су кеше, орақпен қамыс орып баулаймыз. Норма-140 бау, күніге. Орындасаң-700 грамм нан аласың. Орындамасаң... адамда жалғыз-ақ арман болады екен: нанға тою! Күздің қара суығында үсті-басымыз суға малшына жататын орынға ораламыз. Таң сәріде қамысқа қайта дірдектеп кетеміз...» (Дәуренбекова, 1993). Мұндай адам төзгісіз жағдайға шыдай алмай өліп кеткендер көп болған. Оларды, яғни өлгендерді түнделетіп арбаға тиіп, қазылған шұңқырларға апарып көміп тастап отырған. Жерге тапсырудың хайуаннан айырмашылығы өлген кісінің башпайына тақтайша байлап, оған нөмірлеп, марқұмның анықтамасы қысқаша жазылған белгімен жерлеген.

Лагерьдің азапты өмірін 1938-жылдан 1955-жылға дейін басынан өткерген Күләндам Қожанованың естелігіне мән берсек: «...Көктемнің жанға жайлы ертеңгі шағы болатын. Лагерьдің қызметкерлері бізді ауланың ішіне иіріп қойып: Бүкіл жұртшылық Отанымыздың күш-қуатын, хал-ахуалын арттыру жолында бір кісідей ат салысулы. Күні-түні ізденіс, талпыныс. Ал, сендер ше? Рахат! Жағаларыңыз жайлауда, жайбарақат өмір сүріп жатырсыздар. Тамақ үкіметтен! Өңшең әзір асқа тік қасықтар – деп тілдеп-тілдеп алды да, бұдан былай жағдайдың өзгеретіндігін, топ-топқа бөлініп, жұмыс істейтінімізді мәлімдеді...» (Дәуренбекова, 1993).

Сондай-ақ тұтқын аналардың мерекелерді атап өтуге құқы болмаған. Себебі, олар «азаматша» деген құқықтан айырылған болатын.

Ақмоладағы «Отанын сатқандар» әйелдерінің лагері ашылған уақыттан, яғни 1938 жылдың 6 қаңтарынан бастап әйелдер тиелген алғашқы вагон келе бастайды. Олардың ішінде 1 жастан 3 жасқа дейінгі балалы әйелдер бар еді. Лагерьдегі 2 жасқа дейінгі нәрестелер «балалар комбинатында» ұсталған. Ал баласы төрт жасқа толған кезде оларды Осакаров балалар үйіне жіберіп отырды (Тасымбеков, 1993: 201).

Түрмеде, лагерьде туылған балалар «лагерь балалары» деп аталған. Ал, еңбекпен түзету колониясы мен лагерлерде туылған сәбилерге арнап арнайы балалар бөлмесін ұйымдастыру 1934-жылы айтылған еді. Аналарды балаларын тамақтандыруға конвоймен әкеліп, әкететін болған. Лагерлердегі баласы бар немесе аяғы ауыр әйелдер зона тілімен «машка» деп аталған. «Заключенные женщины, начиная с пятого месяца беременности, не подлежат высылке на работу вне места заключения без их на то согласия»-деп РСФСР

еңбекпен түзету кодексінде жазылғанымен іс жүзінде жағдай басқаша болды (Собрание кодексов РСФСР, 1993:15).

Лагердегі ауыр жағдай (бөлменің салқындығы, тамақтың жетіспеуі, аналардың ауыр еңбекпен айналысуы және т.б.) сәбилерге қалай әсер еткендігін айтпай-ақ түсінуге болады. Тұтқын өмірін бастан кешірген аналардың естелігінде осы жағдай жиі айтылады. Жак Россиидің айтуынша, жазасын өтеп шыққаннан кейін де аналардың балаларын іздеп, тауып алуы өте қиындықпен жүзеге асқан (Росси, 1991: 235). Лагерден 3-4 жастағы балаларды сәбилер үйіне жөнелту нағыз әскери қимыл ретінде жүргізілген. Сәбилерді анасынан тартып алу түнгі уақытта іске асырылған. Лагерде болған әйелдер өз естеліктерінде жаны күйзелген аналардың балаларынан айырылған сәттегі жан азабын (айдауылдармен төбелесу, тікенек сымдарға, қабырғаға бастарын соғу және т.б.), тіпті кейбір әйелдердің жынданып та кеткендігін қинала айтады (Тасымбеков, 1993: 49). Осындай оқиғаны мысал ретінде айта кетсек, Галина Степанова-Ключникованың естелігінде: «Вераны ұстауға келген ІІХК қызметкерлері өзінің және ұлының киімдерін жинауды бұйырады. Сөйтіп ол екі чемоданға өзінің және баласының киімдерін салып жинайды. Түрмеге барған кезде анасы мен баласын айырып, ұлын балалар үйіне жібереді. Кейін ол чемоданды ашып қараса баласының киімі салынған екен, яғни чемодандарын ауыстырып алған. Екі жылдан кейін хат жазысуға рұқсат ету басталған кезде Вера ұлын іздейді. Ол ұлының қайтыс болғаны туралы хабарлама алады. Қайғыдан қан жұтқан ана күнде чемоданды ашып баласының киімдерін қолына ұстап баласымен сөйлескен сияқты отырады екен, есінен адасып, жынданып кеткен екен». (Жүнісбеков, 2011: 254). Түрмелер мен ЕТЛ-де аяғы ауыр әйелдердің жағдайларына ешқандай мән берілмегендігін мұрағат құжаттарды да дәлелдейді<sup>2</sup>.

Ал ресми билік өкілдерінің көзқарастары мүлдем басқаша болған. Олар отанын сатқан опасыздардың отбасы мүшелеріне жемтікке шүйліккен жыртқыш аңдай озбырлық көрсетіп, оны қалыпты жағдай ретінде сипаттайды. Сөзімізді дәйектейтін болсақ, Қарлаг архипелагының бөлімшелерінде бақылаушы (надзиратель) болып жұмыс атқарған М.Т. Юзипенконың ісі, естелік-жазбасы табылды. Астана қалалық архивінде лагерь тарихына байланысты №370 нөмірмен сақталған М.Т. Юзипенконың (1904-1994 жж.) жеке қорында оның өз әрекетін, АЛЖИРдегі қатал тәртіпті жұмсартып, ақтап жазған естелік-хаттары сақталған.

Естеліктегі Қарағанды лагерінің, соның ішінде Ақмола бөлімшесінің жұмысы және лагерьге тоғытылған әйелдер мен лагерь өмірі жайлы мәліметтер бақылаушының көзқарасы тұрғысында жазылған. Айта кету керек, АЛЖИР тарихына қатысты осы күнге дейінгі жарияланған еңбектерде бұл құжат мәліметтері пайдаланылмаған. Сондықтан бұл құжатты біз алғаш рет ғылыми айналымға тартып отырмыз десек болады (Юзипенко, 52 іс.). Украинаның Черкасск облысы, Писаревка селосында туылып, әкесімен бірге 1903 ж. солтүстік Қазақстанға қоныстанған Юзипенко Михаил Терентьевич өзінің жазбасын 1921-1923 жж. Поволжьедегі ашығып жатқан халқына, питерліктерге арнап Солтүстік Қазақстаннан астық жинаған азық-түлік отрядында болғанынан бастайды. (Бұл жылдардың Қазақстанды да ашаршылық жайлаған жылдар екенін ескерейік - автор). Орта Азиядағы, Бұхарадағы басмашылармен күреске кавалерист қатарында қатысқан ол өзінің жүріп өткен өмір жолын еске түсіреді. 1931 жылдан бастап Қарағанды қалалық атқару кеңесінде, партиялық қызметтерде болған Юзипенко 1934 жылдан бастап Қарағанды еңбекпен

<sup>2</sup>Қазақстан Республикасы орталық мемлекеттік архиві (ҚРОММ) 1380-қ., 2-т., 210-іс. 25-п

түзеу лагерінде бақылаушы қызметін атқарып, 1939 жылдан Қарлагтың 26-нүктесінде, Ақмола бөлімшесінде (АЛЖИР-де) әкімшілік-шаруашылық бөлімінің бастығы болып қызмет атқарады. 1941-1943 жылдары «АЛЖИР», яғни «Отанын сатқандар» әйелдерінің Ақмола лагерінің бастығының орынбасары болып қызмет атқарады<sup>3</sup>. Қорға автор естеліктерін 1989, 1991, 1992, 1994 жылдары өткізген. Қордың алғы сөзінде М.Т. Юзипенко «1934 жылдың ақпанынан 1948 жылдың наурызына дейін Қазақ КСР ІІХК – ІІМ жүйесінде қызмет еткен, оның ішінде, яғни «26 нүкте», «АЛЖИР» деп аталған Қарлагтың Ақмола лагерінің бастығының орынбасары болды» делінген.

Бұл құжат түрме қызметкерлерінің түрмедегі қатал тәртіпті қалыпты жағдай ретінде қабылдағанына куә деуге болады. Өз міндетін адал атқардым деп есептеген М. Юзипенко Қарлаг Ақмола бөлімшесінің қалыптасуы туралы жазбаларында «Отанын сатқандар» әйелдер лагерінде жағымды жағдайдың қалыптасқанын, әйелдер сегіз сағат жұмыс істеп, балаларымен бірге тұрып, барлық медициналық қызмет көрсету салаларының көмегін пайдаланғанын айтады. Құжат АЛЖИРге тоғытылған әйелдердің айналысқан шаруашылықтарынан хабардар етеді. Ол лагерьдегі әйелдердің 10 мың га егістік жерге бидай, арпа, тары, сұлы сияқты дәнді дақылдар еккенін, 210 мың га суармалы жерге картошка, капуста, қызылша, сәбіз, помидор, қияр және пияз көкөністерді өсіргенін айтады. Лагерьде, сонымен қатар, 500 бас сиыр және 500 бас жылқы өсіретін 2 ферма болған. Ауыл шаруашылық жұмысынан бөлек 2000 әйел қызмет ететін тігін фабрикасы мен тоқыма өндірісінде жұмыс істеді. Бұл жұмыстардың барлығын жазасын өтеп жатқан әйелдер атқарды, кейбірінің көп жылдық тәжірибесі бар аналар еді. Атап өтетін болсақ, бас агроном қызметін ауылшаруашылық ғылымдарының кандидаты Е.А. Сенцова, аға зоотехник қызметін Н.С. Савельева, мал дәрігері қызметін К.М. Дедкова, көкөніс өсіруші-агроном, суармалы егістің меңгерушісі А.И. Руденко атқарды. Ал тігін фабрикасын тәжірибесі мол маман М.Л. Анцис басқарды. Осы фабриканың құрылуына да, жұмыс жасауына да атсалысып, ұйымдастырушысы да өзі болды. Бұл фабрика соғыс жылдары майданда жүрген солдаттарды әскери киімдермен қамтамасыз етіп отырды. Негізінен фабрикаға шикізатты Ивановадан, Тейковадағы тігін фабрикасынан, Барнаул мен Ташкенттегі комбинаттардан алды. Фабрикада жұмыс істеп жүрген әйелдер: «Бәрі майдан үшін, бәрі жеңіс үшін» деген ұранмен тоқтаусыз 3 ауысыммен жұмыс атқарған. Сөйтіп олар 1942 жылы 1 млн рубльге дейін табыс алып келді – деп жазады М.Т. Юзипенко<sup>4</sup>.

Ол «Свидетельствую как это было (К истории Карлага)» атты құжатта лагерді тіпті одан әрмен керемет етіп көрсетеді: «Қарлагты тұтқындар орны емес, курорт болды деп айта аламын ба? Басқа лагерлермен салыстырғанда – иә!» – деп жазған<sup>5</sup>. М.Т. Юзипенконың жазған естеліктерінен Қарлагтың тарихы туралы материалдарды ала алатынымызды жоққа шығармаймыз, әсіресе мекеме басшылары, шаруашылық жағдайы мен экономикалық әлеуетіне қатысты мәліметтер кездеседі.

1937-1953 жылдар аралығында АЛЖИР-де болған әйелдердің саны туралы деректер әртүрлі. Бір жерде 7,5 мың, екінші мәліметте 18 мың, үшінші ақпарат көзінде 21 мың әйел түзету лагерінен өткені көрсетіледі. АЛЖИР мемориалды кешенінің қызметкерлері мен зерттеушілер еңбегінің арқасында қазір 7,5 мың әйелдің аты-жөні анықталды. Қалған әйелдердің есімі әлі белгісіз.

<sup>3</sup> АҚМА, 1-16-пп.; 1-8-пп; 1-24-пп

<sup>4</sup> АҚМА, 3-4-пп.; 7-п

<sup>5</sup> АҚМА, 13-п

**Қорытынды.** Кеңестік тоталитарлық қоғамның адам санасына салған зардаптары әлі күнге дейін жаңғыруда. Сталиндік жазалау саясаты кезінде қазақ халқының ерте заманнан бері сақталып келе жатқан әйелдердің қоғамдық дамудағы орны мен рөліне берілген бағасы мен соған сәйкес келетін қарым-қатынастары аяқ асты болды.

Қорыта келгенде, Ақмоладағы «Отанын сатқандар» лагерінде болған әйелдер тағдырын зерттеу, олардың адам төзгісіз жағдайда өмір сүргенін олардың естелік құжаттары дәлелдейді. Себебі, архив қойнауларынан табылған, лагерлерге тоғытылған әйелдерге қатысты ресми құжаттар әйелдерді тұтқындау себептерін қылмысы үшін дәлелді етіп, ал жүкті әйелдердің жағдайы, бала тууы мен бала күтіміне қатысты шараларды адамгершілік принциптерге лайықты етіп көрсетеді. Ресми құжаттарда жазаланған әйелдердің жұмыстан шығарылу себебі «өз еркімен босады» деп тіркелген. Нақты айтқанда ресми құжаттар лагерлердегі тамұқтық жағдайларды объективті баяндай алмайды.

Архив қорларынан табылған ресми құжаттарды куәгерлер естеліктерімен саралай отырып сол кездегі тарихи ақиқатты ашу зерттеушілер үшін жауапкершілікті іс екендігін айтып өткен орынды. Адам төзгісіз физикалық және психологиялық қысымнан бейбақ аналар қалайша аман қалды деген сауалға бір ғана жауап бар. Оны Нығмет Сырғабековтың жары Бибіжамал Сырғабекова, АЛЖИР лагерінің тамұғынан аман қалғанын таңдана еске ала отырып сөз етеді. «Бізді – балаларымызды көру үшін, оларды тауып, аяққа тұрғызу, бір құшаққа басу арманы ғана лагер ажалынан аман алып қалды», – деген сөзі барша жазықсыз әйелдерге ортақ болғаны анық.

### Әдебиеттер тізімі / Список литературы

1. Абрамов, 2011 – Абрамов Д. Места заключения и репрессированные. Алматы: Глобус, 2001. 142 с.
2. Безбородов; Хрусталева, 2004 – История сталинского ГУлага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7-ми томах / Отв. ред. А.Б. Безбородов, В.М. Хрусталева. М.: «Российская политическая энциклопедия» РОССПЭН, 2004.
3. Грибанова и др., 2002 – Страницы трагических судеб / Сост. Е.М. Грибанова, А.С. Зулкашева и др. Сборник воспоминаний жертв политических репрессии в 1920-1950 гг. Алматы: Жеті Жарғы, 2002. 448 с.
4. Дәуренбекова, 1993 – Алғашқы қарлығаштар / Құраст. Дәуренбекова Д. Алматы: Қазақстан, 1993. 208 б.
5. Ділманов, 1999 – Ділманов С. Қарағанды лагеріндегі тұтқындар // Ақиқат. 1999. №12. 41-47 бб.
6. Жүнісбеков, 2014 – АЛЖИР. Қорқынсты түстей... Как страшный сон... Эстеліктер. Воспоминания / Бас ред. Жүнісбеков Б. Астана, 2014. 364 б.
7. Жүнісбеков, 2011 – «АЛАШ-АЛЖИР / ALASH-ALZHIR» АЛЖИР. I-II Том. Астана: Сарыарқа, 2011.
8. Кабульдинов, 2017 – Кабульдинов З.Е. АЛЖИР: Лагерь насилия. 25.11.2017 [Электронный ресурс] / URL: <http://mysl.kazgazeta.kz/?p=10484> (кіру уақыты 30.05.2019).
9. Козыбаев, 1991 – Козыбаев М.К. Демографические исследования в Казахстане: итоги и перспективы // Вестник АН Каз ССР. 1991. №11. С. 7-13.
10. Көлбаев, 2019 – Тілеу Көлбаев «Алжирдегі» жазықсыз арулар. 25.05.2011 [электронды ресурс] / URL: <http://anatili.kazgazeta.kz/?p=6542> (кіру уақыты 30.05.2019)
11. Кукушкина, 2002 – Кукушкина А.Р. Акмолинский лагерь жен «изменников родины»: история и судьбы / МОН РК, Каз. фин.-экон. ун-т. Караганда, 2002. 184с.
12. Личный архив А.Н. Яковлева – Личный архив А.Н. Яковлева [электронный ресурс] / URL: <http://www.alexanderyakovlev.org>. (кіру уақыты 30.05.2019).
13. Росси, 1991 – Жак Росси. Справочник по ГУЛАГУ. М.: Просвет, 1991. Ч.1. 548 с.
14. Сәрсембина, 2018 – Сәрсембина Қ.Қ. Еңбекпен түзету лагерьлері мен түрмелердегі әйелдер жағдайы (Сталиндік саяси-құғын-сүргін жылдарындағы) // Edu.e-history. kz. электрондық журнал. 2018. №4. (16).
15. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1981 – Система исправительно-трудовых лагерей в СССР 1923-1960: Справочник. М., 1981. 479 с.

16. Собрание кодексов РСФСР, 1928 – Собрание кодексов РСФСР редакции 1926 г. М.: Юр. изд. НКЮ РСФСР, 1928. 1183 с.
17. Тасымбеков, 1993 – Тасымбеков А. Жан дауысы. АЛЖИР архипелагы. Алматы: Жазушы, 1993. 223 б.
18. Узницы «АЛЖИРа, 2003 – Узницы «АЛЖИРа». Список женщин – заключенных Актмолинского и других отделений Карлага. М.: Звенья, 2003. 567 с.
19. Ұрпақтар ұмытпайды, 2017 – «Ұрпақтар ұмытпайды» = «Помнят Потомки» = «The descendants remember». Семей, 2017. 514 б.
20. ЦГА, 2-сер. дер. фильм «АЛЖИР» – Центральный Государственный архив кинофотодокументов и звукозаписи Республики Казахстан

## References

- Abramov, 2011 – Abramov D. Mesta zaklyucheniya i repressirovannye. [Places of detention and repressed] Almaty: Globus, 2001. 142 s. (in Rus)
- Bezborodov; Hrustalev, 2004 – Istoriya stalinskogo Gulaga. Konec 1920-h – pervaya polovina 1950-h godov: Sbranie dokumentov v 7-mi tomah [History of Stalin's Gulag. Late 1920s – first half of 1950s: Collection of documents in 7 volumes] / Otv. red. A.B. Bezborodov, V.M. Hrustalev. M.: «Rossiyskaya politicheskaya enciklopediya» ROSSPEN, 2004. (in Rus)
- Gribanova i dr., 2002 – Stranicy tragicheskikh sudeb [Pages of tragic fates] / Sost. E.M. Gribanova, A.S. Zulkasheva i dr. Sbornik vospominaniy zhertv politicheskikh repressii v 1920-1950 gg. Almaty: Zheti Zharfy, 2002. 448 s. (in Rus)
- Dәurenbekova, 1993 – Algashky karlygashtar [The first swallows] / Kyrast. Daurenbekova D. Almaty: Kazakstan, 1993. 208 b.
- Dilmanov, 1999 – Dilmanov S. Karagandy lagerindegi tytkyndar [Prisoners of Karaganda camp] // Akikat. 1999. №12. 41-47 bb.
- Zhunisbekov, 2014 – ALJIR. Qorqinisti tustey... Kak strashnyi son... Estelikter. Vospominaniya [Like a bad dream, memories] / Bas red. Zhunisbekov B. Astana, 2014. 364 b.
- Zhunisbekov, 2011 – «ALASH-ALZHIR / ALASH-ALZHIR» ALZHIR. I-II Tom. Astana: Saryarka, 2011.
- Kabul'dinov, 2017 – Kabul'dinov Z.E. ALZHIR: Lager nasiliya. [ALZHIR: the Camp of violence] 25.11.2017 [Elektronnyy resurs] / URL: <http://mysl.kazgazeta.kz/?p=10484> (kiru uakyty 30.05.2019). (in Rus)
- Kozybaev, 1991 – Kozybaev M.K. Demograficheskie issledovaniya v Kazahstane: itogi i perspektivy [Demographic research in Kazakhstan: results and prospects] // Vestnik AN Kaz SSR. 1991. №11. S. 7-13. (in Rus)
- Kolbaev, 2019 – Tileu Kolbaev «Alzhirdegi» zhazyksyz arular. [An innocent women of ALZHIR] 25.05.2011 [elektronnyy resurs] / URL: <http://anatili.kazgazeta.kz/?p=6542> (kiru uakyty 30.05.2019)
- Kukushkina, 2002 – Kukushkina A.R. Akmolinskij lager zhen «izmennikov rodiny»: istoriya i sudby [Akmola camp of wives of "traitors of the Motherland": history and destiny] / MON RK, Kaz.fin.-ekon.un-t. Karaganda, 2002. 184 s.(in Rus)
- Lichnyy arhiv A.N. Yakovleva – Lichnyy arhiv A.N. Yakovleva [Personal archive of A.N. Yakovlev] [elektronnyy resurs] / URL: <http://www.alexanderyakovlev.org>. (kiru uakyty 30.05.2019).
- Rossi, 1991 – Zhak Rossi. Spravochnik po GULAGU. [GULAG reference book] M.: Prosvet, 1991. Ch.1. 548 s. (in Rus)
- Sәrsembina, 2018 – Sәrsembina K.K. Enbekpentzetulagerleri mentyrmelerdegi ayelderzhagdayy (Stalindiksayasi-kugyn-syrginzhyldaryndagy) [Situation of women in labour camps and prisons] // Edu.e-history.kz. elektrondykzhurnal. – 2018. – №4. (16).
- Sistema ispravitelno-trudovyh lagerey v SSSR, 1981 – Sistema ispravitelno-trudovyh lagerey v SSSR 1923-1960: Spravochnik. [The system of labor camps in the USSR 1923-1960: Handbook.] M., 1981. 479 s. (in Rus)
- Sobranie kodeksov RSFSR, 1928 – Sbranie kodeksov RSFSR redakcii 1926 g. [Collection of codes of the RSFSR edition 1926] M.: Yur. izd. NKYu RSFSR, 1928. 1183 s. (in Rus)
- Tasymbekov, 1993 – Tasymbekov A. Zhan dauysy. ALZHIR arhipelagy. [Cry of the soul, ALZHIRs archipelago] Almaty: Zhazushy, 1993. 223 b.
- Uznicy «ALZHIRa, 2003 – Uznicy «ALZHIRa». Spisok zhenshchin – zaklyuchennyh Akmolinskogo i drugih otdeleniy Karлага. [A Prisoner Of "Alzhir". List of women prisoners of Akmola and other departments of Karlag] M.: Zvenya, 2003. 567 s. (in Rus)
- Ұрпақтар ұмытпайды, 2017 – «Ұрпақтар ұмытпайды» = «Помнят Потомки» = «The descendants remember». Семей, 2017. 514 б.
- CGA, 2-ser. der. film «ALZHIR» – Centralnyy Gosudarstvennyy arhiv kinofotodokumentov i zvukozapisi Respubliki Kazahstan [Central State archive of film and sound documents of the Republic of Kazakhstan]



## The problems of the ethnogenesis and relocation of akhis turks in Kazakhstan

DOI: 10.31551/2410-2725-2019-5-2-177-196

### Kudaibergenova Ayzhamal Ibragimovna

Chief Researcher at the Institute of History and Ethnology named after Ch.Ch. Valikhanov, Doctor of Historical Sciences, Republic of Kazakhstan, Almaty. E-mail: akudaybergen@mail.ru

### Kupenova Zhuldyz Kaiyrbekkyzy

Master of Social science, lecturer at accounting and audit department in al-Farabi Kazakh National University Kazakhstan, Almaty. E-mail: ms.kupenova@mail.ru

**Abstract.** The article considers the issue of ethnogenesis and the history of the emergence of Ahiska Turks in Kazakhstan based on documentary sources and memories. The authors emphasize that the Turks represented in the Russian and Georgian studies as «Meskhetians» or «Meskhetian Turks» are part of the descendants of the Ahiska Pashalyk Turks. In the article, the authors note that the Ahiska Turks are descendants of the Huns, even descended before the Huns from the ancient Proto-Türks, who migrated in the 2nd century to the north of the Caucasus from Central Asia. The article also discusses the history of their deportation to Kazakhstan in the 1940 s.

Before being expelled, the Turks were offered to register as Georgians or Azerbaijanis. Among them some people signed registered themselves as Georgian, Azerbaijani or Turkmen in order to save their family and offspring. But, as Georgian researchers note, the brave people showed resistance. Despite the repression, the Ahiska Turks were able to preserve their originality, loyalty and nobility.

After rehabilitation in 1956, many special settlers returned to the Caucasus. After the collapse of the USSR, most of the deportees returned to their historic homeland. Only Ahiska-Turks were not destined to return to their ancestral lands. Georgia did not accept them, and Turkey is not their historic homeland. Thus, Kazakhstan became the second small Homeland for them. At the present time about 200 thousand Ahiska-Turks live in Kazakhstan. In addition to them, it is believed that out of 115,000 Azerbaijanis, 80 percent can be Turks. Two siblings live in one family: one of them is recorded as Azerbaijani, and the second is Turk. Thus, historical justice is gradually restored in relation to those Turks who had to become representatives of other ethnic groups. The unity of the Turks in Kazakhstan is manifested in the preservation of their ethnic language, original culture and national tradition.

**Keywords:** Kazakhstan, Georgia, Turkey, Meskhetian Turks, Ahiska Pashalyk, Ahiska Turks, deportation, special settlers.

## Ахыска түріктерінің этногенезі мен Қазақстанға жер аудару мәселесіне орай

### Құдайбергенова Айжамал Ибрагимқызы

Тарих ғылымдарының докторы, доцент, Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты, Қазақстан Республикасы, Алматы қ. E-mail: akudaybergen@mail.ru

### Купенова Жұлдыз Қайырбекқызы

Әлеуметтік ғылымдар магистрі, Есеп және аудит кафедрасының оқытушысы, әл-Фараби атындағы ҚазҰУ Қазақстан Республикасы, Алматы қ. E-mail: ms.kupenova@mail.ru

**Аңдатпа:** Мақалада қазақстандық түріктердің этникалық негізі мен Қазақстанға келуінің тарихы құжаттар мен естеліктер негізінде тереңдете қарастырылады. Ресейлік зерттеушілер еңбектері мен грузиндік зерттеулерде «түрік-месхеттер» деп аталып жүрген ахыска түріктерінің Ахыска пашалығында өмір сүрген түріктердің ұрпақтары тобынан екеніне назар аударылады. Ахыска түріктері ІІІ ғасырда Кавказдың солтүстігіне Орталық Азиядан қоныс аударған түркі тайпалары – ғұндардың, тіпті ғұндарға дейінгі ежелгі прототүріктердің ұрпақтары деп тарқата келе, авторлар Грузияның Месхетия, Жавахетия аймағын мекендеген түріктердің ХХ ғ. 40-жж. Қазақстанға жер аударылу тарихына да тоқталады. Жер аудару алдында түріктерге грузин не азербайжан болып жазылындар деген ұсыныстар айтылады. Отбасын, ұрпағын сақтап қалу үшін арасында грузин, азербайжан, түрікмен болып жазылғандар да кездесті. Бірақ, ер халық репрессияға ұшырағанымен, өздерінің тегін, түп негізін, адалдығын сақтап қалғандар негізгі көпшілік болды.

1956 ж. жер аударылғандардың біразы Кавказға қайта оралды. Кеңестер Одағы тарағаннан кейін де депортацияланған халықтардың көбі өздерінің тарихи отанына оралды. Ал, түріктер қайта алмады. Туған жері Грузия шекарасы олар үшін жабық болды, ал Түркия Ахыска түріктерінің туған отаны емес. Осылайша, Қазақстан ахыска түріктері үшін – Кіші Отан. Қазір Қазақстанда 200 мыңдай түрік тұрады. Одан бөлек 115 мың азербайжанның 80%-ын да түріктер деп айтуға

болады делінеді. Тіпті бірінің ұлты түрік, екіншісі – «әзірбайжан» болған бірге туған екі бауырды кездестіруге болады. Тоталитарлық билік адамдардың өткенін, түп-тамырын ұмытуы үшін бәрін жасады. Бірақ түріктердің ынтымағының арқасында олар тілін, өз мәдениеті мен ұлттық дәстүрлерін сақтай алды.

**Кілт сөздер:** Қазақстан, Грузия, Түркия, түрік-мешеттер, Ахыска пашалығы, ахыска түріктері, депортация, арнайы қоныстанғандар

## **К проблеме этногенеза и депортации ахыска-турков в Казахстан**

### **Кудайбергенова Айжамал Ибрагимовна**

доктор исторических наук, доцент. Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова. Казахстан, г. Алматы. E-mail: akudaybergen@mail.ru

### **Купенова Жұлдыз Кайырбековна**

Магистр социальных наук, преподаватель кафедры учет и аудит Казахского национального университета им. аль Фараби Казахстан, г. Алматы. E-mail: ms.kupenova@mail.ru

**Аннотация.** В статье на основе документальных источников и воспоминании рассматривается проблема этногенеза и истории появления в Казахстане турков-ахыска. Авторы акцентируют внимание на то, что турки, представленные в российских и грузинских исследованиях «мешетинцами» или «турками-мешетами» являются частью потомков турков Ахысского пашалыка. В статье авторы отмечают, что турки-ахыска являются потомками гуннов, даже произошли до гуннов от древних прототурков, которые мигрировали во II в. на север Кавказа из Центральной Азии. В статье также рассматривается история их депортации в Казахстан в 40-гг. XX в.

Перед высылкой туркам было предложено записаться грузинами или азербайджанцами. Среди них встречались и те кто записался грузином, азербайджанцем или туркменом ради спасения семьи и потомства. Но храбрый народ проявил сопротивление. Несмотря на то что был подвержен репрессии смог сохранить свою самобытность, преданность и знатность.

После реабилитации 1956 г. многие спецпереселенцы вернулись на Кавказ. После развала СССР на историческую родину вернулись большинство депортированных народов. Только ахыска-турки не смогли возвращаться на свои исконные земли. Грузия не принимала, а Турция не является их исторической Родиной. Таким образом, Казахстан стал для них второй малой Родиной. Сейчас в Казахстане живут около 200 тысяч ахыска-турков. Кроме них, считается что из 115 тысяч азербайджанцев 80 процентов могут быть турками. В одной семье живут два родных брата: один из них записан азербайджанцем, а второй турком. Таким образом, сами турки восстанавливают историческую справедливость в отношении той части, которым пришлось стать представителем других этносов. Единство турков в Казахстане проявляется в сохранении своего этнического языка, самобытной культуры и национальной традиции.

**Ключевые слова:** Казахстан, Грузия, Турция, турки-мешетинцы, Ахысский пашалык, ахыска турки, депортация, спецпереселенцы.

**ӘОЖ/UDC 94(574/575)**

### **Ахыска түріктерінің этногенезі мен Қазақстанға жер аудару мәселесіне орай**

*А.И. Кудайбергенова, Ж.Қ. Купенова*

**Кіріспе.** Адамзат пен тарихтың қоғам дамуындағы өзара байланысына қатысты: «Бүгінгі күнді түсініп-түйсіну – өткен тарихты білу, ал, өткен тарихты білу – болашақты меңгеру» – деген ұғым бар. Қазақстандықтардың бүгінгі күні ынтымақтастықта, болашақта біртұтастықта өмір сүру үшін өткен тарихының шынайы бейнесін анықтау қажеттілік болып табылады.

Бүгінде Қазақстанды тілі, діні, ділі басқа болғанымен, тілегі, теңдігі бір 127 ұлт пен этнос өкілдері мекендейді. «Бір мақсат, бір мүдде, бір болашақ» үшін «Бір жағадан бас, бір жеңнен қол шығарып», қиындықтарға төтеп,

жетістіктерге жету жолында бірлесе өмір сүрудегі қазақстандықтар ішінде айрықша орынды түркі халықтары алады.

Түркі халықтары – құрамында ассимиляцияға ұшыраған әртүрлі этностардың болғанына қарамастан этномәдени жағынан ұқсас деп айтуға болатын, түркі тілінің бірінде сөйлейтін туыстас халықтар. Адамзат өміріндегі ірі соғыстарға, көші-қондарға, Азия мен Европада мемлекеттік құрылымдардың пайда болуына байланысты орын алған өзгерістердің нәтижесінде әлемде түркі халықтарының біріне жататын, түркі тілдерінің бірінде сөйлейтін ұлттар мен этностар пайда болды. Түркілер әлемдік тарихта мықты әскер, мемлекеттер мен империялардың негізін қалаушы, шебер малшылар ретінде танымал. Джавахарлал Неру өзінің «Әлем тарихына көзқарас» еңбегінде түркілердің рөлі туралы: «Олар Азияның әскери мақтанышы болды» деп баға берген екен.

Орта ғасырларда Азиядағы әскери күш мен мықтылықтың символы болған түркі халықтары XIX-XX ғасырларға қарай билеуші мәртебесінен толықтай айрылып, ұлы империялардың отарлары мен жартылай отарларына айналды. Ресей мемлекеті ғасырлар бойы түркі халықтары мекендеген, түркі мемлекеттері өмір сүрген бірқатар аумақты күшпен өз қоластына ендіргеннен бері түркі халықтарын дезинтеграциялау мен ассимиляциялау саясатын жүргізді. Сондықтан, XX ғ. басына қарай түркі әлемінде өзін-өзі тану мен этникалық біртұтастыққа қарай ұмтылыс орын алды. Түркішілдік идеясы пайда болып, дамыды. Бұл идея бір-бірінен бөлек болса да әртүрлі түркі халықтарында ұлттық сананы қалпына келтіру, бостандыққа жету және мәдени дамуды жандандыру тұрғысынан көрінді. Бірақ, XX ғ. басы мен ортасында тоталитарлық жүйенің қуғынының арқасында түркішілдік қысым көріп, идея түрінде күйреді. Осы дәуірде түркішілдік идеясы мен түркі халықтарының дамуына деген саясат ұқсас болды. Түркішілдікке қарсы тойтарыс түркі халықтарының жақындасу идеясына да нұқсан келтірді. Түркішілдік идеяны ұстанған басшылар ғана емес, тұтастай түркі халықтары тепкіріш көре бастады. Тұтастай халықтар қуғын-сүргінге ұшырады.

Бұл үдеріс түркі халықтарының бірлігіне, тұтастығына селкеу түсіріп, бөлшектеу, бөлектеу үрдісінің сыналап еніп, тұрақтылыққа айналуына әкелуі керек еді. Тіпті түркі халықтарының ұқсастықтары мен түбі бірлігін ұмыттыру қаупі туды.

XIX ғ. соңында Қазақстанда түркі халықтары негізгі көпшілік болды. Ал, XX ғ. тарихи оқиғалар славян типтес халықтардың үлесін өсіріп, түркі халықтары өкілдерінің кему үрдісін күшейтті. XXI ғ. басында жағдай өзгерді: түркі халықтарының үлесі өсті. Қазіргі кезде 18 миллионнан асқан қазақстандықтардың құрамында түркі халықтарына жататын 25 этностың өкілдері өмір сүреді: қазақтар, өзбектер, татарлар, қырғыздар, қарақалпақтар, түрікмендер, башқұрттар, ұйғырлар, түріктер, әзірбайжандар, чуваштар, балкарлар, қарашайлар, қырым татарлары, ноғайлар, құмықтар, гагауыздар, сахалар, алтайлықтар, хакастар, т.б. Солардың ішінде өзінің тарихи тағдырында түркі халықтарына деген тоталитарлық жүйенің қысымын кеңінен татқан ахыскалық түрік ағайындардың тарихын тереңдету өзектілігін жоғалтпаған тақырып болып табылады.

#### **Материалдар мен әдістер**

Деректер ретінде архив құжаттары (қазақстандық және ресейлік), құжаттар жинақтарындағы мәліметтер: «Из истории депортации народов в Алматинскую область Казахстана» (Из истории, 2010), «Из истории депортаций в Казахстан. 1930-1935» (Из истории, 2012). «Иосиф Сталин – Лаврентию

Берия: «Их надо депортировать...» (Иосиф, 1992), «Саяси жазалауға ұшыраудың құрбаны болғандардың жазасын ақтау және жазалауға ұшырау туралы заң шығарушы және ереже актілерінің жинағы», «Депортированные в Казахстан народы: время и судьбы» (Депортированные, 1998), «Сталинские депортации 1928-1953 гг.» (Сталинские, 2005), т.б. қолданылды.

Қазақстандағы түріктердің XIX ғ. соңынан бастап Қазақстан жерінде болғанын және негізгі бөлігінің 1944 ж. қарашасы мен желтоқсаны арасындағы депортация кезінде Грузиядан жер аударылған ахысқа түріктері екендігі, Қазақстандағы түріктердің Түркиядан, Грузиядан және Азербайжаннан келгендіктері нақтыланды.

Түрік диаспорасы шоғырланған Қазақстанның оңтүстігіндегі Алматы, Жамбыл, Оңтүстік Қазақстан және Қызылорда облыстарында ахысқа түріктерінің өкілдерінен сұхбат алынды. Мысалы, Алматы облысының Қаратал ауданы Балпық би ауылында тұратын Қамбар Мұстафаев Маметұлы түп атасының Түркиядан Азербайжанға XX ғ. басындағы соғыс кезінде келгенін, әкесінің 1915 ж. Түрік армиясында әскери қызмет атқарғандығын, Азербайжанға келіп, отбасын құрып қалып қойғандығын, өздерінің Қазақстанға Азербайжаннан келгендерін және өздерінің түрік болып жазыла алмаған себептерін ашты. Кеңестік кезеңдегі түрік ұлтына деген әділетсіз көзқарас арқасында азербайжан деп жазылуға мәжбүр болғандықтарын атап көрсетіп, Қазақстанға келгеннен кейінгі күнделікті өмір тарихынан да сыр шертті. Сондай-ақ, Алматы облысы Еңбекшіқазақ ауданының тұрғыны Раджабова Зульфия Исламқызымен, Агададиев Асанпашамен, Көксу ауданы Белбұлақ ауылының тұрғыны Тутадзе Хайриддин Каримовичпен, «Ахысқа» түрік этно-мәдени орталығының төраға орынбасары Асиев Шахисмайыл Ахметұлымен, Қарасай ауданынан Мамедов Руслан Шавкетовичпен және т.б. сұхбаттар Қазақстандағы түріктердің тарихына қатысты мәліметтер алуға көмектесті. Мысалы, фамилиясы грузинше Тутадзе, өзі түрік, ал паспортта азербайжан болып жазылған Хайриддин Каримұлы өзінің аталары Османдар әулетінен тарағандығын, Түркиядан КСРО-ға келуінің себептерін, өмір тарихын тарқата отырып, түрік этносы басынан өткізген қиын-қыстау кезеңдерден бірқатар сыр шертті.

**Талқылау:** Түріктер тарихын зерттеушілердің алғашқыларының қатарына қырғыздың белгілі жазушысы Шыңғыс Айтматовты жатқызуға болады. Ол «Негіздері шайқалды ма?» мақаласында: «...Думаю, что и полпотовцы, учинившие невиданный геноцид собственного народа, имели в этом смысле достаточно прозрачный пример (стоит вспомнить историю истребительного сталинского переселения к концу войны чеченцев, ингушей, калмыков, карачаевцев, кавказских турок-месхетинцев, курдов, крымских татар, немцев Поволжья. До сих пор... тянется шлейф тех бед и страданий!» деп жазған болатын.

Түрік халқынан шыққан ғалым-дәрігер Т.А. Курдаев қуғындалып келген түріктердің ішінде келген ол сәби кезінде-ақ көрген-білгенін, көкірегіне түйгенін, үлкендерден естігенін жинақтап, өз ұлтының тарихи тағдырына қатысты еңбек шығарған (Курдаев, 1996).

Ахысқа түріктері мәселесі Түркия Республикасы, Кавказ елдері ғалымдары тарапынан біршама зерттелген. Ондай еңбектердің қатарына М.З. Закиевтің «Глубокие этническое корни тюркских народов» (Закиев, 2011), А. Гаджиевтің «На чужбине. Этническая культура ахалцихских (месхетинских) турок» (Гаджиев, 1992), В.А. Симоненконың «Месхетинские турки: историческая судьба

и проблемы культурной адаптации» (Симоненко, 2002), «Тюркские народы Сибири» (Симоненко, 2010), Velidi A.Z. Būgūngū Türkili (Türkistan) ve yakın tarihi (Velidi, 1981), «Материалы по этнической истории тюркских народов Центральной Азии», т.б. жатқызамыз (Материалы, 2003).

Сондай-ақ, Қазақстанда тұратын түріктер туралы жазылған Паин Эмильдің «Халық трансфері: месхет түріктерінің қасіреті» атты (Population transfer: the tragedy of Meskhetian Turks) мақаласында (Пайн, [www.culturalsurvival.org](http://www.culturalsurvival.org)) Грузиядан түрік-месхеттерді Орталық Азия елдеріне депортациялау жайлы жазады. Автор грузиндердің және түріктердің өздерінің пікірлеріне орай месхеттердің этникалық құрамын талдайды. Депортацияның діни, сыртқы саяси, қауіпсіздік мәселесіне қатысты себептерін қарастырады. Автор грузиндер мен месхет түріктерінің пікірлерін келтіре отырып, түріктердің этностық жағдайын талдайды.

Анкаралық зерттеуші Айшегюль Айдынгюн «Ахыска түріктері. Трансұлттық қауымдастық, трансұлттық отбасылар» (Aydingün, 2014) және т.б. кітаптары әлемнің әр түрлі елдерінде шашырай орналасқан ахыскалар мен олардың отбасылары туралы әлеуметтанушылық зерттеу болып табылады. Автор еңбегінде ахыска түріктерінің тарихын зерттей отырып, олардың шығу тегі жайлы әртүрлі көзқарастарды бөліп көрсетеді. Айшегюль Айдынгюнның пікірі бойынша ресейлік және грузиндік зерттеушілердің еңбектерінде саяси мән араласқан. Грузиндік зерттеушілердің пікірінше, бұл халық кезінде христиан дінінде болған, кейін мұсылмандықты қабылдаған грузиндер болып табылады. Басқа сөзбен айтқанда, кейіннен түріктенген мұсылман-грузиндер деп көрсетеді.

Ресейлік зерттеулер ахыска түріктерін б.з.д. 2 ғасырда қыпшақтар мен қарапапахтармен бірге өмір сүрген кавказдық булгарлармен байланыстырады. Тағы бір болжам бойынша ахыска түріктері түркіленген грузиндер мен түріктердің араласуынан пайда болған халық болып табылады.

Үшінші, түріктік деректерде кездесетін көзқарас бойынша, олар қыпшақтардың тікелей ұрпағы. Осман билігінің ұзақ уақыт үстемдік етуі жаңа түркі халықтарының қалыптасуына әкелді. Ахыскалық түріктер солардың бірі.

Айшегюль Айдынгюн ахыска түріктерінің құрамына қыпшақтарды, түрікмендерді, анатолийлік түріктерді және түркілеген грузиндерді қосқанда олардың араласуынан пайда болған біріккен құрылым болуы керек деген тұжырымдайды. Автордың айтуынша, «ахыска» этнонимі XX ғасырдың 80 жылдары пайда болды және бұл ұғымның ішінде түріктер, түркмендер, аз санды күрдтер мен Месхетия-Джавахетияның мұсылман грузиндері кіреді (Aydingün, 2014)

Висконсия университетінің антропология профессоры А.М. Хазанов өзінің «Месхет түріктері: өзіндік біртұтастықтарын іздеу жолында» (Meskhetian turks in search of self-identity) (Khazanov, 1992) мақаласында осы күнге дейін не ұлттық, не аймақтық, не азаматтық біртұтастығына ие болмаған ахыскалық түріктердің (мақалада түрік-месхеттер) мәселелерін қарастырады. Ол Грузияның мұсылмандықты қабылдаған, тағдырлары басқаша қалыптасқан екі халық – аджарлар мен түріктерді салыстырып, аджарлар мен ахыска түріктерін түркіленген грузиндер мен түріктердің араласуынан пайда болған халық деген пікір айтады. Оның пайымдауынша, аджарлар ислам дінін қабылдағанымен, тілдерін ғана емес, грузиндік дәстүрлі мәдениетті де сақтап қалды, ал месхеттік түріктер түркі тілі

<sup>1</sup>Зерттеулерде қолданған «түрік месхеттер» атауы берілді –авторлар.

мен түріктіердің дәстүрлі мәдениетін жоғалтпаған. Месхетиялық түріктердің қалыптасуында түркі халықтарының орны ерекше маңызды болғандықтан олардың қалыптасу жағдайы күрделірек болған (Khazanov, 1992). Ол ахыскалық түріктерді осыдан отыз жыл бұрынғы жағдайы қалай болса, әлі де сондай, әлі күнге дейін қудаланып жүрген және келуі құпталынбайтын этникалық азшылық деп ой түйеді.

Ғылыми әдебиетте аталмыш тақырыпты талдау этностар, диаспоралар тарихын зерттеумен байланысты. Қазақстандық тарих ғылымында Ахыска түріктерінің тарихы мен демографиялық даму бойынша арнайы зерттеулер жоқ. Тек, Ш.О. Ибрашеваның «Қазақстандағы ахыска түріктері» монографиясын ахыскалық түріктердің этномәдени даму тарихын зерттеген алғашқы еңбек қатарына жатқызамыз (Ибрашева, 2014). Бірақ, монографияның басты назарында Ахыска түріктерінің этномәдени және этнотілдік үрдістері, неке мен отбасы құрамы, туысқандық қарым-қатынас, некелесу түрлері мен бала тәрбиесі, үйлену мен жерлеуге қатысты әдет-ғұрыптарды зерттеу болғандықтан, еңбекті этнографиялық және этносоциологиялық бағыттағы жұмыстардың қатарына жатқызамыз. Ал, жоғарыда көрсетілген әдебиеттер, негізінен, өзге мемлекеттердегі түріктердің тағдырын да қарастырады.

Э.Х. Панеш пен Л.Б. Ермолов түріктердің этникалық тарихы мен этногенезіне едәуір көңіл бөлген. Олар осы мәселеге байланысты зерттеушілердің қарама-қарсы екі бағытын көрсеткен. Бірінші ғалымдар тобы, грузин деректеріне сүйеніп, түріктерді бұрын грузин-түрік шекаралық аудандарында тұрған – «грузин-месхлер» деп есептейтіндер. Бұл месхетия халқы «грузиндік сана-сезімін жойған және исламды қабылдағандар» деп жазады. Ал, екінші топ оларды түріктердің тегімен байланыстырады. Сонымен қатар, Э.Х. Панеш және Л.Б. Ермолов 1944 ж. Орта Азияға негізгі көрсеткіш бойынша 115,5 мың түріктің Өзбекстанға, Қазақстанға және Қырғызстанға депортациялануы барысында түріктердің басынан кешкен ауыр зардаптарына қысқаша тоқталып, тұрғылықты халықпен қоғамдық ортада ұзақ уақыт бойы бірге өмір сүру нәтижесінде, түрік диаспорасының өкілдері өздерінің ұлттық, дәстүрлік мәдениетін ұмыта бастады деп атап көрсетеді (Панеш, 1991).

Жер аударылған этнос өкілдері туралы, арнайы қоныс аударылғандар мән-мағынасын ұғындыратын мәліметтері мол тұңғыш рет жарияланған еңбек деп В.Н. Земсковтың мақаласын атап кетейік (Земсков, 1990).

А.Б. Айдынгюннің «Депортацияға ұшыраған ұлт: ахыска түріктері» (A deported nationality: the ahiska turks) атты мақаласында (Aydingün, 1998-1999) кеңестік саясаттың салдарынан өз отанынан көшуге мәжбүр болған месхет түріктерінің КСРО ыдырағаннан кейінгі жағдайы баяндалады. Автор саяси, гуманитарлық, территориялық құқықтарына, өздерінің этностық бірегейліктерін сақтау жолдары мен аталмыш проблеманың саяси стратегиялық бағытына мән береді. Еңбекте месхеттердің депортациясы, олардың Орта Азия мемлекеттеріне орналастырылуы депортацияланған халықтар мен жергілікті халықтар арасында туындаған этносаралық қақтығыстар тарихы қарастырылады. Айшегюль Айдынгюн халықтарды жаппай жер аудару сценарийі жаңа халықтардың қалыптасуында катализатор рөлін ойнады деп ой түйеді.

Н.Ф. Бугайдың құрастыруымен шыққан «Турки из Месхетии: долгий путь реабилитации» атты құжаттар жинағы шықты (Бугай, 1994).

ТМД түріктерінің ауыр тағдырына Т.А. Курдаевтың (Курдаев, 1996), 1944 ж. күштеп депортациялауға Қ.С. Алдажұманов және Е.Қ. Алдажұмановтың (Алдажұманов, 1998), Ф. Анестің (Анес, 1998), О. Дымовтың (Дымов, 1998), А.

Юнусовтың (Юнусов, 1999), т.б. еңбектері арналды. А. Юнусовтың «Ахыскинские (месхетинские) турки: дважды депортированный народ» атты еңбегінде ахыска түріктерінің этногенезі туралы мәселе қозғалады. Автор онда «ахыскалық түріктер» терминін қолданады. Ахыска түріктерінің даму кезеңін II ғ. бастап XX ғ. дейін төртке бөледі. Сондай-ақ, ахыска түріктерінің тегі түріктер, басқаша атауы «ахыска түріктері» деп дәлелдейді (Юнусов, 1999).

Сонымен, депортация тақырыбына қатысты жарияланған еңбектерде қуғын сүргінге ұшыраған этностардың тарихы және жергілікті өмірге бейімделуі куәгерлердің естеліктерімен толықтырыла отырып зерттелгенімен, ахыска-түріктердің ерекшеліктері терең көрсетілмеген.

**Нәтижесі.** Түрік диаспорасы – әлемдегі ірі этникалық қауымдастық. Соның ішінде ахыскалық түріктер (этностың бірнеше синонимді атаулары бар: өзіндік атауы – түрік, *Ahıska Türkleri*, грузинше *მესხეთელითურქები*) немесе түріктер, ахыскалар, түрік-ахыскалар, түрік-хемшилдер, түркі-джавахтар, осман түріктері, ахалцих түріктері, ахалцих түркілері, ахыска-түріктер, кавказдық түріктер – Грузияның Оңтүстік-Батысынан, Түркиямен шекаралас бөлігі Месхетия-Жавахетия аймағынан шыққан түріктердің тобы.

Ахыска түріктері ТМД мемлекеттерін мекендеген түрік этностарының ішіндегі негізгі және Грузия мен Түркия территорияларының шекаралық аймағында қалыптасқан этникалық топ болып табылады. Кейбір критерийлер бойынша бұл этнос түрік үстемдігін құрайтындардың мәдени ерекшелігін қамти отырып, түрік тілінің шығыс-анатoliaлық диалектісі мен түріктік мәдениеттің негізінің болғанын дәлелдейді. Айта кету керек, осы тәрізді екіжақты этномәдени бастауының анық сипатталуымен көрінетін маргиналды этнографиялық топтар этногенетикалық факторлардың басымдығымен әлемнің шекаралас аймақтарына кең тараған құбылыс.

Ал «ахыска» сөзі нені білдіреді? Оның шығу тегі қандай? Неге қазақстандық түріктер өздерін «ахыска түріктері» деп атағанды дұрыс деп есептейді? Міне осыны анықтайық.

Месхетия, Жавахетияны мекендеген түріктердің ескі тарихы мен этногенезі үздіксіз пікірталастардың туындауына түрткі болды. Кейбіреулер грузиндік шығу-тегін сақтап қалу үшін бұл этносты өзіндік халықтық мінез-ерекшелігінен, мәдениеті мен тілінен ажырата отырып, географиялық атауына қарай *месхеттер* деп атады. Бірқатары месхеттік түріктерді «түркіленбеген грузиндер» деп есептеді, ал түріктердің бұған қарсы дәлел ретінде келтіретіндері осы этностың жалпы түркілік антропологиялық, мәдени, тілдік ұқсастықтарының болуы мен Шығыс түрік Анатолының Грузияның оңтүстік-батысындағы Месхетиямен шекараластығы – тарихи Отанының бірлігі. Бұл халықтың «ахыска түріктері» деп аталуының өзі түрік тілінен аударғанда «ахалицихе түріктері» тіркесінің әкімшілік орталық атауының түрік нұсқасынан шыққандығынан деп көрсетеді.

Қазақстандық түріктер өздерінің түпкі шыққан тегін түріктермен, ал әкімшілік территориялық бірлігін Түркияның саяси мемлекеттік құрылымының құрамында болған *Ахыска пашалығымен* байланыстырады. Сол арқылы өздерінің грузиндік емес түркиялық негізін көрсетеді.

XVI ғасырда Түркия билігіндегі Ахыска пашалығын, ал 1829 ж. Ресей Империясы өзіне қосып алған Месхетияның бір бөлігін мекендеген ахыска түріктерінің тарихы Кавказ өңіріне түркі тайпаларының таралуынан бастау алады. Ахыска түріктері XVII ғасырда Кавказдың солтүстігіне Орталық Азиядан қоныс аударған түркі тайпалары – ғұндардың, тіпті ғұндарға дейінгі ежелгі прототүркілердің ұрпақтары.



Грузия жерін XI ғасырда Орта Азия және Қазақстаннан түркілердің екінші толқыны – оғыз және қыпшақ тайпалары мекен етті. XIV ғасырдан бұл жерлер Осман империясының құрамына еніп, Ахыска пашалығы құрылған. Ахыска пашалығының халқы: II ғасырда басталған месхтардың грузиндік және түріктердің тайпаларының Азия мен Кавказ өңірінде жаппай пайда болуына қатысты екі негізгі компоненттен тұрды. Месхет жотасы аймағы грузин патшалары мен түрік сұлтандарының билік ету аясын бөліп тұратын шекаралық аймаққа айналды. 1555 ж. Самцхе-Саатабагон Осман империясы құрамына енгеннен кейін Месхетия аймағы түрік этносының әсер ететін аумағында қалып, Ахыска патшалығы деп аталды. XIX ғасырдағы орыс-түрік соғысынан кейін 1829 ж. келісімшарт бойынша Осман империясының солтүстік-шығысындағы бірнеше аймақтар – Ахалцих және Ахалкалак уездері Ресей құрамына өтіп кетті. Мұсылман-түріктер бұл аймақтың саны жағынан ең аз тұрғындары болды, бірақ 19 ғасыр бойы және 20 ғасырдың 1-ші ширегінде олардың үлесі бірте-бірте өсті. Сонда Осман империясынан тарайтын, Ахалцихе аймағынан шыққан түріктердің арғы аталары осы жерде мыңдаған жылдарға жуық өмір сүрді. Ал, осы пашалықты мекендеген Ахыска түріктері жергілікті шығыс-анатолийлік диалектімен байытылған түрік тілінде сөйлейтін түркілік этникалық топ болып табылады.

Қазан төңкерісінен кейін, 1921 ж. Москвадағы 16 наурыздағы Түркия мен Ресей арасындағы достық келісім шартқа сәйкес, бұл жерлер Грузия жеріне қарады.

Кеңес дәуірінде бұл жерлерден түріктерді ығыстыру шаралары жүргізіле бастады. Мысалы, Ахалкалаки және Борчалы аудандарының негізінде армяндардың тағы бір әкімшілік бірлігін құру жолындағы қозғалыстар пайда болды (Aydingün, 2014) және Ахалкалаки және Ахалцихе аудандарына армяндарды көшіру жұмыстары жалғастырылды. Әртүрлі шаралардың жүргізілгеніне қарамастан, бұл аймақта кеңес өкіметінің орнауы негізінде түрік халқының өз әкімшілік басқару жүйесі пайда болды. Мектеп, клуб, техникумдар ашылды. Мектеп пен техникумдарда білім беру жүйесі әзірбайжан тілінде жүргізілді. Ұжымдастыру кезеңінде колхоздар ұйымдастырылды. Ахыскалық түріктер, барлық кеңес адамдары сияқты, «жарқын» болашағын құрып жатты.

Кеңестік дәуірдегі түркілік негізді әлсіруге бағытталған саяси-идеологиялық бағытқа орай, Ахыска пашалығы түріктерінің ұрпақтарына «месхеттік түріктер» немесе «месхеттер», «месхетиндер», «түрік месхеттер» деген атау таңылды. Бұл атау барлық ресми құжаттарда, тарихи зерттеулерде қолданылып, кеңестік дәуірде *түрік-месхеттер* деген халық атауы тарихи санаға енгізілді. Бірақ, КСРО ыдырап, егеменді мемлекеттердің пайда болуы тәуелсіз Қазақстанды мекендейтін түріктердің өздерінің тарихи-этникалық салт-санасына сай атауларын қайтаруға мүмкіндік берді.

Қазақстандағы түріктер өздерін месхет атауымен байланыстырғанын намыс көреді. *Ахыска түріктеріміз* деп өздерінің тарихи этникалық атауымен атауды дұрыс деп есептейді (Құдайбергенова, 2016). Ал, Месхетия-Джавахетия Грузиядағы географиялық жер атауы. Тіпті ол жер түрік-ахыскалардың Грузиядағы орналасқан жерін толықтай қамтымайды да. Қазақстандық түріктер өздеріне «месхеттер» деген атаудың қосылуын кеңестік биліктің түрік халқын ұлт есебінде жою мақсатында таққан шарасының бірі деп қабылдайды.

«Ахыска түріктері – бүгінгі Грузия жеріндегі Ахыска деп аталатын аймақта тұрған жергілікті халықтың атауы, – дейді «Ахыска түркілері» этномәдени орталығы білім бөлімінің меңгерушісі Бегалы Байрам– Тарихи деректерде бабаларымыздың ол жаққа X ғ. төңірегінде Алтай өңірінен барғаны туралы



айтылады. Осман империясының билеушісі Сүлеймен сұлтанның кезінде бұл өңір түрік мемлекетіне қараған. Орыс-түрік соғыстары кезінде үш-төрт мәрте қолдан-қолға өтіпті. 1829ж. келісімдер негізінде Ахыска өңіріндегі Ардаған, Пософ, Артвин, Чылдыр, Қарс және Сарықамыш қалалары Түркия қарамағында қалады. Ал қалған бөлігі (Аспинза, Ахыркөлак, Адыгюн, Богдановка аудандары) Ахыска ауданы аталып, Ресейдің құрамына алынады, кейін Грузин КСР-інің құрамына кіреді. Кеңестік кезеңде Түркия капиталистік мемлекет болғандықтан біздегі түрік ұлтының азаматтарына өз ұлтын атап көрсетуге рұқсат болмаған, сондықтан олардың көбі әзірбайжан болып жазылып кеткен», -деп ол этностың саясат құрбанына айналғанын айтады (Құдайбергенова, 2016).

Сонымен, Қазақстандағы түріктер барлық ресми құжаттар мен зерттеулерде тәуелсіздік жылдарына дейін түрік-мечеттер деп аталып келді. Ел тәуелсіздік алғаннан кейін, түріктер өздерін «түрік-мечеттер» деп емес, «ахыска түріктері» немесе «түрік-ахыскалар» деп атай бастады.

Месхетия-Джавахетия Грузияның оңтүстік-батысындағы жазықтық болып табылады. Сол жер атауымен сол аумақтың 5 ауданын мекендеген түріктерді *мечеттер* деп атауды түріктердің ұлттық ерекшелігін жоймақшы болған кеңестік саясаттың нәтижесі деп есептейді қазақстандық түріктер. Өздерін Орта ғасырларда Грузия мен Түркияның шекаралас аймағында өмір сүрген Ахыска пашалығын мекендегендердің ұрпақтары деп есептейтін түріктер Грузияның Месхетия деген жер атауын өздеріне телігендерін қате деп санайды. Бұл түріктердің түпкі шыққан негізінің *түркиялық* екендігін тарихи санадан өшірмекші болған кеңестік саясаттың нәтижесі деп біледі. Сондықтан, Қазақстанның тәуелсіздік алуымен орай, қазақстандық түріктер өздеріне *түрік-ахыскалар* (ахыскалық түріктер) деген атауын қайтарып алды. Ол туралы арнайы шешім де қабылдады. Сондықтан, мақалада қазақстандық түріктерді «ахыскалық түріктер» деп атауды дұрыс деп таптық.

КСРО халқының лексиконынан «түрік» деген түсінікті жою науқаны 1924 ж. Сталин Грузияның оңтүстік аймағындағы түріктердің көшбасшысы Омар Фаикқа ұлтын ауыстырып, өзге абхаз, аджар сияқты ұлт өкілдеріне үлгі көрсетуді ұсынғанда басталған-ды. 1925 пен 1940 жж. аралығында бұл үдеріс түріктерге күштеп фамилиясы мен ұлтын ауыстырту, іс жүзінде халықты басшысыз қалдыру, аз ғана сауаттыларының көзін жою, әзірбайжан, грузин болып жазылмағандарды туған атамекенінен жер аудару (депортациялау) түрінде жалғасты.

Соғыс алдындағы жылдардағы ахыскалықтардың өмірі жайлы Жамбыл облысының тұрғыны Яша Дадаев былайша еске түсіреді: «Біз Түркиямен Грузияның шекарасында тұрдық. Екі елдің арасында ешқандай күзет те, тартылған сым да жоқ еді. Осы екі елді біздің үйдің жанынан иіріліп ағып жатқан өзен бөліп тұратын. Сол өзеннің бойында үлкен гүл жайнаған бақша бар еді. Неше түрлі жеміс ағаштары: алма, алмұрт, шие, шабдалы бар еді. Жан-жағындағы хош иісін бұрқыратқан әдемі гүлдерін айтсайшы! Алма, алмұрт, өрік тәрізді жеміс ағаштарының бұтақтары майысып, өнімдері «мені жеші!» деп уылжып пісіп тұратын. Бір ғажабы, мұндағы мұнтаздай тазалық бірден көңіліңді жадырататын. Бақшаны рахаттана аралап жемісіне тоятынбыз. Сыңсыған небір жеміс ағаштары. Бірден жұмаққа кіріп кеткендей боласың. Адам еңбекпен жұмақты да қолдан жасауға болады екен ғой дейтінбіз. Сол жерге ресми түрде шекара орнату үшін Сталин 30 әскерін жіберіп 5 күн бақшаны тырсылдата шауып, арамен кесіп тастады. Ауыл тұрғындары түбімен қопарылып жатқан бақшаны қимай тіпті көзіне жас алып жатты. Өзеннің арғы бетіндегі түрік

әскерлері анау кесіп жатқан бақты көріп оқ жаудырмақ та болды. Алайда олардың бастықтары рұқсат бермеді, басу айтты. Сонымен сол бақшаның орнына шекара салынды. Шекара салынып жатқанда Лазарь Каганович, Климент Ворошилов, Лаврентий Берия, қалғандарын ұмытып тұрмын, жалпы алты адам келіп түрік шекарасын аралап көріп кетті. Климент Ворошилов айына екі рет келіп, қадағалап, өз көзімен көріп кететін. Сталин Германиядан 300 овчарка итін алдырыпты. Сталин келгенде жауынгерлер сол иттермен бірге қорғап жүретін. Оның жауынгерлері 6 сағаттан соң ауысып отыратын. Әр заставаға 5-10 ит берген. Сталин келген кезде иттердің шәуілдеген даусы шығатын» (Қалтөре, 2012).

Айта кету керек, соғыс алдындағы жылдары КСРО-ның алдымен батыс, сонан соң шығыс және оңтүстік шекарасында «тазалау» жүргізілген болатын. Ең алдымен Азербайжандағы кеңес-түрік және кеңес-иран шекарасын «сенімсіз азаматтардан» тазалау процесі жүреді. 1936 ж. 19 желтоқсандағы ХКК Қаулысы бойынша Оңтүстік Қазақстанға 400 отбасын көшіру көзделді. Солардың ішінде курд және армяндармен (хемшиндер – армяндардың мұсылмандары болу керек) бірге түріктер де болды. Кавказдан бұл кезде аз ғана адам көшірілді.

Тұтастай халықтарды жер аударулар 1936 ж. Батыс Украинаның шекаралық бөлігіндегі поляктар мен немістерді (Сталинские, 2005:69-70), 1937 ж. Азербайжан мен Армения курдтарын, сол жылы – Қиыр Шығыстан жер аударылған 180 мың кәрістерден басталған-ды. 1937 ж. соңында Оңтүстік Қазақстанға (Алматы және Оңтүстік Қазақстан облыстарының колхоздары мен совхоздарына) 1-2 мыңдай адамның жер аударылғаны туралы айтылады. Ішінде түріктер де бар (Сталинские, 2005:75-76). Соғыс алдындағы жылдары КСРО-ның оңтүстік батысындағы шекара аймағында тұрып жатқан, ықтияр хаты (белгілі бір жерде мекендеуге, жүріп-тұруға рұқсат беретін қағаз) бар түрік азаматтарын (негізінен Азербайжандағы түріктер) Орталық Азияға жер аударды. Олардың көшіп-қонуына бақылау қатаң болмағандықтан, өздері қалаған аудандарға көшіп кеткендері де болды (Сталинские, 2005:77). Бірақ, соғыс басталысымен барлық жер аударылғандардың құқықтық жағдайы бірдей қиындайды.

Ұлы Отан соғысы басталысымен қолына қару ұстай алатын барлық ер азаматтар майданға – неміс-фашист басқыншыларымен шайқасуға шақырылды. Грузияның оңтүстігін мекен еткен 150 мың түріктің 40 мыңнан астамы Қызыл Әскер құрамына алынды. Бұл соғыста олар 26 мыңнан астам адамын жоғалтты. Өз Отанының еркіндігін қорғады, көптеген майдангерлермен бірге Месхетия түріктері де жауынгерлік орден және медальдармен марапатталды. Олардың ішінде сегіз ахыскалық түрік Кеңес Одағының Батыры атағын алып, ал үшеуі үшінші дәрежелі Даңқ орденімен марапатталған. Ахыскалық түріктерден шыққан Кеңес Одағының Батырлары: Мустафаев Бакир Дурсунович, Мурадов Бадир Мавлут оглы, Муртаз Каралиев, Мафиз Жулфаев, Ибрагим Тужигил, Убри Бадалов, Исмаил Каримов, Исмоил Тороманов. Бұл есімдер Кеңес Одағының Батырларының тізімі жарияланған кітаптан (Воениздат, 1988) алынды, Азшылық ұлттар ісі жөніндегі Европалық Орталықтың 2004 ж. маусым – 2006 ж. қыркүйек арасында жүргізген зерттеу жобасының нәтижесінде даярланған «Турки-месхетинцы: Интеграция. Репатриация. Эмиграция» атты кітапта (2007) жарияланды. Батырлардың көпшілігі қайтыс болғаннан кейін марапатталған (Турки, 2007). Сонымен бірге бұл тізім толық емес. Себебі, кітапта ұрыс даласында шайқасқан, құжаттарында өзбек, грузин, т.б. болып жазылып кеткендіктен белгісіз болып

қалған Ахыскалық түріктерден шыққан батырлар туралы айтылмаған. Яғни бұл ахыскалық түріктерден шыққан басқа да батырлардың болу мүмкіндігіне назар аудартады. Ұлы Отан соғысына қатысып, Отанын қорғауға аттанған ахыскалық түріктердің тізімі де толықтырылып жатыр. Мысалы, Аспиндза ауданынан соғысқа қатысқан ахыскалық түріктер Иброхим Турки ағамыздың «Kismet (Тағдыр)» атты кітабында беріледі (Turki, 2014). Тарихын іздеген ахыскалық түріктер өз ауылдарынан шыққан майдангерлердің есімін анықтап, өз жерлестерінің түсін түгендеп, тарихи әділдікті қалпына келтіруге тырысуда. Нәтижесі де бар.

Ахыскалық түріктерден шыққан ер азаматтар өздерінің отан алдындағы борыштарын адал атқарып жатқанда, түрік-мечеттерді жер аудару мәселесі қызу қарастырылып жатты: Грузия үкіметі Одақтың Халық комиссарлар кеңесінің төрағасы Л. Берияға түрік тұрғындарды шекаралас аудандардан Грузияның түпкіріндегі аудандарға көшіру туралы ұсыныс енгізгенімен (К(б)П ОК Хатшысы К.Чарквани, ГСКР Халық комиссарлар кеңесінің төрағасы В.Бакрадзе (5 мамыр 1944 ж., №1500), Берия «КСРО-ның Грузин КСР аймағындағы мемлекеттік территориясын күзету жағдайын жақсарту» үшін «өз ойын» қосып, КСРО Ішкі істер халық комиссариаты Аджар АКСР-ның Ахальцих, Адиген, Ахалкалак, Богданов аудандарының бірнеше ауылдық советтерінен 16700 түрік, күрт, хемшин шаруашылықтарын Грузияның түпкіріндегі аудандарға емес, Орта Азияға көшіруді орынды санайды» деп хабарлап, Мемлекеттік Қорғаныс Комитетінің қаулысының жобасын даярлайды. Бұл «іс-шара Грузия БК(б)П ОК және Грузин КСР Халық комиссарлар кеңесімен келісілді», - деп, Сталинге: «Сіздің шешіміңізді сұраймын – деп жазады. Осыған сәйкес Мемлекеттік Қорғаныс Комитеті 1944 ж. 31 шілдеде халықтардың тағдырын шешкен құпия қаулы қабылдайды.

Айта кету керек, түркі халықтарынан 1943 ж. қазан 1944 ж. мамыр аралығында Қазақстанға қарашайлар, ингуштер, қырым татарлары (1944 ж. 18 мамыр), балкарлар және т.б. жер аударылып келді. 1942-1943 жж. немістер қол астында болған қарашайларға: тәуелсіз ұлттық басқару жүйесін қалпына келтіру, діни бостандықпен бірге барлық бағытта халыққа толық еркіндік беру, колхоздар орнына жекеменшік жүйесін енгізу; екіге ажыраған қарашай-балқар халқын қайтадан біріктіруге уәде берген еді. 1943 ж. немістермен тіл табысты деген қарашайлар (Сталинские, 2005:390-392) – 11711 отбасы, 45529 адам; «Эльбрусты қорғай алмады және қарашайлармен біріккісі келді» деген желеумен балкарлар (4660 отбасы – 21150 адам) жер аударылды. Балкарлардың орындарына кабардиндерді көшірді (Сталинские, 2005:492]. Айта кету керек, көп ұзамай кабардиндер де тұтастай болмағанымен, жер аударылды.

Қырым татарларына тағылған айып салдарынан 1944 ж. мамыр-маусымында 191014 қырым татарлары, олардан бірге 12422 қырымдық болгар, 15040 грек, 9621 армян, 1119 неміс, сондай-ақ, 3652 шетелдік азаматтар жер аударылды (Сталинские, 2005:492]. Бұлар Өзбекстанға, Башқұрт АКСР-не, Марий АКСР-не, Кемеров, Молотов, Свердлов, Киров облыстарына және Қазақстанның Гурьев облысына орналастырылды.

1944 ж. бастап Грузиядан курдтар, хемшидтер, азербайжандар көшірілді. 1944 ж. көктемінде шешен-ингуштер – 89901 отбасы, 406375 адам; Қырымнан 1268 отбасы, 4501 адам, 1944 ж. күзінде Грузиядан – 6296 отбасы, 27657 адам – барлығы 114484 отбасы – 507480 адам көшірілді (Асылбеков, 2005). Соның ішінде 1944 ж. қараша айында Грузиядан сатқындық жасауы мүмкін деген желеумен түрік-ахыскалар да Орталық Азияға жер аударылды.

Қазақстандағы түріктер 14-15 қарашаны ұмытылмас күн ретінде қабылдайды. Бұл күннің этнос тарихындағы орны ерекше. Бұл ұлттың қайғысын еске түсіретін күн. Бұл Ахысқа түріктерін өздерінің туған жерін, туған үйін, ертеден мекендеген отанын тастатып, топалаң тигендей етіп түгендеп, вагонға салып, жер аударған күн. Атамекенінен, ыстық ошағынан айырып, тұтастай ұлттың тағдырын күмән мен үрейге толтырған күн.

Ұлы Отан соғысы жылдарында көптеген халықтарды сатқындық жасады, тыңшылық жасайды және т.б. сылтау-себептермен арнайы қоныстарға жер аударды. 1944 ж. 14 қарашада Грузияның оңтүстік және оңтүстік-батыс аймақтарына қоныстанған түріктерді туған жерінен зорлықпен жер аудару басталды.

Бұл варварлық акцияға ІІХК (НКВД) мен МҚХК (НКГБ) әскерлерінің 20 мың жауынгері мен офицерлері, тауар таситын пойыздың 57 эшалоны және адамдарды туған мекендерінен теміржол станцияларына дейін тасымалдау үшін 17 мың «студебеккер» жүк автомашиналары жұмылдырылды. ІІХК және МҚХК әскерлері Берияның жетекшілігімен еш жазығы жоқ халықты қаталдығы жағынан адамдыққа жат депортациялау акциясын жүргізе отырып өздерінің бар күшін қорғансыз әйелдерге, қарттар мен балаларға қарсы жұмсады. Өңгіме қысқа болды: «Сендерді көшіреді. Жиналыңдар! Жиналуға-екі сағат». Бар-жоғы үш-төрт күнде 18 қарашада депортацияның бұл кезеңі аяқталды.

Түріктерді жер аудару кезінде пайдаланған Боржом-Вале темір жолын түріктердің өздеріне 1941-1944 жж. асығыс түрде салғызғанын айту керек. Яғни, Грузиядағы түріктерді жер аудару көптен бері дайындалған. Соғыс басталған кезде Боржомидан Валеге дейін 70 шақырымдық темір жол шеткері жатқан түріктер мекендеген аудандарды орталықпен байланыстыру үшін, шеткері аймақтан Грузияның орталығына барып-келіп, еркін жүріп тұру үшін ыңғайлы болу үшін салынып жатыр деген өтірікке сенген түрік халқы өз қолдарымен темір жол құрылысына көмектескен. Осы темір жолмен түріктерді өз отанынан айырып, күштеп жер аударды. Түріктерді жер аудару операциясына қатысқан солдаттар ішінде Қызыл әскер қатарында қызмет етіп жатқан жергілікті түріктердің де болғанын айту керек. Іштерінен қан жылаған жас солдаттар соғыстың қатал тәртібіне мойын сұнып, бұйрыққа қарсы келе алмады.

Түріктерді жер аудару саясатының алдында түріктер арасында басқа ұлт өкілдері болып жазылыңдар деген, намысқа тиетін үгіт-насихат жұмысы жүргізілді. Ахыскалық түріктерге грузин болып жазылыңдар деген кемсітушілік ұсыныстар айтылады. Отбасын, ұрпағын сақтап қалу үшін арасында грузин, азербайжан, түрікмен болып жазылғандар да кездесті. Бірақ, грузиндік зерттеушілерді өздері атап көрсеткендей, ер халық оған қарсы болды, өздерінің тегін, түп негізін, адалдығын сақтап қалды. Бұл туралы дәлел болар тарихи шындықты Грузия КН ОК-нің «Народное образование» газетінде шыққан және т.б. мақалаларынан кездестіруге болады (Народное, 1989).

Ескере кететін жайт, Ұлы Отан соғысы кезеңінде Грузия территориясы герман әскерінің басқыншылығына ұшырамаған еді. Сол себепті Месхетия жеріндегі түріктерді Германияға астыртын жәрдем берді деп айыптау қисынсыз еді. Шындығына келгенде, оларды жер аударудың себептері әлдеқайда тереңде жатты.

Екінші дүниежүзілік соғыс кезеңінде Түркия бейтараптық әрекетін жариялай отырып, гитлерлік Германиямен экономикалық қатынастарға қолдау көрсетті. Ұзақ уақытқа сақтықпен жүзеге асырылған кеңес-түрік

қатынастарынан кейін КСРО Закавказье фронтындағы Закавказье әскери округын қайта құрып, шекарада үлкен әскери күштерді ұстауға бекінді. Алайда, Антигитлерлік коалицияның жеңісіне сенім арта отырып, 1944 ж. Түркия үкіметі Германияға соғысын жариялауға мәжбүр болды. Сондықтан, КСРО халқына жасалатын әскери қожан-лоққы саясатын Түркия күн тәртібінен алып тастады. Дегенмен, кеңес үкіметі ахысқа түріктерінің Түркия аймағымен шекаралас жерлерінен алыстатуды, жер аударуды жалғастырды. Шынтауайттағанда, Сталин мен Берия Грузияның кейбір тұрғындарының шовинистік көзқарасын қолдай отырып, республиканың шұрайлы аймақтарынан түріктерді қуып шығып, мемлекеттің байырғы тұрғындары үшін «кеңістікті» кеңейтті. Сондықтан Месхет түріктері 1944 ж. қарашадағы депортация кезінде кеңес әскері тылындағы «бесінші колонна» болды деп айтылады.

Сталин мен Берия түріктерді Грузиядан жер аудару шараларын алдын ала дайындады. Мемлекеттің шығыс аймақтарына жаппай жер аудару кезінде Қазақстан, Өзбекстан және Қырғызстан өкіметі мен өлкелік партия басшыларына жер ауып келгендерді қабылдау мен орналастыруға дайындық туралы Грузиядан құпия нұсқаулар жіберілді. Алғашқыда «Грузиядан арнайы жер ауып келген» қандай халықтар екендігі нақты көрсетілмеді. Ақырында бұлар – Месхетиядан шыққан түріктер және күрд, ассирия, қарайымдар, т.б. «қажетсіз элементтер» екені анықталды. МҚК-ның 1944 ж. 31 шілдедегі қаулысына сәйкес, Қазақстан өкіметі Грузиядан ауып келген 40 мың адамды республикаға қоныстандыру туралы өте құпия құжат қабылдайды<sup>1</sup>. Бұған дейін қолданылған үлгі бойынша әрекет ете отырып, Сталин мен Берия МҚК-ның түріктер мен күрдтердің қоныс аударуы туралы соңғы қаулысын 1944 ж. 14 қараша күні қабылдайды. Сол күні кештен бастап түріктер мекендеген аймақтарды әскерлер қоршап, ешкімді кіргізбей не шығармай, 15-17 қараша арасында Грузияның Ахалцих, Адыген, Аспиндз, Ахалкалак және Богданов аудандарынан ресми құжаттарда «месхет түріктері» деп атаған ахыскалықтарды жинай бастайды. «Әскери жағдай» жарияланды.

Бұл кездегі халықтың көрген тауқыметі ұмытылмас. Бірі әкесінен, екіншісі шешесінен, үшіншісі бауырынан айырылып, бір-бірінен ажырап, бытырап кетеді. Сол кездің сұмдық суреттерін түрік азаматы Бәдір ақсақал былайша еске алады: «Ол кезде мен небәрі 17 жаста едім. Бір күні таңертең бәрімізді «жиналыс бар» деп қырманға жинады. Түсінбегеніміз, бізді сыртымыздан әскери адамдар қоршап алды. Олардың 50-ден астам пулеметі бар екенін әлі де ұмытпаппын. Бізді қырманға жинағандар: «Сендерге 24 сағат уақыт беріледі. Осы уақытта түгел жиналып бітіңдер. Орталық Азияға жібереміз. Жолға тек құжаттарыңды ғана алып шығыңдар. Қолдарыңдағы жүк 16 келіден аспауы керек» деді. Сонымен, 24 сағат уақыт қай жүгімізді жинап үлгеруге жетеді деп тұрғанда, 4 сағаттан соң қайта жинады. Бәрімізді жүк мәшинесіне қой тиегендей тиеп алды да жөнep берді. Қайда барамыз, алдағы тағдырымыз не болады, біліп болмайды. Адамдарды асығыс жинағаны, машинаға топырлатып артқаны бар, кімнің кім, кімнің қайда екенін білуден қалдық. Жиналған, улап-шулаған адамдар, мұндайда ит үріп, сиыр мөңіреп кетеді екен ғой. Айналадағы у-шудан басымыз айналды. Артымызда маңырап қалып бара жатқан малға, пәлен жыл жылы ұямызға айналған баспанамызға қарай алмадық. Оған батылымыз да жетпеді» (Дәнікұлұлы, 2017).

17 қараша күні бір машинаға 7-8 отбасыдан, 1 вагонға 20-25 отбасыдан 81324 адам тиелген 25 эшелон Грузиядан жөнелтіледі. Үш-төрт күн ішінде 220

<sup>1</sup> ҚРОМА (Қазақстан Республикасы орталық мемлекеттік архиві). 1987 қ. 1 т. 16 іс. 8 п.

ауылдың азан-қазаны шықты. Әр түрлі деректер бойынша сол күндері 90 мыңнан 116 мың, тіпті 125 мыңдай адам күштеп жер аударылды. Оның ішінде 115 мыңы ахыскалық түріктер, 7 мыңы күрдтер, 3 мыңы хемшиндер болды (Сталинские, 2005:528-533).

Қайғылы ауыртпалықты басынан өткізген этнос өкілдерінің саны туралы мәліметтер әр түрлі. Депортация тақырыбына қатысты мәліметтерді алғаш жариялаушылардың бірі Бугайдың еңбектерінде 17 қарашада сағат 16-ға қарай Грузиядан 25 эшалонмен 81324 жер аударылғандар жіберілді деп беріледі<sup>2</sup>. КСРО ІІХК ресми деректері бойынша, 1944 ж. 92307 адам күштеп жер аударылды, оның 18.923 адамы ерлер (қарттар мен балалар), 27399 әйелдер және 16 жасқа дейінгі балалар саны – 45085 адам. Алғашқы эшалондар Орталық Азия территориясына бір айдай жүріп жетті. Ай бойы товарлы поезбен қақаған қыста Орта Азияға қарай жер аударылған түріктер Өзбекстан, Қазақстан және Қырғыз республикаларына бөлініп түсірілді (Сталинские, 2005: 528-533).

«Теміржол вокзалына келген соң қойша иіріп, екі-үш күн ұстады. Ашық аспан астында. Сосын бәрімізді 60 жүк вагонына тиеді. Шындығында отырғызған жоқ, тиеді. Пойыз пысылдап жөнөп берді. Алғашқы екі-үш күнді нан, сусыз өткердік. Вагон есіктерін сыртынан мықтап құлыптап тастады. Пойыз әр жерге аялдайды, бірақ бізді одан түсірмейді, азық-түлік те бермейді. Күн болса қақап тұр. Жуынатын су болмаған соң адамдар биттеп кетеді екен. Оны да қойшы, вагонда дәретхана жоқ. Сосын вагонның бір шетін жамылғымен жауып қойдық. Әжетханамыз осы. Адамдар бөріткен, сүзекпен ауыра бастады. Вагоннан бір айға жуық уақыт түспедік. Осындай қиындықтан көп адамнан айырылды. Көптеген отбасылар дымы қалмай өліп кетті, ошақтары сөнді. Жол-жөнекей ауырған адамдарды жинап әкететін болды. Олардың тағдырының немен тұйықталары жұмбақ. Бізде үлкен әпкем қатты ауырды. Тексерушілер келгенде әпкемді көріп қоймасын деп төсенішке орап, сыртынан тігіп қоятынмын. Сосын тексерушілерге «біздің вагонда ауру адамдар жоқ» деймін. Бірде өлген адамдарды арттағы бос вагондарға жинап жатыр деп естідік. Күндердің-күнінде біз мінген пойыз бір жерге келіп тоқтады. Бұл жерде сойқан соғыс болған екен. Зеңбірек оғынан, минадан, бомбадан ойдым-ойдым болып қалған жер көп. Өлген адамдарды сол жерге сұлатып-сұлатып тастай салды. Біз көрмеген қорлық қалмады. Небір қиын күндерді басымыздан өткердік.

Әр адамға күніне 200 грамм ғана нан береді. Осылайша, өліп-талып Алматы маңына келіп тоқтадық. Естерхан деген жерде өлілерді құдыққа тастады. Алматыдан да өтіп, алға кеттік. Ақыры Өзбекстанға аялдадық. Құдай сақтап, бізге сабыр, күш берді, шыдап бақтық. Өлгендерге салауат. Қалғандарымыз тырбанып тіршілік қамына кірістік» дейді қарт (Дәнікүлұлы, 2017).

Естеліктерге кезек берсек, бұл кезді Яша Дадаев ағамыз былай деп еске түсіреді: «18 күн дегенде 1-Алматыға келіп тоқтадық. Далада 35 градус суық. Қар борап тұр. Есімде шешендер мен ингуштар бізді күтіп алып көрпеге орап жылытты. Ол кезде Қазақстан Комунистік партиясының бірінші хатшысы Ж.Шаяхметов еді. Ол бірден мектептерді, балабақшаларды, ауруханаларды уақытша босатындар деп бұйрық беріп, бізді сол жерлерге орналастырды. Бізді балаларды (Мичуринге) Белбұлаққа апарды. Ата-анамыз, туған-туыстарымызды қайда алып кеткенін білмейміз. 15 күннен кейін қазақ

<sup>2</sup> РФМА (Ресей Федерациясы мемлекеттік архиві), Р-9479 қор, 1 тізбе, 184 іс, 107 п.; 245 іс. 138 п

үйлеріне бізді бөліп-бөліп тастады. Біз жер аударылып келгенде екі әпкем және анам бар еді. Біз екі ай коменданттық жүйенің тәртібінде болдық. Анам 1945 ж. аурудан көз жұмды. Ал, екі әпкем тұрмысқа шықты. Мен туысқан ағамның қолында қалдым. Соғыстың кезі еді. Су жоқ, қарды ерітіп соны кезекке тұрып іштік. Бірнеше күннен кейін екі шешен қызы келіп бізге бір бір стақаннан қуырылған жүгері әкеп таратып берді. Сол уақытта 2 адам аштықтан өліп кетті». Тағдардың қилы кезеңдерін бастан өткерген қария түрік ұлтынан болғанын жасырып туу куәлігіне азербайжан деп жазғызған екен (Қалтөре, 2012).

Грузин КСР-нан арнайы жер аударылғандар саны туралы нақты мәліметтер Қазақ КСР ІІХК-нің облыстар бойынша құрастырылған анықтамасында сақталған<sup>3</sup>.

Осы кезде 40 мыңнан аса ахыскалық түріктер Ұлы Отан соғысының майдандарында осы кеңестік отанын қорғап соғысып жатқанын еске түсірейік. Кеңес Армиясында әскери қызмет атқарудағы жер аударылған этнос өкілдерінен шыққан офицерлер мен солдаттарды әскерден босатып, халықтың негізгі бөлігі орналастырылған жаңа мекендерге жіберген оқиғалар да кездесті. Олар ІІХК-нің (НКВД) жергілікті органдарында тіркеуге алынғаннан кейін погонмен жүру, суық қару және ату құралдарын қолдану құқығынан айырылды. 12 жыл комендатура бақылауында жүрді

Соғыстан кейін тазалау үдерісі жалғастырылды. 1949 ж. «Қара теңіз жағалауы мен Кавказдағы Грузин КСР, Армян КСР мен Азербайжан КСР-ларын саяси сенімсіз элементтерден тазарту» үшін жүргізілген шаралар нәтижесінде түріктер мен гректер тағы депортацияланады. Олар Ресейдің Алтай өлкесіне, Томбы облысына және Қазақстанның Оңтүстік Қазақстан мен Жамбыл облыстарына жіберілді (Сталинские, 2005: 670-675).

Барлық жер аударылған түріктер «арнайы қоныстанушылар» деген құқықтық статуска ие болды. 1956 ж. шейін құқығы шектелді, бақылау мен түртпектеу негізінде кемсіткен коменданттық жүйеге бағынды. «Арнайы қоныс аударушылар», көрші ауылдарға орналасқан туған-туыстарына бара алмады. Рұқсатсыз кетіп қалғандары айыппұл төлеп, тұтқындалды. Жүйені, тәртіпті бұзғандарын ұрып-соғып, сотқа тартты. Жер аударылғандар ішінде жаңа туған сәбилер де этникалық белгісіне орай кінәлі, «сатқын» деп танылды. Бұл вандализм осы уақытқа дейін жауапқа тартылмай келді.

Қарапайым халықты отанынан айырған бұл жер аудару жүз жиырма бес мыңдай адамды зар қақсатқан кезде, операцияның аяқталуына орай, ІІХК мен МҚХК-ның көптеген қызметкерлері айрықша қызметі үшін арнайы ордендермен, медальдармен марапатталды. КСРО Ішкі істер халық комиссары Берияның Сталинге 1944 ж. 2 желтоқсанында берген ұсынысына сәйкес, 3 желтоқсанда М.И. Калинин «ІІХК мен МҚХК қызметкерлерін марапаттау туралы» Жарлыққа қол қояды. Үкіметтің арнайы тапсырмасын «табысты орындағаны үшін» І дәрежелі Отан соғысы орденімен сол операцияны басқарғандар: КСРО Мемлекеттік қауіпсіздік халық комиссарының орынбасары, 2-рангтегі қк (қауіпсіздік комитетінің- АҚ) комиссары Кобулов Б.З., ГКСР Мемлекеттік қауіпсіздік халық комиссары 3-рангтегі қк комиссары Рапава А.Н. және ГКСР Ішкі істер халық комиссары қк комиссары Каранадзе Г.Т. және т.б. 25 адам марапатталған. Сондай-ақ, ІІ дәрежелі Отан соғысы орденімен 18 адам, Қызыл Жұлдыз орденімен - 85, «Ерлігі үшін» медалімен -67, «Әскери

<sup>3</sup> ҚРОМА. 1987 қ. 1 т. 16 іс. 8 п.

еңбегі үшін» медалімен – 218, барлығы – 413 адам марапатталды. Жарғы «Правда» газетінде 4.12.1944 ж. жарияланды (Сталинские, 2005:535 с.).

1945 ж. жазында соғыс біткеннен кейін соғыстан зардап шеккен, жараланған мүгедек ардагерлер орала бастады. Олар жер аудару туралы мүлдем хабарлары болмады. Бұл орден мен медалдар таққан адамдар өз отандарына, туғандарына, жақындарына, бала-шағасына, әйеліне асықты. Бірақ оларды шекаралық пост күтіп тұрды. Ардагерлерге олардың отбасыларының жер аударылғандығы туралы айтып, тіпті олардың өздерінің бос қалған үйлеріне, аталарының мазарларына кіріп шығуларына мұрсат берілмеді.

Барлығын кері қайтарды. Ешқандай жерден өздерінің жақындары туралы ақпарат алу мүмкін болмады. Өз поселкаларына кіргізбей, адамдарды кабинеттерінен қуып шығып отырды. Олар Кеңес адамдары ретінде өз Отаны үшін, Сталин үшін батырлықпен соғысып, жан беріп еді. Ал енді отансыз қалды және ешкімге барып шағымдана алмады.

Соғысқа барып келген адамдар жақындарын іздей бастады. Одақ бойынша Өзбекстаннан, Қазақстаннан, Қырғызстаннан іздеу жүргізді. Жолы болғандар ғана бірнеше ай, жылдардан кейін бала-шаға, әйелін, жақындарын тауып жатты.

Жергілікті тұрғындар алғашында жер аударылып келгендерге өте сақтықпен қарады. Олар қатты қорықты, себебі халық арасында бұзақылар, адам жегіштер келді деген қауесет тараған болатын. Жергілікті билік ешқандай да кінәсіз тұтқындап отырды.

Жер аударылған халықтар көрген қиындықтарды айтып тауысу мүмкін емес. Қолдан келетін қайран жоқ, халықтың тіршілік үшін – аштықпен, ортаазия даласының аязымен, жергілікті тұрғындардың өшпенді қарым-қатынасымен күресі басталды. Өйткені партия қызметкерлері жер аударылғандарды қылмыскерлер, сатқындар, адам жегіштер деп жергілікті тұрғындардың санасына әбден сіңіріп қойған болатын.

Күн көру үшін жұмысқа араласты, тынымсыз еңбек етті. Еңбекқорлықтың арқасында айналасындағылардың құрметіне ие бола бастады. Ахыскалық түрік өкілдерінің арасынан еңбек екпінділері, социалистік еңбектің Ерлері шыға бастады.

Біраз уақыт өткеннен кейін жергілікті тұрғындардың жер аударушыларға деген қарым-қатынасы өзгере бастады. Түрік-ахыскалықтар жергілікті дәстүрді, тілді, әдет-ғұрыпты үйрене бастады. Колхоздар мен совхоздарға жұмысқа орналаса бастады. Балалар жергілікті тілде сабақ беретін мектептерге барып білім алды. Бұның бәрі жергілікті халықтар мен жер аударушылардың бір біріне деген жақындасуы мен қызығушылықтардың негізінде болды. Сақтық пен бөтендік жәйменен өзгеріп, келісім мен түсіністік қалыптаса бастады. Қырғыздар, өзбектер, қазақтар нан, сүт, киім беріп, шамалары келгенше біздің адамдарға көмек көрсетті.

Туған жерге қайтудан үміттерін үзген олар, жаңа қонысқа үйренісе бастады. Жұмысқа тұрып, шаруашылықпен айналысты. Елге оралу туралы ешқандай мүмкіндік болмады. Себебі Азкур ауылының шекарасында тұрған шекарашыларға бұйрық келген. Бұйрық бойынша түріктерді өз ауылдарына кіргізбеді. Көбісінде өзін куәландыратын құжаттары болмаған. Соғысқа қатысқан бұрынғы әскери қызметкерлерде туу туралы куәлік, әскери билет пен марапаттау құжаттарынан бөлек ештеме болмады. Олардың жүріп тұруына рұхсат болмады. Комендант рұхсатынсыз туыстарымен, таныстарымен



кездесуге болмайтын. Егер мұндай жағдай тіркелсе оны қашқын деп есептеген.

1956 ж. дейін ахыскалық түріктерге мемлекеттік және әскери жұмыстарға шақырту берілмеген. Оларға екінші санаттағы адам ретінде қараған. Олар тек қара жұмыспен айналысты, балаларын жоғары оқу орындарына қабылдамаған. Хрущевтік жылымық кезеңі келді. Компартияның XX съезінен кейін, депортациялау актісі қылмыс деп танылды. «Арнайы қоныс аударылғандар» өмірінде өзгерістер басталды. КСРО Жоғарғы Кеңесінің 1956 ж. 28 сәуірдегі №135/142 жарлық бойынша ахыскалық түріктерге жасалған көптеген шектеулер алынып тасталынды. Оларға КСРО азаматтарының құқықтарына ие болу мүмкіндігі туды. Көптеген арнайы қоныстанушылар секілді, ахыскалық түріктерге қысым босаңсып, коменданттық тәртіп алынып тасталынды. Бірақ бұл Жарлықта «шектеулердің алынып тасталуы материалдық шығындарын қайтаруды қарастырмайды және олардың бұрынғы мекен-деген отанына қайта оралуын қамтымайды» деп атап көрсетілді.

Содан бері ұзақ жылдар бойы ахыскалық түріктер кеңес өкіметінен өз құқықтарының толыққанды қалпына келуіне қол жеткізе алмады.

**Қорыта айтқанда**, түріктердің тірі қалуына бірден бір септескен қазақ халқының жер аударылғандарды жылы қабылдауы еді. Аса бір қиын соғыстан кейінгі жылдары оларға қолдарынан келгеннің бәрін жасап, мүмкіндігінше көмек көрсетті. Оларға баспана беріп, бір үзім нанды бөліп жеді. 1956 ж. олардан арнаулы жүріп-тұру бойынша шектеу алынған соң, жер аударылғандардың біразы Кавказға қайта оралды. Кеңестер Одағы тарағаннан кейін де депортацияланған халықтардың көбі өздерінің тарихи отанына орала бастады. Ал түріктер қайта алмады. Туған жері Грузия шекарасы олар үшін жабық еді. Қоныс аударушыларды қабылдап жатқан Түркияға да кетулеріне болар еді, бірақ ол жер Ахыска түріктерінің туған жері емес. Сөйтіп, түріктерді еркін де тыныш өмір сүретін мекеніне – Қазақстан жеріне тарихтың өзі қоныстандырды. Түріктердің көбі Қазақстанда біржолата орнығып қалды. Қазақстандық түріктердің тәуелсіздік алған Қазақстан жағдайында толыққанды құқықтарға ие болу мүмкіндігі туды. Грузияға барып келгені болмаса, қайтып кеткендері бірен-саран. Қазақстандағы түріктердің жас буыны Түркияға барып, оқып, қалып қойғандары да бар. Бірақ, қазақстандық түріктердің басты ерекшелігі Қазақстан ахыска түріктері үшін – Кіші Отан.

«Ахыска» түрік этномәдени орталығы төрағасының орынбасары және осы орталықтың Алматы облысындағы бөлімшесінің төрағасы Асиев Шахисмаил Ахметұлымен сұхбат кезінде айтқаны бойынша: «Қазір Қазақстанда 199780 түрік тұрады. Одан бөлек 115 мың азербайжанның 80% түріктер деп есептелінеді. Неге десеңіз кезінде азербайжан деп жазылғандардың қазіргі кезде түрік болып аталғысы келетініне байланысты. Мысалы, бір отбасында 2-еуі түрік деп жазылып, 2-еуі азербайжан, не болмаса 2-еуі түрік, 1-еуі азербайжан болып жазылғандары бар. Тіпті паспортта түрік деп жазбағандықтан, ол графаны бос қалдырып, азербайжан деп жаздырмай жатқан жастар да кездеседі (Құдайбергенова, 2016).

Қазірде бірінің ұлты түрік, екіншісі – «азербайжан» болған бірге туған екі бауырды кездестіруге болады. Тоталитарлық билік адамдардың өткенін, түп-тамырын ұмытуы үшін бәрін жасады. Бірақ түріктердің ынтымағының арқасында олар өз мәдениеті мен ұлттық дәстүрлерін сақтай алды.

### Әдебиеттер тізімі/ Список литературы

- 1 Aydingün, 2014 - Aydingün A. Ahıska Türkleri. Ulusötesi bir topluluk. Ulusötesi aileler. Ankara: Ahmed Yesevi Üniversitesi, 2014. 200 s.
- 2 Aydingün, 1999 - Aydingün A.B. A Deported Nationality: The Ahıska Turks// Perceptions Journal of International Affairs. December 1998 - February 1999. Volume III. Number 4. S. 1- 6.
- 3 Akiner, 2007 - Akiner Sh. Towards a Typology of Diasporas in Kazakhstan //Отан тарихы. 2007. №1. С. 13-59.
- 4 Алдажуманов, 1998 -Алдажуманов К.С., Алдажуманов Е.К. Депортация народов тоталитарного режима // Депортированные народы и проблема прав человека. Материалы семинара (Алматы, 12 июня 1997 г.) / Ред.: И. Трутанов и др. Алматы, 1998. С. 151-154.
- 5 Анес, 1998 - Анес Г. Выселение турок // Депортированные в Казахстан народы: время и судьбы. Алматы, 1998. С. 301-303.
- 6 Асылбеков, 2005 - Асылбеков М.Х., Құдайбергенова А.И. Қазақстан халқының әлеуметтік-демографиялық жағдайы (1939-1959 жж.): Алматы: Өркениет, 2005. 160 б.
- 7 Бугай, 1994 – Бугай Н. Турки из Месхетии: долгий путь реабилитации/Сост. Н. Бугай. М., 1994. 162 с.
- 8 Гаджиев, 1992 - Гаджиев А. На чужбине. Этническая культура ахалцихских (месхетинских) турок. Б., 1992.
- 9 Дәніқұлұлы, 2017 - Дәніқұлұлы С. Баба жұрт / <http://www.altyn-orda.kz/kz/kazaksha-baba-zhurt/> қаралды: 2017 ж. 28 қаңтар.
- 10 Депортированные, 1998 - Депортированные в Казахстан народы: время и судьбы». Алматы: Арыс-Казахстан, 1998. 428 с.
- 11 Дымов, 1998 - Дымов О. Обиженных народов нет: [Турки-месхетинцы] // Депортированные в Казахстан народы: время и судьбы. Алматы, 1998. С. 397-398.
- 12 Закиев, 2011 - Закиев М.З. Глубокие этнические корни тюркских народов. Астана: Кантана Пресс, 2011.
- 13 Земсков, 1990 - Земсков В.Н. Спецпоселенцы (по документам НКВД и МВД СССР) // Социологическое исследование. 1990. № 11. С. 103-114
- 14 Ибрашева, 2014 - Ибрашева Ш.О. Қазақстандағы ахыска түріктері: Монография. Алматы: «Тауғұл-Принт» баспасы, 2014 . 292 б.
- 15 Из истории, 2012 - Из истории депортаций в Казахстан. 1930-1935. Сборник документов. Алматы: LEM, 2012. 772 с.
- 16 Из истории, 2010 - Из истории депортации народов в Алматинскую область Казахстана / Ответ. составитель А.А. Муканова. Алматы, 2010. 472 с.
- 17 «Иосиф Сталин...», 1992 - «Иосиф Сталин – Лаврентию Берия: «Их надо депортировать...»: Документы, факты и комментарии / Вступ. ст., и послесловие Н.Ф. Бугая. М.: Дружба народов, 1992. 286.
- 18 Khazanov, 1992 - Khazanov A.M. Meskhetian turks in search of self-identity// Central Asian Survey, Vol.11, № 1992. PP. 1-16. (3с.)
- 19 Курдаев, 1996- Курдаев Т.А. Книга народной памяти: (о турках). Алматы: Казахстан, 1996. 104 с.
- 20 Қалтөре, 2012 - Калтөре Г.Наубетке ұшыраған қилы кезеңдерді еске алу / Ахыска. 14 сентября 2012. 8 с. [http://www.ahıska-gazeta.com/cms/uploads/file\\_1347609998\\_151720910.pdf](http://www.ahıska-gazeta.com/cms/uploads/file_1347609998_151720910.pdf)
- 21 Құдайбергенова, 2016 - Кудайбергенова А.И.Далалық жазбалар: Шахисмайыл Ахметұлы Асиевпен; Қамбар Мұстафаев Маметұлымен; Ибрахим Түркімен және т.б. сұхбат. Алматы, 2016 ж.
- 22 Құдайбергенова, 2003 - Кудайбергенова А.И. Далалық жазбалардан. 2016, Сұхбат беруші - Зофаров Ибрагим Хошидұлы.
- 23 Материалы, 2003 - Материалы по этнической истории тюркских народов Центральной Азии.Ташкент, 2003. 345 с.
- 24 Симоненко, 2010 - Симоненко В.А.Месхетинские турки: исторические условия двуязычия // Moodle.kubsu.ru; Турки-месхетинцы // Народы России. Атлас культур и религий.М.: Дизайн. Информация. Картография, 2010. 320с.
- 25 Симоненко, 2002 - Симоненко В.А.Месхетинские турки: историческая судьба и проблемы культурной адаптации / Диссертация. Краснодар: КубГУ, 2002
- 26 Velidi, 1981 - VelidiA.Z. Būgūngū Tūrkili (Tūrkistan) ve yakin tarihi. Istanbul: Aksiseda matbasi.1981.696 b.
- 27 «Народное...», 1989 - «Народное образование», 30 июля 1989 г.; Ш. Бадридзе. «Турки-месхетинцы»: как возникла проблема?// Газета «Вечерний Тбилиси», 25 июля 1989 г.
- 28 Панеш,1991 - Панеш Э.Х., Ермолов Л.Б. Месхетинские турки // Вопросы истории. 1991. № 9-10. С. 208-223.
- 29 Сталинские, 2005 - Сталинские депортации 1928-1953 гг. / сост. Яковлев А.Н., Поболь Н.Л., Полян П.М. М.: Международный фонд «Демократия», 2005. 904 с.

- 30 Турки\_ 2007 - Турки-месхетинцы: Интеграция. Репатриация. Эмиграция / под ред. Т.Триера и А.Ханжина. СПб.: Алатай, 2007. 456 с.
- 31 Turki, 2014 -Turki I. Kismet: (Tarihi bilgi, deneme ve anilar) Судьба (Исторические справки, очерки, воспоминания). Шымкент: «Кітап» ЖШС, 2014. 200 б. (71-76).
- 32 Юнусов, 1999 - Юнусов А. Ахыскинские турки: дважды депортированный народ // Центральная Азия и Кавказ. 1999. № 6. С. 31-43.

## References

- Aydingün, 2014 - Aydingün A. Ahıska Türkleri. Ulusötesi bir topluluk. Ulusötesi aileler. Ankara: Ahmed Yesevi Üniversitesi, 2014. 200 s.
- Aydingün, 1999 - Aydingün A.B. A Deported Nationality: The Ahıska Turks// Perceptions Journal of International Affairs. December 1998 - February 1999. Volume III. Number 4. s. 1- 6.
- Akiner, 2007 - Akiner Sh. Towards a Typology of Diasporas in Kazakhstan //Otan tarihiy. 2007. №1. s. 13-59.
- Aldazhumanov, 1997 - Aldazhumanov K.S., Aldazhumanov E.K. Deportaciya narodov totalitarnogo rezhima // Deportirovannye narody I problema prav cheloveka. Materialy seminara (Almaty, iyun` 12, 1997) / Ed.: I. Trutanov I drugie. Almaty, 1998. P. 151-154.(in Rus.)
- Anes, 1998 - Anes G., Vyselenie turok // Deportirovannye v Kazakstan narody vremya I sud`by. Almaty, 1998. p. 301-303.(in Rus.)
- Asylbekov, 2005 - Asylbekov M.Kh., Kudaybergenova A.I. Kazakhstan halkynyn aleumettik-demographic zhagdaiy (1939-1959): Almaty: Orkeniet, 2005. 160 s. (in Rus.)
- Bugai, 1994 - Bugai. Turki iz Meshetii: dolgii put` reabilitacii / Comp. N. Bugai. M., 1994. 162 s.(in Rus.)
- Gadzhiev, 1992 - Gadzhiev A. Na chujbine. Etnicheskaya kul'tura axalcitskix (meshitinskih) turok. B., 1992. (in Rus.)
- Danikululy, 2017 - Danikululy S. Baba zhurt / <http://www.altyn-orda.kz/kz/kazaksha-baba-zhurt/>: 2017. 28 January.
- Departirovannye, 1998 - Departirovannye v Kazahstan narody: vremya i sud`by. Almaty: Arys-Kazakhstan, 1998. 428 s.(in Rus.)
- Dymov, 1998 - Dymov O. Obizhennyh narodov net: [Turki-meshitinsky] // Departirovannye v Kazakhstan narody: vremya i sud`by. Almaty: Arys-Kazakhstan, 1998. p. 397-398.(in Rus.)
- Zakiev, 2011 - Zakiev M.Z. Glubokie etnicheskie korni turkskih narodov. Astana: Kantana Press, 2011.(in Rus.)
- Zemskov, 1990 - Zemskov V.N. Specposekcy (po dokumentam NKVD i MVD SSSR) // Sociologicheskoe issledovanie. 1990. No. 11. P. 103-114. (in Rus.)
- Ibrasheva, 2014 - Ibrasheva Sh.O. Kazakstandagy ahyska tyrikteri: Monograph. Almaty: «Taugul-Print» Baspasy, 2014. 292 s.(in Rus.)
- Iz istorii, 2012 - Iz istorii deportacii v Kazakhstan. 1930-1935. Sbornik dokumentov. Almaty: LEM, 2012. 772 s.(in Rus.)
- Iz istorii, 2010 - Iz istorii deportacii narodov v Almatinskuyu oblast` Kazakhstana / Otvet. sostavitel` A.A. Mukanova. Almaty, 2010, 472 s.(in Rus.)
- Khazanov, 1992 - Khazanov A.M. Meskhetian turks in search of self-identity// Central Asian Survey, Vol.11, № 1992. PP. 1-16. (3c.)
- Kurdaev, 1996 - Kurdaev T.A. Kniga narodnoi pamyati: (o turkah). Almaty: Kazakhstan, 1996. 104 s.
- Kaltore, 2012 - Kaltore G. Naubetke ushyragan kily kezenderdi eske alu / Ahyska. sentyabrya 14, 2012. 8 s.[http://www.ahıska-gazeta.com/cms/uploads/file\\_1347609998\\_151720910.pdf](http://www.ahıska-gazeta.com/cms/uploads/file_1347609998_151720910.pdf)
- Kudaibergenova, 2016 - Kudaibergenova A.I. Dalalyk zhazbalar: Shakhismail Akhmetuly Asiyevpen; Kambar Mustafayev Mametulymen; Ibrahim Türkimen zhane t.b. suhbat. Almaty, 2016 zh.
- Kudaibergenova, 2016 - Kudaibergenova A.I. Dalalyk zhazbalardan. 2016, Suhbat berushi - Zofarov Ibrahim Khoshiduly.
- Materialy, 2003 - Materialy po etnicheskoi istorii turkskih narodov Central`noi Azii. Tashkent, 2003, 345 s. (in Rus.)
- Joseph, 1992 - «Joseph Stalin – Lavrentiy Beria: «Ih nado deportirovat`...»: Dokumenty, facty I komentarii / Vstup. st., i posleslovie N.F. Bugaya. M.: Druzhba narodov, 1992. 286.(in Rus.)
- Simonenko, 2010 - Simonenko B.A. Meshitinskie turki: istoricheskie usloviya dvuyazychiya // Moodle.kubsu.ru; Turki-meshetincy// Narody Rossii. Atlas kul'tur i religii. M.: Dizain. Informaciya. Kartografiya, 2010. 230 s.(in Rus.)
- Simonenko, 2002 - Simonenko B.A. Meshitinskie turki: istoricheskayz sud`ba i problemy kul`turnoi adaptacii/ Dissertaciya. Krasnodar: KubGU, 2002 (in Rus.)
- Velidi, 1981 - Velidi A.Z. Bügüngü Türkili (Türkistan) ve yakin tarihi. Istanbul: Aksiseda matbasi.1981.696 b.
- Narodnoe, 1989 - «Narodnoe obrazovanie», 30 iulya 1989 g.; SH. Badridze. «Turki-meshetincy»: kak voznikla problema?// Gazeta «Vechernii Tbilici», 25 iulya1989 g.(in Rus.)

- Panesh, 1991 - Panesh E.H., Ermolov L.B. Meshetinskie turki // Voprosy istorii. 1991. № 9-10. S. 208-223.(in Rus.)
- Stalinskie, 2005 -Stalinskie deportacii 1928-1953 gg. / sost. Yakovlev A.N., PoBol` N.L., Polyani P.M. M.: Mezhdunarodnyi fond «Demokratiya», 2005. 904 s. (in Rus.)
- Turki-meshetincy, 2007 - Turki-meshetincy: Integraciya. Repatriaciya. Emigraciya/ pod red. T.Triera i A.Hanjina. SPb.: Alateia, 2007. 456 s. s il.(in Rus.)
- Turki, 2014 - Turki I. Kismet: (Tarihi bilgi, deneme ve anilar) Sud`ba (Istoricheskie spravki, ocherki, vospominaniya). Shymkent: «Kitap» ZHSHS, 2014. 200 b. (71-76).
- Uynusov, 1999 - Uynusov A. Ahyskinskie turki: dvazhdy deportirovannyi narod // Central`naya Aziya i Kavkaz. 1999. № 6. S. 31-43.(in Rus.)

## **Anthropology of extremality: social and cultural everyday adaptation of the ethnic deportees (the years 1939-1949) and host rural community in the South of Western Siberia in the context of involuntary deportations**

**DOI:** 10.31551/2410-2725-2019-5-2-197-231

**Shcheglova Tatiana Kirillovna**

Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of National history of the Faculty of History of Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia. E-mail: tk\_altai@mail.ru

**Abstract.** The subject of research is the historical memory about ethnic deportations of the years 1939-1949 to the territory of the South of Western Siberia. The main sources are expedition materials of oral history, ethnography and social anthropology for the years 1990-2010. Innovativeness of the approach is realized through the accentuation on the issues of interaction of two groups of participants – host community and settled ethnic deportees (Ukrainians, Belarusians, Lithuanians, Poles, Germans, Kalmyks, Armenians, Chechens etc.), social, economical, cultural and civil adaptations of both groups. The author makes the conclusion that disperse disposal of the deportee mostly in Russian speaking community and family character of deportations led to polyethnicity of rural settlements having created on everyday level the unique situation of interaction and mutual influence. The article compares the processes of disposal of ethnic deportees, the influence on their everyday practices of economical and cultural traditions and way of, historical events, state policy, mythologemas and stereotypes. The reasons of tension as well as the methods and ways of its overcoming are analyzed. The conclusion is made that after overcoming mutual offences and accusations on the everyday level, due to economical and cultural interchange in everyday interaction the unitary system of overcoming difficulties in the struggle with cold and hunger was formed with the infusion of nonethnic elements into traditional cultural standards of the participants. The value of ethnic deportees for development of host agricultural production and rural community is defined. The innovative conclusion made by the author consists in the fact that everyday adaptation practices were influenced by the multiple identity of the deportees that marked not only the borderline between agricultural and stock-raising, steppe and mountain ethnical groups, but also the borderline of the deportees' origin - a village or a city, peasantry or intelligentsia, the West or the East.

**Keywords:** ethnic deportees, historical memory, ethnic deportees, Russian Siberians, conditions of placements, social and cultural everyday adaptation, interaction and mutual influence

**Экстремалдық антропологиясы: күштеп қоныс аудару контексіндегі этникалық депортанттардың (1939-1949 жж.) және оларды Батыс Сібірдің оңтүстігіне қабылдаған ауыл қоғамының әлеуметтік және мәдени-тұрмыстық бейімделуі**

**Щеглова Татьяна Кирилловна**

тарих ғылымының докторы, Алтай мемлекеттік педагогикалық университеті тарих факультетінің отан тарихы кафедрасының меңгерушісі, Барнаул, Ресей Федерациясы. E-mail: tk\_altai@mail.ru

**Аңдатпа.** Зерттеу пәні 1939-1949 жылдар аралығында Батыс Сібірдің оңтүстігі аумағына этникалық күштеп қоныс аударылғандар туралы тарихи жады болып табылады. 1990-2010 жылдардағы ауызша тарих, этнография және әлеуметтік антропологияның экспедициялық материалдары негізгі дерек көздері ретінде есептеледі. Бұл көзқарастың жаңашылдығы – жергілікті халық пен депортацияланған этностардың (украиндар, белорустар, литвалықтар, поляктар, немістер, калмақтар, армяндар, шешендер және т.б.) өзара қатынасы мәселесіне ерекше назар аударып, олардың әлеуметтік, шаруашылықтық – мәдени және екі топтың да азаматтық бейімделуін зерттеуге назар аударылған. Автор орыс тұрғындары басым ортаға депортацияланғандарды орналастыруы және депортацияның отбасылық сипаты күнделікті деңгейде бірегей өзара байланысты және өзара қатынасты жағдайды қалыптастырғандығы туралы қорытынды жасайды. Мақалада этникалық депортанттарды қамау үрдісі, тарихи оқиғалардың, мемлекеттік саясаттың олардың шаруашылықтық – мәдени дәстүрлері мен өмір салтындағы күнделікті тәжірибесіне тигізген әсеріне салыстырмалы талдау жасалады. Сонымен қатар, шиеленістің себептері, оны жеңудің тәсілдері мен жолдары талданады. Тұрмыстық деңгейде өзара реніш пен наразылықтарды жеңгеннен кейін, күнделікті қарым-қатынаста шаруашылық-мәдени өзара алмасудың арқасында және олардың дәстүрлі мәдени стандарттарына бөгде этностық элементтердің енуімен суық пен аштыққа қарсы күресте

қиындықтарды еңсерудің бірыңғай жүйесі қалыптасты деген қорытынды жасалады. Жергілікті ауыл шаруашылығы өндірісін және ауыл қоғамын дамыту үшін этникалық депортанттардың маңызы айқындалады. Депортанттардың көптеген бірегейлік бейімделушілік күнделікті тәжірибесіне тек егіншілікті немесе мал шаруашылықты, далалық немесе таулы халықтардың шекарасы арқылы ғана емес, сонымен қатар, ауыл мен қала, шаруа мен зиялы қауым, батыс пен шығыс бірегейлігі бойынша болғандығын дәлелдей мақаланың жаңашыл көзқараста екендігін көрсетеді.

**Түйінді сөздер:** депортациялар, тарихи жады, этникалық депортанттар, орыс сибірліктер, қамау жағдайы, әлеуметтік және мәдени – тұрмыстық бейімделу, өзара әрекет, өзара байланыс.

### **Антропология экстремальности: социальная и культурно-бытовая адаптация этнических депортантов (1939-1949 годы) и принимающего сельского общества на юге Западной Сибири в контексте принудительных переселений**

**Щеглова Татьяна Кирилловна**

доктор исторических наук, зав. кафедрой отечественной истории исторического факультета Алтайского государственного педагогического университета. Барнаул, Россия. E-mail: tk\_altai@mail.ru

**Аннотация.** Предметом исследования является историческая память об этнических депортациях с 1939 до 1949 годов на территорию юга Западной Сибири. Основными источниками являются экспедиционные материалы устной истории, этнографии и социальной антропологии за 1990-2010-е годы. Новационность подхода реализуется через акцентуацию на вопросах взаимоотношения двух групп участников – местного населения и водворенных этнических депортантов (украинцы, белорусы, литовцы, поляки, немцы, калмыки, армяне, чеченцы и др.), социальной, хозяйственно-культурной и гражданской адаптации тех и других. Автором делается вывод, что дисперсное размещение депортируемых в среде преимущественно русского населения и семейный характер депортаций, привели к полиэтничности сельских поселений, создав на повседневном уровне уникальную ситуацию взаимодействия и взаимовлияния. В статье сравниваются процессы водворения этнических депортантов, влияние на их повседневные практики хозяйственно-культурных традиций и образа жизни, исторических событий, государственной политики, мифологем и стереотипов. Анализируются причины напряженности, способы и пути ее преодоления. Делается вывод, что после преодоления взаимных обид и претензий на бытовом уровне, благодаря хозяйственно-культурному взаимодействию в повседневном общении сформировалась единая система преодоления трудностей по борьбе с холодом и голодом с проникновением иноэтнических элементов в традиционные культурные стандарты участников. Определяется значение этнических депортантов для развития местного сельскохозяйственного производства и сельского общества. Новационным является вывод о влиянии на адаптационные повседневные практики множественной идентичности депортантов, которая проходила не только по границе земледельческих или скотоводческих, степных или горных народов, но и по границе исхода депортантов – село или город, крестьянство или интеллигенция, запад или восток.

**Ключевые слова:** депортации, историческая память, этнические депортанты, русские сибиряки, условия водворения, социальная и культурно-бытовая адаптация, взаимодействие, взаимовлияние.

**УДК/UDC 39(571.1)+572.9**

### **Антропология экстремальности: социальная и культурно-бытовая адаптация этнических депортантов (1939-1949 годы) и принимающего сельского общества на юге Западной Сибири в контексте принудительных переселений**

*Т.К. Щеглова*

**Введение.** Исторические события XX в. обусловили активное взаимодействие народов в ходе миграций, которые по своему характеру можно

разбить на вольно-добровольные, вынужденные и принудительно-насильственные. Уровень межэтнического согласия или напряжения в XX веке в сельском обществе Северной и Центральной Азии определялись рядом факторов. Самостоятельное влияние на развитие сельского общества в советский период сыграли принудительные депортации 1939-1949 гг., которые представляли собой опыт насильственного смешения народов, усугубленный репрессивной политикой государства в отношении людей разной этнической принадлежности, объявленных потенциальными «врагами» или «предателями» и принудительно выселенными с этнической территории. Они привели к увеличению населения края за счет этнических ссыльных. Только с 11 по 30 сентября 1941 г. на Алтай прибыло на 14 станций 34 эшелона с депортированными немцами в количестве 80 454 чел., которые были расселены по 47 районам. Общая численность депортированных в регион немцев составила до 115 000 чел. (Сыщенко, 2007: 6). В 1943-1944 гг. на Алтае расселили 20 858 калмыков (из 91 919 чел.). В составе принудительных выселений как «потенциальные пособники фашизма» на Алтае оказались поволжские и ростовские немцы, крымские татары, чеченцы, калмыки и ингуши, карачаевцы; как «представители» государств, воевавших против СССР, – этнические болгары, венгры, румыны, финны и др. Дисперсное расселение депортантов привело к тому, что за предельно короткий промежуток времени территория Алтая стала районом этнически пестрого заселения. Об этом свидетельствуют очевидцы: «Тут полно было всяких наций. И калмыки, и немцы. Всякие нации были. А потом все по своим местам уехали, когда освободили их» (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Кузовлева О.Е., 1919 г.р.): «Здесь были и немцы. И до сих пор они есть. Прямо уж и в нашей родне немцы появились. И татары. И вот даже кореец есть, и украинцы. Да кого только не было!? Ведь вот в сталинские времена... Чеченцы, они тоже выселялись здесь. Чечены, армяне, калмыки...» (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Епихин И.П., 1927 г.р.)

Факторы смешения разных этнических, конфессиональных, социальных групп и историческая память современного населения создают для исследователей благоприятную среду в изучении этничности, идентичности, характера этнических процессов через изучение эмпирического опыта памяти, через сформировавшиеся образы и представления, через результаты прошлого межкультурного и межэтнического обмена. Важным является тот факт, что в отличие от репрессий 1930-х гг. с их закрытой системой лагерей, депортантов расселяли в среде местного населения. Историческая память об этих событиях хранится не только депортантами, в большинстве своем покинувшими Алтай, но и сибирским сельским населением – участниками совместного проживания. В отличие от депортантов, это сельское население в силу разных причин не оставило воспоминаний о том, как это было в принимающем сельском обществе. Между тем депортации смоделировали взаимодействие народов в границах одного сельского социума. История Сибири, Казахстана и Центральной Азии, территории которых стали местами водворения этнических депортантов, не может быть полной без «голосов» самых массовых участников, с одной стороны, группы депортированного населения, с другой стороны, в равной степени, без изучения того сельского общества, в которое вливались принудительные переселенцы в 1939-1949 гг.

**Хронология исследования** обусловлена началом массовых этнических депортаций на территорию Алтая и до указа о реабилитации, положившего начало массового возвращения насильственно-принудительных мигрантов в

родные места. В период 1939-1956 годов выделяются два этапа. Собственно, первый этап составляли годы депортаций. Для Алтая – это 10 лет, от первой депортационной волны этнических переселенцев 1939 – 1941-х гг. с западных территорий Украины, Белоруссии и территории Прибалтики, до депортационной компании 1949 г. по переселению армян и молдаван (вторая волна послевоенной депортации молдаван в соответствии с постановлением Совета Министров республики от 28 июня 1949 г. «О выселении из Молдавской ССР семей кулаков, бывших помещиков и крупных торговцев». На Алтае расселено 4262 человека. Всего в Западную Сибирь до 80% от первой волны в 34954 человека). Второй этап включают послевоенные годы до указа о реабилитации 1956 г., после которого основная масса репрессированных депортантов вернулась на территории прежнего проживания, кроме немцев, которым запрещено было возвращаться, тем более, что Поволжская немецкая республика не была восстановлена. В постсоветских исследованиях на территории России и в других республиках основное внимание уделено вопросам собственно формирования нормативной базы и процессу депортации. Гораздо меньше уделялось внимания процессам водворения депортантов, совсем выпали из исследовательского поля вопросы совместного проживания водворенных и местных жителей в контексте истории развития принимающих территорий, а также антропологические аспекты взаимодействия и взаимовлияния «непрощенных» гостей» и «вынужденных хозяев и адаптации тех и других к обстоятельствам военного и послевоенного времени в контексте репрессивной политики государства в отношении и тех, и других.

**Источниковая база.** В данной публикации автором используется архив устных исторических источников, создаваемый в ходе историко-этнографических экспедиций с 1990 года с помощью методов устной истории – интервьюирования участников и очевидцев депортации народов и источников полевой этнографии и социальной антропологии (Щеглова, 2011; Щеглова, 2015) в ходе реализации авторских программ: с 1992 г. «Депортации народов и репрессии на Алтае», с 1996 г. - «Народы Алтая: история и культура», с 2014 г. – «Культура жизнеобеспечения русского сельского населения в годы Великой Отечественной: традиции и новации», с 2017 г. «Депортации на Алтай (1939-1949 гг.): хозяйственно-бытовая и социальная адаптация сельского населения («непрощенных гостей» и «вынужденных хозяев»)).

Корпус документированных интервью архива Центра устной истории и этнографии по этой проблеме содержит оценки двух групп – этнических депортантов, расселяемых в селах, и жителей сибирской деревни, принимавших депортантов. Их задокументированный жизненный опыт показал, насколько сложно, а порой и драматично складывались отношения местных и пришлых, какую они прошли эволюцию и какие факторы влияли. Обращение к исторической памяти участников и очевидцев принудительных переселений позволяет, прежде всего, выявить особенности взаимоотношений депортированного и местного населения с обеих сторон. Особую ценность устным историческим источникам придает важное для понимания исторического прошлого восприятие происходящего в ракурсе антитезы «свои» – «чужие» и установление диалога при антитезе «мы» и «они», в условиях, когда депортанты (немцы, украинцы, болгары, гагаузы, молдаване, греки, калмыки, армяне, литовцы, евреи, поляки, татары, чеченцы, ингуши, армяне и другие) оказывались в одном населенном пункте с преимущественно русским населением. Вот как усложнение этнического состава сельского общества



отражается на примере с. Красный Партизан Чарышского района: «в войну немцев к нам привезли, на телегах, немного, семей пять с ребятишками. В соседнее село побольше... Жили они в домах с местными. А еще калмыки были. Тех побольше было... Даже молдаване какие-то приезжали, тоже в войну. Но их не помню. Да гагаузы какие-то. А еще поляки были. Но мало. Да литовцы... Не помню их сильно...» (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Ковалик И. Н., 1927 г.р.). Этническая идентичность мигрантов в период заселения способствовало восприятию переселенцев в ракурсе «свои» и «чужие» и позволяет выявлять происходящие под воздействием этого обстоятельства изменения в сельском обществе.

В исторической науке до сих пор не преодолен отрыв изучения истории депортаций от сельской истории. Исследователи рассматривают историю насильственных переселений изолированно от социальной, культурной и производственной жизни принимающей деревни. За последние десятилетия были исследованы процессы эвакуации и депортации, а также практики размещения депортантов в местах расселения. При этом вне зоны внимания остаются вопросы адаптации самих депортантов на новом месте и адаптация местного населения к новой ситуации; влияние депортаций на сельское общество и, наоборот, влияние местного населения на мигрантов. При акцентуации внимания на данных проблемах не доставало источников о тех внутренних процессах, которые происходили в сельском, преимущественно русском сообществе, при подселении не только людей иной этнической принадлежности, но и с репутацией потенциальных «врагов народа».

Важной, упущенной в исследованиях, проблемой для современных историков является изучение процессов формирования повседневных практик преодоления трудностей в 1940-х годах с опорой на этнические традиции местного и депортируемого населения. И тех, и других объединяли голодные и холодные годы, в которые и деревенским хозяевам, и насильно переселенным этническим депортантам приходилось выживать сообща. Равное значение в жизнедеятельности и тех, и других имели адаптационные практики как в материальной сфере – системе жизнеобеспечения (жилище, пища, одежда) семьи, так и в социальной сфере - преодоление эмоционального негатива как со стороны местного, так и депортируемого сообщества.

**Условия и факторы развития сельского общества в период депортаций.** Изучение антропологического содержания принудительных депортаций сопряжено с полиэтничностью, поликультурностью, поликонфессиональностью взаимодействия и взаимовлияния участников этих процессов. Успех консолидации и интеграции депортируемого и принимающего общества и их адаптационных практик был обусловлен несколькими факторами, которые условно можно разбить на внутренние (субъективные) факторы, обусловленные этнической историей и этнокультурным опытом и внешние объективные (не зависящие от этноса) условия и факторы, обусловленные историческими событиями, в контексте которых проходила жизнь социумов, в т.ч. под влиянием государственной политики.

К первым внутренним (субъективным) факторам адаптаций относятся хозяйственно-культурные традиции этнических депортантов и принимающего этноса, которые влияли на адаптационные практики в экстремальных или затруднительных условиях. Принудительная для депортируемых смена «кормящего ландшафта» и традиционного образа жизни в отдельных случаях вела к невозможности воспроизводить в местах водворения повседневные практики жизнеобеспечения семьи всем необходимым; сопровождалась

культурно-бытовым шоком. Ярким примером является эмпирический опыт калмыков, как скотоводов, оторванных от обжитой степи с развитым скотоводством и расселенных в лесостепных, таежных и горных территориях юга Западной Сибири среди земледельческого населения. Их системы жизнеобеспечения были основаны на скотоводческих традициях и, вырванные из привычного образа жизни, калмыки оказывались беспомощными в иной среде. Этот фактор служил сохранению «инакости» депортантов в местах расселения, консолидации по этническому принципу, то что респонденты часто называют жили «кучками» – «жались кучками друг к другу». В этом смысле более «комфортные» условия хозяйственно-бытовой (не социальной) адаптации по сравнению с калмыками имели депортированные из Поволжья немцы, повседневная система жизнеобеспечения которых, базировалась на семейных земледельческих и огороднических практиках, таких же, как и у принимающего, преимущественно, русского населения. И, наоборот, более неблагоприятные условия, чем у калмыков, были для социальной адаптации немцев в условиях войны с фашисткой Германией, которая в «народных представлениях» под влиянием пропаганды ассоциировалась с «немецкостью».

Иные факторы влияли на адаптацию к новым общественно-бытовым условиям территории размещения депортированных тех принудительных переселенцев, чья повседневная культура сформировалась в контексте процессов глобализации и урбанизации западноевропейской цивилизации. Можно говорить, что культурно-бытовые традиции депортантов 1939 года (по пакту Молотова – Риббентропа) с территорий западной Украины, западной Белоруссии и Прибалтики, а это депортированные на Алтай украинцы, поляки, белорусы, литовцы, эстонцы, ментально, духовно и материально тяготели к «западности». Проявлялось это в том числе (условия переселения предвоенных депортантов, отличались от «военных» депортантов) в привозе предметов, маркирующих городскую культуру, менее этнически окрашенную, более универсальную (например, фабричный текстиль вместо сродельной ткани). Вот как это проявляется в материалах интервью респондента из местного населения, «Вот, да, литовцы были [село Карагуж, Красногорский район]... Я даже литовца учила. Двух даже. Витекайте...А вторую... забыла фамилию... они привозили кое-что. Вот, барахло... Привозили платья [фабричная одежда и ткань]. Материал какой [в селе преобладала сродельная ткань]» (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Шемонаева З. С., 1925 г.р.). Описываемое респондентами повседневное поведение депортантов с западных территорий демонстрирует значительную степень трансформации традиционных культур ее носителей, в т.ч. благодаря взаимовлиянию «западноевропейских» культур. Особенно это проявлялось в повседневной культуре под влиянием происходящих в Европе процессов модернизации культурно-бытовой жизни, что было особенно заметно в сравнении с сельскими сибиряками.

Полевые исследования показали, что грань между приносившими «иную» культуру («инакость») депортантами и местным принимающим населением пролегла глубже, чем это кажется на первый взгляд, и была связана с более широким понятием «идентичности». Под идентичностью понимается не только этничность. Идентичность включала и другие виды самоидентификации, например, «сельскую» (сельскость) и «городскую» культуру, «западность» и «восточность» (Западная Европа и Восточная Европа) и т.д. Так в исторической памяти сибирских старожилов представления о поляках прочно

связались с такими новациями для сельского населения, как «невиданные музыкальные инструменты», «оркестры», «туфли»; о литовцах - с нетрадиционным для русского сельского населения мужским костюмным комплектом – жилет, брюки, белые рубашки. Вот как описывают поляков и греков: «помню, что они очень были религиозные. Поляки особенно... нас просили, детей, ходить славить... в праздники, в Пасху, в Рождество. Шли колядовали. они нас учили каким то там словам, я теперь не помню. Поляки всегда угощали очень вкусными конфетами... Греков я помню, они [...], особенно женщины, уже в то время были нарядными... Господи, кто ходил в лодочках лакированных, а они в лодочках лакированных, а мы, дети, бегали смотрели на эти лодочки, а потом ходили вот так, имитируя эти лодочки». (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Быкова Р.К., 1941 г. р.).

Другим важным фактором взаимоотношений вынужденных переселенцев и принимающего общества являлся разный материально-технический уровень развития территорий в стране. Прежде всего, необходимо учитывать отставание сибирских территорий в модернизации деревенской повседневной и производственной базы. Особенно это заметно было в электрофикации сельской местности, в жилищном и производственном секторе сибирской деревни. Например, материалы интервью показывают существенную разницу в соцкультбыте между селами Алтая и Поволжской республики немцев. Вот как показывают эту разницу респонденты из депортированных немцев и респонденты из местного русского населения. Первая цитата (девочка из депортированных немцев): «Когда началась война, нас стали переселять сюда, мы считаемся репрессированные. Мне было в то время шесть лет... Там [в Поволжье] было большое село, электричество было, люди там лучше жили, чем здесь, в Сибири. Мама стряпала хлеб для колхоза, а отец работал бригадиром на животноводстве... Куда везут, никто не знал... Приехали... Нас расселили по семьям, там темнота была [в семье, куда подселили депортированную семью]. У нас-то [Поволжье] уже электричество было. У них «коптюшечки» были. Мама сидит, плачет, бабушка плачет, нас стали угощать капустой, картошкой в мундире. У них мы жили лет пять.» (Алтайская деревня, 2012: 147-148). Вторая цитата (респондент из сельской семьи Горного Чарыша) «Мы часто сидели вечерами, учили уроки у печи. Разжигали лучины и с таким огоньком готовились к урокам... Эрик [одноклассник из депортированных немцев] это увидел и стал приходить к нам с керосиновой лампой» (Алтайская деревня, 2012: 69). Пытаясь понять причины разницы, респондент обобщает «культурнее нас были, что-ли» (Алтайская деревня, 2012: 69). Примерно этот же смысл содержит и оценка со стороны депортированных немцев: «То ли отстающий народ тут был. Я не знаю. У нас уже культура лучше была, намного лучше была, чем тут народ был. И победнее жили, чем мы там» (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Йорк М. Е., 1923 г.р.). На самом деле здесь речь должна идти не о культуре, как ее определяют этнографы, а о более развитой в селах Поволжской немецкой республики производственной и соцкультбытовой сфере. Что касается оценки «победнее», то это подтверждают многочисленные устные свидетельства и той, и другой стороны. Как, например, в цитате: «Их [немцев] с Алейска сначала на лошадях, тогда транспорта никакого не было ... Вот начало зимы, почему-то мне так запомнилось это... они приезжали, некоторые даже вот с мукой... Побогаче были русских» (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Коротких Ю.К., 1932 г.р.).

**Образы, стереотипы, мифологемы, идеологемы, агитпропы как факторы адаптации.** В процессах переселений и смешения народов на

микроуровне, сельского поселения, формирование образов участников являлось важным фактором взаимоотношений на начальном этапе и в последующем, в совместном общежитии. Содержательной частью процессов взаимодействия являлись условия и время вливания в сельское общество, степень и вклад в создание совместной системы жизнеобеспечения, общественное согласие и комфортность; степень консолидации общества. Значительное влияние оказывали представления «друг о друге» в виде образов, стереотипов, мифологем, идеологем. Важно различать образы и стереотипы, мифологемы и идеологемы. В основе образов, например, по мнению автора, лежит эмпирический жизненный опыт общения в ходе исторических событий в условиях вынужденного совместного общежития, в т.ч. в совместной борьбе с трудностями жизнедеятельности военного времени. Стереотипы являются более сложным и длительно историческим явлением, на формирование которого влияли несколько факторов, среди которых ведущую роль играли сформировавшиеся хозяйственно-бытовые представления земледельцев или скотоводов, охотников или рыболовов, определенное влияние оказывала государственная политика. Формирование стереотипов также тесно связано с народной мифологией, отражавшей народный опыт взаимодействия в историческом прошлом. Идеологемы формируются в контексте влияния на общественное мнение государственной политики. Ближе к ним стоят агитпропы – образы пропаганды и агитации.

Как показывают материалы интервью, в восприятии этнических депортантов на первом этапе вселения и знакомства сильно влияли идеологемы и стереотипы. И лишь на втором этапе – совместной деятельности, особенно в производственной сфере, формировались самостоятельные образы этнических депортантов. При этом в процессах взаимодействия принудительных мигрантов и местного населения в Сибири необходимо учитывать тот фактор, что для сельского русского населения этнические миграции не являлись чем-то неожиданным и новым. Образы и представления у местного русского населения многих депортантов формировались в предшествующий период межэтнического взаимодействия в массовых крестьянских переселениях второй половины XIX – первых десятилетий XX столетия. Он был положительным и сыграл свою конструктивную роль в 1940-е годы.

Усиливала этот фактор в период этнических депортаций определенная аполитичность крестьянства Сибири, которая обуславливала и особенности противостояния в предшествующие годы революций и гражданской войны (Щеглова, 2008). Основой этой аполитичности являлась сосредоточенность крестьян-земледельцев на развитии хозяйства, как основы семейной системы жизнеобеспечения. Устные свидетельства показывают, что отстраненность от большой политики, сохранялась в определенной степени и в 1920-40-е годы, в т.ч. проявляясь в интерпретациях сельчанами, особенно в женских интервью, причин появления в селах этнических депортантов. Так, объясняя появление депортированных украинцев в 1939 году в с. Карагуж, З.Я. Шемонаева пытается опереться на семейную историческую память о переселенцах рубежа XIX – XX вв. «...ехали они добровольцы, с Украины бежали. Чтоб, э... В Сибирь же мала заселена. Мало народу и вот они по собственному желанию, предложенному государством. Вот, кто согласен приехать семьями в Сибирь. Им давали льготу. Вот, например, они в нашу деревню приехали, 9 семей, хохлов этих». (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Шемонаева З.С., 1925 г.р.). При такой прагматичности для большинства сельского населения было неважно

понимание «кто – они» «они – просто другие» «Были ли эстонцы или литовцы, но я совсем маленький. Знаю, что были какие-то нации, кроме немцев, но я не знаю сейчас, как их называли. По-моему литовцы». (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Рябоконеv И.В., 1934 г.р.).

**Особенности формирования стереотипов и образов этнических депортантов под влиянием войны.** На формирование стереотипов немцев у местного населения несомненно повлияла государственная компания в СМИ. Подтверждение этому содержится многократно в той или иной форме в большинстве материалов интервью. На бытовом уровне это проявляется в использовании агитпроповских штампов, например,: ««Немцы переселялись. Четыре семьи немцев жило [с. Красногорское]. Почему переселялись? Потому что с Поволжья. Немцы подходили. А они на Поволжье жили. Их выселяли, потому что боялись, что они тоже [поддержат]. Это русские немцы. Ну они по-немецки, вот Иван сейчас даже по-русски с акцентом. А он 28-го года. Сейчас даже говорит по-русски, а акцент немецкий весь. Ну, вот и выселяли их. Тогда же и Чечню расселяли, и многих тогда. А немцев на Волге оставишь что ли? Когда немцы к Волге подходили уже. Ясное выселять надо было» (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Рябоконеv И.В., 1934 г.р.).

При формировании образов и стереотипов на бытовом уровне межэтнические явления могли служить преградой на пути установления общественного согласия или служить благоприятным фактором. Например, в повседневной жизни на взаимоотношения мигрантов и местного населения влиял языковой барьер. Вот как рассказывала о языковой разнице между депортированными украинцами и русскими сибиряками В.В. Королева: «говор какой то такой... Как-то, ну не чисто так по-русски. По-сибирски...» (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Королева В.В., 1931 г.р.). При расселении нескольких групп этнических депортантов в одном населенном пункте, русский язык мог выступать как язык общения. Но анализ материалов интервью показывает, что в семьях или между собой депортанты предпочитали говорить на родном языке. Но местное население осуждало только, если депортанты говорили на своих языках в общественных местах, со временем смирившись с этим. Как говорила Р.К. Быкова, «Все знали русский язык. Ну, сами между собой они говорили на своем языке, особенно вот, украинцы. Ну, украинцы - это все понимали мы друг друга. Тогда вот это неправильно было. Ну, в общем, они придут в магазин и говорят на своем языке. А русские не хотели чтобы они говорили на своем языке. Ну, в начале вроде как то [возмущались], а потом привыкли. Все говорили на своем языке. И армяне говорили на своем, и калмыки, и немцы. Вот, сейчас у меня, вот тут вот немка живет. И вон там вон немка живет. И я им говорю, а почему вы не говорите на своем языке? Они собираются и говорят на русском: «Да как то привыкли». А тогда говорили на своем. Украинцы песни пели на своем. Они же красивые украинские песни. Все эти песни потом стали русские петь» (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Быкова Р.К., 1941 г. р.).

Непонимание и появление мифологем в повседневной жизни формировала культурно-бытовая разница, иноэтнические семейные и трудовые традиции. Респонденты безошибочно и детально описывают «инакость» депортантов. В.В. Королева правильно подмечает культурно-бытовые отличия депортированных с Западной Украины украинцев «Вышивки и у нас были, и у наших были с вышивками [рубашки]. Ну, у них как-то аляпистей. Таки были, красочней. Красочные были. Сибиряки, видишь, как-то они более суровый народ, более практичный, а там теплые места то были, они там придумывали че себе» (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Королева В.В., 1931 г.р.).

Данное народное толкование близко к научной интерпретации этнографов, которые связывают яркость красок в традиционных костюмах с более теплым климатом, а их сдержанность с более суровыми природно-климатическими условиями. Устные свидетельства показывают достаточную сохранность к 1940-м годам этнических маркеров в одежде, пище, жилище у всех этнических депортантов преимущественно из сельской местности.

Проявлялось это в том, что депортанты старались захватить то, что символизировало этническую территорию и этническую традицию. Например, материалы интервью по депортационной кампании армян 1949 года показывают, что у депортированных армян, таким этническим маркером служил их традиционный ковер. Полевые материалы повсеместно показывают устойчивость армянских традиций в экстремальных условиях – независимо от того, куда их распределяли на территории Алтая везде они появлялись с коврами, что и служило определенным маркером в складывающемся образе армян со стороны русского населения. Но сам маркер интерпретировался не как элемент традиционной культуры, как это проявляется в образе депортированных украинцев, а неверно интерпретируется как признак зажиточности и богатства по сравнению с сибиряками или другими этническими депортантами. Вот как рассуждает из степного села (Благовещенский район, село Благовещенка) респондент Т.К. Лапутина (1921 г.р.) «а армяне эти, у нас, этих сослани, они богаче были тех [сравнивает с калмыками]». И далее пытаются объяснить, исходя из сложившихся представлений о богатстве: «В верхах они [армяне] были, но у них [калмыков] не было ниче такого богатства. Армяне побогаче были. В то время, вы знаете, зайдешь, у них [армяне] такие ковры были, вот у нас [местных русских], у нас понятия не было еще о коврах об этих». Критерием богатства в представлениях русской сельчанки выступают ковры, которые для армян в повседневной жизни были не признаком зажиточности, а маркером этничности. Тогда как для русского населения появление ковров стало показателем имущественной состоятельности, что и отражается в ее оценке: «армяне богаче были, русские были нищие, они были богаче». Другим маркером армянской инакости выступила шерсть: «Теперь армяне. Вот, почему общались мы? Они приезжали, у них... матрасы. Вот такие толстые, шерстью наполненные. И, потом, они здесь их распаковывали и продавали эту шерсть....Овечья, вот. Но она отличалась от нашей... Порода не такая. Наши [овцы] шерсть сбивается, садится, а ихняя нет. И у них покупали на одеяло. Стежили одеяла с ихней шерсти»(АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Лапутина Т.К., 1921 г.р.).

Таким образом, маркером этничности, как правило, выступали какие-либо выразительные элементы материальной культуры, неизвестные местному населению и присущие культуре (предметы быта, одежды, питания) прибывших депортантов. Так, у немцев таким маркером являлась обувь: ««почему то у них не было обуви. Я не могу представить. Шлеры носили. Так назывались ихняя обувь -шлеры. Это деревянная подошва. Это наподобие наших... как босоножки с этими переплетами... Они делали - деревянная подошва, из дерева и прибавали вот так вот, прямо гвоздиками прибавали. Переплеты из кожи. Мы едем, а он [мальчик] с одной стороны улицы на вторую побежал по снегу. Бежит по снегу и тут голые ноги у него и в этих, шлерах. Вот они обувались так»(АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Лапутина Т.К., 1921 г.р.). В сформированном образе чеченцев местным населением также были заложены элементы традиционного костюма: ««Их выслали сюда в Кулунду... и там

поселки... Я их иногда боялась. Высокие такие... «пурки» на них и эти «тароцы»...» Отличались чеченцы и своими трудовыми традициями. Как рассказывала этот же информант, «Берут, покупают, ну, подешевле, подороже потом продают. Каждый день. Всю войну они, наверное, здесь были, потом уехали. Ну они, как сказать, никакого вреда не делали. Они же курят. Трубки там у каждого почти. Набивают и курят. Это нигде ни папирос не было, ни табаку не было. А, вот, люди [местное сельское население] выращивали и продавали. А они потом перепродавали им курево тоже.... Это, как сказать, в крови, наверно, торговля эта была. Ходят, предлагают, вот бери ну какие вещи там. Только хто же их будет брать и за что...» (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Ярошенко М.Н., 1925 г.р.).

На формирование образов этнических мигрантов в сельской среде определенное влияние оказывали крестьянские представления, прежде всего, о хозяйственных и производственных традициях и навыках переселенных. Именно поэтому быстрее вливались в местные земледельческие коллективы русского населения этнические мигранты с похожими традициями, например, немцы. Из тех черт, которые ценились в сельском обществе и сельской семье, занятой в сельскохозяйственном труде и, которые легли в основу сложившегося положительного образа немецких депортантов, респонденты на первое место ставили их отношение к труду, который ассоциировался с земледелием. Как говорил И.А. Васютин, 1928 г. р. «Были работяги страшные. Хорошие мужики были» (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Васютин И.А., 1928 г.р.); М.Н. Ярошенко, 1925 г.р. так говорила «Они такие рукодельные были, немцы-то. А так старались они. А вообще добрые, хорошие люди, некоторые там – «О! Немец!». Ничего подобного. Я знаю, как, вот хорошие люди... Вообще они такие деловые люди. Всё у них всегда есть. Стараются все» (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Ярошенко М.Н., 1925 г.р.). Тогда как, вспоминая про калмыков, говорили больше не о «деловых», а о человеческих качествах: «хороший народ» (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Быкова Р.К., 1941 г. р.).

Контент-анализ материалов интервью показывает, что после трудолюбия на следующее место респонденты ставили понятные для них открытость, щедрость и гостеприимство. При наличии таких проявлений в поведении формировался положительный образ депортантов. Очень похожи по содержанию и тональности рассказы об армянах, «армяне, они очень трудолюбивые. Очень трудолюбивые. И они гостеприимные! Когда их сослали, они привозили с собой орехи. Сейчас помню, в мешках, грецкие орехи. И они всегда, всегда угощали. Мы дети прибежим, они обязательно угостят. Хоть три ореха, но они дадут. А нам!? Мы же не видели [орехов]. Господи! Невидаль была эта.» (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Быкова Р.К., 1941 г. р.).

Крестьянское отношение к труду и жизни определило иные образы тех этнических депортантов, которые были менее понятны своим укладом жизни и поведением. Очень в сложные ситуации были поставлены во время депортации калмыки, что наложило отпечаток на восприятие и формирование образов калмыков, про которых местное население первоначально говорило: «грязные, оборванные, голодные. Их привезли... из Барнаула или откуда... Везли на лошадях. Мы с ребяташками бегали смотрели. Ну, они ж по-своему и говорили. Как звереныши так выглядывают... Ну, конечно, они уж настолько..., они были как допотопного периода калмыки эти. Как их везли...!? Они умирали, раздетые почти, зимой. У нас там школа в Ракеше была, туда их поместили. То ли неблагонадежные они были,

я даже не знаю почему. Мы бегали, смотрели на них на этих калмыков» (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Гринева Т.А., 1931 г. р.).

В основе формируемого образа этнических депортантов, как правило, лежали сходство/разница в образе жизни и семейно-трудовых традиций, базирующаяся на разной хозяйственно-культурной принадлежности, например, к земледельцам (местное русское население) или скотоводам (депортированные калмыки), «степняков» или горных народов» с их особенностями в системах жизнеобеспечения. Осознание причин «инакости» изменяло отношение от негативного к положительному. Многие респонденты в конечном итоге, осознавая и понимая «инакость» принимали водворенных депортантов, близко подходя к научной оценке. Так, Т.К.Лапутина, 1921 г.р. (Благовещенский район, село Благовещенка) объяснила поведение и образ жизни калмыков следующим образом: «Калмыки, ну, они тоже работали. Но они очень тяжело переносили этот климат, очень тяжело. Они часто болели. Была высокой смертность среди них. А вообще народ... У нас в классе, наверное, человек пять или шесть было ребятишек, калмыков ... Они, конечно, не похожи по психологическому укладу на нас. Они какие-то более свободолюбивые. Они знают, любили, чтобы пасти скот. Чтобы овец бы пасти... Они как-то любят... степь. Они в степи уходили. Им, вот, какая-то нужна была ширь. Ширь, свобода... Неплохой тоже народ был, но более такой неприспособленный к нашему климату и к нашему труду. Им нужно было [...] степь, овцы. А у нас то все-таки тут было другое животноводство» (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Лапутина Т.К., 1921 г.р.).

Респондентами у калмыков, в сравнении с другими этническими депортантами, выделяется стойкое стремление держаться друг друга, которое закреплялось в т.ч. «непохожестью» с местным населением и необходимостью сообща преодолевать экстремальные условия. Это проявлялось не только в стремлении калмыков селиться отдельно, но и в дальнейшем на протяжении всего времени депортации они жили изолированно, формируя обособленные на окраинах сибирских поселений районы. Основным типом жилища калмыков после расселения стали землянки. Ввиду нерешенности жилищных проблем, калмыки, как и многие другие депортированные, «строились» сами: «Жили тут на горе, землянки копали из земли и жили там...» (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Ретина А.В., 1928 г.р.). В отличие от немцев, которых массово первыми расселили и для них еще был использован нежилой фонд, в т.ч. дома раскулаченных местных русских крестьян, то при расселении калмыков в 1944 году администрации сел столкнулись с жилищной теснотой. Как говорила про размещение калмыков в их селе Ф.Ф. Молчанова, 1936 г.р.: «... размещали так же - кто примет, там и жили. Да, а где ж тогда? Все вот эти избышки заняты» (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Молчанова Ф.Ф., 1936 г.р.). А так как к дерново-земляному строительству вынуждено перешло и местное население это сблизило и депортантов и местных. Консолидации местного русского населения и калмыков также способствовали коллективные хозяйственно-скотоводческие традиции, как об этом говорится в следующей цитате: «А они вот... Ну, они любят общество, чтобы быть в каком то коллективе всегда, чтобы с людьми быть. Неплохой тоже народ был, но более такой, неприспособленный к нашему климату и к нашему труду. Вообще..., они безвредные. Вот, армяне они с характером, у них есть стержень». (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Быкова Р.К., 1941 г. р.).

Таким образом, нужно отметить, что формируемые образы и представления во многом базировались на кардинальной разнице между



традиционной культурой земледельцев и скотоводов. Как сказала Т.К. Лапутина, 1921 г.р., «у них обычаи были свои... резко отличались от наших». Среди традиций калмыков-скотоводов, которые создавали определенные преграды более тесному общению она называла особенности традиционной кулинарии калмыков, «во первых они мясо ели, когда оно уже начинается... Запах от него. Вот вывозят - сдохла скотина. Колхоз вывозит на могильник скотский. Вот, а они уже знают, они моментально едут, забирают это мясо и.. [ели]» (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Лапутина Т.К., 1921 г.р.). Кроме того, местных удивляло безотходное использование забитой скотины. В отличие от земледельцев, в традициях питания которых при забое скота многие субпродукты животных мало или совсем не использовались (кишки, хвост, козья или баранья голова, нижняя часть ног копытных), калмыки, являясь наследниками многовековой культуры скотоводов-кочевников сохранили традиции съедать всё, за исключением селезёнки и лимфатических желез. Но, в условиях голода в годы войны могли использовать и мясо погибших животных, которое у земледельцев называлось падаль. Даже если оно уже приобретало специфический запах, который собственно был характерен в целом для излюбленного мяса калмыков – баранины, также как излюбленного блюда – дутур, из кишк и рубца животного, которое пахло специфически. Поэтому многие вещи, традиционные для кочевника степняка, казалось неприемлемым для народов-земледельцев. Хотя традиция совместного застолья с дутуром, практически одинакова с традицией сибирских крестьян - при забое сообща готовить и есть «свеженину». Как известно, у русских сибиряков скотоводство было более развито, чем у русских крестьян Европейской России. Следует отметить, что и местное русское население в голодные годы войны использовало «падалину» в пищу (Рыков, 2016). К формированию стереотипов вело непонимание сибиряками, как носителями традиций оседлой культуры земледельцев, и других особенностей бытового поведения калмыков, как носителей культуры скотоводов-кочевников. В частности, среди аргументов стереотипа о нечистоплотности - «одежду стирали редко», «ели всякие отбросы», «идут по дороге, сядут прикроются полами шубы и тут же оправятся». Они отражали восприятие культурно-бытовых особенностей скотоводов-кочевников крестьянами-земледельцами.

В целом, полевые материалы показывают, что наиболее консервативными и устойчивыми в комплексе этнических традиций депортантов были пища и традиции питания. Поэтому в тех случаях, когда способы приготовления и состав пищи были понятны для местного земледельческого населения, это облегчало взаимопонимание народов и вело к проникновению иноэтнических традиций в культуру местного или, или наоборот, депортированного населения. Более того, взаимообмен этническими кулинарными традициями вошел в совместную систему преодоления трудностей в 1940-е годы. Например, для местного населения важное значение приобрели навыки приготовления традиционных блюд из зерновых – пшеницы, овса, ржи, кукурузы. Респондент рассказывала: «у нас напротив жили [немцы]. Фамилия была Мешлюнегр, большая семья. Я вот одна у родителей была. Тем более у отца была стабильная работа, мама в магазине работала, в складах [послевоенное время, Т.Щ.]. Материально мы жили неплохо. А они [немцы], их сюда выслали. Они же голые сюда приехали и начинали очень тяжело жить! Вот, я помню хорошо, приду к ним, а бабушка сварит суп, и пшеницу, муку, она пережаривает, пережаривает, а потом выливает и получается, знаете, такая как (...) пюре легкое [аналог русской «болтанки» или «затирухи»,

Т.Щ.]. Вот мы тоже посмотрели, и тоже стали варить такой супчик. Он, во-первых дешевый, и вкусный был. А потом ещё вот знаете, вот, русские, потом стали и другие делать, было такое блюдо, называлось «саломатия». Это бралась вода, кипела, потом туда наливали, сыпали муку, мешали, мешали, мешали, и образовалось тесто заварное. В середине вот так делали углубление, бросали туда масло... и ставили его это блюдо на середину и ложкой ели, так, чтобы кусочек взять и масло маленечко» (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Быкова Р.К., 1941 г. р.). Местное население научилось использовать зерновые и для приготовления напитков – чая и «кофе», о чем рассказывала Т.К. Лапутина, 1921 г.р.: «сами [немцы] делали как кофе... Они его не называли кофе. Они называли припс, чай...И вот этот припс они варили в посуде...Варили этот чай - пережареную ячмень или пшеницу, пережаренные и растолченные. Это как заварка была» (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Лапутина Т.К., 1921 г.р.).

В отличие от депортантов из сельских территорий для крестьянского населения Сибири «инакость» этнических депортантов из Прибалтики, Западной Украины и Белоруссии была, в определенной степени, связана с антогонизмом «крестьян-колхозников» и «горожан-интеллигентов». Поводом к сложным отношениям с этническими депортантами из Прибалтики, Западной Украины и Белоруссии служила их неприспособленность не только к сельскому труду, но и сельской жизни, что часто вело к насмешкам со стороны сельчан. При этом их этническая принадлежность не играла ведущую роль. В отличие от других депортантов, которые органично вливались в деревенское общество, у местного населения сформировался их крайне обобщенный образ: «то ли латыши, то ли... нет, не литовцы... наверное латыши и эстонцы...» (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Рябоконеv И.В., 1934 г.р.). В материалах интервью проявляются контуры стереотипа «неумех», не приспособленных к сельскому труду: «с теткой ходили пешком туда [на лесозаготовки], дак на берегу [увидели]: их заставили готовить дрова. Сплавом лес приплыл – отоплять больницы..., школы..., жилье. Дак, двое на заднице сидят, пилуют – дергают эту пилу. А третий – зонтик над ними, держит. В общем они или не хотели, или не приспособлены были вообще. Незнаю» (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Королева В.В., 1931 г.р.). Для крестьянской девочки такое отношение к труду являлось недопустимым. В соответствии с крестьянскими семейными трудовыми традициями их включали в труд с детства. Поэтому дальше она описывает настоящий труд, сравнивая с работой тех же трех мужчин: «Наша баба пойдет, она вилы возьмет и копну подденет. И попер! И метали [сено] все... Мы с мамой вечерами, поздно, пойдем вот эти кусты обкашивали... Накосим. Вот сколько мне, 12-13 лет, было. Я косила всюю. А потом натаскаем, жерди подсунешь - палки под капешку, и наносим до половины. Сложим с ей [мамой], наносим опять. И я на стог, а она метать. А че из их [толку] [из пилующих мужчин]?» (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Королева В.В., 1931 г.р.).

Влиявшие на взаимовосприятия местных «колхозников» и депортированных не сложившиеся в совместном труде отношения, закреплялись и нехарактерными для сибирской деревни иным поведением в быту и в досуге. Трудно сказать из-за отрывочности информации в интервью - что определяло эту «инакость» - традиционность, «цивилизационные черты», интеллигентность, урбанкультура. Как говорили информанты, «о поляках вообще особый разговор. Они были либо музыкантами, либо просто все такие музыкальные. У них в клубе оркестр был – скрипка и мандолина. Они держались обособленно. Женщины такие нарядные, красивые, ухоженные,

мужчины очень чисто одевались, у них эти тройки были. С собой привезли все. Они держались особняком. Тут ни с кем не знакомились» (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Хроменко Н.В., 1947 г.р.).

Историческая память о депортантах 1939-40-го годов показала, что в отличие от депортаций 1941-44 годов консолидации с местным населением не произошло. Более того, как сказала В.В. Королева про депортантов 1939 года, «как только освободили... Ветром сдуло их» (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Королева В.В., 1931 г.р.). Р.К. Быкова, 1941 г. р. также подтвердила «Белорусы тоже пораньше уехали, так в основном вот остались немцы... и русские, а эти, все на свою Родину уехали... Ну, они, поляки и греки, почему то быстро уехали» (Топчихинский район, пос. Победим) (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Быкова Р.К., 1941 г. р.). В значительной степени это было связано с тем, что они были представителями другого мира – западного, с его культурой светскости и развитой социобытовой сферой, а Сибирь, которая, как и другие многие другие аграрные территории СССР отождествляла иной мир – восточный, с традиционностью и патриархальностью во взаимоотношениях и примитивной социобытовой сферой, где отсутствовало даже электричество. В данном случае можно говорить, что складывающиеся образы, влияли на формирование в традиционном сельском обществе представлений о «своих» и «чужих». За короткий промежуток времени одни стали «своими», другие остались «чужими».

Вместе с тем, нельзя не учитывать и фактор разницы условий выдворения депортантов в 1939 и в 1941 или 1943 годах. Несомненно, сравнение условий депортации поляков в 1939 году и немцев в 1941 году или калмыков в 1944 году показывает появление человеческой жалости к депортантам военного времени со стороны принимающего общества. И эта жалость, и сочувствие являлось важным фактором формируемых образов и складывающихся взаимоотношений. Фактором взаимопомощи становились и одиночество женщин с детьми, и многодетность, и нечеловеческие бытовые условия, т.е. те условия, которые были понятны сельскому жителю и вызвали желание помочь: «мужиков-то не было, а это бабы, а мужиков, наверно, на фронт взяли, ячет не помню. Че то вотодна женщина, так у нее пятеродетей было, она одна с ними была... Как то все ихлюбили... Идети тут среди нас росли...» (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Королева В.В., 1931 г.р.). Поэтому затруднительные условия жизнедеятельности объединяли и ту, и другую часть сельского общества для их преодоления. К этому выводу практически подводит каждое интервью, «ходить не в чем. Обутки были такие, деревянные подошвы, зимой, никто ж валенки не катал тогда. Некому ж было. Вот так вот было. Плохо было с этой одеждой и с обувью» (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Ярошенко М.Н., 1925 г.р.).

**Социальная адаптация.** В 1940-е годы – годы репрессий и депортаций через социальную адаптацию проходили все группы сельского общества – и депортируемое, и принимающее население. Связано это было с объективными обстоятельствами как вне, так и внутри страны – противостояние и схватка супердержав в предвоенное время, война. На уровне сельского или городского сообщества важным фактором являлась государственная политика формирования образов, определившая отдельные социальные группы и целые этносы в категорию «ненадежных». Но если в предшествующее десятилетие политики репрессий (1930-е годы) репрессированные группы формировались преимущественно по социальному принципу (кулаки, казаки, «бывшие» – дворяне), то в 1940-е годы дополнились этническим принципом – этнические депортации.

Этнические депортанты в сибирской деревне по условиям социальной адаптации делились на тех, для кого они были более или менее благоприятные и на тех, для кого они были крайне неблагоприятными. Под социальной адаптацией понимается вливание мигрантов в принимающее общество на гражданском и повседневно-бытовом уровне. В адаптационных процессах участвовали и мигранты, и местное население. От тех, и от других зависела социальная и общественная комфортность, которая определяла взаимоотношения принимающей и водворенной стороны. Поэтому важно при изучении антропологического содержания депортаций учитывать разницу условий социальной адаптации для разных групп депортантов.

**Особенности социальной адаптации немцев.** На взаимоотношения местного сельского русского населения и депортируемых немцев влиял сам факт борьбы с нацистской Германией или, как писали в советской прессе, с «немецкими захватчиками», образ которых под влиянием агитации неверно на бытовом уровне мог переноситься на депортированных. Сама депортация в сибирскую деревню совпала с массовым отступлением советской армии в 1941 году и масштабными потерями, маркируемыми на селе похоронками, поступавшими в каждый сельский дом. Вот как это отражалось в повседневной жизни по воспоминаниям А.В. Леонидовой (Кинотоп), 1937 г.р.: «Видите, нас обзывали всяко. Поезд стоит, а народу на вокзале много и кричат: «Ой, немцев везут, фашистов везут, у их один глаз на лбу!»... Они нас представляли вообще инопланетянами какими-то» (Поспелихинский район, с. Поспелиха) (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Леонидова (Кинотоп) А. В., 1937 г.р.). Сельскому русскому населению, для выстраивания отношений с прибывающими депортированными немцами, необходимо было преодолеть этот эмоциональный фон. Потеря близкого человека на фронте становилась главным лейтмотивом негативного отношения. А.И. Горбатова, 1930 г.р. рассказывала: «Вот трактористы ребята (немцы) были. Такие работяги. И мы с ими дружили... Любовь крутили. Я прихожу домой. Мама [говорит]: «Ты, однако, с Эрвином ходишь?... Отца убили немцы, ты мне еще с ним щураться будешь!» Взяла веревку, отходила [побила]...» (Зональный район, п. Восход) (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Горбатова А.И., 1930 г.р.). Именно по этой причине в сельском обществе, и не только в военное, но и в послевоенное время, осуждали тех русских, которые вступали в браки с немцами. Вот как об этом говорил П.И. Коновалов: «Ну отношение к бракам считалось презренным. Некоторые презирали. Мать моя презирала. Потому что муж у нее на немецкой территории [пропал без вести]..., немцы вроде убили. А я немку брал. Они ненавидели меня и ее. Приходилось мириться с матерью. Ничего, потом согласилась. Если, я ее понимал, значит и мать должна меня понимать. Она даже к детям [от межэтнического брака] относилась хуже, чем к другим детям. Вот сестры дети, она их лучше уважала, чем моих ...» (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Коновалов П.И., 1931 г.р.).

Немаловажным фактором формирования отношения местного населения к депортируемым немцам на первых порах являлось подселение прибывающих немецких семей в дома сельских жителей. С одной стороны, это укорачивало дистанции для сближения в повседневном общении, что являлось положительным фактором. С другой стороны, вело к бытовым спорам, особенно в условиях перенаселенности сельского жилища и стесненности. Старожил с. Сrostки вспоминал: «Я домой прихожу. А у нас семеро ребятшек, да их двое. У нас жили на квартире года два, они в одной комнате, мы в другой. Их привезли, и всё. Нас и дома никого не было, их привезли.

Сгрузили и сказали, пусть они здесь живут» (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Новоскольцев И.Г. 1925 г.р.). М.Ф. Беккер рассказывала: «Были семьи по 18-20 человек в одной комнате. Печка была, ни света, ничего тогда не было. Вот в одном углу одна семья, в другом другая, в третьем – четвертая, еще одна семья на печке, одна между печкой и этой семьей. Вот мы жили 17 человек» (Алтайская деревня, 2012: 159).

Важнейшим фактором эмоционального настроения местного населения являлось воздействие агитационной пропаганды, что усложняло адаптацию немцев. Под воздействием пропаганды и под влиянием эмоционального накала (война с фашистской Германией), немцев в сельском принимающем обществе могли встречать и настороженно, и даже враждебно. Антифашистская компания накладывала негативный отпечаток на встречу немцев. А приходящие с фронта похоронки еще больше ожесточали русское население. М. Е. Йорк вспоминает: «Обзывали нас фашисты... И они (местные) знаете, что нам сказали? Господи, и плач, и смех! В газете тогда про нас пишут и рисуют карикатуры... И когда мы приехали в Савиново, они говорят: «Фу, такие же люди, как мы. А мы думали, как нарисовано в газете, с хвостами» (Зональный район, п. Мирный) (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Йорк М. Е., 1923 г.р.). Заметна антифашистская и агитпроповская, в т.ч. плакатная пропаганда и во фразе К.П. Геер «Они гадали на нас рогами. Сначала фашистами обзывали» (1932 г.р., с. Стан-Бехтемир, Бийский р-н).

Для самих немцев такой поворот в государственной политике оказался неожиданным, т.к. в их исторической памяти сохранялась и культивировалась информация, когда они по «призыву» российского государства в лице Екатерины Второй приехали в Россию для заселения территорий Поволжья, на пригодных для земледелия землях. Приказ о выселении немцев из Поволжья, опубликованный в газете «Правда» и указанные в нем причины, до сих пор, в историческом сознании немцев вызывают недоумения: «Вот война началась в 41 году. За что нас? Сами мы не знаем. Ужели такие враги были? Рабочий народ был... Но вот... Сталин приказ выпустил. Боялись, что мы перейдем к Германии. Но мы бы не перешли... Ну что я там потеряла? Я там ниче не потеряла. Родители мои, и бабушка, и дедушка – все они тут родились. А я сейчас, например, не хочу в Германию. Я тут родилась, ну хоть не тут [не Алтае, а в Поволжье], но все равно родина – Россия» (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Меулер (Шнайдер) А. Б., 1929 г.р.).

Корпус документированных интервью показывает, что ни в общественном сознании советского общества, ни в обрушившейся на советское общество пропаганде, не учитывались особенности такой исторической группы общества, как российские немцы, прибывшие в 1760-е годы в Россию, заселившие плодородные земли, создав одну из самых развитых территорий СССР, оформленную в советское время в самостоятельную Поволжскую республику. Это облегчало формированию на бытовом уровне ложных ассоциаций с военными немцами фашистской Германии. Устные источники, созданные на основе исторической памяти, содержат интерпретации депортаций и самими этническими переселенцами, и местными сельскими жителями, что позволяет деликатно работать в этом направлении. Материалы интервью показывают, что пропагандистско-идеологические кампании формировали в условиях войны нелицеприятный образ депортантов, что не могло не влиять на восприятие народами друг друга и на отношение друг к другу. Они определяли интонации и характер межэтнических коммуникаций. Вот как это проявляется в одном из материалов интервью

респондента из депортированной семьи: «Всяко принимали [местные жители], люди же не понимали... Кто понял, что мы переселенцы. Кто думал, что мы с Германии, привезенные. Даже спрашивали, кто [из нас] у Гитлера рядом жил? А мы даже не видели Германию. Мы же все рожденные в Саратовской области, наши предки завезены 200 лет тому назад, еще Катерина завезла этих немцев... Вот кто презирал, а кто – ничего относились» (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Йорк М. Е., 1923 г.р.). Типичным является следующее высказывание: «Ночью приходили, будили нас, вот так по головам пересчитывали, все ли дома: мы же по линии НКВД были, нас контролировали, мы же немцы были, мы были, как их называют? – Враги народа! – Так нас тогда считали. Ну, вот я, например, ни разу не слышала, чтоб нашу семью хоть раз «фашистами» называли, или там «гитлеровцами», никогда. К нам относились очень хорошо, соседи у нас очень хорошие были... помогали» (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Беккер М. Ф., 1938 г.р.). Устные свидетельства респондентов из местного населения также содержат следы агитпроповских штампов: «Это было в сорок первом году... приехали... немцы Поволжья... Видишь, там был заговор у них, говорят какой-то, на Волге. Вот оттуда и репрессировали их...» (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Коновалов П.И., 1931 г.р.).

Также необходимо учитывать, что важным для социальной адаптации являлся временной фактор депортирования и прибытия в места водворения репрессированных. Самым неблагоприятным временем как раз и было начало войны – 1941 год, когда была проведена депортация немцев Поволжья. Для немецких депортантов и для русского населения особенно наиболее неблагоприятными были первые месяцы, которые заложили взаимные претензии друг к другу и сопровождалась несдержанностью эмоций. Социальный дискомфорт на этапе вселения способствовал формированию в отношениях депортированных и тех, и других эмоционально-враждебного противопоставления «своих» и «чужих», поэтому одной из форм социальной адаптации стали защитные реакции, которые проявляются в воспоминаниях об асоциальном поведении и тех, и других. Например, своеобразная реакция защиты депортантов просматривается в воспоминаниях респондента из коренных сибиряков о том, как насильно переселенные немцы пугали местных колхозников «вот придут наши [подразумевая немцев Германии]». М. К. Останина (1914 г., с.Усть-Калманка) рассказывала: «немцев пригнали. Они злы были сразу. Вот эта немка Роза. Она говорит, силы были бы, я б весь русский народ поперерезала бы... И все равно они уехали...». Отголоски сформировавшейся в первый период неприязни не прошли бесследно, как следствие взаимных обид долгое время встречались на бытовом уровне. Многие местные жители понимали причины такой реакции. Жительница с. Ново-Обинцево Шелаболихинского района так сказала: «У них видимо, обида жила, что они-то ни в чем не виноваты, а на них такое вот было...» (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Божанова В.А., 1938 г.р.).

Об этом же говорят сами немцы, которые ощущали двусмысленность и сложность ситуации, в которую попали и немцы, и русские: «И соседи у нас русские, и дружила с русскими, я никогда ни с кем не ругалась. Я даже на мамку обижалась: когда приду с работы, – там она по-немецки, а если со мной подружка [русская], так она со мной по-немецки... Она же [подруга] стоит, она же может обидеться, скажет [подумает]: «Во, че-то говорят про меня». А я говорю: «Мам!». Много не говорила, только: «Мам!». Она сразу глянула, – все, давай по-русски говорить. А так... не знаю, я не могу обидеться: таких у меня враждебностей не было с народом. Все равно, все же мы люди, да?

Подумаешь там, какой национальности. Господь создал так нас. Мы должны все ...быть вместе» (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Леонидова (Кинтоп) А. В., 1937 г.р.).

В условиях непонимания ситуации сформировалась и такая защитная реакция, как неприятие и осуждение межэтнических браков; ограничение досуговых контактов и др. При этом более непримиримыми были отношения взрослых, которые устанавливали табу и ограничения, пытались контролировать своих детей. Но в детской среде любые, в т.ч. и межэтнические, и междоусобицские, и междоусобицские границы нарушались довольно быстро. Дети быстрее адаптировались, в т.ч. отказываясь и от этничности, и от языка, и от традиций. В этом смысле самой формой социальной адаптации в молодежной среде стал переход с родного немецкого языка на русский и отказ от традиции имянаречения, от германоязычной антропонимики и переход на славянскую. В 1950-60-е годы в нарастании данной тенденции проявлялись попытки депортантов «спрятать свою немецкость», что в свою очередь воспитывало комплекс вины за войну и закрепляла обрусение части немецкого населения. Образно ситуацию, складывающуюся в деревнях вокруг немецкого вопроса, охарактеризовала этническая немка Альма Кинтоп, после замужества перешедшая на русскую фамилию Леонидова: «Я свое имя страшно не любила: я стеснялась. Стеснялась, что я немка. Знаете, обзывали. Ну, я Альмой не писалась в школе. Я – Алла, меня Алей звали; старшую сестру – она Зельма – ее Зоей звали; Нина Адалина – ее Ниной и звали... Мамку так же звали; тетя Мотя ...как по-русски похоже Матрена, но она все равно не Мотя, а Матильда; Зара, она Зара – не сменяется; тетя Миля (она Эмилия); тетя Галя – она тоже не меняется. А вот наши вот менялись. Щас вот у моих сродных сестер и братьев имена... они все: Фрида, Лида, Федя, Вера, Зоя, Иван. Вот сродный брат был только один Эрнст. Отец мой – Вильгельм Вильгельмович. Ну его звали Васей-то уже, ну жена его звала Васей. Это я ж Васильевна, Вильгельмовна. Алла Васильевна, ...а по документам – Альма Вильгельмовна» (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Леонидова (Кинтоп) А. В., 1937 г.р.).

Таким образом, одной из форм социальной адаптации немецких депортантов стало «подсознательное» обрусение. В результате социальной адаптации, как показывают материалы интервью, характер взаимоотношений изменялся, отражая эволюцию настроений и социального поведения. Как говорили информанты, «потом, когда мы там пожилы ..., и русские стали с нами дружить, и щас у нас... у меня все друзья русские». А общий вывод звучит в следующих словах «Местные относились нормально, никакой вражды не было, чтобы вот я немец, а тот русский. Да сразу признали нас. Были некоторые, что, кто «фашист» там, «немец» обзовется, а потом нет. А мы уже обрусели тут, а что?» (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Божанова В.А., 1938 г.р.). Как образно определилась А. В. Леонидова (Кинтоп): «Уже я стала больше русская... Я только знаю в душе, что я чистокровная немка. А веду я себя, как настоящий русский сибиряк...» (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Леонидова (Кинтоп) А. В., 1937 г.р.).

**Факторы социальной адаптации других этнических депортантов.** В отличие от депортированных немцев, как показывает анализ материалов интервью сибирских старожилов, размещение других этнических депортантов, в селах не сопровождалось такой напряженностью. Можно предположить, что это одной из причин являлось непонимание причин их высылки. Устные интерпретации местного населения носят характер предположений. Как в следующей цитате про депортированных чеченцев: «Чеченцы эти, они всё на

Сталина обижались, что выслали. Боялись, что они воевать будут с нашим русским народом, наверно поэтому. Ну нам не объясняли никогда – што и как. Привезли их и привезли, вот и всё.» (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Ярошенко М.Н., 1925 г.р.). Лишь в отдельных случаях рассуждения содержат отголоски газетных публикаций того времени или, уже поздние наложившиеся на мировоззрение сельских жителей современные публикации в СМИ. Как в следующей интерпретации про депортированных калмыков, «Теперь калмыки, сослали тоже их. Они там зашевелились где-то. И их сюда сослали. Им не доверяли, война шла. Тут жили калмыки. Вот эти народности. А потом уже кого тут только нет.» (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Лапутина Т.К., 1921 г.р.).

Фактор непонимания и ограниченности информации как раз сыграли благоприятную роль в отношении к участникам разных депортационных волн в период 1939-1949 годов. Так, благоприятную роль в отношении к армянам сыграли и непонятные для сельского населения Алтая аргументы их депортации – дашнаки, партийно-идеологическая борьба, «сослали вот этих армян-дашнаковцев» (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Лапутина Т.К., 1921 г.р.). Эти аргументы государственной политики не входили в группу значимых для сельского населения. Респонденты быстро находят объяснение причин появления на Алтае в начале войны немцев и совершенно теряются в объяснении депортации армян. «Ведь эти армяне, они не все занимались при оккупации. Ну, всех их, подозрительных, выслали сюда. Они здесь лет пять-шесть прожили... Да, в нашем отделении семей, наверное, десять было армян, и только двое умерли своей смертью. А эти все уехали домой, все живы и здоровы» (Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Епихин И.П., 1927 г.р.).

Но, так или иначе, вопросы взаимоотношений в сельском обществе в период массовых депортаций требуют серьезного изучения при бережном обращении с материалами устной истории. Сложности исследований обусловлены этическими проблемами вокруг этой темы. Остроту вопросам по этническим депортациям придавала сама война, расколовшая все общество на «своих» и «чужих». В сельском сибирском обществе часто отношение друг к другу, и к мигрантам определялось участием и потерями членов семьи в войне. Именно с этих позиций местное население часто формировало свое отношение к депортантам. Вот как это проявлялось в рассуждениях про депортированных в 1939 году западных украинцев местной жительницы: «Война началась. Один только из них - коммунист Олежка. Их семья осталась в Карагуже [на Алтае]. А остальные, кого взяли на фронт - они сбежали. И никто из них на фронте не был. У них там родичи остались. И они из армии сбежали к этим родичам... И после войны они все-все удрали. Все уехали на Украину. Один Олешка, коммунист бывший, вот он один только был убит... А сама она осталась с четырьмя, кажется, ребятишками. А остальные хохлы все убрались... Марина Лысяк сюда писала письмо, вот почему я знаю, что все они живы-то оказались. А у Марины брата убило» (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Шемонаева З. С., 1925 г.р.).

Формирование диалога народов, разделенных в военный период идеологически и эмоционально, является, с одной стороны, малоизученной и важной темой устноисторических исследований алтайской деревни, с другой стороны, требует от исследователей особой деликатности и бережного обращения с ней в силу особой болезненности вопросов, связанных с межэтническим взаимодействием, как и любых проблем этнической истории. Приходится констатировать, что исследователи до сих пор боятся говорить о трагическом общественном разломе военной поры. Даже в современных



исследованиях о советской государственной национальной политики в военный период, историки ограничиваются сложившимися стереотипами об интернационализме при умолчании другой стороны политики, связанной со сложными межличностными контактами в сельском обществе в период этнических депортаций.

**Хозяйственно-культурная адаптация.** В отличие от социальной адаптации, где решающую роль играли субъективные факторы (т.е. зависящие от человека – общества или государства), в основе хозяйственно-культурной адаптации в большей степени лежали объективные факторы, среди них базовые элементы этнических систем жизнеобеспечения и потенциальные возможности жизнедеятельности мест водворения. На влияние повседневных жизненных стратегий на новых территориях значительную роль оказывали иные, сходные или не сходные природно-географические и климатические условия, т.е. то, что называют «кормящий ландшафт». Особенно этот фактор влиял на депортантов, с традиционным и/или патриархальным укладом, что было характерно для народов с высоким процентом сельского населения аграрноразвитых территорий СССР, в отличие от этносов, проживающих по периметру западноевропейской границы, втянутых в цивилизационные процессы глобализации, таких как поляки, литовцы и другие. Сибирский Алтай, как принимающая территория, отличался разнообразием природно-географических условий, что важно было для первых. И сильно отставал в развитии социально-бытовой сферы: отсутствие электричества, радио, база светско-культурного досуга, образовательно-развлекательная среда, архаичные санитарно-гигиенические условия, что было важно для вторых. Кроме того, для второй группы депортантов хозяйственно-культурная адаптация сопровождалась адаптацией к непривычным для них по условиям сельскохозяйственного труда – посуточной занятости в период сельскохозяйственного сезона, преобладанию ручного труда – тяжелого, пыльного, грязного основанного на большой физической силе и др.

Для этнических депортантов с развитыми аграрными навыками, в основе жизнедеятельности которых лежал сельскохозяйственный труд, на первый план вышла адаптация к природно-климатическим и географическим условиям при смене «кормящего ландшафта», иноэтническому и иноконфессиональному окружению. Поэтому и для депортантов-земледельцев, и для скотоводов включались иные механизмы адаптации по сравнению со второй группой мигрантов. При преобладании земледельческого сектора экономики в сельском хозяйстве Алтая легче адаптировались народы-депортанты с земледельческими традициями. К ним относились, например, немцы Поволжья, с развитым земледельческим сектором экономики, трудовыми и семейными земледельческими традициями. Так, во взаимоотношениях русских и немцев традиционные для тех и других навыки работы в поле, на усадьбе способствовали консолидации, тогда как в отношениях к народам-скотоводам сдерживающую роль играл фактор отсутствия у них земледельческих навыков. Рассказчики из местных жителей так и говорили: «Немцы вообще люди рабочие. И девчонки... они работали в звене с нами... И никакой разницы не было... А вот калмыки так себе...» (Щеглова, 2008: 366). Такое восприятие местным населением Алтая отражало контрастность этнических традиций земледельческих и скотоводческих традиций. Это особенно проявляется в отрывке интервью И.Я. Горшкова: «Они [калмыки] не знали, не умели ничего делать по огороду, ни картошку выращивать, ни тем более овощи. Они знали только вот коня, они могли ухаживать за конем, за овцами, и все. Привезли их

зимой, и были они очень бедные. Если немцы были побогаче нас, местных, то эти были, наоборот, нищие практически, вот у них шуба – и больше ничего нету. Шуба, малахай на голове, обувь какая-то, даже ни пимы, ни валенки, а что-то пошитое, и они очень бедные и голодные были...» (Алтайская деревня, 2012: 139).

Поэтому хозяйственно-культурная адаптация немцев проходила быстрее, калмыков-скотоводов, традиционная система жизнеобеспечения которых отличалась, начиная от жилища до пищи, проходила драматичнее. Вот как описывают респонденты из местного населения попытки калмыков решить вопросы питания с реализацией вкусовых пристрастий и привычек, в основе которых лежали традиции скотоводов-овцеводов: «Ну, калмыки, как, они мясо умели готовить! В больших таких..., как они их называли, казаны. Они мясо, вот, особенно баранину любили [в сибирском скотоводстве преобладало мясо-молочное направление]. Они эту баранину покупали где то, ездили... Вот поселки там дальше, Алейского района. Там выращивали овец, были и отары, и кошары были... Туда ездили покупали. Ну, у нас здесь вот, именно здесь, не выращивали баранину, и не варили. Как то, относились к ней [брезгливо]... Вроде запахи там. А когда калмыки готовили, тогда все ели. Очень вкусно они готовили баранину» (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Быкова Р.К., 1941 г.р.). Приверженностью к мясным продуктам можно было объяснить и зафиксированные в полевых условиях случаи использования мяса падших животных, как в следующем отрывке «они могли и уже погибших животных брать» (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Быкова Р.К., 1941 г.р.).

Для хозяйственно-культурной адаптации этнических депортантов была важна природно-климатическая характеристика территории водворения. В связи с дисперсным расселением депортантов они могли попасть на благоприятные и неблагоприятные территории. Те же калмыки были расселены на территориях с разным рельефом и разным климатом. Более привычными для них были степные территории. Это было замечено местными респондентами: «У калмыков, ну что, хлеб они такой вот не стряпали, как мы, а стряпали эти, приплюснутые такие пышки, теперь. А топились, отапливались они так же, как и мы. Они же степные жители, вот, и точно так же, ходили по степи, собирали этот навоз и отапливались» (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Лапутина Т.К., 1921 г.р.).

Важнейшее значение для жизнесохранительного поведения имела сфера применения труда депортированных. Так для калмыков, расселенных в непривычных для них горах, сглаживал условия жизнедеятельности скотоводческий профиль горных колхозов и совхозов. А самой неблагоприятной сферой для них стали лесозаготовки, где отмечалась высокая смертность калмыков. Так, летом 1944 года в соответствии с поступившими указаниями, привезенных в Топчихинский район депортированных калмыков отправили в село Листвянка, в заобской части района, на лесозаготовки, где разместили их в бараках бывшего Верхнеобского отделения Сиблага НКВД. Местами компактного проживания калмыков стало само село Листвянка, леспромхоз, места лесозаготовительных командировок. В воспоминаниях жителя п. Топольный В.М. Шроо, его отец, бывший заключенным Чистюньского лагеря, не раз бывавший на лесозаготовительной командировке в районе Листвянки, рассказывал о калмыках и их ужасной судьбе: при заготовке леса калмыки часто гибли, так как совершенно не умели выполнять данную работу, ведь, как он говорил, «они никогда не видели леса. Падающие стволы калечили и убивали сразу по несколько человек». И.М. Раков из села

Клепиково помнил рассказы о чудовищных условиях жизни в Листвянке депортированных калмыков, о большой смертности, в основном из-за травматизма и обморожения. В связи с большим травматизмом и слабой производительностью труда в 1946-1947 годах калмыки были вывезены из Заобского бора и размещены в двух государственных сельскохозяйственных предприятиях района. Это Чистюньский свеклосовхоз и Топчихинское предприятие Заготскот в районе села Песчаное. Для этого в 1946 году в район села Дружба (Чистюньский Свеклосовхоз) привезли мужчин-калмыков для строительства на окраине поселка землянок, на одну-две семьи каждая. А через некоторое время из Листвянки в выстроенные землянки переехали семьи в количестве не более 100-150 человек. Это все, что осталось к 1946 году от прибывших в 1944 году в Топчихинский район более 800 человек депортированных (Родная сторона, 2011: 144).

Поэтому в большой степени адаптация зависела от включенности прибывших депортантов в те отрасли и сферы, в которых они имели умения и навыки. На это нацеливали и государственные директивы по использованию труда в соответствии с профессиональным образованием и навыками. Для этого, как известно, создавались административно-территориальные комиссии, которые должны были подбирать по профессиональным умениям депортантов для вселения в свои административные районы и удовлетворения производственных потребностей. Недаром, местные старожилы, вспоминая расселение депортантов и их включение в общественное производство, говорили «в каждой нации свои [умельцы]. Пастухи - калмыки... Немцы все умеют, все делают. Они технику же очень любят... на тракторах работали и ремонтом занимались. Украинцы, они вот все были шоферами... Ну, в общем, каждый что-то внес, какую-то лепту и в культуру, и в хозяйственно-бытовые условия» (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Быкова Р.К., 1941 г. р.). Так, те же размещенные в Чистюньском свеклосовхозе калмыки оказались востребованными после расформирования в 1953 году Чистюньского лагеря НКВД сельскохозяйственного назначения вследствие чего 27 тыс. гектаров обрабатываемых земель и более 5 тыс. голов скота остались без рабочих рук, т.к. ранее лагерное хозяйство обслуживали более 4 тыс. заключенных. Именно поэтому на бывшее лагерное хозяйство были переброшены вместо заключенных семьи депортированных немцев и калмыков. Житель п. Топольный (бывший 6 лагпункт Чистюньлага) Александр Дорджиевич Дорджиев вспоминает, что в п. Кировский (ранее Комендантск) были привезены для ухода за скотом из Чистюньского свеклосовхоза семьи Бурацак Манкеева, Антона Ширманджиева, Мунер Ширманджиева и другие.

Наиболее успешным проектом по использованию труда репрессированных и депортируемых являлась государственная программа развития свекловодства и производства сахара на юге Западной Сибири. Ярким примером служит история свекловодческого совхоза «Чистюньский» (первое отделение «Дружба», второе отделение «Зеленый») (Самцова, 2011: 154-158), основанного в начале 1932 года как спецпоселение при Чистюньском отдельном лагерном пункте сельскохозяйственного назначения Сиблагаспецпоселение. Он был создан как сырьевая база для открытого в г. Алейск сахарного завода. Комплектование его профессиональными кадрами началось с приезда украинцев-переселенцев, доставки раскулаченных крестьян с Украины, где возделыванием свеклы и производством сахара занимались с начала XIX в. По сталинским планам индустриализации и коллективизации юг Западной Сибири был выбран для переноса опыта в

Сибирь. Недаром респонденты из старожилов, вспоминая историю Чистюнькинского свеклосовхоза, говорили, что «Свеклосовхоз образовался. Все управляющие, директора, все были украинцы, Шевченко помню был директор. Все были украинцы. Они вот, собственно, и внедрились [свеклу]. Ну, потому их сюда и прислали, чтобы они выращиванию свеклы научили. Украина же это выращивает сахарную свеклу. Ну, вот это, управляющая отделением, бригадиры, почти все были украинцы. И строители, они [же] все строили... Украинцы, они тоже свою культуру несли, пели. У нас знаете какие были украинские хоры! Они пели такие песни, такие песни красивые украинские!!! Они вот как раз и научили ухаживать за свеклой. Они же с Украины. Они образовывали свекольные поля и научили обрабатывать поля эти, как полоть, в какое время полоть» (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Быкова Р.К., 1941 г.р.).

А в 1940-е годы, с 1939 по 1949 годы, свеклосовхоз и его отделения, Дружба, Зеленое, а также Победим, стали местом этнических депортаций. Полиэтничность свекловодческого поселка Чистюньский отмечается респондентами из местного населения. Р.К. Быкова, 1941 г.р., помнит 1940-е годы ребенком, так рассказывала: «сосланы сюда были... Мы, вот, дети учились в разных классах [1947-1956 гг.]: калмыки, немцы, армяне, были поляки, были греки... Поляки и греки, они недолго здесь жили, ну я не знаю, год - два, потом они разъехались. А вот немцы, украинцы, калмыки, армяне, мы все, они тут жили долго. До тех пор, пока [...] им маленько стало послабление, им разрешили возвратиться к себе на Родину. Ой, так мы, знаете, в школе жили дружно. Мама же работала в складах, а там был жмых. Жмых - это прессованные отходы от семечек. Вот я значит пойду, карманы наберу этих [...] жмыха. Папа возьмет, на кусочек вот разобьет, нажарим, а голодные дети были все, особенно калмыки [...]. голодные были. Я принесу в класс, всем раздам, в рот [положим] и вот мы на уроках [сидим]. Все в одном классе, все четыре класса. Была у нас учительница, Полина Владимировна, и вот мы сидим урок и этот жмых сосем. Всегда были впроголодь. А если не хватало, то, вот, мы бестолковые были ребятами, мы вот эти кусочки, я, например, сососу, сососу, а у него [мальчика из калмыков] уже нету, кончился. Маленький кусочек. Я вытаскиваю, передаю. Вот, мы всем классом. Мы не понимали, что он там кламык, или русский, или армянин, так дети все жили дружно. Вот народы все, которые там были, мы жили очень дружно. У нас случился пожар [дом сгорел], так знаете, армяне, они, каждый вечер собирались и нам дом строили. Бесплатно, нисколько, никаких денег, ничего не брали. Просто бесплатно собирались и нам помогали. Тогда мы очень дружно жили, мы не понимали национальности какие-то» (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Быкова Р.К., 1941 г. р.).

Этот отрывок несет также очень важную информацию о том, что в массовой исторической памяти населения Алтая армяне остались, прежде всего, как хорошие строители и эти умения стали важнейшим способом адаптации к экстремальным условиям 1940-х годов не только для самих армян, но и местных жителей. Хотя первоначально на Алтае армяне оказались задействованы преимущественно в аграрном производстве, где катастрофически не хватало мужской рабочей силы. Н.П. Гурова (п. Восход) вспоминает, что с ними на полях «армяне работали» (Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Гурова Н.П., 1931 г.р.). Армяне достаточно легко вливались в трудовые коллективы. Так, на сельском кладбище с. Дружба (участок старого кладбища) – отделения свеклосовхоза захоронены 20 армян (по записи Топчихинского ЗАГС) (Поздин, 2018). Однако со временем, оценив

традиционные строительные традиции армян, их стали использовать в строительстве производственных и жилых объектов (Щеглова, 2017). Это говорит и о гибкости этнических систем жизнеобеспечения и том большом вкладе, которые этнические депортанты внесли в развитие регионального сообщества и региональной экономики.

**Создание системы преодоления трудностей и взаимовлияние этнических депортантов и местного сельского населения.** Взаимовлияние и взаимодействие водворенного и коренного населения в 1940-е годы являлось важнейшим фактором формирования совместной системы преодоления трудностей для жизнеобеспечения семьи в затруднительных условиях 1940-х годов. (Щеглова, 2018). Как известно, система жизнеобеспечения включала такие базовые элементы повседневности как обеспечение семьи жилищем, питанием, одеждой и др., отвечающие за здоровьесберегающее поведение. В неблагоприятных, затруднительных и/или экстремальных условиях 1940-х годов. это вылилось в борьбу с голодом и с холодом как со стороны депортированных, так и со стороны местного населения.

Новацией в жизнесохранительных практиках обеспечения семьи пищей для сельского русского населения стало освоение новых сельскохозяйственных культур, которые сыграли большую роль в голодные годы войны. Примером являлось освоения кукурузы, как огородной культуры. В свидетельствах респондентов ее распространение связано было либо с украинцами-депортантами 1939 года, которых в Сибири по традиции называли «хохлами», чеченцами. З.С. Шемонаева вспоминает, что в селе Карагуж Старобардинского района, откуда она родом, кукурузу их научили садить «хохлы»: «Привезли вот кукурузу. Научили нас.» (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Шемонаева З. С., 1925 г.р.). С депортированными местные сельчане связывали не только распространение кукурузы, но и внедрение в семейное огородничество и в колхозное производство других культур, например, фасоли. По словам Н.М. Суртаева, проживавшего в войну в г. Горно-Алтайске, кукуруза появилась в войну: «Ну вот война началась, приехали эвакуированные, они привезли фасоль, привезли кукурузу, до этого здесь этого не было: кукурузы не было, фасоли не было, соя появилась тоже. ... Ну я сейчас не помню [кто привез], но по-моему были в основном с Прибалтики, мне запомнилось: латыши, литовцы были там, насколько я помню» (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Петрушина З. А., 1937 г.р.).

Но именно распространение кукурузы в повседневных практиках стало важным фактором адаптации сельского населения в условиях недостатка источников пищи. В предгорных районах, по воспоминаниям информантов кукуруза стала вторым по значимости продуктом огородничества, после картошки, а среди злаков – первым (Свидовская; Ковзель, 2018). «Вот кукуруза в войну всю. Выручила всех людей» (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Лещев А. Ф., 1926 г.р.). «За палочки работали... А на эту палочку, если че получится – получится урожай, значит что-то дадут на эту палочку, а если не получится урожай – все, надейся на свою кукурузку» (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Попова М. И., 1930 г. р.). «Первый хлеб – кукуруза» (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Шемонаева З. С., 1925 г.р.). В послевоенное время и колхозы стали садить кукурузу, чтобы обеспечить колхозников зерном кукурузы, которое стало заместительным продуктом для земледельцев при недостатке других злаковых зерновых культур (рожь, пшеница и др.). А.С. Долгова описывает момент из жизни в с. Никольское Старобардинского района, когда она впервые увидела этот злак: «Появилась

[кукуруза], даже я уже большая была, у нас кукурузы не было..... А у нас отец там, на гору зайдешь, ... и посеяна была кукуруза. И он ходил и нам три кукурузины или четыре ли принес – красна, да желта то кукуруза. Принес, а мы – вместо игрушек [использовали]... Это игрушек никаких не было, так мы играли ... Утром встали, а у нас две кукурузины осталось – те съели» (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Долгова А. С., 1923 г.р.).

Устные свидетельства показывают, что в условиях архаизации и марганализации сельского общества под влиянием войн и репрессий процессы взаимодействия с депортированными по созданию системы преодоления трудностей и борьбы с холодом и голодом фактически базировались на взаимопомощи и взаимообмене умениями и навыками. Взаимообмен адаптационных практик часто проходил по границе между культурой степи и культурой лесостепи, культурой гор и культурой тайги, обусловленных возможностями «кормящего ландшафта». В результате совместного преодоления трудностей степные традиции степи проникали в культуру сибирского сельского населения как носителей культуры леса и наоборот. Зоя Семеновна Шемонаева рассуждала об украинских депортантах: «Во-первых, они не умели и не знали, что такое дрова. Они привозили солому, дальше... траву и топились ночью этой соломой... Вот так вот эту печку делают, снопы толкают и толкают их. А у нас же Сибирь, зимой хоть затолкайся. И вот, что сделают [в холодной избе]. Спать - если большая семья - негде, комнату же одну [избы]. В деревне же не было хором-то никаких. Они солому стелят на пол, покрывают своими этими мездирюшками - половичками и спят на этой соломе, а утром ее значит снопами и вытопят печь. На следующий день опять расстилают - спят, утром встают соломой топились. Потом научились..., что дрова надо в Сибири». Она же вспоминала, «на работу идут летом босяком. Смажут дёгтем или чем-то, чтобы они задубели. Но это было только один сезон, потом они уже все это бросили и жили по-русски»(АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Шемонаева З.С., 1925 г.р.).

Межэтнический диалог в 1940-е годы существенно повлиял на развитие этнических культур и в сфере питания, и в сфере жилищного строительства и обустройства, и в трудовых, и в семейных традициях. Так, под влиянием немцев в обустройстве спальных мест русских сибиряков наряду с дерюжками и рядом уже в послевоенное время в быт прочно вошли перины. Как описывала Р.К. Быкова (Топчихинский район, пос. Победим) «для гостей была перина, тоже сами делали. Они [немцы] все обдирали, подушечки делали. У нас у русских, это нет, у нас, перья кругом валяются, никто не видит. А я помню, вот, бабушка была, соседка [немка]... Бабушка придет..., она у нас все в ограде перышки соберет, и гусинные и все. Все пообрежет»(АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Быкова Р.К., 1941 г.р.).

Маркером усиления иноэтнических традиций в среде русских старожилов являлось использование глины, которая, став мощным подспорьем в жилищном строительстве и обустройстве, заменила в культуре русских такие элементы хозяйственно-бытовой идентичности как срубное строительство. Депортированные, особенно немцы, украинцы, армяне и другие широко использовали глину, как основной строительный материал (литые и саманные дома) и глиняный раствор для связки нестроеного материала при каркасном строительстве (в т.ч. связки дерна или камыша). Фактически в тех случаях, когда депортированным при расселении не предоставлялись «пустые дома» (как правило, они были почти во всех селах после мощной волны раскулачивания русских сибиряков и ссылки их семей на «север» Сибири –

Нарым, Туруханск) или не подселяли в дома местных жителей, они проходили две ступени обустройства, также, как и русское население Сибири в местах высылки (Щеглова, 2018). На первом этапе многие, особенно немцы и калмыки, сооружали временное земляное жилище – разного рода землянки. На втором этапе, особенно после войны, сооружали уже постоянное жилище, как правило, саманное, глинобитное или каркасное. Эти традиции быстрого и доступного для женщин жилища оказались востребованными сибирским сельским обществом, т.к. оно было отстранено от заготовок срубного материала (национализация леса), а в годы войны и в послевоенное время сибирская деревня с преимущественно женским населением не имела физической силы для работы с таким тяжелым материалом как дерево. В экспедициях зафиксированы сотни устных свидетельств о «найме», «помощи», «помочах» немцев или украинцев по использованию глины для жилищного обустройства (глинобитные дома или оштукатуривание срубов), и армян для саманного строительства. Достаточно привести одно высказывание (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Кошкарлова Н.С., 1926 г.р.) (Усть-Пристанский район, с. Усть-Пристань) «Такие литые дома у йих были [немцев], там возле могилок, туда далёко, там большие дома были. Там наверно, тоже из кирпичей делали они эти дома-то [респонденты часто путают саманную и литую технологию строительства]. Они богато жили эти немцы-то [имеет в виду, что все построились в селе]. А мы-то где? Глину, лепили эту избушку. Вот и мама нанимала этих бабок. Они – мастера. Себе делали и сами дворы. Да литые каки-то были дома у их там. Щас ведь деревянное всё делают. Щас не строятся. И нанимались эти немцы. Они мастера. И мужики мож хорошие были. И я знаю, вот две бабки были. Она [мама] привела [бабок]. И они эту избушки помогали, делали, из кирпичей. Такие [саманы] делали. И глину месили. Я помню, мы ногами месили, они в ведра складывали и туда таскали, делали. А, себе они дома делали, с мужиками там... Каки-то литые делали и большие дома [у сибирячек - избы]. Ну они богато жили немцы. Как-то. И с мужиками они жили [имеет в виду, что сельских русских мужиков «повыбивало» на фронте, а мусское население в той или иной степени вернулось с труармий]. А эти одиночки, они все одиночки [вдовы] так остались. И лачуги там были тоже, каки-то землянки тоже. А кто с мужиками, так они и богато жили, вон каки дома большие делали». М.Д. Кожемякин (1931 г.р.) так и говорит: «Армяне это выдумали, такое строительство (саманное). Саман делали из соломы и глины. С обеих сторон обмажут, выбелят» (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Кожемякин М.Д., 1931 г.р.).

Полевые исследования показали, что при расселении нескольких семей в селах, депортанты стали строиться компактно на окраинах поселений, формируя в русских селах этнические края. «мне бабушка говорила, что у нас прям немецкая улица даже как то... вот туда от ветучастка [ветеринарного] вот туда дальше они селились. И вот и саманные домики первые ставили. Вот саман, глина вот эта ...»(АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Коротких Ю. К., 1932 г.р.). В устных свидетельствах повсеместно подчеркивается, что землянки, саманки, бараки депортированных находились за определенной чертой оседлости русских старожилов. С одной стороны, это было объективно, поскольку строились на свободном месте, с другой — в этом проявлялась определенная тяга к консолидации в иноэтнической среде. Так, в Урожайном «армяне жили на той стороне лога. Пруд, по той стороне жили все. Армяне жили. Молдаване отдельно жили. Русские тоже жили. Вместе же не будем жить с ними. Каждая семья к своей кучке. Скажем, армяне там. Там, молдаване. Тама калмыки

строились себе» (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Кожемякин В.Г., 1931 г.р.; (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Чепурных Т.А., 1926 г.р.). Закреплению консолидации в период расселения, как между поселениями, так и внутри сел, способствовала и устойчивость национальной бытовой и праздничной культуры. Об этом хорошо помнят старожилы: «армяне свои круга танцевали, молдаване свои, а калмыки ходили по защите».

Строительство депортированными жилища привели к большому его разнообразию в русских селах юга Западной Сибири. Это многообразие касалось не планировки и типов жилища, среди которых возобладали в 1930-40-е годы одно и двухкамерные жилища (избы и пятистенки), а строительных материалов и технологий, внутренней и внешней отделки стен жилищ, сооруженных из нестроеного материала. Возникшее под влиянием депортаций многообразие сельского жилища в сибирской деревне по строительному материалу делилось на «земляные» («землянка», «пластянка», «дернуха»), глиняные («мазанка», «самануха» или «саманник», «литуха»), камышитовые (каркас из камыша), плетенные (из ветлы, акации, ивы). Стены таких жилищ часто изнутри и снаружи мазались глиной и для утепления, и для выравнивания стен и с эстетическими целями. Внутренняя и внешняя штукатурка проникла и в традиционное срубное жилище, которое стало утепляться или ремонтироваться с использованием глины и соломы. И главными проводниками были депортированные. Респонденты из коренных жителей так говорили, «Немцы научили сщукатурить» (АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Привалова А.И., 1913 г.р.). А в ухудшавшихся после войны условиях жилищного обустройства русское население, в том числе под влиянием депортантов, повсеместно переходило на подручные строительные материалы (глина, солома, камыш, чаща), включало традиции штукатурить («мазать») стены снаружи и изнутри. С этого времени штукатурка распространилась и на старожильческие срубные дома (Щеглова, 2016).

Описание вкраплений иноэтнических традиций в ту или иную культуру народов под влиянием депортаций можно продолжить. Одно бесспорно, что эти антропологические аспекты должны стать самостоятельными в исследовании депортаций. Исследователям предстоит изучить традиции и новации, трансформации этнических культур, ее подстраховую роль в экстремальных условиях и т.д. Можно только предварительно предположить о степени изменчивости и/или устойчивости тех или иных элементов этнических культур. Одни элементы задерживались навсегда, другие надолго, третьи – на время затруднительных условий проживания. В частности, этнографы к наиболее консервативным относят пищу и питание. Есть подтверждения этому и в полевых материалах по депортациям, когда чеченцы везли с собой кукурузу, а калмыки искали источники баранины.

В сельских же поселениях русских юга Западной Сибири осталось много следов влияния депортантов. В этом отношении было бы интересно посмотреть, а что «с собой увезли» из традиционной культуры сибиряков депортанты после реабилитации. Для каких народов новации имели устойчивый характер и почему, а у каких они не задержались. Эта обратная связь могла бы быть реализована в совместных проектах сибирских исследователей и исследователей территорий исхода депортантов, а теперь уже и ряда самостоятельных государств. Имеющиеся немногочисленные свидетельства дают интересную картину. Так известный алтайский краевед-исследователь С.В. Поздин рассказывал, что когда он жил 5 лет в Калмыкии, то чувствовал особое отношение старшего поколения, пережившего



депортацию на Алтай в благодарность за ту поддержку, которую оказало местное население. Вот как он говорил: «старые люди, кто пережил ссылку в Сибирь, очень хорошо относились ко мне, как к русскому. А те, кто был сослан в свеклосовхоз Чистюньский, или родились здесь в п. Дружба, вообще называли меня земляком. Но, вот поколение молодое, или мои сверстники, которые знали о репрессиях только по рассказам даже иногда не здоровались со мной. Так мои соседи Бадмаевы, мои сверстники, прожили со мной пять лет через забор и не разу даже не поздоровались». Очень интересной является и его оценка влияния русской культуры на вернувшихся с депортации: «еще я действительно замечал, что калмыки, старые жители нашего села, в основном я знал пожилых женщин (соседи по улице), возделывают довольно большие огороды, где сажают картошку, различные овощи. И даже имеют небольшие сады с фруктовыми деревьями и полисадники с цветами перед домом. Более молодые семьи землю вокруг дома и огород почти не возделывают. На хотоне весь участок у такой семьи заросший травой и по середине этого футбольного поля стоит кибитка для гостей и машина. Вот и всё что окружает дом, кроме забора. Здесь [Калмыкии] так же проявляется взаимопроникновение русской кухни, русских традиций в культуру степняка. Так бабушка Горяева, жила три дома от нас по улице, очень любила варить борщ. Её внук Минька, дружил с моим сыном и то же очень не прочь был отведать нашего борща. Бабушка приучила. Он рос с бабушкой».

Таким образом, подводя итоги исследованию исторической памяти об этнических депортациях с 1939 до 1949 годов на территорию юга Западной Сибири необходимо подчеркнуть, что экстремальность условий жизнедеятельности существовала и для группы насильственно водворенных депортантов, и для принимающего сельского колхозно-совхозного социума вследствие ликвидации семейного земледелия и скотоводства, налогового бремени войны и предвоенных репрессий. Вместе с тем сравнительный анализ показал, что для одних групп этнических депортантов эти условия были чрезвычайно тяжелыми, для других трудными, для третьих затруднительными. На это влияли и время депортации, и обстоятельства водворения, и государственная политика. Это содержится в исторической памяти, в том числе, и в форме образов, мифологем, агитпропов и идеологем. Поэтому, рассматривая вопросы социальной адаптации, которые состояли в преодолении негативного эмоционального фона, взаимных обид и претензий, особенно выделяются немцы, для которых депортация до сих пор ассоциируется с незаслуженной и непонятной агрессией государства, обида на которое до сих пор живет в их сознании. Тогда как отношения с местным населением, пережив сложный период, усугубленный массовой гибелью на фронтах русских сибиряков, которая маркировалась приходящими похоронками, вступили в полосу общественного комфорта. Для остальных депортантов благоприятными факторами водворения являлись невинные аргументы их депортаций, что в конечном итоге в интерпретации сибиряков свело все обвинения государства к фразе «зашевелились».

К важнейшим выводам исследования относится утверждение, что восприятие и дальнейшие взаимодействия во многом определялись хозяйственно-культурными традициями депортируемых, которые оказались в иных природно-климатических условиях; иноэтническом и инокультурном пространстве. Хозяйственно-культурная адаптация состояла в формировании базовых элементов системы жизнеобеспечения семьи – жилище и пища на новом месте. Для одних уклад жизни и традиционная система

жизнеобеспечения (немцы, украинцы) позволили быстрее вливаться в местное земледельческое сообщество, благодаря навыкам домашнего огородничества и полевого земледелия. Для других образ жизни и семейные трудовые традиции не только создавали трудности в общении, но и не выполнили подстраховочную роль в экстремальных для депортантов условиях. В т.ч. и по этой причине (автор учитывает и разницу в условиях водворения разных депортационных волн), драматично складывалась жизнь калмыков, как носителей традиций кочевого скотоводства. Делается также вывод, что благодаря хозяйственно-культурному взаимообмену формировалась единая система преодоления трудностей по борьбе с холодом и голодом с взаимопроникновением иноэтнических элементов в традиционные культурные стандарты.

Новационным можно считать вывод о влиянии на адаптационные повседневные практики множественной идентичности депортантов. Исследование показало, что идентичность депортантов проходила не только по границе земледельческих или скотоводческих, степных или горных народов, но и по границе село – город, крестьяне или интеллигенция, запад - восток. К таким утверждениям приводит анализ исторической памяти о депортации народов Прибалтики (литовцы, эстонцы), Западной Украины и Западной Белоруссии (поляки, украинцы, белоруссы) в 1939- 1940 годах и в послевоенное время.

Очень важным выводом является и влияние депортантов не только на хозяйственно-бытовую жизнь сельской семьи, но и на производственное и общественное развитие сибирского села. К ним можно отнести ряд успешных проектов по развитию местного сельскохозяйственного производства (украинцев в становлении свекловодства, армян в строительстве, калмыков в скотоводстве, чеченцев по возделыванию кукурузы и т.д.).

#### Әдебиеттер тізімі / Список литературы

1. Алтайская деревня, 2012 - Алтайская деревня в рассказах её жителей / Управление Алтайского края по культуре и архивному делу ; науч. ред.: Т. К. Щеглова, Л. М. Дмитриева ; под ред. Л. А. Вигандт. Барнаул : Алтайский Дом печати, 2012. 447 с.
2. АЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ (архив Центра устной истории и этнографии Лаборатории исторического краеведения), Коновалов П. И., 1931 г. р. - Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. ИЭЭ, 2003. Коновалов П. И., 1931 г. р., с. Калмыцкие Мысы, Поспелихинский район
3. АЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ, Ретина А. В., 1928 г. р. - Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. ИЭЭ, 1996. Ретина А. В., 1928 г. р., с. Забродино, Тальменский район.
4. АЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ, Молчанова Ф. Ф., 1936 г. р. - Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. ИЭЭ, 2015. Молчанова Ф. Ф., 1936 г. р., п. Благовещенка, Благовещенский район,
5. АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Привалова А.И., 1913 г.р. - Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. ИЭЭ, 1993. Привалова А.И., 1913 г.р., с. Точильное, Смоленский район.
6. АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Йорк М. Е., 1923 г.р. - Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. ИЭЭ, 2002. Йорк М. Е., 1923 г.р. п. Мирный, Зональный район.
7. АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Горбатова А.М., 1930 г.р. -Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. ИЭЭ, 2002. Горбатова А.М., 1930 г.р., п. Восход, Зональный район.
8. АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Гурова Н.П., 1931 г.р. - Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. ИЭЭ, 2002. Гурова Н.П., 1931 г.р., п. Восход, Зональный район
9. АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Кожемякина М.Д., 1932 г.р. -Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. ИЭЭ, 2002. Кожемякина М.Д., 1932 г.р., п. Урожайный, Зональный район.
10. АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Кожемякин В.Г., 1931 г.р. - Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. ИЭЭ, 2002. Кожемякин В.Г., 1931 г.р., п. Урожайный, Зональный район.
11. АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Чепурных Т.А., 1926 г.р. - Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. ИЭЭ, 2002. Чепурных Т.А., 1926 г.р., п. Урожайный, Зональный район.
12. АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Епихин И.П., 1927 г. р. - Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. ИЭЭ, 2003. Епихин И.П., 1927 г. р., с. Первомайское, Бийский район.

13. АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Кузовлева О.Е., 1919 г.р. - Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. ИЭЭ, 2003. Кузовлева О.Е., 1919 г.р., с. Малоенисейское, Бийский район.
14. АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Новоскольцев И.Г., 1925 г.р. - Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. ИЭЭ, 2003. Новоскольцев И.Г., 1925 г.р., с. Сrostки, Бийский район.
15. АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Ковалик И. Н., 1927 г.р. -Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. ИЭЭ, 2004. Ковалик И. Н., 1927 г.р., с. Красный Партизан, Чарышский район.
16. АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Хроменко Н.В., 1947 г.р. -Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. ИЭЭ, 2004. Хроменко Н.В., 1947 г.р., с. Красный Партизан, Чарышский район.
17. АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Божанова В.А., 1938 г.р. -Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. ИЭЭ, 2005. Божанова В.А., 1938 г.р., с. Ново-Обинцево, Шелаболихинский район.
18. АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Леонидова (Кинотоп) А. В., 1937 г.р. - Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. ИЭЭ, 2009. Леонидова (Кинотоп) А. В., 1937 г.р., с. Поспелиха, Поспелихинский район.
19. АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Меулер (Шнайдер) А. Б., 1929 г.р. - Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. ИЭЭ, 2012. Меулер (Шнайдер) А. Б., 1929 г.р., с. Зятково, Панкрушихинский район.
20. АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Беккер М. Ф., 1938 г.р. -Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. ИЭЭ, 2012. Беккер М. Ф., 1938 г.р., с. Велижанка, Панкрушихинский район.
21. АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Лапутина Т.К., 1921 г.р. -Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. ИЭЭ, 2015. Лапутина Т.К., 1921 г.р., с. Благовещенка, Благовещенский район.
22. АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Ярошенко М.Н., 1925 г.р.- Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. ИЭЭ, 2015. Ярошенко М.Н., 1925 г.р., с. Благовещенка, Благовещенский район.
23. АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Коротких Ю.К., 1932 г.р.- Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. ИЭЭ, 2016. Коротких Ю.К., 1932 г.р., с. Усть-Чарышская Пристань, Усть-Пристанский район.
24. АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Гринева Т.А., 1931 г.р.-Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. ИЭЭ, 2016. Гринева Т.А., 1931 г.р., с. Усть-Чарышская Пристань, Усть-Пристанский район.
25. АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Кошкарлова Н.С., 1926 г.р.- Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. ИЭЭ, 2016. Кошкарлова Н.С., 1926 г.р., с. Усть-Чарышская Пристань, Усть-Пристанский район.
26. АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Шемонаева З.С., 1925 г.р. - Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. ИЭЭ, 2017. Шемонаева З.С., 1925 г.р., с. Красногорское, Красногорский район.
27. АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Королева В.В., 1931 г.р. - Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. ИЭЭ, 2017. Королева В.В., 1931 г.р., с. Сосновка, Красногорский район.
28. АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Васютин И.А., 1928 г.р. - Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. ИЭЭ, 2017. Васютин Иван Алексеевич, 1928 г.р., с. Усть- Иша, Красногорский район.
29. АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Петрушина З. А., 1937 г.р. - Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. ИЭЭ, 2017. Петрушина З. А., 1937 г.р., с. Усть-Кажа, Красногорский район.
30. АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Лещев А. Ф., 1926 г. р. - Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. ИЭЭ, 2017. Лещев А. Ф., 1926 г. р., с. Лебяжье, Красногорский район.
31. АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Попова М. И., 1930 г. р. - Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. ИЭЭ, 2017. Попова М. И., 1930 г. р., с. Лебяжье, Красногорский район.
32. АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Долгова А. С., 1923 г.р. - Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. ИЭЭ, 2017. Долгова А. С., 1923 г.р., с. Красногорское, Красногорский район.
33. АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Быкова Р.К, 1941 г.р. - Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. ИЭЭ, 2018. Быкова Р.К, 1941 г.р., пос. Победим, Топчихинский район.
34. АЦУиЭ ЛИК АлтГПУ, Рябоконеv И.В., 1934 г.р. - Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. ИЭЭ, 2017. Рябоконеv Иван Васильевич, 1934 г.р., с. Красногорское, Красногорский район.
35. Самцова, 2011 - Самцова Е.В. 80 лет со времени образования совхоза «Чистюньский» Топчихинского района Алтайского края // Алтайский край, 2012 г.: календарь знаменат. и памят. дат. Барнаул, 2011. С. 154-158.
36. Поздин, 2018 - Поздин С.В. Репрессированные армяне в Топчихинском районе // Топчихинский район – краеведческий сайт. [Электронный ресурс] / URL: <http://top-kraeved.ru/category/istoriya/> (Дата обращения 05.04.2019).
37. Родная сторона, 2011 – Родная сторона: сборник по истории и культуре Топчихинского района. Барнаул, 2011. С. 142–149.
38. Рыков, 2016 – Рыков А. В. Использование мяса павших животных в питании русского крестьянства Алтайского края в годы Великой Отечественной войны // Тобольск научный – 2016 : Материалы XIII Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) (г. Тобольск, 10 -11 ноября 2016 г.). Тобольск, 2016. С. 272-275.
39. Свидовская; Ковзель, 2018 – Свидовская А.С., Ковзель А.В. Кукуруза в питании жителей Алтайского края в годы Великой Отечественной войны (по полевым материалам 2017 г.) // Частное и общественное в повседневной жизни населения России: история и современность (региональный аспект). Сборник материалов междунар. науч. конф. / под отв. ред. С.В. Степанов. Санкт-Петербург, 2018. С. 159-165.
40. Сыщенко , 2007 – Сыщенко А.Г. Немцы в Сибири: По документам НКВД, МГБ, МВД СССР 1943–1956 гг. Барнаул, 2007. 623 с.

41. Щеглова, 2017 – Щеглова Т.К. Принимающий алтайский социум и депортированные армяне в контексте перманентных репрессий и депортаций 1930-1940-х гг.: образы и культурное взаимодействие // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2017. № 2 (37) С. 137-145.
42. Щеглова, 2016 – Щеглова Т.К. Традиции и новации в обустройстве жилой среды русского населения юга Западной Сибири в контексте исторического развития (1860–1980-е гг.) // Традиционная культура. 2016. № 1. С. 164–174
43. Щеглова, 2015 – Щеглова Т.К. Этнография русского крестьянства юга Западной Сибири в XX столетии: Культура жизнеобеспечения в годы Великой Отечественной войны: Научные и методические материалы. Барнаул: Азбука, 2015. 132 с.
44. Щеглова, 2018 - Щеглова Т.К. Культура и быт русского сельского населения юга Западной Сибири в 1930–1950-х гг.: жилище, пища, одежда, семейные и трудовые традиции : монография. Барнаул : АлтГПУ, 2018. 508 с.
45. Щеглова, 2008 – Щеглова Т.К.. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке. Устная история: монография. Барнаул : БГПУ, 2008. 527 с.
46. Щеглова, 2011 – Щеглова Т.К. Устная история: учебное пособие для студентов вузов. Барнаул : АлтГПА, 2011. 363 с.

### References

- Altajskaya derevnya, 2012 - Altajskaya derevnya v rasskazah eyo zhitelej [Altai village in the stories of its inhabitants] / Upravlenie Altajskogo kraja po kul'ture i arhivnomu delu ; nauch. red.: T. K. Shcheglova, L. M. Dmitrieva ; pod red. L. A. Vigandt. Barnaul : Altajskij Dom pečati, 2012. 447 s. (in Rus.)
- ACUIE LIK AltGPU, Konovalov P. I., 1931 g. r. - Arhiv CUIE LIK AltGPU. [Archive of the Center for Oral History and Ethnography of the Laboratory of Historical Local History of the Altai State Pedagogical University]. F. IEE, 2003. Konovalov P. I., 1931 g. r., s. Kalmyckie Mysy, Pospelihinskij rajon. (in Rus.)
- ACUIE LIK AltGPU, Retina A. V., 1928 g. r. - Arhiv CUIE LIK AltGPU. [Archive of the Center for Oral History and Ethnography of the Laboratory of Historical Local History of the Altai State Pedagogical University]. F. IEE, 1996. Retina A. V., 1928 g. r., s. Zabrodino, Tal'menskij rajon. (in Rus.)
- ACUIE LIK AltGPU, Molchanova F. F., 1936 g. r. - Arhiv CUIE LIK AltGPU. [Archive of the Center for Oral History and Ethnography of the Laboratory of Historical Local History of the Altai State Pedagogical University]. F. IEE, 2015. Molchanova F. F., 1936 g. r., p. Blagoveshchenka, Blagoveshchenskij rajon. (in Rus.)
- ACUIE LIK AltGPU, Privalova A.I., 1913 g.r. - Arhiv CUIE LIK AltGPU. [Archive of the Center for Oral History and Ethnography of the Laboratory of Historical Local History of the Altai State Pedagogical University]. F. IEE, 1993. Privalova A.I., 1913 g.r., s. Tochil'noe, Smolenskij rajon. (in Rus.)
- ACUIE LIK AltGPU, Jork M. E., 1923 g.r. - Arhiv CUIE LIK AltGPU. [Archive of the Center for Oral History and Ethnography of the Laboratory of Historical Local History of the Altai State Pedagogical University]. F. IEE, 2002. Jork M. E., 1923 g.r. p. Mirnyj, Zonal'nyj rajon. (in Rus.)
- ACUIE LIK AltGPU, Gorbatoва A.M., 1930 g.r. - Arhiv CUIE LIK AltGPU. [Archive of the Center for Oral History and Ethnography of the Laboratory of Historical Local History of the Altai State Pedagogical University]. F. IEE, 2002. Gorbatoва A.M., 1930 g.r., p. Voskhod, Zonal'nyj rajon. (in Rus.)
- ACUIE LIK AltGPU, Gurova N.P., 1931 g.r. - Arhiv CUIE LIK AltGPU. [Archive of the Center for Oral History and Ethnography of the Laboratory of Historical Local History of the Altai State Pedagogical University]. F. IEE, 2002. Gurova N.P., 1931 g.r., p. Voskhod, Zonal'nyj rajon. (in Rus.)
- ACUIE LIK AltGPU, Kozhemyakina M.D., 1932 g.r. - Arhiv CUIE LIK AltGPU. [Archive of the Center for Oral History and Ethnography of the Laboratory of Historical Local History of the Altai State Pedagogical University]. F. IEE, 2002. Kozhemyakina M.D., 1932 g.r., p. Urozhajnyj, Zonal'nyj rajon. (in Rus.)
- ACUIE LIK AltGPU, Kozhemyakin V.G., 1931 g.r. - Arhiv CUIE LIK AltGPU. [Archive of the Center for Oral History and Ethnography of the Laboratory of Historical Local History of the Altai State Pedagogical University]. F. IEE, 2002. Kozhemyakin V.G., 1931 g.r., p. Urozhajnyj, Zonal'nyj rajon. (in Rus.)
- ACUIE LIK AltGPU, CHepurnyh T.A., 1926 g.r. - Arhiv CUIE LIK AltGPU. [Archive of the Center for Oral History and Ethnography of the Laboratory of Historical Local History of the Altai State Pedagogical University]. F. IEE, 2002. CHepurnyh T.A., 1926 g.r., p. Urozhajnyj, Zonal'nyj rajon. (in Rus.)

- ACUIE LIK AltGPU, Epihin I.P., 1927 g. r. - Arhiv CUIE LIK AltGPU. [Archive of the Center for Oral History and Ethnography of the Laboratory of Historical Local History of the Altai State Pedagogical University]. F. IEE, 2003. Epihin I.P., 1927 g. r., c. Pervomajskoe, Bijskij rajon. (in Rus.)
- ACUIE LIK AltGPU, Kuzovleva O.E., 1919 g.r. - Arhiv CUIE LIK AltGPU. [Archive of the Center for Oral History and Ethnography of the Laboratory of Historical Local History of the Altai State Pedagogical University]. F. IEE, 2003. Kuzovleva O.E., 1919 g.r., c. Maloenisejskoe, Bijskij rajon. (in Rus.)
- ACUIE LIK AltGPU, Novoskol'cev I.G., 1925 g.r. - Arhiv CUIE LIK AltGPU. [Archive of the Center for Oral History and Ethnography of the Laboratory of Historical Local History of the Altai State Pedagogical University]. F. IEE, 2003. Novoskol'cev I.G., 1925 g.r., c. Srostki, Bijskij rajon. (in Rus.)
- ACUIE LIK AltGPU, Kovalik I. N., 1927 g.r. - Arhiv CUIE LIK AltGPU. [Archive of the Center for Oral History and Ethnography of the Laboratory of Historical Local History of the Altai State Pedagogical University]. F. IEE, 2004. Kovalik I. N., 1927 g.r., c. Krasnyj Partizan, CHaryshskij rajon. (in Rus.)
- ACUIE LIK AltGPU, Hromenko N.V., 1947 g.r. - Arhiv CUIE LIK AltGPU. [Archive of the Center for Oral History and Ethnography of the Laboratory of Historical Local History of the Altai State Pedagogical University]. F. IEE, 2004. Hromenko N.V., 1947 g.r., c. Krasnyj Partizan, CHaryshskij rajon. (in Rus.)
- ACUIE LIK AltGPU, Bozhanova V.A., 1938 g.r. - Arhiv CUIE LIK AltGPU. [Archive of the Center for Oral History and Ethnography of the Laboratory of Historical Local History of the Altai State Pedagogical University]. F. IEE, 2005. Bozhanova V.A., 1938 g.r., s. Novo-Obincevo, SHelabolihsnij rajon. (in Rus.)
- ACUIE LIK AltGPU, Leonidova (Kinotop) A. V., 1937 g.r. - Arhiv CUIE LIK AltGPU. [Archive of the Center for Oral History and Ethnography of the Laboratory of Historical Local History of the Altai State Pedagogical University]. F. IEE, 2009. Leonidova (Kinotop) A. V., 1937 g.r., s. Pospeliha, Pospelihsnij rajon. (in Rus.)
- ACUIE LIK AltGPU, Meuler (SHnajder) A. B., 1929 g.r. - Arhiv CUIE LIK AltGPU. [Archive of the Center for Oral History and Ethnography of the Laboratory of Historical Local History of the Altai State Pedagogical University]. F. IEE, 2012. Meuler (SHnajder) A. B., 1929 g.r., s. Zyat'kovo, Pankrushihinskij rajon. (in Rus.)
- ACUIE LIK AltGPU, Bekker M. F., 1938 g.r. - Arhiv CUIE LIK AltGPU. [Archive of the Center for Oral History and Ethnography of the Laboratory of Historical Local History of the Altai State Pedagogical University]. F. IEE, 2012. Bekker M. F., 1938 g.r., s. Velizhanka, Pankrushihinskij rajon. (in Rus.)
- ACUIE LIK AltGPU, Laputina T.K., 1921 g.r. - Arhiv CUIE LIK AltGPU. [Archive of the Center for Oral History and Ethnography of the Laboratory of Historical Local History of the Altai State Pedagogical University]. F. IEE, 2015. Laputina T.K., 1921 g.r., s. Blagoveshchenka, Blagoveshchenskij rajon. (in Rus.)
- ACUIE LIK AltGPU, YAroshenko M.N., 1925 g.r. - Arhiv CUIE LIK AltGPU. [Archive of the Center for Oral History and Ethnography of the Laboratory of Historical Local History of the Altai State Pedagogical University]. F. IEE, 2015. YAroshenko M.N., 1925 g.r., s. Blagoveshchenka, Blagoveshchenskij rajon. (in Rus.)
- ACUIE LIK AltGPU, Korotkih YU.K., 1932 g.r. - Arhiv CUIE LIK AltGPU. [Archive of the Center for Oral History and Ethnography of the Laboratory of Historical Local History of the Altai State Pedagogical University]. F. IEE, 2016. Korotkih YU.K., 1932 g.r., s. Ust'-CHaryshskaya Pristan', Ust'-Pristanskij rajon. (in Rus.)
- ACUIE LIK AltGPU, Grineva T.A., 1931 g.r. - Arhiv CUIE LIK AltGPU. [Archive of the Center for Oral History and Ethnography of the Laboratory of Historical Local History of the Altai State Pedagogical University]. F. IEE, 2016. Grineva T.A., 1931 g.r., s. Ust'-CHaryshskaya Pristan', Ust'-Pristanskij rajon. (in Rus.)
- ACUIE LIK AltGPU, Koshkarova N.S., 1926 g.r. - Arhiv CUIE LIK AltGPU. [Archive of the Center for Oral History and Ethnography of the Laboratory of Historical Local History of the Altai State Pedagogical University]. F. IEE, 2016. Koshkarova N.S., 1926 g.r., s. Ust'-CHaryshskaya Pristan', Ust'-Pristanskij rajon. (in Rus.)
- ACUIE LIK AltGPU, SHemonaeva Z.S., 1925 g.r. - Arhiv CUIE LIK AltGPU. [Archive of the Center for Oral History and Ethnography of the Laboratory of Historical Local History of the Altai State Pedagogical University]. F. IEE, 2017. SHemonaeva Z.S., 1925 g.r., s. Krasnogorskoe, Krasnogorskij rajon. (in Rus.)
- ACUIE LIK AltGPU, Koroleva V.V., 1931 g.r. - Arhiv CUIE LIK AltGPU. [Archive of the Center for Oral History and Ethnography of the Laboratory of Historical Local History of the Altai State

- Pedagogical University]. F. IEE, 2017. Koroleva V.V., 1931 g.r., s. Sosnovka, Krasnogorskiy rayon. (in Rus.)
- ACUiE LIK AltGPU, Vasyutin I.A., 1928 g.r. - Arhiv CUiE LIK AltGPU. [Archive of the Center for Oral History and Ethnography of the Laboratory of Historical Local History of the Altai State Pedagogical University]. F. IEE, 2017. Vasyutin Ivan Alekseevich, 1928 g.r., s. Ust'-Isha, Krasnogorskiy rayon. (in Rus.)
- ACUiE LIK AltGPU, Petrushina Z. A., 1937 g. r. - Arhiv CUiE LIK AltGPU. [Archive of the Center for Oral History and Ethnography of the Laboratory of Historical Local History of the Altai State Pedagogical University]. F. IEE, 2017. Petrushina Z. A., 1937 g. r., s. Ust'-Kazha, Krasnogorskiy rayon. (in Rus.)
- ACUiE LIK AltGPU, Leshchev A. F., 1926 g. r. - Arhiv CUiE LIK AltGPU. [Archive of the Center for Oral History and Ethnography of the Laboratory of Historical Local History of the Altai State Pedagogical University]. F. IEE, 2017. Leshchev A. F., 1926 g. r., s. Lebyazh'e, Krasnogorskiy rayon. (in Rus.)
- ACUiE LIK AltGPU, Popova M. I., 1930 g. r. - Arhiv CUiE LIK AltGPU. [Archive of the Center for Oral History and Ethnography of the Laboratory of Historical Local History of the Altai State Pedagogical University]. F. IEE, 2017. Popova M. I., 1930 g. r., s. Lebyazh'e, Krasnogorskiy rayon. (in Rus.)
- ACUiE LIK AltGPU, Dolgova A. S., 1923 g. r. - Arhiv CUiE LIK AltGPU. [Archive of the Center for Oral History and Ethnography of the Laboratory of Historical Local History of the Altai State Pedagogical University]. F. IEE, 2017. Dolgova A. S., 1923 g. r., s. Krasnogorskoe, Krasnogorskiy rayon. (in Rus.)
- ACUiE LIK AltGPU, Bykova R.K, 1941 g.r. - Arhiv CUiE LIK AltGPU. [Archive of the Center for Oral History and Ethnography of the Laboratory of Historical Local History of the Altai State Pedagogical University]. F. IEE, 2018. Bykova R.K, 1941 g.r., pos. Pobedim, Topchihinskiy rayon. (in Rus.)
- ACUiE LIK AltGPU, Ryabokonev I.V., 1934 g.r. - Arhiv CUiE LIK AltGPU. [Archive of the Center for Oral History and Ethnography of the Laboratory of Historical Local History of the Altai State Pedagogical University]. F. IEE, 2017. Ryabokonev Ivan Vasil'evich, 1934 g.r., s. Krasnogorskoe, Krasnogorskiy rayon. (in Rus.)
- Samcova, 2011 - Samcova E.V. 80 let so vremeni obrazovaniya sovhoza «Chistyun'skiy» Topchihinskogo rajona Altajskogo kraja [80 years since the formation of the state farm "Chistyunsky" Topchihinsky district of the Altai Territory] // Altajskiy kraj, 2012 g.: kalendar' znamenat. i pamyat. dat. Barnaul, 2011. S. 154-158. (in Rus.)
- Pozdin, 2018 - Pozdin S.V. Repressirovannyye armyane v Topchihinskom rajone [Repressed Armenians in Topchihinsky district] // Topchihinskiy rayon – kraevedcheskiy sayt. [Elektronnyy resurs] / URL: <http://top-kraeved.ru/category/istoriya/> (Data obrashcheniya 05.04.2019). (in Rus.)
- Rodnaya storona, 2011 – Rodnaya storona: sbornik po istorii i kul'ture Topchihinskogo rajona [The home party: a collection on the history and culture of the Topchikha district]. Barnaul, 2011. S. 142–149. (in Rus.)
- Rykov, 2016 – Rykov A. V. Ispol'zovanie myasa pavshih zhivotnyh v pitanii russkogo krest'yanstva Altajskogo kraja v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [The use of meat of dead animals in the nutrition of the Russian peasantry of the Altai Territory during the Great Patriotic War] // Tobol'sk nauchnyj – 2016 : Materialy XIII Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii (c mezhdunarodnym uchastiem) (g. Tobol'sk, 10 -11 noyabrya 2016 g.). Tobol'sk, 2016. S. 272-275. (in Rus.)
- Svidovskaya; Kovzel', 2018 – Svidovskaya A.S., Kovzel' A.V. Kukuruza v pitanii zhitelej Altajskogo kraja v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (po polevym materialam 2017 g.) [Corn in the diet of residents of the Altai Territory during the Great Patriotic War (according to field materials in 2017)] // CHastnoe i obshchestvennoe v povsednevnoj zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost' (regional'nyj aspekt). Sbornik materialov mezhdunar. nauch. konf. / pod otv. red. S.V. Stepanov. Sankt-Peterburg, 2018. S. 159-165. (in Rus.)
- Syshchenko, 2007 – Syshchenko A.G. Nemcy v Sibiri: Po dokumentam NKVD, MGB, MVD SSSR 1943–1956 gg.[Germans in Siberia: According to documents of the NKVD, MGB, Ministry of Internal Affairs of the USSR 1943-1956.]. Barnaul, 2007. 623 s. (in Rus.)
- Shcheglova, 2017 – Shcheglova T.K. Prinimayushchij altajskiy socium i deportirovannyye armyane v kontekste permanentnyh repressij i deportacij 1930-1940-h gg.: obrazy i kul'turnoe vzaimodejstvie [The host Altai society and the deported Armenians in the context of permanent repression and deportations of the 1930-1940s: images and cultural interaction] // Vestnik arheologii, antropologii i etnografii. 2017. № 2 (37) S. 137-145. (in Rus.)
- Shcheglova, 2016 – Shcheglova T.K. Tradicii i novacii v obustroystve zhiloj sredy russkogo naseleniya yuga Zapadnoj Sibiri v kontekste istoricheskogo razvitiya (1860–1980-e gg.) [Traditions and innovations in the arrangement of the living environment of the Russian population in the south of

- Western Siberia in the context of historical development (1860–1980s)] // Tradicionnaya kul'tura. 2016. № 1. S. 164–174. (in Rus.)
- Shcheglova, 2015 – Shcheglova T.K. Etnografiya russkogo krest'yanstva yuga Zapadnoj Sibiri v XX stoletii: Kul'tura zhizneobespecheniya v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: Nauchnye i metodicheskie materialy [Ethnography of the Russian peasantry in the south of Western Siberia in the 20th century: Culture of sustenance during the years of the Great Patriotic War: Scientific and methodological materials.]. Barnaul: Azbuka, 2015. 132 s. (in Rus.)
- Shcheglova, 2018 - Shcheglova T.K. Kul'tura i byt russkogo sel'skogo naseleniya yuga Zapadnoj Sibiri v 1930–1950-h gg.: zhilishche, pishcha, odezhda, semejnye i trudovye tradicii : monografiya [Culture and life of the Russian rural population of the south of Western Siberia in the 1930–1950s: housing, food, clothing, family and work traditions: a monograph.]. Barnaul : AltGPU, 2018. 508 s. (in Rus.)
- Shcheglova, 2008 – Shcheglova T.K.. Derevnya i krest'yanstvo Altajskogo kraya v XX veke. Ustnaya istoriya : monografiya.[The village and the peasantry of the Altai Territory in the XX century. Oral history: monograph.]. Barnaul : BGPU, 2008. 527 s. (in Rus.)
- Shcheglova, 2011 – Shcheglova T.K. Ustnaya istoriya : uchebnoe posobie dlya studentov vuzov. [Oral history: a textbook for university students.]. Barnaul : AltGPA, 2011. 363 s. (in Rus.)

**Memories' fragments of of deported women: adaptation and life in Kazakhstan**

DOI: 10.31551/2410-2725-2019-5-2-232-247

**Saktaganova Zauresh Galimzhanovna**

PhD in Historical Sciences, director of the Center for Ethnocultural and Historical Anthropological Studies, professor of the Chair of archeology, ethnologies and Native history of Karaganda State University named after E. A. Buketov Karaganda, Kazakhstan. E-mail: zauresh63@mail.ru

**Abstract.** One of the most popular research topics from the 1990s, becomes the problem of deportation processes in the Soviet Union. Russian researchers claim that only internal deportations in the USSR covered more than 6 million people. The deportations of ethnic groups to Kazakhstan were carried out in several stages in the period of the 1930s - 1940s. Among the deported people, a significant proportion were women. In this article, the subject of the study will be memories of deported women. A brief historiographic review points out that, despite some knowledge about deportation's problems, the gender aspect of deportation processes has not yet become the subject of a special study. The basis of the study were fragments of deported women's memories, recorded in different years by journalists, published in newspapers, laid out on websites and collected during interviews during the implementation of the project of KARSU researchers about women from Kazakhstan during the Great Patriotic War. While composing research project various common scientific (methods of empirical research, methods of theoretical knowledge, general logical methods and research technique) and special historical methods (comparative historical method, analysis of memories of various deported peoples, macro- and microhistorical approaches, etc) were incorporated. Among many female memories were selected fragments of deported people's memories: Poles, Germans, Chechens, Ingush. The article notes, that memories about the deported past differed depending on a number of factors: age of the narrator, his intellectual and emotional experience and other things. But in these fragments you can see common features: "a feeling of repression poured into words and plots that created the language of injury. "Total of these fragments summarized by the author in conclusion of the article.

**Key words:** Kazakhstan history of the twentieth century, deportations of people, women's memories, deportation of Poles, deportation of Germans, deportation of Chechens, deportation of Ingush people.

**Депортацияланған әйелдер естеліктерінен үзінділер: бейімделу және Қазақстандағы өмір****Сақтағанова Зауреш Ғалымжанқызы**

Тарих ғылымдарының докторы, Е.А. Бөкетов атындағы Қарағанды мемлекеттік университеті этномәдени және тарихи-антропологиялық зерттеулер Орталығының директоры, археология, этнология және Отан тарихы кафедрасының профессоры, Қарағанды, Қазақстан. E-mail: zauresh63@mail.ru

**Аңдатпа.** 1990 жылдардан зерттеушілік тақырыптардың ішіндегі ең танымалдысы Кеңес Одағындағы депортациялық үрдістер мәселесі болды. Ресейлік зерттеушілер тек КСРО-ның ішіндегі депортацияға 6 млн.-нан астам адам қамтылғандығын айтады. Қазақстанға этникалық топтардың депортациялануы 1930-1940 жылдар аралығында бірнеше кезеңдермен жүзеге асырылды. Депортацияланған халықтар ішінде басым көпшілікті әйелдер құрады. Аталған мақалада зерттеудің пәні депортацияланған әйелдердің естеліктері болады. Депортация мәселесінің белгілі бір деңгейде зерттелуіне қарамастан қысқаша тарихнамалық шолу депортациялық мәселелердің гендерлік аспектісі арнайы зерттеудің пәні болмағандығын көрсетеді. Зерттеудің негізі ретінде әртүрлі жылдары журналистердің газеттерде жариялаған, ғаламтор сайттарында орналастырылған және ҚарМУ зерттеушілерінің Ұлы Отан соғысы жылдарындағы Қазақстан әйелдері туралы жобасы аясында жүргізілген сұхбаттасу барысында жиналған депортацияланған әйелдердің естеліктерінің үзінділері алынды. Зерттеудің барысында жалпығылыми әдістер (эмпирикалық зерттеу әдістері, теоретикалық таным әдістері, жалпылогикалық әдістер және зерттеудің тәсілдері) және арнайы тарихи әдістер (әртүрлі депортацияланған халықтар естеліктерін меңгеру мен талдау кезінде салыстырмалы-тарихи әдіс, макро- және микротарихи тәсілдер және т.б.) қолданылды. Көптеген әйелдердің естеліктері ішінде депортацияланған халықтар: поляк, неміс, шешен, ингуштер естеліктерінің үзінділері таңдап алынды. Мақалада депортацияланған өткен туралы естеліктер көптеген факторларға: әңгімелеушінің жасына, оның интеллектуалды және эмоционалды тәжірибесіне



және басқасына байланысты ерекшеленгендігі атап көрсетіледі. Бірақ бұл естелік үзінділерінен ортақ белгілерді көруге болады, ол: «қуғынға ұшырау сезімінің жарақат тілін тудырған сөздер мен сюжеттерге ұласқандығы». Бұл естелік үзінділеріне тән жалпылық автормен мақаланың қорытындысында түйінделген.

**Түйінді сөздер:** XX ғасырдағы Қазақстан тарихы, халықтар депортациясы, әйелдердің естеліктері, поляктар депортациясы, немістер депортациясы, шешендер депортациясы, ингуштер депортациясы.

## **Фрагменты воспоминаний депортированных женщин: адаптация и жизнь в Казахстане**

### **Сактаганова Зауреш Галимжановна**

Доктор исторических наук, директор Центра этнокультурных и историко-антропологических исследований, профессор кафедры археологии, этнологии и Отечественной истории Карагандинского государственного университета им. Е.А. Букетова, Караганда, Казахстан, E-mail: zauresh63@mail.ru

**Аннотация.** Одной из наиболее популярных исследовательских тем с 1990-х годов, становится проблема депортационных процессов в Советском Союзе. Российские исследователи утверждают, что только внутренними депортациями в СССР было охвачено более 6 млн. человек. Депортации этнических групп в Казахстан осуществлялись в несколько этапов в период 1930-х – 1940-х годов. Среди депортированных народов значительную часть составили женщины. В данной статье предметом исследования станут воспоминания депортированных женщин. Краткий историографический обзор свидетельствует, что, несмотря на определенную изученность проблемы депортаций, гендерный аспект депортационных процессов так еще и не стал предметом специального исследования. Основой исследования стали фрагменты воспоминаний депортированных женщин, записанные в разные годы журналистами, опубликованные в газетах, выложенные на интернет-сайтах и собранные во время интервьюирования в ходе реализации проекта исследователей КарГУ о женщинах Казахстана в годы Великой Отечественной войны. При написании исследования были использованы различные общенаучные методы (методы эмпирического исследования, методы теоретического познания, общелогические методы и приемы исследования) и специальные исторические методы (сравнительно-исторический метод при изучении и анализе воспоминаний различных депортированных народов, макро- и микроисторический подходы и др). Среди множества женских воспоминаний были отобраны фрагменты воспоминаний депортированных народов: поляков, немцев, чеченцев, ингушей. В статье отмечается, что воспоминания о депортированном прошлом различались в зависимости от ряда факторов: возраста рассказчика, его интеллектуального и эмоционального опыта и прочего. Но в этих фрагментах можно увидеть общие черты: «ощущение репрессированности выливалось в слова и сюжеты, создававшие язык травмы». Общее этих фрагментов резюмируется автором в заключение статьи.

**Ключевые слова:** депортации народов, история Казахстана XX века, женские воспоминания, депортация поляков, депортации немцев, депортация чеченцев, депортация ингушей.

УДК/ UDC 94.(574.42)

### **Фрагменты воспоминаний депортированных женщин: адаптация и жизнь в Казахстане<sup>1</sup>**

*З.Г. Сактаганова*

**Введение.** Одной из наиболее популярных исследовательских тем, начиная с 90-х годов прошлого века, становится проблема депортационных процессов в Советском Союзе. Общеизвестно, что депортации в СССР осуществлялись по двум основным признакам: социальный, когда

<sup>1</sup> Статья выполнена в рамках проекта КН МОН РК: «Великая Отечественная война и женщины Казахстана на фронтах и в тылу: женские истории и повседневность». ИРН проекта AP05131992

насилованному выселению подвергались по определению власти, «социально опасные элементы» (казаки, кулачество и другие), и этническому, когда насильственное переселение охватывало, по определению большевиков, «политически неблагонадежные» народы. Характеризуя социальные и этнические депортации с 1920-х по 1950-е годы, российский исследователь П. Полян выделил 52 депортационные кампании и 130 депортационных операций в рамках этих компаний (Полян, 2001).

А из 52 депортационных кампаний 38, или 73%, являлись этническими. В целом российские исследователи утверждают, что только внутренними депортациями в СССР было охвачено более 6 млн. человек (Сталинские депортации, 2005: 13). Депортации народов в Казахстан осуществлялись в несколько этапов, причем они начались в период 1930-х годов, продолжались в следующем десятилетии, в 1940-х годах. Среди депортированных народов значительную часть составили женщины. В данной статье мы остановимся на фрагментах женских воспоминаний депортированных. Воспоминания о депортации были оставлены в публичном пространстве в период перестройки (в 80-е), да и в 90-е годы XX века преимущественно мужчинами; как отмечают исследователи, «преодолеть женское молчание было трудно»: о наиболее драматичных эпизодах женщины умалчивали осознанно, это было проявлением женской немоты, которая была традиционной в обществе постсоветского пространства в прошлом столетии (Гучинова, 2008). Но материалы женских воспоминаний не только позволяют проиллюстрировать процессы насильственного переселения, они позволяют увидеть эти события женским взглядом, который отличается от мужского. Анализируя тексты воспоминаний, интервью, можно выявить некоторые закономерности восприятия женщинами депортационных процессов, воссоздать женское восприятие депортаций как отдельной страницы этих трагических процессов. Необходимость проявить все аспекты депортаций не только на основе архивных материалов, нарративных источников, но на основе устной истории, воспоминаний актуализирует проблему, вынесенную в данной статье, тем более что с годами количество свидетелей, участников этих событий катастрофически уменьшается.

**Материалы и методы исследования.** Ряд концептуальных положений из работ исследователей 1960-1980-х годов, ставших сегодня классическими, легли в основу многих современных публикаций о депортациях. Р. Конквест, в частности, этнические депортации военного времени в СССР рассматривал как естественное продолжение колониальной политики царской России, облегченное компактной конфигурацией и «сухопутностью» Российской Империи (Conquest, 1960). Исследователь П. Полян считал, что подход царского правительства к «враждебно-подданным» во многом предвосхитил страшные черты депортационной политики советского государства (Полян, 2001). На первом этапе депортации (1920-1930-е годы) в СССР были осуществлены преимущественно с пограничных территорий страны; началась серия акций «по обеспечению безопасности границ и приграничных территорий» посредством их освобождения по этническому признаку от «неблагонадежных», с точки зрения советского руководства, элементов. Второй этап депортаций охватывал военный период (1939-1945 годы); для депортированных народов на этапе военного времени А. Некрич использовал термин «наказанные народы» (Некрич, 1978).

Методологическим посылом статьи стала концепция А. Людке (Людтке, 1999), где особое внимание направлено на изучение микроистории отдельных

рядовых людей или их групп; желание понять историю как многослойный процесс, который воспроизводится и, в первую очередь, трансформируется теми, кто является одновременно и объектами истории, и ее субъектами. Воспоминания позволяют формировать историю повседневности, которая проявляет особый интерес к микроисторическим явлениям и процессам, к истории малых социумов и исторических коллективов, а также к семейной и биографической истории. Ее цель – сделать так, чтобы «обычные люди обрели в истории собственные голоса и лица». Эти «голоса и лица» проявляются и во фрагментах воспоминаний депортированных женщин.

При написании статьи были использованы различные общенаучные методы: методы эмпирического исследования – сравнения, описания, наблюдения во время интервьюирования; методы теоретического познания; общелогические методы и приемы исследования – анализа и синтеза, аналогии, системного подхода. Использовались и специальные исторические методы: сравнительно-исторический метод при изучении и анализе воспоминаний различных депортированных народов, синтез макро- и микроисторических подходов, поскольку макроисторический подход отражает изменения в целом в развитии общества, а микроисторический подход позволяет проследить влияние макрособытий на тактику выживания, поведенческие стереотипы депортированных народов.

В статье использованы воспоминания депортированных женщин, как записанные в разные годы журналистами, опубликованные в газетах, выложенные на интернет-сайтах, так и собранные во время интервьюирования в ходе реализации проекта исследователей КарГУ о женщинах Казахстана в годы Великой Отечественной войны.

**Обсуждение.** С момента своего осуществления в 1930-х годах и до конца 1980-х принудительные миграции были в СССР одной из самых табуированных тем: из научного и общественного знания были исключены любые сведения о депортациях и депортированных народах. Первые исследования, посвященные этим вопросам, появились на Западе: в 1960 году в США вышла книга Р. Конквеста с хронологией и статистикой депортаций народов (Conquest, 1960), но она была незнакома советскому читателю. В общем контексте сталинских репрессий об этнических депортациях писал А. Солженицын (Солженицын, 1989). А. Некрич в конце 1970-х годов этнические депортации в СССР впервые рассматривал как целостную, научную проблему (Некрич, 1978). В российской историографии конца XX – начала XXI веков следует отметить публикации Н.Ф. Бугая (Бугай, 1995), В.Н. Земскова (Земсков, 2005), П. Полян (Полян, 2001) и др. Казахстанская историография депортаций активно разрабатывалась К.С. Алдажумановым, Ж.Б. Абылхожиным, Г.В. Кан, Г. Бельгер и другими авторами (Депортированные в Казахстан, 1998). Опубликовано многотомники документальных сборников по депортациям (Из истории депортаций, 2014).

В целом можно согласиться с исследователем Э.Б. Гучиновой, что тема выселения народов и их виктимизация становятся популярными для историков, журналистов и издателей с постперестроечных лет для одних народов и не стали представлять интерес для других (у которых не было своей формы государственности и других форм институализации групповых интересов) (Гучинова, 2008). Гендерные же аспекты депортационных процессов фактически до сих пор не стали предметом специальных исследований в исторической науке, и, если российская историография в

целом сделала гендерную проблематику одной из ведущих в XXI веке, то отечественные историки лишь делают первые шаги.

**Результаты.** Абсолютно однозначно, что процессы депортации стали травмой для депортированных, и как психологическая травма, и как эмоциональная, и как культурная. Культура преодоления травмы через глубокое повествование о ней пришла на смену идеологии «преодоления прошлого» относительно недавно, считают исследователи (Гусейнов, 2008).

Автор Эльза-Баир Гучинова опубликовала интересную статью с женскими воспоминаниями о депортации калмыков и армян. Анализируя сочинения школьников о депортации калмыков, написанные в 1993-2004 годы на основе бесед со старшими родственниками, дневник армянской девочки, который она вела во время депортации, а также устные рассказы калмычек и армянок, автор изучает грамматику и лексику травмы депортированных женщин. И приходит к ряду выводов. Нельзя не согласиться с Э.-Б. Гучиновой, что «тоталитарный опыт насилия не позволял выразить его дискурсивно и языком репрезентации становился язык травмы. Рассказы о болезненном прошлом различались в зависимости от многих факторов: пола и возраста рассказчика, историко-культурного и политического контекста, от обстоятельств повествования и прочего. Но в текстах травмированной памяти, считает автор, можно увидеть общие черты: «ощущение репрессированности выливалось в слова и сюжеты, создававшие язык травмы, в грамматические конструкции, отражавшие потерю субъектности» (Гучинова, 2008). «Вспоминая давнее прошлое, рассказчики подсознательно возвращались в сталинское общество и воспроизводили свой зависимый статус людей, удел которых – претерпевать чужие действия, быть жертвой чужих решений» (Гучинова, 2008).

Некоторые закономерности, выведенные в данной статье, подтверждаются фрагментами приведенных нами женских воспоминаний. Первое – «преобладающее использование «пассивных» страдательных грамматических конструкций с неопределенным субъектом в сочетании с безличной глагольной формой»: в воспоминаниях о начале депортации или положении репрессированных на спецпоселениях практически всегда используется неопределенная форма глагола, хотя уже сейчас точно известно на ком персонально лежит ответственность за эти депортации. Но все равно в воспоминаниях звучит так: «объявили о переселении», «на сбор дали три дня», «разрешалось брать». Второе – «отсутствие приватности человека и публичность интимных процедур». Для женщин эта тема всегда болезненная, но они говорят об этом: «естественно никаких условий там не было, только в углу стоял бочок для нужд». Третье – «множество выражений отражающих нечеловеческий статус репрессированных». Часто в воспоминаниях женщины говорят об отношении к себе, депортированным, не как к людям: «телячьи вагоны», «в нечеловеческих условиях», «загнали, как скот», «обращались как с животными». Эти три характеристики нам кажутся совпадающими во всех воспоминаниях без исключения. Они проявляются ярко и сразу обращают на себя внимание. Но есть, на наш взгляд, еще ряд закономерностей.

Рассмотрим, как через фрагменты воспоминаний о женщинах и женских воспоминаний языком травмы излагаются события насильственного переселения, адаптации и выживания женщин в Казахстане.

Депортация поляков, май 1936 года. Воспоминания Станислава Кулаковского о рассказах своей матери: депортировали маму, как рассказывала она, с семьей старшего брата из Украины в село Подольское Северо-Казахстанской области. В конце мая 1936 года объявили о

переселении, на сбор дали три дня. Разрешалось брать с собой все, говорила мама: коров, кур, коз, лошадей. Через три дня подогнали подводы и повезли на железнодорожную станцию в сопровождении верховых милиционеров. Утром прибыли на станцию прямо на погрузку. На путях стояли телячьи вагоны с раздвижными дверьми, четыре узких окна вверх. Загружали людей по 10-15 семей в один вагон. С собой в вагон разрешили взять только постель, остальные вещи были сложены в конце эшелона. Мама рассказывала, что в ходе посадки женщины плакали, кричали, а особенно перед самой отправкой плакали не только женщины, дети, старики, прощаясь с родным домом, с родными краями, но и взрослые мужчины. В начале июня поезд прибыл на станцию Тайнча в Северном Казахстане. Семью разделили: по распределению на железнодорожной станции Тайнча отца направили в точку № 2, впоследствии село Донецкое; маму – в точку № 4, названную позже село Подольское. От станции Тайнча переселенцев отвезли за 20 километров в степь. Везли степной дорогой, кругом ковыль, в небе жаворонки, целые поляны земляники, ни деревца, ни тени, ни строений. Выгрузили в голой, бескрайней степи у единственного колодца, где были вбиты лишь колышки. На обустройство дали три дня, установили палатки, но практически сразу же переселенцы стали строить землянки. В одной землянке проживали две-три семьи, примерно 12-20 человек. Для того, чтобы приготовить кушать, копали яму из дерна делали печку. Топили бурьяном и кизяком, который собирали в степи и неподалеку от старых сел. На четвертый день сбор у комендантской палатки, сразу предупредили, что зимы здесь очень суровые, морозы до 40-50 градусов, страшные бураны, каких на Украине никогда не видели. На работу надо было выходить всем, кроме кормящих матерей. Здесь же была поставлена задача: построить жилье, школу, больницу, сарай для скота. Строили из самана. Мама вспоминала, что в первые месяцы умирало очень много людей, особенно детей. Хоронили родных и близких в степи, не имея возможности поставить крест, не из чего было. Рядом с селом был казахский аул, соседи нечасто навещались, опасались властей, да и языковой барьер мешал. Зато дети быстро наладили отношения, наши дети учили казахских русскому языку, а они угощали куртом и баурсаками. Казахи приезжали в село (спецпереселенец не имел права без пропуска выходить за пределы села), и переселенцы меняли свои вещи на хлеб, на продукты питания, строительные материалы. Переселенцев местные жители не обижали, наоборот, старались хоть чем-нибудь помочь. Относились дружелюбно. Мальчишки, познакомившись со сверстниками-аульчанами, дружили, поддерживали отношения. Мама собирала молоко, делала сыр, масло для продажи в Тайнче или у проходящих поездов. Оставив детей, ночью 20 километров пешком шла к поезду и продавала. Также обратно возвращалась пешком домой, не оглядываясь, потому что хорошо знала, что ее никто не подвезет. (Чемодан историй, 2017).

Депортация немцев, сентябрь 1941 года. Воспоминания Фиттель Ирмы, жительница села Тельманское Карагандинской области: «Нас выселили 23 сентября 1941 года, из села Ольгино, Запорожской области. Нам сообщили о том, чтобы за 24 часа мы собрались и отправились в путь. С собой можно было брать только продукты питания, запасом на неделю, теплую одежду и постель, больше ничего не разрешили. Нас было в семье на тот момент четверо: мама я и двое братьев. Отца расстреляли еще в 1938 году, обвинив в шпионаже. Всех мужчин нашей семьи отправили на трудовые работы раньше, поэтому депортации подверглись женщины и дети. Нас спустя 24 часа отправили на

станцию, оттуда отвезли на порт в Бердянск. Само переселение было страшное: я видела, как умирают близкие и родные мне люди. Помню, как брат умер по пути в Казахстан, у него было воспаление. Пришли санитары и забрали его. Мама рассказывала, что его не похоронили. Очень долго оплакивала, говорила, что его кости остались на холодной, чужой земле. И таких случаев было много. У тети умер грудной ребенок. У нее пропало молоко, и ей нечем было его кормить. Страшное время было. Со временем мы, конечно, привыкли и к местному климату, постоянным ветрам и буранам. Спустя год, переехав с Акмолинской области, обжились на 6 поселке, мы молились, каждый день лишь бы все обошлось.

Везли нас в нечеловеческих условиях, всех загнали, как скот в грязные палубы. Через две недели пути мы прибыли в Ейск. Спустя пару дней нам объявили, что необходимо отправляться на железную дорогу... и нас увезли в неизвестном направлении в товарном вагоне. Естественно никаких условий там не было, только в углу стоял бочок для нужд. Мы сидели друг на друге, быстро затекали ноги, встать было невозможно. Поезд иногда останавливался примерно раз в два дня, разрешали выйти на улицу попить воду, очень редко давали хлеб. Когда мы прибыли в Казахстан, было уже очень холодно, ноябрь месяц, одежда, которую мы привезли с собой, не подходила по сезону. Нас изначально привезли в Северный Казахстан, Акмолинскую область, спустя две недели переселили в Карагандинскую область. Привезли на грузовиках на «точку 22». Всех расселяли по землянкам, у живших там спецпереселенцев. Нас заселили к семейной пожилой паре, землянка была очень маленькой, всего одна комната, печка стояла посередине комнаты. В доме было очень грязно, мы жили 6 человек в одной комнате. Землянки, в которых проживали спецпереселенцы, были сделаны из самана, учитывая, что площадь была небольшая, в домах было тепло. Приходилось добывать пищу, обменивать свою одежду, привезенную из дома, на кизяк у местного населения. Рацион питания был очень скуден, первое время питались запасами, которые были привезены из дома. Моя мама умела хорошо шить и вязать, взамен на это получала молоко, картошку, так и перебивались. Сам поселок был бедный, и даже местные жители были на грани выживания. Хозяева, у которых мы жили, были очень добрые люди и пытались нам всячески помочь, зимой мы растапливали снег, и эту воду использовали для всех нужд, этот же талый снег мы пили, готовили еду. Не знаю, как мы пережили эту зиму, весной пошли работать на скотные дворы. Жить в таких условиях было невозможно: ничего не было, даже помыться нечем было. За время переезда у всех были вши, от грязи лица покрылись лишаями. В холодной голодной степи пытались найти хоть что-то: веточку, палочку, чтоб печь протопить.

Питались мы первые недели после прибытия тем, что привезли с собой. Потом стали обменивать какие-то вещи на еду. Да и семья, у которой жили, никогда нас не обделяла. Всегда сажали за стол. Ели в основном галушки. Помню, один раз мы с братом зайца поймали, столько счастья было, летом уже стали ловить рыбу, переехали в другой совхоз, посадили там огород. А первый год зимой с голоду пухли. Как вспомню эту боль в животе. Бывало и по два, три дня ничего не ели. Только талый снег пили. Воды в деревне тоже не было. В поле ходили, снег раскапывали, там какие корни, травку найдем, из этого суп варили. Очень тяжело было пережить первую зиму. Лекарств никаких не было. Первый год, когда мы приехали, брат сильно заболел. Температура высокая была, мы даже не знали, как лечить его. Ночью он не спал, горел весь. Мама поила его чаем из веточек, которые собирали. Да вот и все лекарство, но

он все равно умер. Потом уже мы стали собирать травы в лесу, сушили листья земляники, малины, собирали шиповник, боярышник. Рыбий жир собирали. Первый год был самым худшим, на второй год мы стали обживаться.

Мамина сестра выяснила, что на 6 поселке Осакаровского района условия благоприятнее, чем в тех которых мы сейчас проживаем. Но для того чтобы выехать за пределы колхоза, необходимо было заплатить налог и получить разрешение. Из оставшихся денег, которые мы привезли с собой, оплатили этот военный налог и переехали на 6 поселок. Близ села находилась небольшая лесополоса, где можно было заготовить дров. И этот поселок был более зажиточный, в котором проживали украинские спецпереселенцы. У них были дома с крышами, большими окнами. Крыши были сделаны из камыша. Также близ поселка протекала речка, на которой мы ловили рыбу, мне уже тогда было почти 15 лет, я считалась взрослой, и поэтому присматривала за всей малышкой. Перебрались в Карагандинскую область. Здесь и остались жить.

Несмотря на помощь казахского населения, которые оказывали всяческую поддержку, положение оставалось плачевным. Так маме и всем детям приходилось работать на поле в летнее время по 12-15 часов в сутки, чтобы прокормить свою семью. На 6 поселке мы посадили около дома огород. От людей получали навоз – рассыпали, выращивали – все работали, все! Кизяк лепить летом, месить и топить чтобы зимой: сушить, поворачивать его, летом надо было огород полоть, собирать кустарник на веники, на зиму наломать, засушить, двор подмести, в общем, работа была целый день. Потом тетя Лиза стала работать на свиноферме, и мы пасли летом свиней. Спустя еще один год я с мамой пошла работать на поле. Там работали с утра до ночи. Очень тяжело было, но спасибо, что приняли и приютили нас немцев и не дали нам умереть с голоду местные жители. Тетя Лиза рассказывала что паек, который им давали в трудармии, был очень маленький. Давали 8 кг муки на месяц, когда план не выполнялся, а план был большой. Также каждый день давали 400 грамм хлеба черный, как кирпич, и баланда из капустных листьев.

Вся одежда, которую привезли, очень быстро изнашивалась. Да и когда мы приехали в Казахстан, в ноябре, было очень холодно. Мама начала из того, что стала шить одежду, собирать какие-то лоскутки. Мы с собой еще привезли швейную машинку, которая и помогла нам выжить. Мама очень хорошо шила: из простыней шили косынки, вышивала на них и обменивали на продукты. На второй год депортации стали вязать из шерсти носки, варежки, шапки, так и перебивались. Каждый кусочек ткани был на вес золота. Семья стариков, у которых мы жили первый год, дали нам телогрейку теплую и одни валенки на всю семью были. Вот это по очереди и носили.

Школы были, даже в первом поселке была школа. Почти никто (очень мало из наших приехавших туда, кого привезли в это село) не послали своих детей в школу. Потому что, во-первых, холодно, голодно, многие говорили: «Еще мы будем детей гонять в эту школу, пусть сидят хоть немножко в тепле». Но мама же сказала: «Нет! Он пойдет в школу». И отвела моего брата в первый класс. Реву было – невероятно много! И сколько бы времени не прошло, но все равно он не хотел: все чужие, никого нет, в школе тоже холодно. Но мама его заставила. Я уже в школу тут не ходила, помогала маме по хозяйству, работала. Брат закончил автошколу после того как отучился в школе». (Интервью с Фиттель, 2019)

Воспоминания Кристины Бишель, депортированная семья из Краснодарского края: «Нас привезли в Казахстан, на станцию Щербакты.

Выгрузили в страшный мороз и окоченевших, голодных повезли по деревням. Попали мы (вся семья) в деревню Александровка. Встретил нас председатель сельсовета Сологуб и взял к себе домой. У него было двое детей, и уже была назначена свадьба дочери, но он отложил свадьбу. Он вообще был очень добрым человеком. Никогда не садился за стол без нас. Он старался дать нам какие-нибудь вещи, ведь мы были почти раздетыми. И люди в деревне относились к нам по-доброму».

Вспоминала Фрида Лауер, с крымского хутора Нурали: «Привезли в Казахстан. Разобрали нас по казахским домам. Казахи ни слова не понимают, ни на русском, ни на немецком, и мы ни слова по-казахски. А с нами была наша бабушка Лиза, она немного понимала по-татарски. Казахский и татарский языки родные – вот бабушка нам кое-что и переводила. В этой деревушке ели мы хлеб пока старшие братья работали. За день работы им давали лепешку хлеба. Они ее приносили домой и мы делили лепешку. Работы было мало, а без работы не было и хлеба», Вскоре ее старшие братья, как и большинство немцев-спецпереселенцев, нашли работу в местном колхозе. Однако трудились там недолго, были мобилизованы в так называемую трудовую армию».

Воспоминания Луизы Экфурт: «У мамы было двое детей, брат мой 1937 года рождения, сестра родилась 1-го августа, а 9-го сентября их выслали. С грудным ребенком вот этот путь проделала. Привезли на станцию Колутон Акмолинской области, сгрузили нас. Что запомнилось: стоят казахи, повозки, запряжённые быками и верблюдами. От этой станции Колутон до Воробьевки разнарядки были, кого куда, ехали на повозке на быках. В этом селе в основном жили русские и украинцы. Такие деревенские избы – комната, кухня, сенцы и дальше постройки хозяйственные. Там своя семья и эта семья – восемь человек. Хорошо было, что печка топилась на две комнаты, все же они были в тепле. Папиных сестер забрали в трудармию, папу тоже забрали в трудармию. У меня тети были в Сибири, строили железную дорогу. Жили они в бараках, все это продувалось, одевать было нечего. Весна наступала, они в воде. Люди умирали, просто мор было. Зимой хоронить нельзя, к весне оттаивало, рыли рвы, трактором ров общей братской могилы. Оскорбляли: и фашисты, и фрицы. Не знаю, взрослым, наверное, это было тяжелее пережить, а мы-то, дети, все равно в одном классе учились, дети как-то быстрее сходятся. Было обидно, конечно, но что делать. Я сколько себя помню, уже могла ходить в детский сад. Потом в школу. Писать не на чем было, тетрадки были из чего-то, даже иногда из газет сшивали что-то, на полях писали. Какие у нас тогда были учителя – это надо отдать должное, они сплачивали. В этом селе, где мы жили, люди не были агрессивными. Прошел период, потом уже были все вместе, уже не разделялись, где казахи, где украинцы, где русские, где немцы. Видимо, общее горе, оно как-то сплачивало людей. Мне было всегда удивительно потом уже, когда я задумалась, почему у нас в Казахстане иностранный язык был немецкий. В доме у нас только на немецком говорили, тем более, что очень плохо знали русский. Мама, мне кажется, русский понимать понимала, а говорила все время по-немецки.

Вообще жили плохо, не только те, что приехали, жили и местные плохо, тот же голод был, лишнего не было. Те вещи, которые у них были, они на продукты меняли. Папа у нас был трактористом. Ночь, вдруг стук в окно, бабушка выглядывает – папа у окна. Они так испугались, думали, что он дезертировал, расстреляют теперь нас всех тут. Но оказывается, нужны были трактористы и его отпустили из армии к семье. Если бы он не вернулся, мы бы



умерли с голоду. В колхозе убирали поля, оставались там какие-то колоски, но и это не давали собирать. Если колоски собираешь, их надо сдавать непосредственно в колхозную кладовую. Они как-то пошли поздно или рано утром колоски собирать, сколько-то набрали, в это время объездчик их увидел, забрал колоски и кнутом их отхлестал. Прямо кнутом с лошади, догнал, все отобрал, кнутом стеганул и дальше поехал.

Мы построили землянку из пластов. Там целина, такие пласты вырезали и строили. Крыша была мазаная. Там жили, наверное, долго, где-то в 1959 году только купили дом, переехали в село Журавлевка и там купили нормальный саманный дом. Саман – это глина с соломой. Месили, были такие формы, эти формы заливали, заготавливали саман, из него строили дома. Ощущение постоянного холода и голода меня сопровождало почти все время, пока мы были в Казахстане. К нам в 1944 году очень много выслали чеченцев, ингушей, они были мастерами и верхнюю одежду шили. Хорошо помню, был какой-то транспортёр из брезента, вот этот транспортёр изношенный папа принес. Ингушка шила нам тапочки из этого брезента, мы были все же обутое как-то. Одежду, конечно, друг за другом носили. Из школы сестра приходила старшая, снимала с себя, одевала я и бежала в школу. Ни в чем не модничали, так, перелицовывали. Потом нам присылали посылки тети из трудармии, когда уже вернулись, в Подмоскovie жили, одна работала на швейной фабрике, она лоскуты нам присылала. И вот они из этих кусков нам шили красивые платья со всякими вставками. Помню, пошла я в первый класс, у меня была холщовая сумка сшитая, тетя мне вышила ветку на этой сумке и мои инициалы. И вот с этой холщовой сумкой я ходила четыре года» (Народ выходил, 2016).

Депортация чеченцев, февраль 1944 года. Воспоминания Марьям Мусаевой, записанные ее внучкой Миланой Мальцаговой (школа N 2, 10-й класс) ст. Наурская. «В Старых Атагах объявили, что чеченцев по приказу Сталина выселяют. Всех собрали, начали увозить из села. К нам пришли трое военных и спросили, есть ли взрослые. Я сказала, что жду маму и брата, они работают в Грозном на военном заводе. Военные сказали, что их не стоит ждать, они не придут, и начали мне помогать собирать кое-что, предложили взять с собой продукты, теплые вещи. Из продуктов оказалась кукурузная мука, из теплых вещей – мамино пальто и старая отцовская фуфайка. Я настояла и взяла швейную машину «Зингер», она дала возможность выжить в Казахстане. Приехали на подводе в Грозный. Я так надеялась здесь встретить своих – маму, брата. По 10-15 семей сажали в товарный вагон, а в каждой чеченской семье было по 6-7 детей. Целый месяц следовали к месту назначения. На станциях не останавливались, только на открытой местности – для того чтобы выдать умерших, где их хоронили, мы не знаем. Если и останавливались, то в тупиках, стояли сутками. Кормили кашей: одно ведро на всех. С нами в вагоне ехал дедушка, ему было 95 лет. Он очень опекал нас, детей, пытался успокоить, рассказывал, что нас ждет благодатный край, где растет кукуруза выше человеческого роста, коровы дают молока больше ведра. Старик не выдержал, умер по дороге. Открылась дверь вагона, поднялся молодой солдат, он весь дрожал от холода, его глаза были полны слез. Мне стало его так жалко, что я предложила ему отцовскую фуфайку. Дальше по пути, на остановках, солдат приносил вместе с ведром каши и буханку хлеба, спрятав ее за пазуху. Дорога была ужасной: голод, холод, болезни, но даже в этих условиях были люди, которые сострадали, сочувствовали, сердцем понимали несправедливость».

«11 марта 1944 года прибыли вместе с сестрами (самой маленькой было 9 месяцев) и маленьким братом (4 года) в Восточный Казахстан. Они никогда не видели столько снега – полтора метра. На санях их привезли в районный центр Предгорный». Тетя Залва вспоминала: «Стали спрашивать, кто мы, откуда, кто взрослые, кто родители. Я хорошо владела русским языком, рассказала, что мать и брат работали на военном заводе, отец на фронте. Показала последнее письмо, которое он прислал с фронта. Они задали нам и себе вопрос: За что вас выселили? Многие люди недоумевали. Логика жизни не укладывалась в выдумку о «чеченцах-бандитах». Пригласили уборщицу конторы. Затопили баню, искупали нас. Столько было вшей! Накормили молоком и хлебом. Утром вызвали председателя колхоза, нас устроили в колхозный детский сад. Обуть и одеть было нечего. Иногда к Иртышу приходилось бегать за водой по снегу босиком».

В 1945 году Марьям Мусаева прибыла на станцию Предгорная Восточного Казахстана. Ее обнаружили в одном из вагонов с углем и выкинули на ходу. Она искала своих шестерых детей, вывезенных из Чечни в далекий холодный край. Ее отправили в Южный Казахстан, детей – в Восточный. Год и шесть месяцев, день и ночь, металась она от одной станции к другой – с большим трудом удавалось упротить проводников – подсаживалась в вагоны с углем, без теплой одежды и куска хлеба. Вот что вспоминает ее дочь Залва: «От станции Предгорная до села Глубокое мама ночью прошла более 10 километров. Когда пришла, она услышала мелодию чеченской песни. Ее ноги сами понесли. Подошла к избушке, где мы остановились, заглянула в окно, у которого горела лампада, и узнала свою «бохча» (мешочек с швейными принадлежностями) и швейную машину «Зингер». Постучала и упала, дальше двигаться не было сил. К этому времени нас уже нашел отец, который приехал чуть раньше с фронта. Он услышал стук в окно, вышел – под окном лежит мама. Занесли в дом, ее невозможно было узнать: вся черная от угольной пыли».

Люди на новом месте отказывались строить жилье, сажать огороды, надеясь, что через неделю, месяц, год вернутся на кавказскую землю, что справедливость будет вот-вот восстановлена. Но прадедушка начал строить дом, посадил сад. Люди приходили, любовались, удивлялись. Такой положительный пример помог многим выжить в суровых условиях. Выращенные овощи и фрукты он раздавал больным и престарелым. Те, кто не хотел строить и сажать, приходили за семенами и саженцами, просто за советом... Цветущий уголок рядом с жильем напоминал изобильную кавказскую землю» (Мальцагова, 2014).

Депортация ингушей, февраль 1944 года. Воспоминания Мазиевой Ашат Ильясовны, 1931 года рождения, Карагандинская область, Осакаровский район, с. Тельманское. Нас переселили всей семьей, но отца с того времени мы не видели. Его куда-то увели 23 февраля, вытащили из дома полураздетого; спустя какое-то время нам сообщили, что его расстреляли. Мы жили в селе Экажево, Чечено-Ингушской АССР. В конце 1943 года к нам в село стали съезжаться представители НКВД, солдаты ходили в форме. По селу прошел слух о том, что готовится процесс депортации ингушей. Хотя все прекрасно знали, что в 1943 году депортировали карачаевцев, но все верили в лучшее и думали о том, что наш народ эта участь не постигнет. Но вот наступило 23 февраля 1944 года. Нам сказали собираться, что дают 24 часа на сборы. Мы начали плакать. Мама спрашивала, куда мы поедem. Ей очень грубо ответили, толкнули. Сказали, что поедете умирать с голоду, если доберетесь,

конечно. Мы стали в спешке собирать вещи. Набрали мешок кукурузы, муки, картошку, еще что-то уже не помню. Вещей побольше на себя надели. Старшая сестра помогала маме, собирала младших, они все хныкали. На следующий день пришли за нами. Сопротивления никто не оказывал: все боялись, что убьют. Мама нам так и сказала, чтоб как мыши себя вели. Мы видели, как женщина одна хотела убежать, ее мужчина в форме ударил, прям по лицу, она и упала на землю. На момент переселения нас было 7 человек в семье. Мама, ее звали Зульфия, нас детей в семье было 6. Самой старшей была сестра Элина 1930 года, после нее шла я, потом брат 1933 года, Газиз, после брата сестренка Хадижа 1937 года и самому младшему брату было всего 3 месяца, он 1943 года, его Гасар звали, он умер в дороге, от голоду. Помню, как мама плакала. Мама в дороге ничего не ела, у нее молоко и пропало. И умер малыш. Пришли конвойные обыскали вагон и выкинули его на обочину. Это не было редкостью тогда, с нами обращались как с животными. Для нашего народа постыдно не хоронить тела умерших, но обстоятельства вынудили.

После того как нас собрали всех в центре села, погрузили в грузовики, затолкали всех и отвезли на станцию, не помню, как она называется. Там нас распределили по вагонам, брата хотели в другой вагон посадить, но мама умоляла, чтоб он с нами поехал. В итоге она заплатила какие-то деньги. И брату разрешили ехать с нами в одном вагоне. Ехали мы дорогой очень сложно, вся вот эта вот дорога была без преувеличения сказать обсыпана трупами. Люди с голода умирали. И не давали, не только хоронить, но и даже попрощаться. Многие прятали в вагонах умерших. Проходил конвой обнаруживал, еще наказывал их, выбрасывали тела на ходу. Пищей, что захватили с собой, люди делились в вагоне, чтобы выжить, разрешали на остановках немного запастись дровами, углем, водичку давали, а с продуктами дело было сложно. Вот в таком ужасном положении нас везли к месту прибытия. Вот так я в свои 13 лет стала «врагом» народа. Нас привезли в Казахстан, в Карагандинскую область, Нуринский район, село Заречное. Местные жители приняли нас хорошо, благодаря им мы и выжили. Все готовы были поделиться куском хлеба. Они тоже не очень-то богато жили. Они жили даже хуже, чем мы у себя на родине. Первую зиму местное население принимали нас в своих домах. А потом летом уже строили жилье. Местное население жило в землянках. Нас всех отправили работать в колхоз, писали трудодни. Ничего нам не платили. Давали хлеб, похлебки какие-то. И все. Весной, правда, пожалели нас и дали корову и двух баранов. Вот этим и кормились. Корову доили. Стали огород сажать. А денег не было, средств к существованию не было тоже. Мы оказались в пустой степи. И если бы нас не приютили местные жители, то умерли бы все.

Привезенная обувь из Ингушетии не подходила по сезону и быстро сносилась. О покупки обуви не могло идти и речи. Поэтому приходилось делать обувь самим. Так же ходили в чунях. Их изготавливали следующим образом. Сначала снимали шкуру с ноги коровы и сушили её. Затем туда ставили ногу и вокруг неё пробивали дырки, которые связывали шнуром или проволокой. Вместо стелек клали солому и носили несколько сезонов. Или просто обматывали кусок шкуры вокруг ноги и спереди связывали веревкой. Потом начали стричь овец и из шерсти вязать носки, делать стельки. Женщины валяли кошму. Из бараньих шкур делали различные головные уборы, одежду, чтобы хоть как-то утеплиться. Хотя изначально дети сидели целый день дома

под кусками ткани, так как не было одежды. Женщины и мужчины носили мешки, в которых делались вырезы для рук и также для ног.

Все мы хотели кушать. Родители не подавали виду, как им было тяжело, глядеть на своих голодных детей. Перед отъездом в Казахстан мама набрала кукурузы в мешок, которую мы потом и ели. У нас уже было тепло тогда, все таяло, грязь была. При погрузке в вагоны все мы были грязные и от этого заводились вши. После прибытия в казахскую степь лица от холода и ветра покрывались болячками, которые долгое время не заживали и кровоточили. Лекарств обработать раны не было, да и речи об аптеке не могло и быть. Спустя время уже распространялся тиф по всей степи и люди умирали, как мухи. Помню, нас каждый день выгоняли на различные работы. И в один день семья ингушей не вышла на работу, оказалось, что они все умерли. Просто замерзли. Не было лекарств. Люди умирали как мухи. Целыми семьями от голода. А хоронить не могли. Ни лопат, ни ломов. В снег зарывали зимой, кого-то волки съедали. Вещи стирали и люди мылись при помощи золы и песка. А больше ничего и не было. У нас у всех были длинные волосы и у всех завелись вши. Помню, как голова чесалась.

Сажали огороды, картофель. Там, где мы находились, неплохо урожай картофеля собирали, капусту и другие овощи. Какие-то запасы зимние делали и т.д. Потом была возможность держать корову, кур и т.д.

Отправили нас в школу, а я русский язык вообще не знала, большая ходила, меня в первый класс посадили. Многие смеялись. Но учителя хорошие были. Все понимали. Время прошло, и мы постепенно начали учиться русскому языку. В семье мы разговаривали только на родном языке. Мы и на чужой земле продолжали свои религиозные традиции, читали намаз, держали уразу. Хотя за это строго наказывали, если узнают и посадить могли. Несмотря на то, что было очень тяжело, люди были намного лучше и добрей чем сейчас, человечнее. Спустя пару лет после депортации, после того как мы обжились, каждую неделю стали устраивали вечера с национальными танцами, на который собиралась ингушская молодежь. С каждой девушкой обязательно приходил или родной или двоюродный брат, это был настоящий отдых.

Мы прибыли в Казахстан, в Казахскую ССР, я должна это сказать, это не только мое мнение, а мнение подавляющего большинства моего народа, ингушского народа, что многим даже приедем, Казахстан стал второй родиной. А особенно тем, кто там родился, вырос, это вообще их родина. И мы с большой благодарностью, чувством братства, с чувством доброго желания относимся к казахскому народу. Эта земля, эта страна долгие годы, всю жизнь нас кормила, нас приютила, многое мы там набрали себе хорошего, доброго, поэтому мы с большой благодарностью, с братским чувством относимся и к Казахстану и казахскому народу (Интервью с Мазиевой, 2019).

**Заключение.** Данные фрагменты женских воспоминаний позволили отметить еще ряд некоторых общих закономерностей. Первая из них – это кажущаяся обыденность с которой женщины говорили о смерти, в том числе и близких людей. И эта обыденность, констатация множества смертей – не свидетельство черствости, а принятия неизбежности происходящего, примирения с ним. Психологи отмечают, что объективность потери, утраты сопровождается субъективной переработкой полученной трагической информации. Мысли, чувства и переживания людей, перенесших утрату, индивидуальны, уникальны и неповторимы. Психологи определяют горе как реакцию на утрату значимого объекта, утрату части собственной идентичности или ожидаемого будущего. Реакция утраты на смерть близкого человека может

проявляться эмоциональным шоком с оцепенением и «окаменелостью» или беспокойством, плачем, нарушением сна, аппетита, сужением сознания на психотравмирующих переживаниях, постоянными воспоминаниями об умершем, душевной тоской и т.п. Но депортированные женщины не могли бы выжить, а главное, спасти своих детей, семью, если бы не «окаменели», не «привыкли» к смерти. Как много в этих текстах фрагментов о смертях: «в первые месяцы умирало очень много людей, особенно детей»; «хоронили родных и близких в степи, не имея возможности поставить крест, не из чего было»; «я видела, как умирают близкие и родные мне люди», «помню, как брат умер по пути в Казахстан», «его не похоронили», «его кости остались на холодной, чужой земле», «у тети умер грудной ребенок», «зимой с голоду пухли», «он все равно умер», «люди умирали», «просто мор был», «зимой хоронить нельзя», «рыли трактором ров общей братской могилы», «выдать умерших», «где их хоронили, мы не знаем», «старик не выдержал, умер по дороге», «поедете умирать с голоду, если доберетесь», «он умер в дороге, от голоду», «умер малыш», «выкинули его на обочину», «постыдно не хоронить тела умерших», «вот эта вот дорога ...обсыпана трупами», «люди с голода умирали», «не давали хоронить», «прятали в вагонах умерших», «выбрасывали тела на ходу», «люди умирали, как мухи», «семья ингушей все умерли, просто замерзли», «целыми семьями от голода», «хоронить не могли», «в снег зарывали зимой, кого-то волки съедали». Эти фрагменты – свидетельство адаптации женщин к смерти, ее простой констатации. Возможно, это отношение позволяло перестать ее бояться, стать к ней равнодушным или понимать безысходность положения и, хотя бы таким образом сохранить силы (жизнь).

И параллельно сохранились воспоминания, наполненные огромным теплом и благодарностью, причем они характерны именно для народов, депортированных в Казахстан. И женщины, независимо от национальности и возраста (были они взрослыми в период депортации или детьми), говорят с огромной благодарностью о своем отношении к казахам и казахстанцам в целом: «переселенцев местные жители не обижали, наоборот, старались хоть чем-нибудь помочь», «относились дружелюбно», «дружили, поддерживали отношения», «хозяева, у которых мы жили, были очень добрые люди и пытались нам всячески помочь», «семья, у которой жили, никогда нас не обделяла», «помощь казахского населения, которые оказывали всяческую поддержку», «спасибо, что приняли и приютили нас немцев и не дали нам умереть с голоду местные жители», «семья стариков, у которых мы жили первый год, дали нам телогрейку теплую», «никогда не садился за стол без нас», «он старался дать нам какие-нибудь вещи, ведь мы были почти раздетыми», «люди в деревне относились к нам по-доброму», «люди не были агрессивными», «потом уже были все вместе, уже не разделялись, где казахи, где украинцы, где русские, где немцы», «общее горе, оно как-то сплачивало людей», «даже в этих условиях были люди, которые сострадали, сочувствовали, сердцем понимали несправедливость», «накормили молоком и хлебом», «местные жители приняли нас хорошо, благодаря им мы и выжили», «все готовы были поделиться куском хлеба», «местное население принимали нас в своих домах», «весной, правда, пожалели нас и дали корову и двух баранов» и т.д. И не случайно Казахстан стал второй родиной для многих народов, перенесших сталинские репрессии. Для большинства советских людей была характерна жертвенность и сострадательность, но особенность казахского народа, его гостеприимство, способность поделиться достарханом с ближним, изменила ментальность почти всех живущих в республике людей,

поэтому можно утверждать, что трагический путь депортированных народов, оказавшихся волею сталинских репрессий в Казахстане, хоть частично, но «скрашивался» добротой и гостеприимством казахов.

### Әдебиеттер тізімі / Список литературы

1. Бугай, 2004 - Бугай Н.Ф. Депортация народов // Война и общество, 1941-1945 книга вторая. М.: Наука, 2004 // Электронный ресурс. URL: [https://scepsis.net/library/id\\_1237.html](https://scepsis.net/library/id_1237.html) (дата обращения 3.03.2019).
2. Бугай, 1995 - Бугай Н.Ф. Л. Берия – И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». М., 1995. 323 с. // Электронный ресурс. URL: <https://ria.ru/society/20091114/193419498.html> (дата обращения 4.03.2019).
3. Гусейнов, 2008 - Гусейнов Г. Язык и травма освобождения/ Новое литературное обозрение. 2008. №94. С. 130-147// Электронный ресурс. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2008/94/gg14.html> (дата обращения 12.04.2019).
4. Гучинова, 2008 - Гучинова Э.Б. Язык травмы. Женские воспоминания о депортации калмыков и армян. 2008 // Электронный ресурс. URL: [http://www.elzabair.ru/cntnt/lmenu/vystupleni/yazyk\\_trav.html](http://www.elzabair.ru/cntnt/lmenu/vystupleni/yazyk_trav.html) (дата обращения 12.03.2019).
5. Депортированные, 1998 - Депортированные в Казахстан народы: время и судьбы. Алматы: Арыс-Казахстан, 1998. 428 с.
6. Из истории депортации, 2014 - Из истории депортаций. Казахстан. 1935-1939 гг. Сборник документов. Алматы: LEM, 2014. 740 с.
7. Интервью с Мазиевой Ашат Ильясовной, (1931 г.р.), жительницей Карагандинской области записано Майлыбаевой Д. в 2019 г.
8. Интервью с Фиттель Ирмой (1927 г.р.), жительницей Карагандинской области записано Майлыбаевой Д. в 2019 г.
9. Земсков, 2005 - Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930-1960. М.: Наука, 2005. 306 с.
10. Людтке, 1999 - Людтке А. «История повседневности» в Германии после 1989 года // Казус: индивидуальное и уникальное в истории. 1999. (вып. 2). М., 1999. С. 117-126.
11. Некрич, 1978 - Некрич А.М. Наказанные народы. Нью-Йорк, 1978. 173 с. // Электронный ресурс. URL: <http://padaread.com/?book=91936&pg=173> (дата обращения 21.01.2019).
12. Полян, 2001 - Полян П. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001. // Электронный ресурс. URL: <http://old.memo.ru/history/deport/> (дата обращения 21.07.2018).
13. Солженицын, 1989 - Солженицын А. Архипелаг ГУЛАГ. М.: Сов. писатель; Новый мир, 1989.
14. Сталинские, 2005 - Сталинские депортации. 1928-1953. Под общей редакцией академика А.Н.Яковлева. Составитель Н.Л.Поболь, П.М.Полян. Серия: Россия. XX век. Документы. М.: МФД, Материк, 2005. 904 с.
15. Народ выходил, 2016 - Народ выходил смотреть на нас: Фашистов везут. Краткая история этнических немцев в ГУЛАГе. Война / Медиазона. 16 ноября 2016 год // Электронный ресурс. URL: <https://zona.media/article/2016/16/11/deutsch-2> (дата обращения 21.03.2019).
16. Чемодан историй, 2017 - Чемодан историй. Что помнят народы о депортации в Казахстан. 1 мая 2017 год // Электронный ресурс. URL: <https://tengrinews.kz/article/520/> (дата обращения 3.04.2019).
17. Мальцагова, 2014 - Мальцагова М. «Бохча» моей бабушки. Семейные воспоминания о депортации 1944 – 1957. 23 февраля 2014 // Электронный ресурс. URL: <http://urokiistorii.ru/article/829> (дата обращения 13.04.2019)
18. Conquest, 1960 - Conquest R. Soviet Deportation of Nationalities. Macmillan, 1960. 203 p.

### References

- Bugaj, 2004 - Bugaj N.F. Deportaciya narodov // Vojna i obshchestvo, 1941-1945 kniga vtoraya. M.: Nauka, 2004 // Elektronnyj resurs. URL: [https://scepsis.net/library/id\\_1237.html](https://scepsis.net/library/id_1237.html) (data obrashcheniya 3.03.2019) (In Rus.)
- Bugaj, 1995 - Bugaj N.F. L. Beriya – I. Stalinu: «Soglasno Vashemu ukazaniyu...». M., 1995. 323 s. // Elektronnyj resurs. URL: <https://ria.ru/society/20091114/193419498.html> (data obrashcheniya 4.03.2019) (In Rus.)
- Gusejnov, 2008 - Gusejnov G. Yazyk i travma osvobozhdeniya/ Novoe literaturnoe obozrenie. 2008. №94. S. 130-147// Elektronnyj resurs. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2008/94/gg14.html> (data obrashcheniya 12.04.2019) (In Rus.)

- Guchinova, 2008 - Guchinova E-B. YAzyk travmy. ZHenskie vospominaniya o deportacii kalmykov i armyan. 2008 // Elektronnyj resurs. URL: [http://www.elzabair.ru/cntnt/lmenu/vystupleni/yazyk\\_trav.html](http://www.elzabair.ru/cntnt/lmenu/vystupleni/yazyk_trav.html) (data obrashcheniya 12.03.2019)(In Rus.)
- Deportirovannye, 1998 - Deportirovannye v Kazahstan narody: vremya i sud'by. Almaty: Arys-Kazahstan, 1998. 428 s.
- Iz istorii deportacii, 2014 - Iz istorii deportacij. Kazahstan. 1935-1939 gg. Sbornik dokumentov. Almaty: LEM, 2014. 740 s.(In Rus.)
- Interv'yu s Mazievoj Ashat Il'yasovnoj,(1931 g.r.), zhitel'nicej Karagandinskoj oblasti zapisano Majlybaev D. v 2019 g.(In Rus.)
- Interv'yu s Fittel' Irmoj (1927 g.r.), zhitel'nicej Karagandinskoj oblasti zapisano Majlybaev D. v 2019 g.(In Rus.)
- Zemskov, 2005 - Zemskov V.N. Specposelency v SSSR, 1930-1960. M.: Nauka, 2005. 306 s.(In Rus.)
- Lyudtke, 1999 - Lyudtke A. «Istoriya povsednevnosti» v Germanii posle 1989 goda // Kazus: individual'noe i unikal'noe v istorii. 1999. (vyp. 2). M., 1999. S. 117-126.(In Rus.)
- Nekrich, 1978 - Nekrich A.M. Nakazannye narody. N'yu-Jork, 1978. 173 s. // Elektronnyj resurs. URL: <http://padaread.com/?book=91936&pg=173>(data obrashcheniya 21.01.2019)(In Rus.)
- Polyan, 2001 - Polyan P. Ne po svoej vole... Istoriya i geografiya prinuditel'nyh migracij v SSSR. M., 2001. // Elektronnyj resurs. URL: <http://old.memo.ru/history/deport/> (data obrashcheniya 21.07.2018)(In Rus.)
- Solzhenicyn, 1989 - Solzhenicyn A. Arhipelag GULAG. M.: Sov. pisatel'; Novyj mir, 1989.(In Rus.)
- Stalinskie, 2005 - Stalinskie deportacii. 1928-1953. Pod obshchej redakciej akademika A.N.Yakovleva. Sostavitel' N.L.Pobol', P.M.Polyan. Seriya: Rossiya. XX vek. Dokumenty. M.: MFD, Materik, 2005. 904 s. (In Rus.)
- Narod vyhodil, 2016 - Narod vyhodil smotret' na nas: Fashistov vezut. Kratkaya istoriya etnicheskikh nemcev v GULAGe. Vojna / Mediazona. 16 noyabrya 2016 god // Elektronnyj resurs. URL: <https://zona.media/article/2016/16/11/deutsch-2> (data obrashcheniya 21.03.2019)(In Rus.)
- CHemodan istorij, 2017 - CHemodan istorij. CHto pomnyat narody o deportacii v Kazahstan. 1 maya 2017 god // Elektronnyj resurs.URL: <https://tengrinews.kz/article/520/> (data obrashcheniya 3.04.2019)(In Rus.)
- Mal'cagova, 2014 - Mal'cagova M. «Bohcha» moej babushki. Semejnye vospominaniya o deportacii 1944-1957. 23 fevralya 2014 //Elektronnyjresurs.URL: <http://urokiistorii.ru/article/829> (data obrashcheniya 13.04.2019)(In Russ.)
- Conquest, 1960 - ConquesR. Soviet Deportation of Nationalities. Macmillan, 1960. 203 p.



## Bolshevik elite of the Kazakh ASSR of 1920-1930s: the evolution of socio-political characteristics

DOI: 10.31551/2410-2725-2019-5-2-248-259

**Amanzholova Dina Akhmetzhanovna**

PhD in Historical Sciences, Professor, Leading Researcher of Institute of Russian History of RAS. Russian Federation. 117292, Moscow, st. Dmitry Ulyanov, 19. E-mail: amanzholova19@mail.ru

**Abstract.** The author analyzes some problems of the history of the activities of the international Bolshevik cadres of the Kazakh ASSR. They became the organizers of the Soviet statehood, and led large-scale socio-economic and political transformations of the 1920s and 1930s. The dynamics of some important socio-political qualities of the managerial class in the autonomous period of Soviet Kazakhstan is shown. Among the most important problems of the Bolshevik ethno-political elite was not only attracting the “old” intelligentsia to the side of Soviet power, which recognized the proposed program of nation-building.

In accordance with the requirements of the class approach, the representatives of the working people – the working class, in whose ranks there were very few Kazakhs – were impersonated, and the poorest peasantry, who were also difficult to classify in the general parameters of the RCP (b). Another difficulty was the low level of education and the lack of the necessary competencies to participate in management and state-building.

Objective circumstances led to a flexible and pragmatic approach by the authorities to the formation of the ethno-political elite of the KASSR, which included in the 1920s and 1930s. national cadres with pre-revolutionary experience and education were gradually replaced by nominees prepared and selected according to specially formulated criteria. In the 1920s, the main criteria for Bolshevism were devotion to the ideological and moral-political principles of the party, by the early 1930s. - efficiency, organization, discipline, perseverance and initiative in solving specific problems, especially economic ones. Strong supporters of the advantages of the ideology of communism and socialism as a society of social justice for all nations, they are overwhelmingly at the same time victims of the regime, in whose creation they took the most direct part.

**Keywords:** USSR, Kazakh ASSR, Bolshevism, national policy, ethno-political elite.

### 1920-1930 жылдардағы Қазақ АКСР-ның большевиктік элитасы: әлеуметтік-саяси сипаттамалардың эволюциясы

**Аманжолова Дина Ахметжанқызы**

тарих ғылымының докторы, профессор, Ресей Ғылым Академиясы Ресей тарихы институтының жетекші ғылыми қызметкері. Ресей Федерациясы. 117292, Мәскеу қ., Дмитрий Ульянов көшесі, 19 үй. E-mail: amanzholova19@mail.ru

**Аңдатпа.** Қазақ АКСР-ның интернационалистік большевик мамандарының қызметтері тарихының кейбір мәселелерін талдайды. Олар кеңес мемлекеттілігін қалыптастырып, 1920-1930 жылдардағы көлемді әлеуметтік – экономикалық және саяси қайта құруларды басқарды. Кеңестік Қазақстанның автономды кезеңіндегі басқармашыл тобының кейбір маңызды әлеуметтік-экономикалық сапасының динамикасы көрсетілген. Этносаяси элитаны большевиктендірудің маңызды мәселелерінің арасында «бұрынғы» зиялы қауым өкілдерін кеңес өкіметі жағына тарту ғана болған жоқ. Олар ұсынылған бағдарламаны ұлттық бағытта қабылдады. Таптық көзқарастың талаптарына сәйкес, билік еңбекшілер ретінде қатарында қазақтар аз болған жұмысшы табы және кедей шаруаларды қабылдау қажет еді. Кедей шаруалар БК(б)П-ның жалпы сипаттамасына сәйкес келмеді. Осы салада жергілікті халықтың мемлекеттік құрылым мен басқарудағы қажетті құзіреттіліктің болмауы және білім деңгейінің төмендігі тағы бір қиыншылықты тудырды. Объективті жағдайлар КАКСР-ның этносаяси элитасының қалыптасуына икемді және прагматикалық тәсілдерді қалыптастырып, құрамында 1920-1930 жылдары төңкеріске дейінгі тәжірибесі мен білімі бар ұлттық мамандар біртіндеп дайындалған және арнайы бағыттардағы мамандармен алмастырылды. 1920 жылдары большевизмнің басты критерийлері партияның идеялық және моралдық-саяси қағидаларына адалдық болса, 1930 жылдардың басында іскерлік, ұйымдастырушылық, тәртіптілік, табандылық және нақты, әсіресе, шаруашылықтың мәселелерді шешудегі бастамашылық маңызды рөл атқарды. Барлық халықтар үшін әлеуметтік әділетті қоғам ретіндегі коммунизм мен социализм идеологиясын сенімді жақтаушылар сонымен қатар, өздері құруға қатысқан режимнің құрбандары болды.

**Түйінді сөздер:** КСРО, Қазақ АКСР, большевизм, ұлттық саясат, этносаяси элита.



## **Большевистская элита Казахской АССР 1920-1930-х гг.: эволюция социально-политических характеристик**

**Аманжолова Дина Ахметжановна**

доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН. Российская Федерация. 117292, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19. E-mail: amanzholova19@mail.ru

**Аннотация.** Автор анализирует некоторые проблемы истории деятельности интернациональных большевистских кадров Казахской АССР. Они стали устроителями советской государственности, руководили масштабными социально-экономическими и политическими преобразованиями 1920-1930-х гг. Показана динамика некоторых важных социально-политических качеств управленческого класса в автономный период советского Казахстана. Среди наиболее важных проблем большевизации этнополитической элиты было не только привлечение на сторону советской власти «старой» интеллигенции, которая признала предложенную программу нациестроительства. В соответствии с требованиями классового подхода власть должна была олицетворять представители трудящихся – рабочего класса, в рядах которого казахов было крайне мало, и беднейшего крестьянства, также с трудом классифицируемого в общих параметрах РКП(б). Еще одну трудность составлял низкий уровень образования и отсутствие необходимых компетенций для участия в управлении и государственном строительстве. Объективные обстоятельства обусловили гибкий и прагматичный подход власти к формированию этнополитической элиты КАССР, в составе которой в 1920-1930-е гг. национальные кадры с дореволюционным опытом и образованием постепенно заменялись подготовленными и подобранными по специально сформулированным критериям выдвиженцами. В 1920-е годы главными критериями большевизма служили преданность идейным и морально-политическим принципам партии, к началу 1930-х гг. – деловитость, организованность, дисциплинированность, настойчивость и инициатива в решении конкретных задач, прежде всего хозяйственных. Убежденные сторонники преимуществ идеологии коммунизма и социализма как общества социальной справедливости для всех народов, они в подавляющем большинстве оказались в то же время жертвами режима, в создании которого приняли самое непосредственное участие.

**Ключевые слова:** СССР, Казахская АССР, большевизм, национальная политика, этнополитическая элита.

**УДК/UDC 94(47) (035.3)**

### **Большевистская элита Казахской АССР 1920-1930-х гг.: эволюция социально-политических характеристик**

*Д.А. Аманжолова*

**Введение.** Для становления в Казахстане советской автономии, как и во всем советском государстве, принципиальное значение имела радикальная смена критериев формирования политических элит и чиновничества в целом – как общегосударственного (РСФСР-СССР), так и регионального, в т.ч. в национальных республиках. Традиционность и социальные институты этнических общностей подверглись радикальной трансформации. Прежние модели взаимодействия структур управления (имперских и традиционных внутриэтнических) с различными группами населения были официально отвергнуты в политическом, идеологическом и культурно-ценностном смысле. Но ключевые их основы в латентном виде выполняли важнейшую миссию адаптации этноса к новым обстоятельствам жизнедеятельности. В то же время роль элиты решительно возросла в силу революционных преобразований всей социальной системы, в частности, основных структур и механизмов

государственного управления по сравнению с предшествующим периодом отечественной истории.

**Цель настоящей статьи** – проанализировать некоторые наиболее существенные свойства управленческой элиты Казахской АССР, в большинстве своем репрессированной в 1930-е гг. и затем реабилитированной. Важно выявить динамику определенных показателей большевистских кадров республиканского и регионального компонентов устроителей советской государственности, основы которой стали прочным фундаментом дальнейшего развития социально-политической системы, управленческой культуры и модели взаимодействия власти и общества, внутриэлитных отношений.

**Содержание.** Большевизация национальных кадров происходила одновременно со становлением советской политической системы и была ее неперенным условием. При этом большевизация как количественное увеличение членов РКП(б) в органах власти (советах), что было одним из решающих условий победы перед октябрём 1917 года, не могла использоваться в национальных регионах, в т.ч. в Казахстане, в силу простого, но драматического по своей сути отсутствия хотя бы минимальной доли казахов-коммунистов. Речь шла не о насыщении ими советов, а о поиске, приеме в партию и включении в состав руководства автономии всех отвечающих минимальному набору требований. В результате национальная политика как неотъемлемая часть курса на строительство социализма в числе важнейших компонентов имела привлечение на сторону большевиков всех сколько-нибудь лояльных представителей образованной части этносообществ, прежде всего для организации управления и социально-экономической модернизации. Одновременно формировалась новая когорта управленцев из представителей трудящихся (пролетариата и беднейшего крестьянства), воплощавших на деле принципы социальной справедливости, уничтожения эксплуатации и национального равенства.

Укрепляя власть, большевики активно и целенаправленно искали и апробировали разные средства, в т.ч. включение в руководящий состав деятелей, испытанных партийной историей и хотя бы минимально знакомых с этнокультурной спецификой региона. Они должны были обеспечивать большевизацию элиты на месте и «помогать» националам верно действовать в рамках заданной парадигмы строительства социализма, олицетворяя курс на самоопределение и равенство народов. В отношении профессионализма, опыта и практики ведения государственных дел, а также морально-психологической готовности центральной и местной – этнополитической – бюрократии следует отметить следующее. Лидеры советского государства и присланные из центра руководители не могли не видеть сложность стоявших перед ними задач. Однако они во многом оказались заложниками идеологии, которой преданно (одни искренне, другие – нет) служили, и которая лишь в очень общем виде отвечала на конкретные вопросы жизни. В «ловушку» национальной государственности попали и большевики, и националы. Правда, одни стремились использовать ее как средство для утверждения классовой справедливости, а другие уповали на нее как на универсальное лекарство в лечении всех болячек этносоциального организма. Ни то, ни другое не могло быть осуществлено исключительно административными и политическими инструментами, которым тогда отдавалось наибольшее предпочтение.

Неизбежное привлечение большевиками национальной элиты для решения многочисленных хозяйственных, политических и культурных проблем породило серьезные коллизии в отношениях власти и интеллигенции,

самой элиты и масс, внутри малочисленной когорты национальных деятелей во властных структурах. В октябре 1920 г. И.В. Сталин писал по этому поводу: «Одной из серьезных преград по пути к осуществлению советской автономии является большой недостаток интеллигентных сил местного происхождения на окраинах, недостаток инструкторов по всем без исключения отраслям советской и партийной работы. Недостаток этот не может не тормозить как просветительную, так и революционно-строительную работу на окраинах. Но именно поэтому было бы неразумно, вредно для дела отталкивать от себя эти и так малочисленные группы местных интеллигентов...» (Сталин, 1951:360-361).

X съезд РКП(б) в резолюции по национальному вопросу признал необходимым «умелое и организованное использование в советской работе на восточных окраинах всех честных и доказавших свою преданность Советской власти элементов национальной интеллигенции ранее угнетенных народов». Требовались «местные» люди, «знающие быт и психологию местного населения» (Об очередных задачах партии, 1933:583, 579). Основными критериями большевизации этноэлиты на этом этапе стало доказательство преданности советской власти, включавшее участие в ее утверждении в крае и признание программы РКП(б). Это, очевидно, рассматривалось как проявление честности, а знание национальной специфики оказалось решающим преимуществом, заставляя центр мириться с другими, менее привлекательными или настораживающими качествами. На деле поначалу в состав элиты вводились «бывшие», признавшие новую власть не по убеждению, а под давлением обстоятельств и в расчете на сохранение руководящей роли.

30 апреля 1920 г. было создано Киргизское (Казахское) облбюро РКП(б) в составе: С.С.Пестковский, А.Т.Джангильдин, А.Айтиев, С.Д.Арганчеев, М.М. Мурзагалиев, А.М.Алибеков. В августе Политбюро ЦК партии утвердило новый состав Кирпартбюро: В.Радус-Зенькович (до его приезда оставался Пестковский), А.Д.Авдеев, Ал.Коростелев, А.Г.Кулаков, И.Акулов, А.Джангильдин, М.Мурзагалиев, С.Арганчеев, С.Мендешев (Протоколы, 1935:37). Алашординцы по инициативе и под контролем власти включились в создание автономии. А.Ермеков возглавил представительство края в Москве, Х.Габбасов был уполномоченным КирВРК при СибВРК, Б.Сарсенев – сотрудником краевой комиссии по созыву учредительного съезда, В.Таначев – завподотделом законодательных предположений и А.Кенжин – заввнешкольным отделом КирВРК. В советских органах в начале 1920-х гг. работали И.Омаров, К.Таттибаев, И.Торегулов, С.Дошанов, А.Козбагаров, С.Кадирбаев, А.Акпаев. Непосредственное участие в подготовке учредительного съезда КАССР, сборе историко-статистических, экономических, этнографических и картографических данных и материалов для определения границ автономии, в обсуждениях во ВЦИКе и его комиссиях приняли Байтурсынов, Ермеков, Габбасов, Алибеков и др.

Но взаимного доверия между «старой» элитой и новой властью не было. У многих «бывших» очень скоро оптимизм по поводу реализации автономистского соблазна сменился совсем другими, тяжелыми чувствами. Уже 17 мая 1920 г. во многом в связи со скандальным разбирательством в апреле в КирВРК по поводу Т.И.Седельникова, когда и он был «призван к порядку», Байтурсынов в письме В.И.Ленину подчеркивал: взаимное недоверие между представителями центра и населением, в русско-казахских отношениях на всех уровнях можно преодолеть лишь с помощью

интеллигенции, которая «ни за какие личные блага и выгоды» сознательно не продаст своего народа, но так же, как и он, является жертвой взаимных подозрений и настороженности. Он обратил внимание на расторопность озабоченных личным успехом и благополучием дельцов: «В настоящее время всякий встречный называет себя коммунистом. Не приглядевшись к ним поближе, подумаешь, что совершилось чудо – все превратились в коммунистов. Но чудеса бывают в сказках, ...коммунизм у многих не простирается дальше ярлычка». Настоящие идейные коммунисты и столь же идейные националы, не обремененные погоней за властью и личным благополучием, – их союз в управлении он считал единственным условием практического осуществления автономии (Движение Алаш, 2007:63, 59-61). Как признавал Радус-Зенькович, «в наследие отношения к Кирревкому бюро досталось недоверие, стремление оренбургской организации заменить диктатуру пролетариата своей собственной диктатурой» (Протоколы, 1935:38).

Нравственные и психологические качества играли тогда решающую роль в оценке способностей и пригодности, включавшихся в руководство – и для националов, и для «европейцев». Заведующий отделом печати Казкрайкома и редактор газеты «Енбекши казах» Г.Тогжанов прямо приравнивал честную и коммунистическую казахскую молодежь (Лекеров, 1936:76). Примерка советских стандартов лояльности для алашординцев оказалась неудачной. Они не смогли продиктовать свои условия большевистскому «портному», и лишь немногие, да и то на непродолжительное время, с напряжением втиснули свои оригинальные и самодостаточные характеры в жесткие рамки предписаний власти. Она же, в свою очередь, еще не могла отказаться от услуг ненадежных интеллигентов. Более того, этнокультурное своеобразие и разнообразие не только элиты, но и в целом национальных общностей бывшей империи вынуждало «портного» так или иначе модифицировать лекала, по которым выполнялись социально-инженерные проекты в автономиях. На III съезде советов (1922) сторонники Алаш были повержены – все руководящие посты заняли не замеченные в связях с ними опытные и молодые националы. И алашская элита, и посланцы центра в непосредственном взаимодействии испытывали разочарование, сталкиваясь с далекой от идеальных деклараций реальностью, где требовалось не только преодолевать очевидные соблазны присвоения или перераспределения скудных ресурсов жизнеобеспечения, но и решать самые разные практические задачи управления не только прямым администрированием, но и путем кажущихся априори невозможными компромиссов.

Назначение партийцев на должности как система утверждается в 1923 г. постановлением Оргбюро ЦК «О назначениях». В Казахстане система иерархизации руководящих кадров была создана в 1922 г. в связи с дефицитом кадров, неразберихой и недисциплинированностью назначенцев, попытками разных звеньев аппарата «всякими правдами и неправдами» задержать работников. Партийными руководителями Казахстана за 1920-1925гг. побывали 6 человек (весной 1924г. и.о. секретаря Киробкома был также Г.М.Дунаев), среди них 1 казах М. Мурзагалиев – лишь полгода. С середины 1925г. в высшей инстанции произошла стабилизация, что показательно с учетом общей динамики государственного развития. Кирбюро ЦК партии, стоявшее над обкомом (апрель 1922 – октябрь 1924), возглавил сначала В.Г.Юдовский, но вскоре сменил ответсекретарь обкома Г.А.Коростелев. В него входили председатель КирСТО А.И.Вайнштейн, председатель КирЦИК С.М.Мендешев и председатель КирЭКОСО и заместитель главы

правительства В.И.Вельман. За июнь 1921 – февраль 1925гг. первыми, или ответственными, секретарями Киробкома партии побывали М.М.Мурзагалиев, М.М.Костеловская, Г.А.Коростелев, В.И.Нанейшвили. Пост 2-го секретаря в феврале 1922г. получил А.М.Асылбеков, но через год на эту должность никого не избрали, а еще через год ее восстановили, избрав И.М.Курамысова. В декабре 1925г. его сменил У.Д.Исаев (до 1929). Н.И.Ежов часто позиционировался как 3-й секретарь крайкома, хотя официально такой должности не было, и в 1925-1926 гг. он был заместителем ответсекретаря. В первый состав ОКК (создана в 1921) вошли Г.И.Данилов, М.Левитин, Г.К.Шамигулов и кандидатами П.М.Челышев и П.Г.Калашников. До середины 1920-х гг. комиссию возглавляли Г.И.Данилов, М.И.Озол и Н.И.Панин (с января 1922 А.Жиханов, с мая 1922 по февраль 1923 М.Я.Яковлев) (Коммунистическая партия Казахстана, 1990:64, 33-36). Таким образом, в составе высшей партийной элиты в первой половине 1920-х гг. было 5 казахов и 20 представителей других национальностей.

На 3-й республиканской партконференции в 1922 г. в состав обкома были избраны 11 руководителей: Г.Коростелев, С.Мендешев, Н.Нурмаков, М.Атаниязов, А.Уразбаева, М.Саматов, Байсалыков, Г.М.Дунаев, М.Д.Леонинок, П.Б.Журевский, И.Каширин. Кандидатами стали Н.Е.Мутнов, С.Сейфуллин, А.Джангильдин, Григорьев, Чернядьев. В состав ОблКК вошли членами Яковлев, М.И.Озол, Абрамович; кандидатами С.С.Пилявский, Г.Данилов. В Ревкомиссию были избраны Бочагов, А.Алибеков, Н.Г.Паниев; кандидатами Троцкий, Кармеманов. При этом почти все назначенцы Москвы до того вообще не имели отношения к региону (редкие исключения – И.А.Акулов и Г.А.Коростелев, работавшие в Оренбурге, и Голощекин, имевший небольшой и не вполне удачный опыт общения с мусульманами в Башкирии и Туркестане), и не знали казахского языка. В составе Президиума Киробкома и бюро Казкрайкома партии в 1921 г. казахов было 2 из 7, в 1922 – 5 из 7, в 1923 – 2 из 5, в мае 1924 – 4 из 9, в сентябре 1924 – 3 из 6, в декабре 1925 – 10 из 14; ноябре 1927г. – 11 из 19. В мае 1924 г. в составе Киробкома было 10 казахов и 9 русских (2 секретаря - русский и казах), из них 12 с мест, в т.ч. секретари всех губкомов. 31 % членов обкома составляли рабочие, казахи – 53. Структура местных органов партии также пережила немало реорганизаций (Коммунистическая партия Казахстана, 1990: 64, 34-37, 278-283)<sup>1</sup>. Каждый ответработник на большинстве уровней системы управления в силу острого дефицита кадров совмещал, как правило, несколько должностей.

Основные характеристики утвержденных бюро Крайкома ВКП(б) в середине января 1926 г. руководителей губернских парторганов представлены в таблице (Филиппов, 2016: с.40-43). Судя по датам жизни, все они были репрессированы.

---

<sup>1</sup>Российский Государственный Архив социально-политической истории (РГАСПИ)Ф.17.О.31.Д.24.Л.1.

«Список секретарей Г.К. и О.К. Казахстана»

№ п/п	Название организации	Фамилия, ИО	партстаж	Соц.положение	Образ-е	Нац-ть	Состояние в др.партиях	Посл.должность до вступления в секр.
1	Акмолинский ГК	Лошиков И.В.	1917 март	рабочий	низшее	русский	нет	заворг Курского ГК
2	Актюбинский ГК	Беккер Исаак Моисеевич (1898-1937)	1914	рабочий	низшее	еврей	с.-бывший р.	слушатель ФОНа Москва
3	Джетысуйский ГК	Барибаев Джуваныш (1898-1927)	1918	Служащий (из крестьян)	среднее	Киргиз (казах)	нет	замзаворг Джетысуйского ГК
4	Сыр-Дарьинский ГК	Фомин Василий Кузьмич (1896-1938)	1917	рабочий	среднее	русский	нет	сл. соц. Академии
5	Кустанайский ГК	Азволинский Я. П.	1917	инт.	среднее	еврей	нет	заворг Кустанайского ГК
6	Кара-Калпакский ОК	Кудабаев АбуЕржанович(1899-1937)	1918	крестьянин	низшее	каракалпак	нет	пред.обл. исполкома Кара-Калпакской области
7	Семипалатинский ГК	Рябоконе Владимир Иванович (1898-1938)	1917	служащий	среднее	русский	с.-д.	сл. Свердл. ун-та

Через 10 лет, в конце автономного периода истории советского Казахстана, его региональную элиту, также вскоре репрессированную, представляет следующая таблица (Филиппов, 2016:40-43).

Список первых секретарей обкомов ВКП(б) КАССР.1936 г.

№ п/п	Область	ФИО	Партстаж	Соц.положение	образование	Национальность	Время работы в должности	Состояние в др.партиях	Посл.должность до вступления в секр.
1	Актюбинская	Досов Абулхаир Исакович (1899-1938)	Июнь 1917	Из семьи бедняка	высшее начальное училище г.Омск, 1917	казах	Февраль 1934 – август 1936		
2	Актюбинская	Мусин Айтмуха Мет (1899-1938)	Декабрь 1925	Из семьи середняка	комвуз им. Свердлова, Москва, 1930	казах	Август 1936 – октябрь 1937		
3	Алма-Атинская	Киселев Андрей Дмитриевич (1895-1938)	Ноябрь 1917	Из семьи бедняка	комвуз им. Зиновьева, Петроград, 1924	русский	Сентябрь 1934 – апрель 1937		
4	Восточно-Казахстанская	Свердлов Саул Маркович (1902-1938)	Октябрь 1919	Из семьи ремесленника	2 курса ФОН МГУ	еврей	Сентябрь 1934 – февраль 1938		
5	Западно-Казахстанская	Курамысов Измухан Мукашевич (1896-1938)	Январь 1921	Из семьи бедняка	Мес. курсы рук. партработников при ЦК ВКП(б), 1930	казах	Март 1934 – апрель 1937		
6	Карагандинская	Аммосов Максим Кирович (1897-1938)	Март 1917	Из семьи середняка	2 курса философского отделения ИКП, Москва, 1932	якут	Март 1934 – август 1936		
7	Карагандинская	Пинхасик Гдалий Исаакович (1897-1951)	Январь 1918	из семьи маляра-живописца	мужская гимназия, Чита, 1917	еврей	Август 1936 – май 1938		
8	Кустанайская	Саакян Артавазд Александрович (1895-1939)	Сентябрь 1917	Из семьи середняка	не окончил аграрное отделение ИКП, Москва	армянин	Август 1936 – апрель 1937		

9	Северо-Казахстанская	Аммосов Максим Кирович (1897-1938)	Март 1917		2 курса философского отделения ИКП, Москва, 1932	якут	Август 1936 – март 1937		
10	Южно-Казахстанская	Лазарев Василий Никифорович (1893-1968)	Ноябрь 1917	Из семьи рабочего-сапожника	2-годичные курсы м.-л., Москва, 1929	русский	Октябрь 1933 - август 1936		
11	Южно-Казахстанская	Досов Абулхаир Исакович (1899-1938)	Июнь 1917	Из семьи бедняка	высшее начальное училище г.Омск	казах	Август 1936 – ноябрь 1937		

В 1920-1921 гг. секретари парторганизаций областей и губерний менялись, шло преобразование органов власти от ревкомов к собственно партийным комитетам. Адаевский уезд имел права губернии. В итоге в 1920-1921 гг. среди партийных руководителей 10 регионов казахов было 3 (3 латыша и 2 украинца, 1 еврей, 19 русских). В 1926 г. лишь 1 из 7 представлял титульный этнос (3 русских, 2 еврея и 1 каракалпак). В 1936г. состав руководителей областных парторганов оставался интернациональным: казахов было 3 из 8, причем один из них (Досов А.И.) в 1936 г. последовательно возглавлял два обкома, русских – 2, евреев – 2, 1 армянин и 1 якут. Малоудовлетворительным был качественный состав управленцев. На 1-й Семипалатинской губернской партконференции в январе 1921 г., например, из 140 делегатов высшее образование имели 3, среднее - 22; русских было 118, евреев – 5, украинцев 6, латышей – 3, по 1 казаху, татарину, эстонцу, чувашу, мордвину, немцу и «мадьяру». Партстаж до 6 мес. и до 2 лет имели по 32 чел., до 1 года – 29, до 3 лет – 16, до 4 – 21. В президиуме губкома РКП(б) казахов не было (Филиппов, 2016:40-43; Номенклатурные кадры, 2016)<sup>2</sup>.

Итак, этнический состав в течение всего времени оставался смешанным, а представители титульного этноса были стабильным меньшинством. По партийному стажу все время преобладали вступившие в 1917-1920 гг., причем если на время создания КАССР с дореволюционным стажем в регионах было 5 партийных лидеров, в 1926г. – 1, то к 1936 г. их уже не осталось. Социальное положение у всех было классово выдержанным, по образованию в 1920-1921 гг. 13 секретарей из 25 имели среднее образование, 12 – начальное; в 1926 г. среднее образование имели 4, низшее – 3; в 1936 среднее образование имели 2 из 10 секретарей, неоконченное и полное в партийных учебных заведениях – 7. При этом в начале 1920-х гг. все 3 казаха-секретаря имели школьное среднее образование, а также в 1926 г. единственный казах. На 1936 год из трех казахов имел среднее школьное образование 1, закончил одномесечные курсы руководящих парработников 1, коммунистический вуз - 1. Заметим: 11 октября 1924г. на заседании, посвященном размежеванию Средней Азии,

<sup>2</sup> Степная правда (Семипалатинск). 1921. 30 января, 4 февраля.



Политбюро признало «нецелесообразным в настоящее время переименование Киргизской организации РКП в Киргизскую Коммунистическую партию»<sup>3</sup>.

На II пленуме Казкрайкома партии 30 апреля 1926г. Ф.И.Голощекин заявил, что бюрократический аппарат получает «много денег» и предложил «сыскать чисто общественные, партийные силы, которые бы работали не за деньги, а ради организации бедноты»<sup>4</sup>. По его признанию, «целый ряд краевых учреждений нам не поддается руководством... в Крайком идут тогда, когда им очень нужна помощь в поддержке перед центром или при спорах между ведомствами... Несколько неблагополучно обстоит и с руководством Совнаркома и Казцика. Тут мы как будто еще не уловили метод и подход к правильному руководству. Мы не стремимся к мелочному вмешательству, но кое-что нужно исправить: оказывается, что очень значительные и серьезные вопросы, я не говорю, правильно они решаются или нет, возможно, что в большинстве правильно, но они обходятся без партийного руководства» (Очередные задачи ВКП(б) в Казакстане, 1926:8).

1920-1930-е годы стали решающими в формировании нового класса управленцев в национальных республиках. Поначалу власть вынуждена была привлекать в аппарат власти и управления интеллигенцию с дореволюционным образованием и политическим багажом, используя ее специальные знания, профессиональный опыт и умение работать в этнокультурных средах. Однако по мере вовлечения в управленческий аппарат выдвиженцев «из народа», которые воплощали принципы диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства, старые кадры с классическим образованием активно вытеснялись, а затем и репрессировались.

С 1933 до конца 1934 гг. по решению ЦК и ЦКК ВКП(б) проходила чистка с целью избавления от «примазавшихся» классовых чуждых и враждебных элементов, т.н. «двурушников», нарушителей партийной и государственной дисциплины (в условиях модернизаторской гонки найти их было нетрудно), «перерожденцев», сросшихся с буржуазным элементом, карьеристов и шкурников, морально разложившихся и обюрократившихся. Т.о., перечень требований к управленцу был чрезвычайно широк, а их абсолютное выполнение должно было сформировать безграничную преданность директивам партии и соответствующий деловой стиль. Особенно резко критиковалось т.н. примиренчество ко всему «вредному» для победы социализма, мелкобуржуазные предрассудки и навыки в отношении к государственно-общественному имуществу, в быту (Голощекин, 1933:16-17). Голощекин в 1932 г. подверг критике «нытиков», все препятствия предложив преодолеть боевым оружием «6 условий тов. Сталина». На первое место выдвигалась персональная ответственность и проверка исполнения. «Плановость, точность, четкость и дисциплина. Слабо с этим, черт побери!» - сетовал он (Голощекин, 1933:37).

В 1935 г. после XVII съезда ВКП(б) в ходе проверки и обмена партдокументов 21,5% (15,5 тыс.) из 60836 членов и кандидатов в члены партии были исключены, переведены в кандидаты или выбыли. Элита оказалась под очередным ударом, резко снижавшим мотивацию к управленческой профессии, вносящим еще большее напряжение в организацию власти. 2 апреля 1936 г. ЦК ВКП(б) подверг критике «механическое отсеивание» коммунистов и подмену воспитания администрированием. Начался обратный процесс: почти 33 тыс. были

<sup>3</sup> РГАСПИ. Ф.17. Оп.163. Д.455. Л.9.

<sup>4</sup> РГАСПИ. Ф.17. Оп.69. Д.61. Л.9-10.

восстановлены в партии (Коммунистическая партия Казахстана, 1990, с.68-69). При этом доля казахов в парторганизации последовательно росла: в 1922 г. (с учетом Джетысуйской и Сыр-Дарьинской губерний) - 21,2%, на 1 января 1925 – 29,2%, на 1 января 1930 – 42,1%, на 1 января 1937 – 48,8% (Коммунистическая партия Казахстана в документах и цифрах, 1960:91-92, 98, 171, 206). За 1935-1937гг. по политическим мотивам из составов бюро райкомов партии было исключено 72,7% общей численности, бюро обкомов партии – 88,9%. В 1937 г. 50% всех партийцев была грамотной, но не имела даже начального образования, а 2,4% были вообще неграмотны. (Коммунистическая партия Казахстана, 1990:74, 101).

Смена поколений партийной элиты в национальных регионах проводилась на основе общих установок. В целом административный аппарат в его высшем звене сразу складывался как многонациональный. В КАССР т.н. «европейцы» с дореволюционным партстажем и неплохим образованием не всегда хорошо понимали этнокультурный контекст управленческой миссии, но к концу 1920-х гг. в целом справились с наиболее тяжелыми внутриэлитными противоречиями, в т.ч. меж- и внутриэтнического свойства, в «подведомственном» аппарате. Однако печать «русификаторов», несмотря на далеко не всегда русское происхождение, подрывала их позиции. В 1920-е годы главными критериями большевизма служили преданность идейным и морально-политическим принципам партии, к началу 1930-х гг. - деловитость, организованность, дисциплинированность, настойчивость и инициатива в решении конкретных задач, прежде всего хозяйственных.

Карьеристы-националы, выдвинувшиеся в 1920-е гг. и особенно ярко обнаружившие собственный инструментарий большевистской идентификации на фоне национального размежевания и других социально-политических трансформаций, не могли олицетворять нерушимое единство партии и незапятнанную верность вождю, к концу автономистского периода были оттеснены, а затем репрессированы. Повсеместное усиление централизации с конца 1920-х гг., шлифовка методов формирования номенклатуры и репрессии привели к определенной стабилизации и временной «внутренней эмиграции» части националов, уже не воспринимавшихся отдельно от системы. Была выстроена практика идейно-политической подготовки и карьерного роста управленца, когда на каждом этапе и в каждом звене при их неразрывной взаимной увязке он систематически проходил серьезную проверку на идеологическую «чистоту», ответственность, умение подчинять личные цели интересам дела партии, организаторские навыки и т.д.

#### Әдебиеттер тізімі / Список литературы

1. Голощекин, 1933 - Голощекин Ф.И. На пороге второй пятилетки. Речь на V пленуме Казкрайкома ВКП(б) 16 декабря 1932 г. Алма-Ата, 1933.
2. Движение, 2007 - Движение Алаш. Апрель 1920–1928 гг. Сб. документов и материалов. Т. 3. Кн. 1. Алматы, 2007.
3. Коммунистическая, 1960 - Коммунистическая партия Казахстана в документах и цифрах. Сб. документов и стат. материалов о росте и регулировании состава партийной организации. Алма-Ата, 1960.
4. Коммунистическая, 1990 - Коммунистическая партия Казахстана: организационно-политическое развитие. Справочник. Алма-Ата, 1990.
5. Лекеров, 1936 - Лекеров А. Борьба партийной организации Казахстана с уклонами и группировками в восстановительный период и при переходе к реконструктивному периоду // Из истории партийного строительства в Казахстане. Сб. статей и материалов. Алма-Ата: Казкрайиздат, 1936.

6. Номенклатурные, 2016 - Номенклатурные кадры Советского Казахстана. Часть 1 (1919-1936 гг.). Алматы, 2016.
7. Об очередных, 1933 - Об очередных задачах партии в национальном вопросе. Резолюция // Протоколы X съезда РКП(б). М., 1933.
8. Очередные, 1926 - Очередные задачи ВКП(б) в Казахстане. Доклад т. Голощекина второму пленуму Казахского Краевого Комитета 30 апреля 1926 г. Кзыл-Орда, 1926.
9. Протоколы, 1935 - Протоколы Первой областной киргизской конференции РКП(б). Алма-Ата, 1935.
10. Сталин, 1951 - Сталин И.В. Сочинения. Т.4. М.: Госполитиздат, 1951.
11. Филиппов, 2016 - Филиппов С.Г. Территориальные руководители ВКП(б) в 1934-1939 гг.: справочник. М., 2016.

### References

- Goloschekin 1933 – Goloschekin F.I. Na poroge vtoroy pyatiletki. Rech na V plenumе Kazkraykoma VKP(b) 16 dekabrya 1932 g. Alma-Ata, 1933. (in Rus.)
- Dvizheniye Alash 2007 - Dvizheniye Alash. Aprel 1920-1928 gg. Sb.dokumentov i materialov. T.3. Kn.1. Almatu, 2007.
- Kommunisticheskaya partiya Kazakhstana v dokumentakh i tsifrakh 1960 - Kommunisticheskaya partiya Kazakhstana v dokumentov i tsifrakh. Sb.dokumentov i stat. materialov o roste i regulirovaniy sostava partijnoj organizatsii. Alma-Ata, 1960. (in Rus.)
- Kommunisticheskaya partiya Kazakhstana 1990 - Kommunisticheskaya partiya Kazakhstana: organizatsionno-politicheskoe razvitie. Spravochnik. Alma-Ata, 1990.(in Rus.)
- Lekero 1936 - Lekero A. Borba partijnoj organizatsii Kazakhstana s ukloami i gruppirovkami v vosstanovitel'nyy period i pri perekhode k rekonstruktivnomu period // Iz istorii partiynogo stroitel'stva v Kazakhstane. Sb. statei i materialov. Alma-Ata: Kazkraiizdat, 1936. (in Rus.)
- Nomenklatirnye kadru 2016 - Nomenklatirnye kadru Sovetskogo Советского Казахстана. Chast 1 (1919-1936 gg.). Almatu, 2016. (in Rus.)
- Ob ocherednykh zadachakh 1933 - Ob ocherednykh zadachakh partii v nacional'nom voprose. Rezolutsiya // Protokolu X syezda RKP(b). M., 1933.(in Rus.)
- Ocherednye zadachi VKP(b) v Kazakhstane 1926 - Ocherednye zadachi VKP(b) v Kazakhstane. Doklad t.Goloschekina vtoromu plenumu Kazakskogo Kraevogo Komiteta 30 aprelya 1926 g. Kzul-Orda, 1926.(in Rus.)
- Protokolu 1935 - Protokolu Pervoi oblastnoi kirgizskoi konferentsii RKP(b). Alma-Ata, 1935.(in Rus.)
- Stalin 1951 – Stalin I.V. Sochineniya. T.4. M.: Gospolitizdat, 1951.[in Rus.]
- Filippov, 2016 - Filippov S.G. Territorial'nye rukovoditeli VKP(b) v 1934-1939 gg.: spravochnik. M., 2016.(in Rus.)

## Federalism of the Turkic elites in the modernist and Bolshevik schemes

DOI: 10.31551/2410-2725-2019-5-2-260-279

### Krasovitskaya Tamara Yusufovna

Chief Researcher, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Russian Federation. Moscow, 117036, Dmitry Ulyanov Street, 19, Doctor of Historical Sciences, Professor. E-mail: tkrasovitskaya@mail.ru

**Abstract.** The author considers two versions of the Westernist progressive modernist paradigm of nationalism and internationalism. The evolution of federalism in the face of the ideological battles of the Bolshevik Party against opposition opponents. The content of the research is based on the documents first introduced into scientific circulation, which made it possible to analyze the projects of the federal structure of the Turkic ethnic groups in the RSFSR state mechanism. The article draws attention to the national elite, which determined the need to modernize the form of life, to intensify intercultural interactions, while preserving the local cultural identity of peoples. Taking into account the imperial policy and the attitude of the national suburbs to it, the author assessed the political activities of their political leaders, showed the motives of their actions in building autonomist projects, and attempts to preserve the independence of the ethnic group.

The author paid special attention to the Turkic and autonomist projects, showed their connection with the "Orientalist" dichotomy "East - West", with the political and ideological discourse of the intellectual and cultural position of the Bolsheviks. The article discusses the specifics of projects of individual elites of the Turkic language group, their use by I. Stalin in the process of building the structure of his commissariat. The position of I. Stalin, who perceived federalism in the schemes of Bolshevism and was guided not by the real democratization of power, but by "overcoming national oppression", is demonstrated. I. Stalin's rejection of Turkic independence predetermined repression of the national elite.

Comparison and comparative analysis of the political platform of ethnic leaders showed their significant differences in the level of not only education, but also the presence of political experience, which meant the vagueness of their federalist projects. The author touched upon the autonomist project of the Kazakh national elite led by A. Bukeikhanov and M. Chokaev. The article shows that the Turkic version of federalism under the conditions of the Bolshevik leadership was transformed into an ethno-cultural version of autonomy.

**Key words:** projects of the federal structure, specificity, Turkic elites, "Orientalism", Bolshevism, Turkism, autonomy, Stalin.

## Модернистік және большевиктік сызбадағы түркі элитасының федерализмі

### Красовицкая Тамара Юсуфовна

тарих ғылымының докторы, профессор, Ресей Ғылым Академиясы Ресей тарихы институтының бас ғылыми қызметкері. Ресей Федерациясы. 117036, Мәскеу қ., Дмитрий Ульянов көшесі, 19 үй. E-mail: tkrasovitskaya@mail.ru

**Аңдатпа.** Автор модернистік батыстық прогресшіл екі нұсқасын – ұлтшылдық пен интернационализмді қарастырады. Сонымен қатар, большевиктік партияның оппозициялық қарсыластарымен идеологиялық күрес жағдайындағы федерализм эволюциясын қарастырады. Зерттеудің мазмұны ғылыми айналымға алғаш рет енгізіліп отырған құжаттарға негізделеді. Бұл РКФСР-дің мемлекеттік механизміндегі түркі этностарының федералды құрылымының жобаларын зерттеуге мүмкіндік береді.

Мақалада халықтардың жергілікті мәдени даралығын сақтаудағы өзара мәдени байланысты, өмірдің түрлерін жаңғыртуды қажет екендігін ұсынған ұлттық элитаға назар аударылады. Автор шет жақта орналасқан ұлттарға қатысты империялық саясатты ескере отырып, олардың саяси көшбасшыларының ұлттың өзбетіндігін сақтаудағы талпыныстарына, автономия туралы жобаларды талдаудағы әрекеттеріне және саяси қызметтеріне баға берген.

Автор түркі және автономиялық жобаларға ерекше назар аударып, олардың «Батыс - Шығыс» атты «ориенталистік» дихотомиямен, большевиктердің зияткерлі және мәдени бағыттағы саяси және идеологиялық пікірлерімен байланыстарын көрсетті.

Мақалада түркі тілдік тобының кейбір элита өкілдерінің жобаларының ерекшеліктері және оларды өз халық комитетінің құрылымын құраудағы И.Сталиннің пайдаланғандығы да

қарастырылған. Мұнда И.Сталиннің федерализмді большевизм сызбасындағы бағытын көрсете отырып, оны билікті шынайы демократияландыруға бағыттамай, «ұлттық езгінің алдын алу» ретінде қолданғанын айқындай түседі. И.Сталиннің түркілік өзбетіндікті қабылдамауы ұлттық элитаның қуғын – сүргінге ұшырауына әкеп соқты.

Ұлттық көшбасшылардың саяси бағыттарын талдау мен саралау, олардың білімдерінің ғана емес, саяси тәжірибелеріндегі біршама айырмашылықтар федерация туралы жобаларының бұлыңғырлау болуына әкеп соқты. Автор Ә.Бөкейханов пен М.Шоқай бастаған қазақ ұлттық элитасының автономия туралы жобаларын да қарастырған. Мақалада большевиктердің басшылығы жағдайындағы федерализмнің түркі нұсқасы автономизмнің этномәдени нұсқасы ретінде көрсетілгендігіне назар аударылған.

**Түйінді сөздер:** федерациялық құрылым жобалары, ерекшелік, түркі элитасы, «ориентализм», большевизм, түркизм, автономизм, Сталин.

## Федерализм тюркских элит в модернистских и большевистских схемах

### Красовицкая Тамара Юсуфовна

главный научный сотрудник, Институт российской истории Российской академии наук, РФ. Москва, 117036, улица Дмитрия Ульянова, д. 19, доктор исторических наук, профессор. E-mail: tkrasovitskaya@mail.ru

**Аннотация.** Автор рассматривает две версии западнической прогрессистской парадигмы модерна национализм и интернационализм. Эволюцию федерализма в условиях идеологических сражений партии большевиков с оппозиционными противниками. Содержание исследования базируется на документах впервые вводимых в научный оборот, что позволило проанализировать проекты федерального устройства тюркских этносов в государственном механизме РСФСР. В статье обращается внимание на национальную элиту, детерминировавшую необходимость модернизации формы жизни, активизации межкультурных взаимодействий, при сохранении локальной культурной самобытности народов. Учитывая имперскую политику и отношение к ней национальных окраин, автором дана оценка политической деятельности их политических лидеров, показаны мотивы их поступков в выстраивании автономистских проектов, попытки сохранить самостоятельность этноса.

Особое внимание автор обратила на тюркистские и автономистские проекты, показала их связь с «ориенталистской» дихотомией «Восток – Запад», с политическим и идеологическим дискурсом интеллектуальной и культурной позиции большевиков. В статье рассмотрена специфика проектов отдельных элит тюркской языковой группы, их использование И. Сталиным в процессе выстраивания структуры своего наркомата. Демонстрируется позиция И. Сталина, воспринимавшего федерализм в схемах большевизма и ориентировавшегося не на реальную демократизацию власти, а на «преодоление национального гнета». Неприятие И. Сталиным тюркской самостоятельности предопределило репрессии национальной элиты.

Сопоставление и компаративистский анализ политической платформы этнических лидеров показал их существенные различия в уровне не только образования, но и наличия политического опыта, что означало расплывчатость их федералистских проектов. Автор затронула автономистский проект казахской национальной элиты во главе с А. Букейхановым и М. Чокаевым. В статье показано, что тюркский вариант федерализма в условиях большевистского руководства трансформировался в этнокультурный вариант автономизма.

**Ключевые слова:** проекты федерального устройства, специфика, тюркские элиты, «ориентализм», большевизм, түркизм, автономизм, Сталин.

УДК/UDC 94(47) (035.3)

## Федерализм тюркских элит в модернистских и большевистских схемах

Т.Ю. Красовицкая

**Введение.** К 1917 году национализм и интернационализм – две версии западнической прогрессистской парадигмы модерна – противостояли миру

Традиции. Они активно обсуждались в кругах тюркских элит как представления народов о себе и о других и перспектива для них (Гачев, 1998:195). Преобладал интерес к национальным лозунгам, теме нации, национальной идентичности, важных модерну. У каждой этнической группы элит имелись представления о федерализме и проектах встраивания на его основе в новый государственный механизм России. Федеративные проекты осмыслили «внешний» план: комплексы представлений о форме связи с центром, с соседом, с собственной и соседней идентичностью. Обсуждения наполнялись «воображённой историей», художественной литературой, структурой общества, спланируя на действия институты власти.

Большевики связывали тюркско-мусульманский вариант федерализма с ориентализмом. В основе лежала дихотомия «Восток – Запад», изначальное разделение географического пространства в культурном и интеллектуальном измерении на Окцидент (Запад) и Ориент (Восток). Ориентализм был далек от политического и идеологического дискурса интеллектуальной и культурной карты Запада. Тот опирался на значительное количество нарративов о своем прошлом, большевикам не интересным! Но он как «знание второго порядка» утверждался в интеллектуальном пространстве российских тюрков. Хотя приходилось ощущать на себе ориентализм как синоним слабости Востока, триумф западной модели знания, управления и развития. Не удивительно, что методологически и интеллектуально ориентализм был более зависим от Запада, чем от Востока, но тюркским элитам удавалось успешнее мобилизовать своих адептов.

**Результаты.** Этносов на востоке бывшей империи было достаточно. Многочисленны и их элиты, и их проекты федерации. «Все русское мусульманство разделилось на два лагеря по вопросу о формах будущей государственности – писал в 1917 году А. Тамарин, генерал из свиты Николая II. – Эти два течения: унитаризм и федерализм. ... Федералисты исходят из следующих положений:

– Будущая государственность наша должна покоиться на двух началах. Это – общечеловечность интересов с одной стороны и свобода индивидуального развития отдельных национальностей – с другой. Особенности каждой народности должны быть сохранены, обеспечены. Сохранение национальной физиономии необходимо в интересах всего человечества»<sup>1</sup>.

Российские тюрки отвергли османизм как политическую концепцию государственного устройства, хотя И. Сталин их подозревал в симпатиях к нему. Тюркизм не был «турецким импортом», хотя еще П. Столыпин запугивал им как перспективой «отуречивания». Правда, рамки идеологического тюркизма выходили за пределы российского социокультурного пространства. Тюркские этносы, конечно, не представляли собою современные однородные культурные сообщества. Но в федеративных конструкциях их элит отражались полезные цели Окцидента: общее гражданство вне зависимости от религиозной и этнической принадлежности, равенство перед законом, увеличение роли светских организаций, начальное образование.

Российские сторонники тюркизма понимали необходимость модернизировать формы жизни, активизировать межкультурные взаимодействия.

Элиты хотели сохранить локальную культурную самобытность народов. Идеологическим обоснованием служил тезис: только народ образует законный

<sup>1</sup> Тамарин А. Мусульмане на Руси. М.: Издание Д.Я. Маковского. 1917.

источник суверенной власти. Его решения являются приоритетными и обязательными. Этой позиции больше соответствовала такая форма федерации как союз государств. До созыва Учредительного собрания накапливался опыт формирования протофедеральных структур власти и управления.

И. Сталин воспринимал федерализм в схемах большевизма и ориентировался не на реальную демократизацию власти, а на «преодоление национального гнета». Но, констатировал он, «окраины России мигом покрылись «общенациональными» учреждениями... Эти «национальные правительства» и слышать не хотели о социалистической революции» (Сталин, 1947: 155-167). Он изначально нацелен проводить политику более централистскую, чем русификаторскую.

С этой точки зрения Сталину знание тюркских федералистских проектов, планов, вынашиваемых элитами, правомочий, что наполнят власть больших пространств, было необходимым. Он не упускал из виду главную задачу наркома: видеть слабые места в позициях и проектах соперников. Для освоения «проблемного» поля от руководителя Наркомнаца требовалась огромная эрудиция, знание ментально-культурных, языковых и религиозных подоплек и исторических причин.

Тюркские элиты и их федеральные проекты разогрели политическое поле. Они, конечно, видели неудачный перенос на Восток западных практик, но хотели провести модернизацию своих культурных ресурсов (Кирчанов, 2010: 186). Первым шагом в этом направлении они считали необходимым создать институты власти. Об интеллектуальных способностях претендентов в ноябре 1918 года в Константинополе общал лидер Мусавата А.М.Топчибашев представителям стран Антанты: «Сразу же после распада Закавказской Федеративной Республики Национальным Советом Азербайджана ... сформировано правительство (Кабинет), состоявшее из 12 министров. Получив блестящее образование в лучших европейских и русских университетских и высших технических учебных заведениях, о чем свидетельствует наличие в составе Кабинета четырех докторов права, четырех инженеров, трех докторов медицины и одного доктора филологии» (Топчибашев, 1993:30).

Правительство Алаш-Орды состояло из 25 комиссаров (15 казахов). 8 членов из 15 имели высшее юридическое образование, 4 избирались депутатами Государственной думы. 5 членов Алаш-Орды (А. Букейханов, М. Чокай, М. Тынышбаев и др.) занимали должности комиссаров Временного правительства, двое (А. Букейханов, М. Тынышбаев) являлись членами Чрезвычайного комитета Временного правительства по управлению Туркестаном, двое имели солидный опыт работы в судебной системе. Среди комиссаров и кандидатов в комиссары Алаш-Орды были востоковед, инженер железнодорожного транспорта, военный врач, агроном, ученый-лесовод, математик и другие высококвалифицированные кадры. Все 15 членов Алаш-Орды избраны в Учредительное собрание (Кенжетаев, 1998:87). Казахская элита, используя автономию для сплочения на базе продуктов и инструментов культуры, двигалась по пути стандартизации письменного языка, издания национальной газеты. Структуры и термины структур власти казахи перенимали у сибирских областников (Аманжолова, 2009:302).

Усложняла тюркско-мусульманские проекты сложная комбинаторика этнического и конфессионального. Эти аспекты мультиплицировались, генерируя модели, адекватные разным социокультурным условиям в

обществе. В июле 1917 г. С. Максуди стремился вписать ислам в институциональный дизайн власти новой России. Он оставался сторонником создания большой политической нации российских тюрков, хотел объединить родственные ресурсы для использования вестернизаторских практик модерна. Его ставки на религию как связующий фактор в таком контексте вполне понятны. Ислам мог превратиться в интегратор культурной идентичности. Важным принципом самоидентификации тюркских народов, их знаменем, а не только формальным признаком языкового сходства предстояло стать тюркизму.

В тюркском мире проект выделялся соотношением религиозной и светской власти. Цель Милли Идарэ: поставить духовную власть под контроль светской: администрация опиралась на светские корпорации и коллегиальные формы. В этом проекте доминировала татарская элита (Хабутдинов, 1999: 66).

По мнению Х. Максуди, основным лозунгом тюркистов было: «В национально-культурной жизни тюрки Внутренней России и Сибири, не разделяясь на племена, должны идти естественным путем под знаменем тюркизма и объединять вокруг этого знамени культурные дела»<sup>2</sup>.

Среди волжских и крымских татар сохранялось влияние либеральных тенденций интеллектуального дискурса И. Гаспринского о цивилизационном единстве славян и тюрков в России, «евразийство» своего рода.

Влиятельные группы элит пытались использовать близость и родство всех интеллектуальных ресурсов и наработок, этнокультурную ситуацию в тюркском сообществе в целом, чтобы добиться признания за тюркскими этносами права самостоятельной публично-правовой корпорации.

Решение провозгласить особый Штат на Волге и Южном Урале (Идель-Урал) предоставлено Учредительному собранию. Коллегия по осуществлению автономии Урало-Волжского штата (КУВШ) должна обеспечить созыв съезда в Уфе, определить границы Штата, принять временную конституцию Штата и создать структуры управления.

Национальное собрание (Миллет меджлис) открылось в Уфе 22 ноября 1917 года, в нем участвовало более 80 человек. Председателем был избран С. Максуди; его заместителями – И. Ахтямов, И. Алкин. В этот день Национальное собрание приняло «Основы национально-культурной автономии мусульман внутренней России» как Конституцию. 16 января 1918 года Конституция была опубликована в официальном органе Национального управления в журнале «Мухтариат» (Исхаков, 2004: 505).

3 января 1918 года на сессии Миллет Меджлис, выступая от имени КУВШ, Г. Шараф доложил о трех проектах проработки территориального, демографического и этнокультурного аспектов.

Миллет Меджлис остановился на втором проекте, известном как вторая карта Идель-Урала. Вмешательство центра в вопросы образования, развития духовности и культуры Штата Идель-Урал считалось недопустимым, но признавалось согласие решать сложные вопросы путем открытых дискуссий и убеждений.

Правовой базой для воплощения проекта в жизнь стало принятие 5 января 1918 г. Всероссийским Учредительным собранием «Постановления о государственном устройстве России». В соответствии с ним на следующий день Миллет Меджлис заявил о рождении субъекта новой федерации — штата Идель-Урал: «Идель-Урал Юлкясе, являясь по способу своего правления

<sup>2</sup> Кадыри З. Тормыш, 1917: 26 ноября



народной республикой, вместе с другими «улькя» (государствами) образует Российскую Федеративную Республику» (Хабутдинов, 2013: 15). Документ должен был претерпеть изменения в ходе переговоров с центральным правительством и федеральным парламентом.

Лидер башкирского национального движения А.-З. Валидов на заседании Миллет Меджлис не поддержал проект. 6 января 1918 г. он заявил: общепашкирский съезд учредил Автономную Башкирскую республику. С согласия Башкирского курултая создается Временное правительство под председательством Ш. Манатова. Против Идель-Урал Штата от имени Мусульманского комиссариата в Казани в конце февраля 1918 года выступил и М.Султангалиев. Произошло размежевание татар и башкир относительно общей публично-правовой корпорации тюркских этносов в Российской Федерации.

Г. Исхаки публично обвинил Валидова в расколе тюркского единства, назвав его амбициозным молодым человеком: «Заки Валиди ... вместе с провокатором Шарифом Манатовым, обидевшись на то, что их не избрали в Центральный комитет I Всероссийского съезда, подбрасывают на политическую арену «башкирский вопрос». Мотивы конфликтов и с другими деятелями, считал Исхаки, в стремлении занять руководящий пост. Поддержал Исхаки М. Чокаев (Из истории: 1999: 91).

Чувашские депутаты в Учредительном собрании эсеры Д.П. Петров-Юман и Г.Ф. Алюнов планировали использовать проект Идель-Урала: чуваша (тюрко-язычные христиане) в их представлении, не имели достаточных ресурсов для национально-территориального штата. Но они и «не возлагали никаких надежд на Советскую власть в деле разрешения национального вопроса» – писал чувашский эсер А.Д. Краснов.

Проект вхождения в «штат, который предполагают в ближайшем будущем осуществить мусульмане в местностях с тюрко-татарским, финским и русским населением» чувашские лидеры сочли перспективным сложением политических ресурсов: «у мусульман для осуществления своих стремлений имеются и силы и инициатива». В проекте они видели свой этнос самостоятельным субъектом и штата, и России как федерации. Чуваша заняли бы положение «третьей силы», что не только смягчало бы противоречия между тюрко-татарской мусульманской и русской православной элитами и уберегло от гражданской войны внутри штата<sup>3</sup>. Сотрудничество с родственными тюрками открывало бы путь к общероссийским ресурсам, прежде всего, культуре, их развитию и обогащению. Всероссийский чувашский военный съезд 12 января 1918 г. в Казани принял этот вариант самоопределения чувашей в федеративной России.

На Втором Всероссийском мусульманском военном съезде 8 января – 18 февраля 1918 года готовилось провозглашение штата Идель-Урал. На съезд прибыли представители башкирского, чувашского, марийского, литовского, польского, белорусского, татарского народов, Украинской Центральной Рады и др.

19 января 1918 года решение о вхождении чувашского народа в создаваемый штат принято практически единогласно. Решено провозгласить штат до 25 января. Избрана контактная комиссия со специальной мусульманской коллегией. Но не утихали споры татарских и башкирских деятелей. Председатель башкирской фракции съезда Т. Имаков доказывал:

<sup>3</sup> Государственный исторический архив Чувашской республики (ГИА ЧР). Ф. 499. Оп. 1. Д. 10. Л. 20-21

«нужно придерживаться такой идеи: первоначально утвердить Башкирский штат, а затем к Башкирии присоединить Казань» (Юлдашбаев, 1984: 52).

1 февраля 1918 г. в Казани должен состояться областной съезд Советов: «И, безусловно, этот съезд будет против штата, – отмечал чувашский лидер И.В. Васильев, – ... вот почему – Советы состоят главным образом из русских, притом большевиков. А отношение ... большевистской власти к национальному движению известно. Поэтому осуществление штата после съезда может привести к гражданской войне». Так, по сути, и произошло.

На другом конце России события октября 1917 г. активизировали этнокультурное движение. Якутские интеллектуалы выступили его идеологами. В далекую Якутию М.К.Амосову 13 октября 1917 г. из Томского учительского института писал П.А. Ойунский: «Нам необходима автономия территориально-национальная и культурная, полная, вплоть до федеративного устройства». К концу 1917 года Якутский трудовой союз федералистов насчитывал 1198 членов в 20 комитетах<sup>4</sup>. Его лидеры - Г.В. Ксенофонов, историк, избранный в Учредительное собрание, В.В. Никифоров, писатель и журналист, кадет с 1917 года, С.А. Новгородов лингвист и др., уделили большое внимание развитию якутской культуры. «Каждая народность, населяющая Россию, – подчеркивалось в программе, – имеет право на полное культурное самоопределение, употребление родного языка в общественной жизни и публично-правовых учреждениях, открытие национальных школ, союзов и учреждений, имеющих целью сохранение и развитие языка, литературы, культуры и самобытности каждой народности»<sup>5</sup>.

26-29 ноября 1917 года в Коканде на IV Чрезвычайном Всетуркестанском съезде Туркестан объявлен автономией Федеративной демократической Российской республики. С проектом «Юго-Восточного союза» выступил атаман А. Дутов. Он предложил объединить области казачьих войск, казахские, киргизские, калмыцкие, башкирские земли к югу и востоку от Оренбурга, а также земли кавказских горцев и азербайджанских татар. Вопрос вызвал бурные прения (Алексеев, 1931: 21-23). С. Герцфельд, будущий министр финансов правительства Кокандской автономии, отмечал: «Утром выступал в защиту мусульман против некоторых зубров. Говорил о федеративной республике, национальном самоопределении т.п. Имел грандиозный успех» (Мякотин, 2015).

Создан Временный Совет. Председателем и министром внутренних дел избран М.Тынышпаев, бывший депутат Государственной думы, из Мусульманской фракции. Сменил Тынышпаева М. Чокай, – тюркист. Он считал: каждый тюркский этнос может представить собственный проект федерации. Но «построить сходу полнокровное государство нелегко. Для этого нет ни кадров, ни опыта... Как бы ни была ослаблена Россия, она гораздо сильнее нас. С Россией мы должны жить в мире и дружбе. Это диктует сама география». Этот подход разделял Ш.И.С. Шагиахметов, избранный в Учредительное собрание. Близкий народным социалистам, он примыкал к «ленинскому течению», но был членом Всероссийского Милли-Шуро. Во Временном правительстве Кокандской автономии первого состава он – вице-премьер.

Провозглашенный 16 февраля 1918 года Идель-Уральский штат (Забулачная республика) ликвидирован большевиками 16 марта того же года. Это означало: реальный федерализм будет существенно отличаться от

<sup>4</sup> Вольная Сибирь. 1918, 10 апреля

<sup>5</sup> Программа Якутского трудового союза федералистов. – Якутск, б.г.и.

той идиллии, которая заявлена большевиками в Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа на III Всероссийском съезде Советов.

Хотя федеративные проекты тюркистов оспаривали те, кто в основу клал интересы отдельных этносов (А.-З. Валидов и др.), тюркско-мусульманские федералистские проекты вполне могли быть обсуждены новой властью, учитывая декларации советской власти о Советской федеративной республике. Вышеупомянутые мотивы (и отношение к европейским практикам, и влияние тюркистского компонента на осмысление перспектив культур (а в нем и судьба родных языков, и неугасимый авторитет проектов И.Гаспринского, и остаточное воздействие пантюркизма и др.) в разном соотношении заполняли горячую атмосферу Петрограда. Не стоит сбрасывать со счетов и личные мотивы: опасения потерять бывший авторитет, связи и поддержку.

Как же повел себя Сталин, с учетом того, что Учредительное собрание было большевиками разогнано? Сталин начал переговоры с некоторыми членами Учредительного собрания. Информация о их содержании достаточно противоречивая. Ее и нет в достаточном количестве, особенно, о переговорах с Максуди. Однако достоверно, переговоры велись и до открытия, и после разгона Учредительного собрания.

Особый интерес Ленина к личности А. Цаликова вызывала его позиция на II Всероссийском мусульманском съезде в Казани летом 1917 года. Социалист и «унитарист» Цаликов поддерживал идею национально-культурной автономии. Критикуя «Робеспьеров Чебоксар и Тетюшей ... вред, который приносит общему делу бесчестия этих лиц», Цаликов говорил: «Я ... выступал против федерализма ... Вопрос о федерализме, это вопрос, главным образом, населения окраин». Но, добавлял он «Если после свободного взвешивания за и против этот вопрос будет решен окраинами в том или ином смысле, то это и будет голос политического самоопределения этого населения. Конечно, это «самоопределение» должно встретить, в конечном счете, поддержку каждого, кто признает право народа на самоопределение»<sup>6</sup>.

25 декабря 1917 года газета «Йолдыз» в статье «Большевики и мусульмане» опубликовала сообщение о начавшихся в Петрограде переговорах И. Сталина с председателем Всероссийского Милли Шуро А. Цаликовым. Встреча состоялась в здании Всероссийского Милли Шуро. Цаликов требовал реального учета этнокультурных, бытовых и религиозных особенностей, «с особой силой сказывающихся» в местностях с «преобладающим мусульманским населением». Следовало признать Россию Федеративной Республикой уже образованных, а также образующихся штатов, таких, как «Поволжье», «Южный Урал», «Туркестанский» и др.; признать всю полноту власти за Учредительным Собранием (Ленин и Башкирия, 1984:368). Сталин же предложил Цаликову возглавить (по сути, перекупая его) советский комиссариат, который, по его словам, избирался бы президиумом всех мусульманских народов. Заместителем комиссара был бы мусульманский социалист (Мухетдинов, Хабутдинов, 2011:30).

Цаликов обсудил вопрос с Милли Меджлисом и Всероссийским Милли Шуро. Принять предложение Сталина отсоветовал ему С. Максуди (Мухарямов, 1989: 8). Цаликов заявил: в его «Открытом письме» в адрес СНК выражено отношение мусульман России к большевистскому правительству.

<sup>6</sup>Мусульманская фракция, 1917: 22

Письмо опубликовано в ряде татарских газет: мусульманами «такое одностороннее правительство» не будет признано (Хабутдинов, 2001: 25).

М. Вахитов, в результате возглавивший Мусульманский комиссариат, не оставив воспоминаний, вскоре погиб. Другие участники остереглись откровенно писать их по понятным причинам. Лишь Ш. Манатов вспоминал, что по совету В.И. Ленина он с Вахитовым и Ибрагимовым вели переговоры с другими мусульманскими депутатами Учредительного собрания, которые, однако, отказались от сотрудничества с большевиками и советской властью. Тогда, рассказывает Манатов, «мы втроем решили образовать мусульманский комиссариат. Через 4-5 дней наш декрет... подписан Лениным» (В.И. Ленин и Башкирия, 1984: 368).

А.-З. Валидов привел более приземленные мотивы, побудившие Манатова к сотрудничеству. Они касались «отношения ... с остальными лидерами башкирского движения». «Он тяжело переживал, что курултай не возложил на него никаких ответственных обязанностей, его открыто нелицеприятно упрекали в связях с монархистами и реакционерами, подаренная ему шуба стала предметом насмешек. Он оказался в изоляции и когда высказал желание выехать в качестве члена Учредительного собрания в Петроград, Хурматулла ему сказал: «Ты поедешь не в Учредительное Собрание, а к своему товарищу Ленину, чтобы помочь ему разрушить Учредительное собрание и всю демократию. Там похвалят тебя за то, что ты здесь вкупе с монархистами пытался разрушить наше начинание». Центральное Шуро и правительство предоставили ему возможность поступать по его усмотрению и по делам Башкортостана никаких обязанностей на него не возложили. Манатов вошел в комитет коммуниста Муллачура Вахитова, который действовал против нас» (Заки Валиди Тоган. 1994: 220).

Член мусульманской социалистической фракции Учредительного собрания Г.Ибрагимов летом 1917 г. поддерживал идею федерации. Осенью 1917 года он одобрил создание Штата Татарстан как территориальную автономию. Привлекательность идеи для Ибрагимова заключалась в том, что автономия имела бы государственные институты управления. Правительство автономии, контролируя бюджет территории, назначало бы своих сторонников на ответственные посты. В 1917 году эсеры, сторонники Ибрагимова уже возглавили отделы мусульманского просвещения в уездных управах.

Ибрагимов покинул Учредительное собрание вместе с большевиками после встречи со Сталиным, тот предложил организовать советский мусульманский комиссариат. А.Хабутдинов относительно перехода его в сталинский Наркомнац, считает: «это история о договоре с властью, которая позднее откажется от своих обязательств и потребует крови от подписавшего договор. А все начиналось так оптимистично» (Хабутдинов, 2003: 123).

Ибрагимов встретился с депутатом от Казанской губернии М. Вахитовым. Оба уговаривали А. Цаликова. К ним присоединился Манатов. Но Цаликов, выступая 5 января 1918 на заседании Учредительного Собрания, негативно оценил первые политические действия СНК: «С особой ясностью несостоятельность новой власти сказалась в области социального творчества и переустройства России на началах подлинного признания за всеми населяющими её народами права на территориальное и национально-культурное самоопределение». Он считал: мусульмане, «оставаясь на почве великой древней культуры», хотят «приобщиться к современной культуре великих завоеваний человечества. Мы хотим идти собственным путем ... к великим человеческим целям», но «здесь сказывается ... странное

пренебрежительное отношение к народам Востока», которых считают «людьми низшей расы» (XX век и Россия: общество, реформы, революции, 2014: 185). Чокаев, избранный в Учредительное собрание от Ферганы, возмущался: «Советская власть в Туркестане началась с огульного отрицания за местным коренным населением права на участие во власти: ... включение в настоящее время мусульман в органы высшей краевой власти является неприемлемым... Какая же это была бы власть в мусульманской стране без мусульман?»<sup>7</sup> (Тагеев, 1927:65).

Как видим, элиты практически всех крупных и средних этносов тюркской языковой группы имели планы, проекты и соображения о федералистских перспективах в составе России. Но их разделяло важное отличие. Часть из них (преимущественно татары с наиболее развитой инфраструктурой культуры) строили проекты на тюркистской основе с привлечением ислама как культурного ресурса. Делалась ставка на совокупность ресурсов, существенно умножавшая силы сообщества.

Другие тюрко-язычные активисты строили планы на этнокультурной (индивидуальной) основе. Единства не было. Реальность заключалась и в том, что с переходом власти к большевикам заманчивыми казались будущие должности в структуре новой власти.

Какой же выбор сделает Сталин? В поле зрения попадают активисты протофедеральных структур периода февраля-октября. Сталин нацеливался поставить под контроль центральной власти уже созданные Милли Шуро (законодательную ветвь, ее возглавлял А. Цаликов) и Милли Меджлис (исполнительную ветвь, ее возглавлял с 5 января 1918 года С. Максуди). Конечно, социалист и «унитарист» Цаликов, поддерживавший идею национально-культурной автономии, лучше подходил для сотрудничества на посту главы Мусульманского комиссариата. Переговоры с С. Максуди (если только они состоялись!) завершились неудачей.

На сотрудничество пошли фигуры второго ряда. М. Вахитову, возглавившему Мусульманский социалистический комитет (МСК), пройти в Учредительное собрание помог А.Цаликов, отдав свое место в Казанском списке. Он прибыл в Петроград уже *после разгона* Учредительного Собрания. В этот же день, 6 января 1918 года он встретился с Г.Ибрагимовым, они обсуждали предложение Сталина организовать мусульманский комиссариат как структуру общероссийской советской власти. В *тот же день* они уговаривали А. Цаликова возглавить комиссариат. 7 января 1918 года происходит встреча Ленина и Сталина – с ними и Манатовым как с депутатами Учредительного собрания.

Публицист Вахитов, защищавший с юношеским идеализмом идеи возрождения ислама на страницах «Мусульманской газеты», понравился Сталину. Вахитов видел прогресс мусульманских народов в достижении цели, «где среди вечной весны огнями ликования сияет святая Кааба тихого мира и неиссякаемой любви». Там, надеялся он, «родятся новые Харун-аль-Рашиды, аль-Батани, Аверроэсы» (Вахитов, 1967: 29). Цель Мусульманского социалистического комитета: «под жизненными лучами социализма расцветет великая культура ислама, и создателем этой культуры будет являться не буржуазия, а простой народ». Идеи федерализма М. Вахитова отличались от идеи тюркской федерации С.Максуди. Он искал корни федерации не в тюркизме, а в древнем болгарском государстве, по его мнению,

<sup>7</sup> Тагеев Р.Б. В долине роз и крови. М.: -Л. ГИЗ, 1927.

представлявшем собой федерацию. А. Беннигсен считал возглавляемый Вахитовым МСК «школой национализма» (Bennigsen A., Lemerrier-Quelquejay Ch., 1960:71).

Другой участник встречи уфимский эсер Г. Ибрагимов надеялся на сотрудничество буржуазии и трудящихся в вопросах школы, образования, языка, театра и религиозного управления. Силой жизненных обстоятельств, считал он, турки России разделены на пять наречий. Каждое из них имеет свою азбуку, литературу, синтаксис и морфологию. Ибрагимов включал в федеративный проект пять отдельных штатов: Казахстан, Кавказ, Туркестан, Татарстан и Крым.

Базу Ибрагимова и Вахитова составлял мусульманский пролетариат, сельское население, татарское студенчество – офицеры военного времени. Основной задачей было провозглашение национальной территориальной автономии на Средней Волге и Южном Урале в составе Российской федерации.

Но Ленин не оставлял надежд привлечь более солидных политиков. Манатов вспоминает: он и 7 января вновь выяснял возможность привлечь на сторону Советской власти Цаликова, после чего они несколько раз беседовали с ним. Но Цаликов «не осмелился участвовать вместе с нами» (Образование Башкирской АССР, 1959: 84).

Точнее историю «уговоров» Цаликова не восстановить, но «федеративные» мотивы сторон понятны. Для Ленина важнее больший политический «вес» Цаликова, для Сталина немалый аппаратный вес Цаликова делал его опасным соперником. Для них обоих он – противник федерализма: он носитель идеи иной природы власти. В итоге им пришлось остановиться на Вахитове, Ибрагимове и Манатове. Те решили сотрудничать с властью.

Декрет СНК об учреждении Комиссариата по делам мусульман Внутренней России принят 17 января 1918 года. Конечно, в названии отразилась цель установить контроль советской власти над этнокультурным многообразием мусульман. В тексте декрета указывалось: комиссариат учреждается при Наркомнаце. Подчеркивалось: комиссаром назначен «член бывшего Учредительного собрания от Казанской губ. Мулла Нур-Вахитов». Он – глава МСК, оппонент Милли идаре и С. Максуди, федералистскому туркистскому проекту. Название отразило борьбу с федералистами, с их идеей культурно-лингвистического (тюркского) единства мусульман.

Задача Сталина: соединить кадровые ресурсы Мусульманского комиссариата Наркомнаца и МСК, как социально и политически «близких» друг другу в этот период удалась. Неважно, что после Октябрьского переворота на совместном заседании национальных организаций Казани 8 ноября 1917 года Вахитов поддерживал передачу власти в России в руки Учредительного Собрания, а у татар – в руки Миллет Меджлиса. Неважно, что он, по словам председателя Казанского ВРК К.Я. Грасиса, продолжал прокламировать «отблеск идей панисламизма». Он влиятельный в левых «кругах», его политический почерк казался решительным, эмоциональным, проникнутым стремлением охватить большинство сторон общественно-государственной жизни в центре и на местах.

Выбор Сталина пренебрег сведениями «информатора» Наркомнаца Эдгема Булбуловича сообщенных «наверх». Казанский журнал «Эхо веков» недавно опубликовал характеристику Булбуловичем Вахитова: «Вахитов является человеком с очень богатой фантазией, но очень плохим

администратором и партийным вождем. Он оставил реальную почву и бросился в атмосферу фантастики. На словах он сильный, а на деле очень слабый революционер. Вахитов, как очаровательный оратор, своим красноречием вводит многих в заблуждение и заставляет пойти за ним. Он не соответствует своему назначению. Люди такого свойства не смеют занимать ответственного поста», «Вахитов больной, нервный и самолюбивый человек и требует всеобщего подчинения ему и его капризам» (Эхо веков, 1997: № 3/4). Как ни относиться к оценке Булбуловича, скорее, субъективной, подобные оценки раскрывают «кухню» не только политических и «кадровых» ставок в Наркомнаце, но и подоплеку отношения Сталина к носителям федералистских практик. Но в записке членов коллегии Наркомнаца в ЦК РКП (б) от 16 мая 1918 года о конфликте Сталина с членами комиссии по устройству Татаро-Башкирской республики оценка Булбуловича подтверждалась: «т. Сталин выдвинул кандидатуру т. Вахитова, мусульманского комиссара, октябрьского большевика такого сорта, на который коллегия Народного комиссариата ни в коем случае согласиться не может»<sup>8</sup>. В воспоминаниях Ш. Манатов отмечает: Ленин, говоря о создании «центрального мусульманского учреждения», подчеркивал: «Надо поспешать», «Нельзя затягивать это дело» (Педагогический журнал, 2008, № 1 (14): 131).

Очевидны карьерные мотивы тех, кто шел сотрудничать. Манатов в Мусульманском комиссариате возглавил отдел просвещения. Статус «бывших» членов Учредительного собрания повышал статус советского органа власти и служил противовесом другим членам Учредительного Собрания, оставшихся на антисоветской платформе. Когда Башкирское шуро в Оренбурге за сотрудничество с Советской властью потребовало ареста Манатова, Сталин в марте 1918 года в телеграмме поднял его статус еще выше: он «уже стал членом Мусульманского комиссариата при Совнарком РСФСР» (Педагогический журнал Башкортостана. 2011. № 6).

Сталин поручил Манатову разработать Положение о Татаро-Башкирской Советской Республике, реализуя советское представление о федерализме. Получился тот же штат Идель-Урал, но на советской платформе. Проекту «суждено было потерпеть фиаско, так как движение это возникло не в самих массах, а в головах идеологов, т.е. оно было движением не народным, а навязанным ему сверху». При этом «преследовалась цель дезавуировать движение башкир, татар и других народов региона за национальное самоопределение».

Теоретического обоснования планируемой республики не обнаружено, но разнообразной была пропагандистская работа. Переводились первые советские декреты, литература социалистической направленности, брошюры о советской власти, об известных личностях, политических деятелях.

8 марта 1918 года Вахитов провел в Москве конференцию мусульманских рабочих России, объединившую коммунистов и сочувствующих мусульман из Казани, Москвы, Петрограда, Архангельска, Мурманска, Самарканда и Коканда. Рассматривалась организация связи с русскими структурами управления, т.е. советами. К концу 1918 года у Центрумускома будет 69 филиалов по всей России, их наличие давало перевес мусульманским автономным организациям, уменьшало авторитет советов. Самым активным был Казанский комиссариат, его возглавлял М. Султангалиев. Комиссариат был образован 21 февраля 1918 года еще МСК.

<sup>8</sup> Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 558. Оп. 2. Д. 883. Л. 2-3

С 23 по 31 мая 1918 года Султангалиев и Вахитов провели в Казани съезд мусульманских учителей, избравший Центральную мусульманскую научную коллегию, которая должна была возглавить работу по народному просвещению в мусульманских регионах. Коллегия разработала проект организации Мусульманского университета в Казани, Музея Востока и Центральной мусульманской библиотеки. Центрумуском вел пропаганду через прессу: за десять месяцев (с января по ноябрь 1918 года) издано более четырех миллионов экземпляров газет на татарском, киргизском (казахском) и турецком языках, не считая 229000 экземпляров различных брошюр, воззваний, манифестов. В Москве на татарском языке выходили: *Culrap* («Утренняя звезда»), *Kzyl Armija* («Красная Армия»), *Esce* («Трудящийся»). Региональные мусульманские комиссариаты имели свои самостоятельные печатные органы в Казани, в Уфе, в Астрахани и т.д. В мусульманских структурах выделялись своеобразные интеллектуальные механизмы, с их помощью коммунизм шагнет во все отдаленные уголки Азии.

Летом 1918 года мусульманские социалисты подошли к идее создания исламской социалистической республики, создав государственный аппарат, партию и армию. Две родственные «иллюзии»: религия и социализм внезапно обратились друг к другу, перепутав и смешивая карты большевикам. В первые месяцы мусульманские организации, независимые от местных советов, контролировались Центрумуском. Их культурно-просветительные отделы, открываясь первыми, часто создавались вопреки воле местных советов. Они сохраняли автономность мусульманской организации «в эпоху, когда многое делалось еще анархическим образом, представляли собой для мусульманских масс одновременно политический центр и организацию, занимавшуюся образованием...». Однако общая ситуация в России была слишком угрожающей, чтобы Сталин, представлявший центральную власть, мог поддерживать эту тенденцию.

С созданием Центрумускома Сталин получил частичный контроль над религиозным компонентом татарского и башкирского движения. В апреле 1918 года он вместе с Вахитовым подписал постановление о ликвидации Милли шуро и в мае 1918 года о ликвидации Милли идаре.

Центрумуском действовал в русле, адекватном политическим задачам советского федерализма. Но Вахитов и Сталин довольно быстро разошлись в подходах. Стиль действий Сталина, расчленявшего исламское культурно-политическое пространство и его структуры по этническому признаку, напоминал действия имперского Петербурга. Центрумуском переименован в Татаро-башкирский комиссариат, но сопротивление переименованию достигло такой остроты, что приняло драматический характер и грозило организационным расколом. Вахитов сообщил Сталину: «Ввиду разногласий в вопросе реорганизации комиссариата и ввиду не нахождения общей линии компромисса весь состав комиссариата выходит в отставку» Документ подписали Г. Ибрагимов, Ш. Манатов, Ю.Ибрагимов, И. Асякаев и др. (В мире научных открытий, 2014: 1).

Разногласия пытались снять «усилив» классовый и региональный компонент в названии комиссариата. Отдел по делам мусульманского пролетариата Кавказа и Туркестанав апреле 1918 года состоял из трех (на самом деле четырех) подразделов: по делам Северного Кавказа и Дагестана, Крыма, по делам Туркестана и по делам Закавказья. Далее выделялись национальные отделы. «Классовая» нота в названии не прижилась. Перевесила «этнокультурная», более соответствуя федеративному дискурсу.



Но конфликт не был исчерпан. 10 октября 1918 года в СНК РСФСР поступила «Апелляция Центрального мусульманского комиссариата в СНК на постановление Наркомнаца от 9 октября 1918 года по поводу непризнания временной инструкции об отделах Наркомнаца на местах и письмо от 31 октября 1918 года об ее отзыве».

Коллегия Наркомнаца 19 октября приняла проект об организации местных отделов Наркомнаца, согласно нему их права сводились «почти к нулю». Право руководства «в финансовом и политическом отношении у них отпадает, так в этом отношении они, являясь лишь секцией общих отделов Наркомнаца, всецело подчиняются непосредственно Наркомнацу».

Ценмуском не согласился на ограничение прав местных органов, а стало быть, и его самого. На заседании 17 октября 1918 года коллегия Ценмускома решила в случае поддержки проекта коллегией Наркомнаца, обжаловать его в СНК, а в случае утверждения СНК, «оставить за собой право апелляции в Шестой Всероссийский Съезд Советов». Основными пунктами расхождения Центрмускома с коллегией Наркомнаца стали «следующие положения и принципы: 1) Конструкция Наркомнаца и национальных комиссариатов должна определяться теми принципами, которые положены в основу образования Российск. Социал. Федерат. Советской Республики, а именно: принцип свободного федерирования трудовых элементов отдельных наций и вытекающий отсюда принцип культурно-национальной автономии для пролетариата этих наций. ... Что же касается ... проекта, то он в корне противоречит выдвигаемым Центрмускомом принципам ... стремится как раз ... к распылению частей единого целого и к сведению таким путем на нет аппаратов культурно-национальной автономии отдельных национальностей».

Далее СНК напоминалось: созданные для мусульман внутренней России и Сибири национальные парламенты (миллет меджелісы) вылились в 1917 году в форму временных национальных правительств территорий. Развитие Октябрьской революции, выдвинувшее лозунг диктатуры пролетариата, потребовало уничтожить эти организации, заменить их теми, что построены по классовому принципу. Ими и явились комиссариаты по мусульманским делам. Далее напоминалось: «В моменты, когда спровоцированные правыми эсерами и меньшевиками русские красноармейские части организовали в Казани восстание против Советской власти, красноармейцы Мусульманского комиссариата в один голос заявляли, что они с оружием в руках принудят их признать Советскую власть. То же самое можно сказать и относительно Уфимского комиссариата... когда русские селения проявляли враждебное отношение к советским войскам, мусульманское население выражало им свое сочувствие, всячески помогая им и облегчая их борьбу с чехословаками». Документ подписали председатель Центрмускома М. Султангалиев и члены коллегии Кильдибаков, Гайнуллин, Альмухаметов.

31 октября 1918 они же уведомили СНК: «Внесенная ... 24-го октября в Совет Народных Комиссаров апелляция ... берется им обратно, а потому и не будет защищаться»<sup>9</sup>.

Это фрагмент показательной пробы сил: он окончился поражением М. Султангалиева: тот не понимал силы административного ресурса центральной власти.

<sup>9</sup> Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ) Ф. Р-1318. Оп. 17. Д.19. Л. 49-51об., 54

В результате «маневра» комиссариат переименован в Татаро-башкирский, орган с узкими полномочиями. Сталин изгнал исламские названия из своих структур управления. Они заменялись национальными. Политические и идеологические функции переходили к Центральному бюро коммунистических организаций народов Востока. Сталин, его председатель, продвигал подход «разделяй и властвуй!».

Но к этнокультурным названиям органов власти на местах склонялись элиты не только тюркской группы. ЦК Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана в Декларации об образовании Горской республики подчеркнул федералистскую основу объединения семи самостоятельных «штатов»: Дагестана, Чечено-Ингушетии, Осетии, Карачаево-Балкарии, Кабарды, Адыгеи, Абхазии. В программе Союза еще до октября 1917 года указывалось: «Первым условием для проведения демократических начал свобод горцы признают установление в России через Учредительное собрание Демократической Федеративной Республики ... Только федеративное государственное устройство, т.е. союз отдельных самоуправляемых автономных областей, с особыми законодательными палатами ... без всякого участия центральной власти, во главе с единой общероссийской палатой или конгрессом соединенных штатов Российской Республики, выбранным палатой президентом и ответственным перед палатой министерством, явится наилучшей формой правления».

Горское правительство отменило советские декреты, опубликовало Декларацию независимости Республики Союза Горцев Северного Кавказа и Дагестана: «В виду царящей в России анархии и, пользуясь признанным самим Петроградским правительством правом за всеми народами бывшей империи царей свободно создавать свою политическую будущность, Правительство Союза Горцев 11 мая 1918 г. опубликовало декларацию: 1. Союз Горцев Кавказа решает отделиться от России и образовать независимое государство...»<sup>10</sup> (Тахо-Годи, 1927: 61-62).

Сталина раздражали северокавказские федералистские проекты. Он возмущался: «что это за загадочные «правительства», откуда они пришли?»<sup>11</sup>

На первом Северокавказском краевом съезде советов в Екатеринодаре 7 июля 1918 года Г.К. Орджоникидзе выдвинул «советскую» альтернативу Горской республике: появившиеся Кубано-Черноморскую, Терскую и Ставропольскую республики объединить «в единую Северокавказскую Советскую республику - часть великой Российской Советской Социалистической Федеративной Республики». «Тогда Республика Северного Кавказа, сольется со своими соседями в единую Южнорусскую социалистическую Республику».

В июле 1918 года представители горцев Северного Кавказа, приехавшие на V Всероссийский съезд Советов, сформировали аппаратный ответ федералистам Горского правительства. Делегат съезда карачаевец У.Д. Алиев назначен руководителем нового отдела горцев в Наркомнаце. Он отдавал приоритет работе с тюркскими этносами. В 1918 году в Кисловодске и Пятигорске в Советах созданы «горские отделы по делам карачаевцев под руководством группы революционно настроенной молодежи Карачая, более или менее старавшейся проводить идеи советской власти в Карачае» (Чеботарева, 2003:123).

<sup>10</sup> Тахо-Годи А. Революция и контрреволюция в Дагестане. Махачкала 1927.

<sup>11</sup> Правда. 1918. 1 июня

Симптоматична родственисть тюркизму идеи «северокавказской нации», названия, применявшегося к народам Северного Кавказа. Для построения теории государственности использовались понятия «кавказской» и «северокавказской солидарности». Сложность применения заключалась в отношении к особому языковому разнообразию народов. Многие интеллектуалы считали это непреодолимым препятствием для формирования единой северокавказской нации. По поздним оценкам эмигрантов-горцев «пышно расцвел узкий национальный эгоизм. Умы кавказских государственных деятелей всецело были заняты устройством отдельных народов, каждый ограждал и устанавливал только свои границы, не обращая внимания на то, что делалось у соседей» (Бабич, 2012:123). Важный мотив: сложение имеющихся ресурсов, как и в тюркском сообществе, в северокавказском сообществе предполагалось использовать для повышения конкурентоспособности. Осетин Б.Билатти позже писал: «Федерация не терпит принуждения... Федеративная связь может заключаться только между величинами материально и духовно равноценными. В противном случае она рискует превратиться в ширму, под прикрытием которой сильный будет стремиться поглотить слабого».

Осмысляя в эмиграции, политические практики первых лет после 1917 года, Билатти подчеркивал: «Геополитическое положение Северного Кавказа и общие условия, в коих он пребывает ... ставят нас в такое исключительное положение, при котором не только не следует базировать идею национального возрождения на племенном партикуляризме, но, смеем думать, и сама мысль ... является опасной для нашего общенационального дела». Поэтому у народов Кавказа нет другого пути, как внедрять идею «национального централизма». О горском единстве писал и кабардинец Э.А. Бекович-Черкасский: «Мы объясняем наше единство тем, что в горском религиозно-общественном быту лежат основы старых исторических культур, влиявших веками на самобытность горской массы» (Бекович-Черкасский, 1929: 123). Любопытны поздние проекты противодействия большевистскому федерализму. Зимой 1935 года при Восточном Институте в Варшаве специальная комиссия планировала разработать унифицированный алфавит и создать единый язык для всех северокавказских народов.

В каждом регионе принимались свои организационно-управленческие решения, вокруг них разворачивались политические процессы. Рассмотрим их специфику в среде казахской и среднеазиатской элит. В программе партии «Алаш» указывалось: «форма государства Россия должна быть демократической, федеративной республикой».

После 1917 года структуры казахских автономистов обретали организационные контуры. В декабре 1917 года по инициативе А. Букейханова на II Всеказахском учредительном курултае провозглашена Алашская автономия «в целях спасения области Алаш от общего развала анархии». Высшим органом власти стал Временный Народный Совет - Алаш-Орда, председателем избран А. Букейханов. Конституцию автономии Алаш должно утвердить Всероссийское учредительное собрание.

На заседании общекиргизского съезда в Оренбурге 5-13 декабря 1917 года М. Чокай заявил о создании Туркестанской автономии. Федерализм не обособлял ее от Алашской автономии. Чокай считал необходимым вхождение Туркестана в Алашскую автономию. В дискуссиях по поводу федерализма и автономизма А. Букейханов высказывался за межэтническую интеграцию: «это дело не партийное...». Однако он опасался консервативных

религиозных традиций, переходящих в Средней Азии в религиозный фанатизм. Д. Аманжолова относит процессы к разным вариантам региональной консолидации элит.

А. Букейханов считал важным избегать прямого столкновения с Советской властью в условиях, когда «большевизмом, как эпидемией, был заражен весь организм русского государства», а его разрушительная сила достигла кульминации. По его мнению, оно «вовлекло бы казахское население в кровавую бойню, ... и дало бы подонкам казахского общества возможность вторгнуться идею большевизма в степь, вызвать дифференциацию в обществе и, таким образом, разрушить основы и традиции веками сложившегося национального нашего быта».

Как в случае и с горскими этносами Северного Кавказа, аппаратным решением создан киргизский отдел в Наркомнаце. В июне М.Х.-Г.Тунгачин, учитель из Социалистической партии Киргизии, прибывший на V Всероссийский съезд Советов, назначен руководителем отдела.

Этнические лидеры, вошедшие в состав правительств типа Милли идарэ, Алаш-орды, Икомуса, Горского, Башкирского и пр. сильно отличались уровнем и наличием политического опыта. В. Зеньковский их отнес к «среднему типу ... учителя, журналиста, адвоката. Но разве можно сравнивать их по владению идеологическими технологиями, по опыту, выдержке и революционной настойчивости с деятелями русской революции (Лениным, Троцким и др.), которые прошли теоретическую школу Западной Европы. «Мечтатели и литераторы» (Протопресвитер Василий Зеньковский. 1995:123). Но и те, и другие, во-первых, стремились попасть в центральные структуры власти, стать ее партнерами, надеясь соотнести личный опыт, традиции своего этноса с реальными политическими процессами. Последние отражались в дискуссиях о выборе модели развития, контроле над издержками в формировании прямых и обратных связей этнического с унификационным. Многие перемещались в центр событий, используя пафос идеологических лозунгов для продвижения собственного политического, символического, информационного продукта. Важно, во-вторых: они «облучали» друг друга с разных «этажей» регионального или общероссийского масштаба.

**Вывод.** Тюркский вариант федерализма, начав с религиозного компонента, даже, поместив его в центр своей конструкции, под влиянием не только обстоятельств, но и интересов своих элит трансформировался в этнокультурный вариант автономизма. Для Сталина, руководителя центрального наркомата, одинаково неприемлемы были как практики С. Максуди (объединение на почве тюркизма и ислама), так и практики А.-З.Валидова (если федерация, то только честная!). 10 мая 1918 года Сталин на конференции по созыву Учредительного съезда Татаро-Башкирской республики критиковал деятельность татарских, башкирских, казахских национальных структур. Они, по его мнению, добивались одного: чтобы центральная власть не вмешивалась в их деятельность и не контролировала их. «Дайте нам, – интерпретировал он их требования, – автономию, мы тогда признаем центральную Советскую власть, но местных советов не можем признать, они не должны вмешиваться в наши дела, мы организуемся, как хотим, как знаем». Сталин отрезал: Советская власть не признает такие автономии<sup>12</sup>. Работники Наркомнаца М. Вахитов, К. Якубов и Г. Ибрагимов, авторы проекта Татаро-Башкирской республики, поддерживали его. Но

<sup>12</sup> Известия ВЦИК. 1918. 21 мая

башкирский лидер Валидов, не поддержавший проект Максуди общетюркской федерации, ранее опасавшийся доминирования татар, теперь пришел к выводу: «Политика Советов лжива, коварна: может быть, в Центре и есть хорошие люди, однако, те русские, с которыми нам предстоит работать на местах, – люди вероломные, отъявленные шовинисты». Он отмечал: «Лично от Чичерина я узнал, что Советы ... были такими же яркими националистами, как и царские чиновники» (Отечественная история. 1997. № 6). Но идея честной тюркской федерации в сознании тюркских элит не умерла.

Подведем итоги. Славянские интеллектуальные круги, исключая, кажется, К.Н.Леонтьева, не придали значения туранскому элементу, другими словами, тюркизму<sup>13</sup>. Концепция «Идель-Урал» как современная конструкция соперничала в поиске исторической справедливости, используя федерализм для реализации восточной альтернативы развития культурных ресурсов тюркской языковой семьи. Сталин столкнулся вплотную с этим вариантом федерализма, за которым стояла огромность территории, численность тюрко-язычного населения воображаемой федерации (около 6 млн.). Он боялся его смертельно, что проявилось в конце 1920-х годов массовыми репрессиями элит.

#### Әдебиеттер тізімі / Список литературы

1. Алексеенков, 1931 - Алексеенков П. Кокандская автономия. Ташкент. Учгиз. 1931. 72 с.
2. Аманжолова, 2009 - Аманжолова Д. На изломе. Алаш в этнополитической истории Казахстана. Алматы: Таймас, 2009. 412 с.
3. Бабич, 2012 - Бабич И.Л. Северокавказская нация в европейской эмиграции (1917 -1930- е годы): миф или реальность // Общество как объект и субъект власти. СПб., 2012.
4. Бекович-Черкасский, 1929 - Бекович-Черкасский Э. «Возрождение» о сепаратизме горцев Кавказа // Горцы Кавказа. 1929. № 8-9.
5. Bennigsen, 1960 - Bennigsen A., Lemerrier-Quelquejay Ch. Les mouvements nationaux chez les Musulmans de Russie: Le «Sultangalievisme» au Tatarstan. Paris, 1960.
6. Вахитов, 1967 - Вахитов М. Избранное. Статьи, речи, письма, документы. Казань, 1967. 124 с.
7. Ленин, 1984 - Ленин В.И. и Башкирия. Документы, материалы, воспоминания, 3-е изд., доп. Уфа, 1984.
8. Гачев, 1998 - Гачев Г.Д. Национальные образы мира: курс лекций. М.: Academia, 1998. 432 с.
9. Из истории, 1999 - Из истории российской эмиграции. М., 1999.
10. Ергин, 2008 - Ергин Ю.В. «От имени башкир – Шафир Манатов» // Педагогический журнал. 2008. № 1 (14).
11. Ергин, 2011 - Ергин Ю.В. Аллабирде Ягафаров – первый нарком просвещения малой Башкирии // Педагогический журнал Башкортостана. 2011. № 6.
12. Валиди, 1994 - Валиди А.-З. Борьба народов Туркестана и других восточных мусульман-тюрков за национальное бытие и сохранение культуры. Книга I. Уфа, Китап. 1994.
13. Исхаков, 2004 - Исхаков С. Российские мусульмане и революция 1917–1918 гг. М.: Мысль, 2004.
14. Исхаков, 1997 - Исхаков С. А.-З. Валидов: пребывание у власти // Отечественная история. 1997. № 6.
15. Исхаков, 2014 - Исхаков С.М. Меньшевик А.Цаликов об отношении российских мусульман к первой мировой войне. 1917 г. // XX век и Россия: общество, реформы, революции. 2014. № 2.
16. Кавиев, 2014 - Кавиев А.Ф., Сабиров И.Т. Муллахур Вахитов и деятельность комиссариата по делам мусульман внутренней России // В мире научных открытий. 2014. № 1.
17. Кенжетаев, 1998 - Кенжетаев Б.А. Казанские учебные заведения и процесс формирования казахской интеллигенции в середине XIX - начале XX вв. Издательский дом «Пиф». 1998.
18. Кирчанов, 2010 - Кирчанов М.В. [Пост]колониальные ситуации: среднеазиатские национализмы в контексте политических модернизаций / Воронеж: Воронежский государственный университет, 2010.

<sup>13</sup> Леонтьев К. Восток, Россия и славянство. СПб., 1885-1886. Т. 1. С.285

19. Мякотин, 2015 – Мякотин Е. Сила в нас самих. Чтение архива Соломона Герцфельда//Еврейская старина. 2015. № 1(84).
20. Мухарямов, 1989 - Мухарямов М.К. Великий Октябрь и некоторые вопросы формирования татарской социалистической нации. Казань. 1989. С. 8-9.
21. Мухетдинов, 2011 - Мухетдинов Д.В., Хабутдинов А.Ю. Ислам в России XVIII – начале XX вв.: модернизация и традиции. Н.Новгород: Издательство ННГУ им. Н.И.Лобачевского, 2011.
22. Образование, 1959 - Образование Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики. Сб. документов и материалов. Уфа. 1959.
23. Протопресвитер, 1995 - Протопресвитер Василий Зеньковский. Пять месяцев у власти (15 мая –19 октября 1918 г.). Воспоминания. М., 1995.
24. Сталин, 1947 - Сталин И.В. Октябрьский переворот и национальный вопрос / Соч. 4. М.:ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1947
25. Султанбеков, 1997 - Султанбеков Б.,Шарафутдинов Д. Политическая «бомба» Эдгема Булбуловича // Эхо веков. 1997. № ¾.
26. Топчибашев, 1993 - Топчибашев А.М. Меморандум, предъявленный находящимся в Константинополе почетным представителям держав Антанты, членом правительства Азербайджанской республики, Чрезвычайным министром-посланником при правительствах Блистательной Порты Армении и Грузии Алимардан-беком Топчибашевым (ноябрь 1918 г.). Баку, издательство «Азербайджан». 1993.
27. Хабутдинов, 1999 – Хабутдинов А. Начальные этапы формирования татарского управленческого аппарата // Вестник Евразии. 1999. № 1/2.
28. Хабутдинов, 2001 - Хабутдинов А. Органы национальной автономии тюрко-татар мусульман внутренней России и Сибири в 1917–1918 гг. Вологда. 2001.
29. Хабутдинов, 2003 - Хабутдинов А. Лидеры нации. Рождение татаризма. Галимджан Ибрагимов (1887-1938). Казань. 2003.
30. Хабутдинов, 2013 – Хабутдинов А. Институты российского мусульманского сообществ в Волго-Уральском регионе. М.: ИД Марджани, 2013.
31. Чеботарев, 2003 - Чеботарева В.Г. Наркомнац РСФСР: свет и тени национальной политики. 1917–1924 гг. М., 2003.
32. Юлдашбаев, 1984 - Юлдашбаев Б.Х. Национальный вопрос в Башкирии накануне и в период Октябрьской революции. Уфа. 1984.

## Referens

- Alekseenkov, 1931. - Alekseenkov P. Kokandskaya avtonomiya. Tashkent. Uchgiz. 1931. 72 s.(in Rus.)
- Amanzholova, 2009 - Amanzholova D. Na izlome. Alash v ehtnopoliticheskoy istorii Kazahstana. Almaty: Tajmas, 2009. 412 s. (in Rus.)
- Babich, 2012 - Babich I.L. Severokavkazskaya naciya v evropejskoj ehмиграции (1917 -1930- e gody): mif ili real'nost' // Obshchestvo kak ob"ekt i sub"ekt vlasti. SPb., 2012. (in Rus.)
- Bekovich-CHerkasskij, 1929 - Bekovich-CHerkasskij EH. «Vozrozhdenie» o separatizme gorcev Kavkaza // Gorcy Kavkaza. 1929. № 8-9. (in Rus.)
- Bennigsen, 1960 - Bennigsen A., Lemerrier-Quelquejay Ch. Les mouvements nationaux chez les Musulmans de Russie: Le «Sultangalievisme» au Tatarstan. Paris, 1960. (in Rus.)
- Vahitov, 1967 - Vahitov M. Izbrannoe. Stat'i, rechi, pis'ma, dokumenty. Kazan', 1967. 124 s. (in Rus.)
- Lenin V.I. i Bashkiriya. Dokumenty, materialy, vospominaniya, 3-e izd., dop. Ufa, 1984. (in Rus.)
- Gachev, 1998 - Gachev G.D. Nacional'nye obrazy mira: kurs lekcij. M.: Academia, 1998. 432 s. (in Rus.)
- Iz istorii rossijskoj ehмиграции. M., 1999. (in Rus.)
- Ergin, 2008 - Ergin YU.V. «Ot imeni bashkir – SHafir Manatov» // Pedagogicheskij zhurnal. 2008. № 1 (14). (in Rus.)
- Ergin, 2011 - Ergin YU.V. Allabirde YAgafarov – pervyj narkom prosveshcheniya maloj Bashkirii // Pedagogicheskij zhurnal Bashkortostana. 2011. № 6.(in Rus.)
- Validi, 1994 - Validi A-Z. Bor'ba narodov Turkestana i drugih vostochnyh musul'man-tyurkov za nacional'noe bytie i sohranenie kul'tury. Kniga I. Ufa, Kitap. 1994.(in Rus.)
- Iskhakov, 2004 - Iskhakov S. Rossijskie musul'mane i revolyuciya 1917–1918 gg. M.: Mysl', 2004.(in Rus.)
- Iskhakov, 1997 - Iskhakov S. A.-3.Validov: prebyvanie u vlasti //Otechestvennaya istoriya. 1997. № 6. (in Rus.)
- Iskhakov, 2014 - Iskhakov S.M. Men'shevik A.Calikov ob otnoshenii rossijskih musul'man k pervoj mirovoj vojne. 1917 g. // HKH vek i Rossiya: obshchestvo, reformy, revolyucii. 2014. № 2. (in Rus.)

- Kaviev, 2014 - Kaviev A.F., Sabirov I.T. Mullanur Vahitov i deyatel'nost' komissariata po delam musul'man vnutrennej Rossii // V mire nauchnyh otkrytij. 2014. № 1. (in Rus.)
- Kenzhetaev, 1998 - Kenzhetaev B.A. Kazanskije uchebnye zavedeniya i process formirovaniya kazahskoj intelligencii v seredine XIX - nachale XX vv. Izdatel'skij dom «Pif». 1998. (in Rus.)
- Kirchanov, 2010 - M.V. [Post]kolonial'nye situacii: sredneaziatskie nacionalizmy v kontekste politicheskikh modernizacij / Voronezh: Voronezhskij gosudarstvennyj universitet, 2010. (in Rus.)
- Myakotin, 2015 - Myakotin E. Sila v nas samih. CHtenie arhiva Solomona Gercfel'da//Evrejskaya starina. 2015. № 1(84)//Evrejskaya starina. 2015. № 1(84). (in Rus.)
- Muharyamov, 1989 - Muharyamov M.K. Velikij Oktyabr' i nekotorye voprosy formirovaniya tatarskoj socialisticheskoy nacii. Kazan'. 1989. S. 8-9.(in Rus.)
- Muhetdinov, 2011 - Muhetdinov D.V., Habutdinov A.YU. Islam v Rossii v XVIII – nachale XXI vv.: modernizaciya i tradicii. N.Novgorod: Izdatel'stvo NNGU im. N.I.Lobachevskogo, 2011.(in Rus.)
- Obrazovanie, 1959 - Obrazovanie Bashkirskoj Avtonomnoj Sovetskoj Socialisticheskoy Respubliki. Sb. dokumentov i materialov. Ufa. 1959.(in Rus.)
- Protopresviter, 1995 - Protopresviter Vasilij Zen'kovskij. Pyat' mesyacev u vlasti (15 maya –19 oktyabrya 1918 g.). Vospominaniya. M., 1995.(in Rus.)
- Stalin, 1947 - Stalin I.V. Oktyabr'skij perevorot i nacional'nyj vopros / Soch. 4. M.:OGIZ; Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1947. (in Rus.)
- Sultanbekov, 1997 - Sultanbekov B., SHarafutdinov D. Politicheskaya «bomba» EHdgema Bulbulovicha // EHkho vekov. 1997. № ¾. (in Rus.)
- Topchibashev, 1993 - Topchibashev A.M. Memorandum, pred"yavlennyj nahodyashchimsya v Konstantinopole pochetnym predstaviteleyam derzhav Antanty, chlenom pravitel'stva Azerbajdzhanskoj respubliki, CHrezvychnym ministrom-poslannikom pri pravitel'stvah Blistatel'noj Porty Armenii i Gruzii Alimardan-bekom Topchibashevym (noyabr' 1918 g.). Baku, izdatel'stvo «Azerbajdzhan». 1993.(in Rus.)
- Habutdinov A. Nachal'nye ehtapy formirovaniya tatarskogo upravlencheskogo apparata // Vestnik Evrazii. 1999. № 1/2.(in Rus.)
- Habutdinov, 2001 - Habutdinov A. Organy nacional'noj avtonomii tyurko-tatar musul'man vnutrennej Rossii i Sibiri v 1917–1918 gg. Vologda. 2001.(in Rus.)
- Habutdinov, 2003 - Habutdinov A. Lidery nacii. Rozhdenie tatarizma. Galimdzhan Ibragimov (1887-1938). Kazan'. 2003.(in Rus.)Habutdinov, 2013 - Habutdinov A. Instituty rossijskogo musul'manskogo soobshchestva v Volgo-Ural'skom regione. M.: ID Mardzhani, 2013.(in Rus.)
- CHebotareva, 2003 - CHEbotareva V.G. Narkomnac RSFSR: svet i teni nacional'noj politiki. 1917–1924 gg. M., 2003.(in Rus.)YUldashbaev, 1984 - YUldashbaev B.H. Nacional'nyj vopros v Bashkirii nakanune i v period Oktyabr'skoj revolyucii. Ufa. 1984.(in Rus.)

**Article-submission – Таныстыру мақаласы – Статья-представление****On the major behavioral motivation factors of the kazakh national military formations' soldiers during the war (1941-1945)\***

DOI: 10.31551/2410-2725-2019-5-2-280-295

**Asanova Saltanat Amirgalievna**

Candidate of Historical sciences, Leading Researcher at the Ch.Ch.Valikhanov Institute of History and Ethnology of CS MES RK, Department of the History of Kazakhstan of the Soviet period, Kazakhstan, Almaty, Shevchenko str., 28. E-mail: saltasanova@gmail.com

**Abstract.** The article is devoted to finding an answer to the question about the main factors of the behavioral motivation of the Kazakh soldiers in the first, most tragic period of the war.

This motivation was the basis of high civic consciousness of Kazakh soldiers, officers and members of the labor front. An attempt was made to ethnological analysis of the main factors of the moral mobilization of the Kazakh people on the example of national military units.

According to the author, namely, the ethnological approach to the studied issues allows to identify the socio-psychological phenomenon that provided a high patriotic rise of the Kazakh military and their readiness for voluntary sacrifice in the name of Victory.

It is noted that the former explanatory practices that linked the sources of victory with the indisputable advantage of the Soviet system and the popular support of the Soviet government do not satisfy and do not correspond to the modern level of historical knowledge. The pre-war period associated with violent modernization did not give grounds for the formation of Soviet patriotism. Today, Kazakh historians are unanimous in the negative assessment of the power-based nature of Soviet modernization, which has turned into irreplaceable physical and more important for ethnocultural losses for Kazakhs. The Kazakhs paid a very high price for the tragic experience of modernization. However, despite all the insults caused by the Soviet authorities, the Kazakhs, from the very first tragic period of the Great Patriotic War, became one of the best soldiers of the Red Army and made an invaluable contribution to the Victory.

Essentially, the author's efforts boil down to finding an answer to the question of the main and real factors of the behavioral motivation of the Kazakh soldiers, since from the point of view of rational logic, the participation of the Kazakhs in this war was a definite historical paradox. Particular attention is paid to defining the main vectors of changing the content of propaganda work during the first most tragic period of the war, as well as analyzing the peculiarities of the internal policy (national and religious) of the Soviet government, first of all, its aspects such as addressing national and religious values that stimulated a positive mobilization motivator people

**Key words:** national policy, mobilization, national military formations, patriotism, internationalism, chauvinism, nationalism

**Соғыс жылдарындағы қазақ ұлттық әскери құрама жауынгерлерінің мінез-құлық уәждемесінің негізгі себептері туралы (1941-1945)****Асанова Салтанат Әмірғалиқызы**

Тарих ғылымдарының кандидаты, жетекші ғылыми қызметкер, ҚР БҒМ ҒК Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты, «Кеңес дәуіріндегі Қазақстан тарихы» бөлімі, Қазақстан, Алматық., Шевченкоқ., 28 үй. E-mail: saltasanova@gmail.com

**Аңдатпа.** Мақала соғыс кезіндегі қазақ халқының патриоттық өрлеуі мен оның өз еркімен құрбандыққа баруының негізгі қайнаркөздерін ұлттық әскери құрамалар арқылы саралауға арналған. Жеңістің қайнар көздерін кеңестік құрылыстың артықшылықтарымен және кеңес өкіметін бүкіл халықтық қолдау негізінде бұрынғыша түсіндіру тәжірибесі бүгін қанағаттандырмайды және тарихи білімнің қазіргі деңгейіне сәйкес келмейді. Соғысқа дейінгі күштеп өзгеріске ұшырату кеңестік патриотизмнің қалыптасуына негіз бола алмайтын еді. Бүгіндері Қазақстан тарихшылары кеңестік модернизацияның күштеу сипатын бірауыздан

\* Статья написана в рамках реализации проекта Национальные войсковые формирования Казахстана на фронтах войны (1941-1945 гг.)»



айыптайды. Себебі ол қазақтар үшін орны толмас шығындармен этномәдени тоқырауға алып келді. Бірақ кеңес өкіметінің қазақ халқына келтірген қаншама сұмдық қиындықтарына қарамастан, қазақтар соғыстың алғашқы трагедиялық күндерінен бастап Қызыл Армияның ең таңдаулы солдаттарының қатарында болып, Жеңіске өлшеусіз үлес қосты. Авор негізінен қазақ жауынгерлерінің отанға беріле соғысу себептерімен оның шынайылығына жауап іздейді, себебі тиімді логика тұрғысынан бұл соғыс қазақтардың қатысуының өзі тарихи парадокс сияқты еді. Мақалада соғыстың алғашқы трагедиялық кезеңінде үгіт-насихат жұмыстары ауқымының өзгеруіне ерекше назар аударылған. Мұның жауабын кеңес өкіметінің ішкі (ұлттық және діни) саясатын саралау арқылы білуге болады. Ең алдымен оның соғыс кезіндегі ұлттық және діни саясатындағы бет бұрыстан, халықтың жауға қарсы күрестегі жағымды психологиялық мүддесінен бұланьқ көрініс тапты.

**Кілтсөздер:** ұлттық саясат, мобилизация, ұлттық әскери құрамалар, патриотизм, интернационализм, шовинизм, ұлтшылдық.

## **Об основных факторах поведенческой мотивации воинов казахских национальных войсковых формирований в годы войны (1941-1945)**

### **Асанова Салтанат Амиргалиевна**

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела «Истории Казахстана советского периода», Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова КН МОН РК, Казахстан, Алматы, ул. Шевченко, д. 28. E-mail: saltasanova@gmail.com

**Аннотация.** Статья посвящена поиску ответа на вопрос об основных факторах поведенческой мотивации воинов-казахов в первый, наиболее трагический период войны. Эта мотивация явилась основой высокой гражданской сознательности казахских солдат, офицеров и участников трудового фронта. Предпринята попытка этнологического анализа основных факторов моральной мобилизации казахского народа на примере национальных войсковых формирований.

По мнению автора именно, этнологический подход к исследуемой проблематике позволяет выявить социально-психологический феномен, обеспечивший высокий патриотический, подъем казахских военнотружущих и их готовность к добровольной жертвенности во имя Победы.. Отмечается, что прежние объяснительные практики, связывавшие истоки победы с неоспоримым преимуществом советского строя и всенародной поддержки советской власти не удовлетворяют и не соответствуют современному уровню исторического знания. Предвоенный период связанный с насильственной модернизацией не давал основания для формирования советского патриотизма. Сегодня казахстанские историки единодушно в негативной оценке силового характера советской модернизации, которая обернулась для казахов невосполнимыми физическими и что важнее этнокультурными потерями. Казахи заплатили очень высокую цену за трагический опыт модернизации. Однако, несмотря на все обиды, причиненные советской властью казахи, с самого первого трагического периода Великой Отечественной войны стали одними из лучших солдат Красной Армии и внесли неоценимый вклад в Победу. По – существу, усилия автора сводятся к поиску ответа на вопрос об основных и реальных факторах поведенческой мотивации воинов-казахов, поскольку с точки зрения рациональной логики участие казахов в этой войне было определенным историческим парадоксом. Особое внимание уделено определению основных векторов изменения содержания пропагандистской работы в первый наиболее трагический период войны, а также анализу особенности внутренней политики (национальной и религиозной) советской власти, прежде всего, таких ее аспектов как обращение к национальным и религиозным ценностям, стимулировавших положительную мобилизационную мотивацию воющего народа.

**Ключевые слова:** национальная политика, мобилизация, национальные войсковые формирования, патриотизм, интернационализм, шовинизм, национализм.

УДК/UDC 94(574) "1941/45"+572.9+35

**Об основных факторах поведенческой мотивации воинов казахских национальных войсковых формирований в годы войны (1941-1945)**

С.А. Асанова

**Введение.** Сложный и противоречивый процесс становления национальной концепции отечественной истории сопровождается отходом от прежней трактовки ее как части общесоюзной истории без учета собственной национальной специфики. Вместе с тем, существовавшие прежде объяснительные практики, связывавшие причины патриотического подъема казахского народа с неоспоримыми преимуществами социализма и верности советской власти отвечают современной концепции казахской истории. В этой связи основной задачей исследовательского дискурса стали поиски ответа на вопрос – чем реально мотивировался патриотический подъем казахского народа? А также – как шла трансформация идеологической парадигмы в условиях войны, какой фактор морально-психологической мобилизации воюющего народа оказался решающим в поведенческой мотивации казахских солдат, обеспечивший эффективность и боеспособность казахских национальных войсковых формирований на фронтах войны.

**Материалы и методы.** Методологической основой статьи послужили традиционные для данного направления принципы историзма и научной объективности. Попытки выяснения реальных факторов моральной мобилизации казахских солдат потребовало использование других методологий. В частности, теории этноса, согласно, которой любые этнические образования являются результатом интеллектуальных конструкций. Они утверждаются в общественном сознании благодаря использованию государством комплекса средств массовой агитации и пропаганды, а также системы образования. Ситуационное использование конструктивизма при анализе национальных явлений выявляет роль государства в формировании общественных настроений и мотивов поведения. (Тишков, 1993: 5). Поэтому представляется оправданным и целесообразным применение этнологического подхода к проблеме выявления факторов патриотического подъема казахского народа в годы Великой Отечественной войны.

Вместе с тем предпринятая попытка этнологического анализа основывается на корреляции государственной политики гражданским обществом. Результатом действия таких противоречивых векторов в формировании общественного сознания становится появление новой парадигмы, способной решить самые грандиозные задачи. Ситуационное использование конструктивизма позволяет определить роль государства в формировании общественных настроений и мотивов поведения, а также обратной связи со стороны населения. Общество - это самоорганизующаяся структура. Современная историческая наука выявила пути, позволяющие приблизиться к пониманию исторического прошлого через его субъект и носителя – самого человека. Всесторонний анализ материальных и социальных форм повседневного существования человека – его жизненного микромира, стереотипов его мышления и поведения – рассматривается как один из возможных в этом отношении подходов. Представители Франкфуртской школы, стремившиеся понять истоки тоталитаризма, указывали на организующую роль идеологий в структуре общественной жизни.

**Обсуждение.** Как известно, в советский период тема Великой Отечественной войны была одной из самых востребованных. «По сведениям библиографов, по истории Казахстана периода Великой Отечественной войны опубликованы сотни книг, брошюр и журнальных статей. Только в одном 1965 г. в связи с 20-летием Победы вышло 8 книг, 24 брошюры и свыше 200 научных статей в журналах и республиканских газетах, отражающих вклад республики в разгром врага» (Козыбаев, Белан, 1991:20). Непосредственно в годы войны по горячим следам событий было положено начало изучению истории войны и тыла. Однако работам, опубликованным в 1941-1945 гг., как начальному этапу изучения истории войны, помимо преклонения перед И.В. Сталиным, был присущ агитационно-пропагандистский характер, нежели научный. В первое послевоенное десятилетие был сделан значительный шаг в исследовании истории Казахстана военных лет: в составе Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР была создана специальная научная ячейка – отдел истории Великой Отечественной войны во главе с А.Н. Нусупбековым (фронтовиком-панфиловцем, впоследствии академиком АН КазССР, вице-президентом АН Казахской ССР, с 1956 г. по 1982 г. – директором вышеуказанного института), положившим начало научной разработке проблем истории военного времени, в том числе участия казахстанцев на фронтах войны. Следующий этап – со второй половины 50-х годов XX в. до конца 1964 г. характеризовался значительным расширением документальной базы исследований на основе постановления ЦК КПСС, нацеливавшего соответствующие учреждения и ученых на разработку объективной истории военного времени. Труды А. Нусупбекова, М. Козыбаева, Т. Балакаева, М. Асылбекова, Н. Едыгенова, П. Белана, С.Н. Покровского и других знаменовали собой качественно новый этап казахстанской историографии войны. (Балакаев, Алдажуманов, 1989: 113-114). Вместе с тем даже несмотря на академический характер и фундаментальность источниковой базы выше перечисленные исследования сохраняли парадно-победоносный тон и интерпретацию событий, характерную для всей историографии советского периода. Трудности военного времени преподносились в «лакированном» формате. Исследователи не всегда могли показать реальную картину военной истории со всеми трагическими и сложными явлениями». (Алдажуманов, 2011:204).

Постсоветский период так же знаменовался попытками отечественных историков осветить отдельные проблемы истории войны и участия в ней казахского народа. Основными объектами внимания были проблемы, которые ранее не затрагивались советской историографией, это так называемые «белые пятна» истории войны. В трудах ведущих отечественных специалистов Козыбаева М.К., Алдажуманова К.С., Балакаева Т.Б. впервые были подняты вопросы формирования и участия в боевых действиях национальных частей и соединений, история участия казахского населения в Трудовой армии, трагическая судьба казахских военнопленных, история движения Сопротивления и Туркестанского легиона. Таким образом, со времен обретения независимости немалую работу проделали и казахстанские историки. Под руководством выдающегося казахстанского ученого, академика М.К. Козыбаева было осуществлено издание сводного тома «Книги памяти Казахстана - Боздақтар» Книга Памяти Казахстана – Боздақтар. (Сводный том. Сост: Белан, Едыгенов:1995). При научно-методическом руководстве М. Козыбаева осуществлено издание «Книги Памяти» по областям Казахстана. В многочисленных работах М.Козыбаева нашли отражение новые

методологические подходы освещения основных вех советской истории, в том числе и Великой Отечественной войны (Козыбаев, 2000: 34-40).

Значимую роль в казахстанской историографии сыграла публикация К.С. Алдажуманова «История войны 1941-1945 годов и Казахстан: белые пятна и проблемы». Автор статьи обозначил ключевые проблемы истории Великой Отечественной войны, определил проблематику и перспективы научно-исследовательских направлений. Текущий этап ознаменован реализацией научно-исследовательских проектов, поддержанных КН МОН РК по предложенной проблеме, научным руководителем выступает К.С. Алдажуманов.

Источниковая база исследуемой темы достаточно широко апробирована. Вместе с тем постсоветский период характеризуется своеобразной архивной революцией, связанной с открытием и доступностью большинства ранее закрытых фондов. РГАСПИ, ГАРФ, АП РК, ЦГА РК. Эти документы позволяют раскрыть реальную картину морально-психологического состояния воюющего народа. Однако, даже они не могут полностью удовлетворить исследовательские задачи в силу высокой степени идеологизированности. В качестве дополнительных источников служат индивидуальные воспоминания непосредственных участников, простых рядовых людей, которые были собраны в результате казахстанских научно-исторических экспедиций постсоветского времени, а также публикации зарубежных источников, воспоминаний участников коллаборационистского движения, а также других граждан, оказавшихся в западной зоне оккупации.

**Результаты.** Одним из самых сложных проблем общественной жизни советского государства на протяжении его семидесятилетней истории и до самого крушения был национальный вопрос. Острота национального вопроса возросла в условиях военно-политической катастрофы первых месяцев войны, когда за первые «18 месяцев гитлеровский вермахт нанес серьезный ущерб советскому государству и катастрофические поражения его Красной Армии. Германские вооруженные силы захватили 30 процентов европейской территории Советского Союза с ее огромным населением и богатой промышленной и сельскохозяйственной базой, 1 миллион 998 человек солдат и офицеров попали в плен за первые полгода войны.<sup>1</sup> Трагическое начало войны фактически привело к крушению Красной армии, которое, по мнению российских исследователей, было не только результатом внезапного нападения, тактических промахов советского руководства, но и подтверждением того факта, что в сложившейся трагической ситуации широкое распространение получили паника, отчаяние, что в конечном счете, привело к массовой сдаче в плен.

Миллионы советских солдат и офицеров оказались в плену. Исход войны теперь зависел от населения тыловых, в том числе восточных районов страны. В 1942 году и до лета 1943 г. мобилизация шла только за счет восточных регионов. Формирование новых частей и соединений шло непрерывно. Из центрально азиатских республик в этот период было призвано на фронт 3 млн. человек (Козыбаев, 2000: 211). В условиях военного времени произошла перестройка идеологического содержания национальной политики, истоки которой лежат в 30-х годов XX века. Унаследовав национальный вопрос от Российской империи, советское руководство стремилось найти его собственное решение. Поэтому методы и формы национальной политики

<sup>1</sup> Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.5446. Оп.86. а. Д 12345. Л-1-112

советского государства носили двойственный характер. «С одной стороны, национальное сознание целенаправленно побуждалось, а в отношении ряда народов формировалось, но под идеологическим и политическим контролем власти» (Лурье, 2011:148). Эта противоречивость советской национальной политики проявлялась также и в том, что при постановке тактических задач советское руководство легко шло на отход от прежних пропагандистских лозунгов. Подобная тактическая гибкость особенно наглядно проявилась в условиях войны 1941-1945 гг. Здесь имела место смена идеологической парадигмы. При этом необходимо отметить эффективность идеологической работы советского правительства. Пропагандистской агитацией были охвачены все граждане огромной страны. Вместо отвлеченных призывов к мировой пролетарской революции и интернациональному единству использовались другие образы. Были задействованы такие механизмы мотивации, как национальные чувства и апелляция к образам национальных защитников Отечества.

После нападения фашистской Германии на СССР война приобретает оборонительный, а значит благородный характер защиты Отечества. Но здесь возникает очень важный и интересный нюанс – происходит определенная гуманизация пропагандистских лозунгов. Как советские граждане и товарищи в одночасье стали «братьями и сестрами великому вождю», так и образ Родины как общего социалистического отечества, становится конкретно твоим домом, твоим народом, который надо защитить. Еще одним исключительно правильным шагом пропагандистской работы стало обращение к исторической традиции защиты Отечества. Советское руководство не побоялось сделать поворот на сто восемьдесят градусов в идеологической работе. В одночасье, на некоторое время, были забыты принципы классового подхода. В качестве героев для подражания были провозглашены исторические личности классово чуждого для советской власти и социального происхождения - князя, аристократы ханы и батыры. Впервые за историю уже советского Казахстана лидер местной коммунистической партии Жумабай Шаяхметов в своей речи на митинге, посвященном началу мобилизации в июне 1941 года призвал казахских юношей обратиться к духу великих предков в лице хана Аблая и хана Кенесары. Точно такие же призывы прозвучали в другом документе - Письме казахского народа воинам фронтовикам, под которым подписалась 3 миллиона казахстанцев. Текст письма был опубликован 23 февраля 1943 г. в газете «Правда», а также зачитан на казахском и русском языках по Всесоюзному радио (Все для фронта! 1985: 152).

Подобные призывы означали частичную реабилитацию ранее запретных страниц национальной истории, правда, на очень короткий срок. Колебание идеологического курса власти чутко отслеживалось национальными элитами, которые всегда использовали любую политическую возможность для восстановления и сохранения своего культурного наследия. Примером может служить попытка создания первого варианта советской редакции «Истории Казахстана с древнейших времен до наших дней», изданной при содействии эвакуированных ученых института истории РАН во главе с академиком А.М. Панкратовой. Концепция истории казахского народа авторского коллектива основывалась на осуждении колониальной политики царизма и положительной оценки национально-освободительного движения казахского народа. Особое внимание уделялось восстанию во главе с Кенесары Касымовым (1837-1847), как самым значительным в истории национально-освободительной борьбы казахского народа.

В тот период реанимировались не только отдельные страницы казахской истории, но и формы устной поэтической традиции, героический эпос, творчество акынов и жырау, а также живая национальная традиция - казахский айтыс. Так, по инициативе Карагандинского обкома в 1942 г. началось проведение айтысов между районами. Только за период с 1942-1943 гг. состоялись десятки областных и республиканских айтысов, на которых выступали известные акыны импровизаторы: Ш. Кошкарбаев, К. Айнабеков, Н. Байганин. Они совершали своеобразные турне по городам и аулам, что имело большой агитационно-пропагандистский эффект (Козыбаев, 1991: 87).

Создание национальных воинских формирований находилось также в русле изменения вектора национальной политики в экстремальных условиях первого периода войны. Огромные потери личного состава Красной Армии к осени 1941 года требовали незамедлительных мер по скорейшей дополнительной мобилизации и ускоренной подготовки военно-обученных контингентов. Поиски внутренних резервов заставили Верховное командование искать новые и возрождать прежние формы военного строительства. Поэтому решением проблемы скорейшего восполнения людских ресурсов стало возвращение, как и в годы гражданской войны, к идее создания национальных воинских формирований. Согласно решению Государственного Комитета Обороны от 13 ноября 1941г, работа по подготовке резервов и формированию воинских частей для фронта должна была проводиться на местах под руководством местных партийных органов и командования военных округов. Сформированные в декабре 1941 г. части, были отправлены на фронт. С весны 1942 года в действующую армию стали прибывать национальные воинские соединения и части из Закавказья, республик Средней Азии, Казахстана, Башкирии и Татарстана. Военное руководство в лице Ставки, НКО и Генерального штаба оказалось вынужденным практически с нуля создать дополнительно новую армию. В то же время как специалист в национальном вопросе, Сталин и его окружение опасались, и не желали допускать чрезмерной военной самостоятельности национальных республик СССР. Национальные воинские соединения таили в себе реальную угрозу целостности многонационального государства. Этим объясняется, что 7 марта 1938 года постановлением ЦК ВКП (б) и СНК СССР «О национальных частях и формированиях РККА» был официально оформлен и законодательно закреплён отказ от формирования национальных частей. Однако, к концу 1941 года, Красная Армия остро нуждалась в скорейшем пополнении личного состава действующей армии. В этих условиях восстановление национальных частей стало эффективным и своевременным решением данной проблемы. Оно было принято Государственным Комитетом Обороны в виде постановления за № 894 от 13 ноября 1941 года «О формировании национальных войсковых соединений». Всего планировалось создать 20 кавалерийских дивизий и 15 отдельных стрелковых бригад. Из них в Башкирской АССР – 2 кавалерийские дивизии, в Туркменской ССР – одну кавалерийскую дивизию и одну отдельную стрелковую бригаду, в Узбекской ССР- 5 кавалерийских и 9 отдельных стрелковых бригад; в Таджикской ССР – 1 кавалерийскую и 2 отдельных стрелковых бригады; в Казахской ССР – 2 отдельные стрелковые бригады и 1 кавалерийскую дивизию; в Калмыцкой АССР – одну кавалерийскую дивизию; в Киргизской ССР – 3 кавалерийские дивизии; в Чечено-Ингушской и Кабардино-Балкарской АССР – по одной

кавалерийской дивизии<sup>2</sup>. «Ввод в бой большинства национальных соединений пришелся на одну из наиболее тяжелых фаз Великой отечественной войны - летне-осеннюю 1942 г. наступательную кампанию немецко-фашистских войск и их союзников. В результате к началу 1943 года удельный вес представителей неславянских национальностей в действующих войсках были наиболее высокими. Если сравнить представительство различных народов СССР в армии в апреле 1943 г. с данными переписи населения 1939 г., то окажется, что удельный вес этих народов в войсках значительно превышал их удельный вес среди населения СССР накануне войны. Так, к апрелю 1943 г. доля армян в войсках составляла 1,77%, в то время как среди всего населения этот показатель не превышал 1,27 %. Эти цифры для грузин составили 1,48 и 1,33 %, азербайджанцев - 1,40 (на 1 июля 1943.-1,57) и 1,34 %, узбеков - 2,62 и 2,86%, казахов – 2,22 (на 1 июля 1943 г.- 2,77) и 1.83 %». (Безугольный, 2016:175).

Все вопросы формирования и комплектования национальных воинских подразделений находились в полной компетенции соответствующих республик. Это было серьезное важное правительственное задание в чрезвычайных условиях военного времени. Поэтому местные республиканские, областные, городские и районные комиссии, возглавляемые первым секретарем соответствующего партийного комитета (заместитель-председатель исполнительного комитета Совета депутатов трудящихся) со всей ответственностью проводили работу по отбору личного состава, обеспечению формировавшихся частей и соединений необходимым продовольствием, фуражом, обмундированием, снаряжением, транспортными средствами. В отчетах об этой работе нередко отмечается, что призыв в национальные формирования во многих местах проходил «исключительно на добровольных началах». «Призывники, отмечалось в справке - отчете Алма-атинского горкома партии, – были полны страстного желания вступить в национальную кавалерийскую дивизию или стрелковую бригаду». Подводя итоги работы по формированию национальных кавалерийских дивизий и стрелковых бригад в докладной записке ЦК КП (б) Казахстана был отмечен большой патриотический подъем, который проявился осенью 1941 г. «в массовой подаче заявлений с просьбой о добровольном зачислении в эти национальные формирования<sup>3</sup>.

Отличительной чертой казахских национальных формирований был высокий образовательный и морально-политический уровень призывников. Если в личном составе обычных кадровых формирований Красной Армии в 1941 - 1942 гг. партийно-комсомольская прослойка в среднем составляла 15-20%, то в национальных кавалерийских дивизиях и стрелковых бригадах она оказалась значительно выше. К этому обязывали соответствующие решения партийных и комсомольских органов. «Для каждого коммуниста и комсомольца», - говорилось, например, в постановлении бюро Павлодарского обкома КП (б) Казахстана и облисполкома совета депутатов трудящихся, - достойным ответом на постановление ГКО о разрешении формирования национальных войсковых соединений должна быть добровольность вступления в ряды национальных формирований». В результате национальные формирования республик Средней Азии и Казахстана состояли в среднем на 35-50% из коммунистов и комсомольцев. Национальные кавалерийские дивизии и стрелковые бригады получили кадры, обладавшие

<sup>2</sup> Российский Государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф.644. Оп.1. Д.1.Л.1.

<sup>3</sup> Архив Президента Республики Казахстан (АПРК). Ф.708.Оп.5.Д.99.Л.63.

немалым опытом организационной, политической, хозяйственной работы. Так, из 1190 руководящих работников, вступивших в казахские национальные формирования, 30 были из республиканских, 262 – из областных и 898 - из районных организаций. В их числе находились работники ЦК КП (б) Казахстана и СНК Казахской ССР, 7 секретарей обкома и 28 райкомов, более 40 заведующих отделами обкомов и райкомов КП (б) Казахстана (Козыбаев, 1991: 22).

Одной из причин возвращения к практике создания национальных формирований в Казахстане в 1941 году явилось также обострение проблемы знания русского языка со стороны «нерусского» контингента, который влился в армию в результате массовой мобилизации в национальных республиках в связи с необходимостью пополнить потерю людских ресурсов. Национальные войсковые формирования позволяли сократить сроки подготовки к боевым действиям контингента, не владевшего русским языком. Поскольку в национальных формированиях боевая и политическая подготовка велась на родном языке с учетом национальных обычаев и традиций, воинов казахов» (Козыбаев, 1991:23).

Незнание русского большинством призывников «нерусской» национальности, в частности казахов, способствовало нарушению внутриармейской коммуникации приводила к изоляции, ущемлению прав, формированию комплекса неполноценности. Поскольку официальным командным языком был русский, то от понимания команд и распоряжений командиров зависела эффективность и боеспособность воинского подразделения. Были случаи невыполнения приказа вследствие непонимания содержания команды. Воины казахи чувствовали себя «вторым сортом», поскольку недостаточно знали русский язык, не понимали русской ментальности. Положение усугублялось пренебрежительным, предвзятым отношением к воинам нерусской национальности со стороны некоторых командиров как неполноценным, неспособным хорошо сражаться бойцам. Подтверждением служит докладная записка начальника Управления агитации и пропаганды Глав.ПУРККА Рубенштейна начальнику Главного политического управления Красной Армии А.С. Щербакову: «...имеются факты проявления великодержавного шовинизма, не чуткого, порой грубого отношения к бойцам и младшим командирам нерусской национальности. Это ведет к тому, что в ряде случаев ...создается почва для чрезвычайных происшествий и аморальных явлений».... Политорганы не организовали изучение русского языка бойцами нерусской национальности. Это изучение, имеющее огромное политическое и военное значение, идет самотеком». Сложность и острота вопроса о воинах нерусской национальности в Красной Армии подтверждается тем фактом, что в августе 1943 было организовано совещание агитаторов среди бойцов нерусских национальностей. В течение 20 – дней 192 агитатора, представлявших 24 национальности СССР слушали лекции ведущих советских историков и генералов армии, профессоров и академиков – И.И. Минца, А.М.Панкратовой, И.Ярославского. Примечательным является состав агитаторов: 50% имели высшее образование, 30% – среднее. (ЦК РКП(б), 2009; С. 758-759). Среди них были известные впоследствии деятели казахской культуры и науки, тогда политработники Красной Армии: А.Нусупбеков, С.Байшев, А.Закарин, К.Шарипов, Г.Абишев. Отдельные военачальники пытались решить проблему русского языка посредством прямых связей. Так 1 ноября 1941 года выходит Постановление ЦК КП Казахстана об удовлетворении просьбы командующего Дальневосточным фронтом генерала Т.Апанасенко:



«..., о призыве в Красную Армию и откомандировании на Дальневосточный фронт 250 коммунистов-казахов, хорошо знающих русский язык». Просьба отправить, молодых казахов коммунистов, хорошо владеющих русским языком, была связана с тем, что «... из Казахстана на Дальневосточный фронт мобилизовано значительное количество граждан из казахского населения, слабо знающих русский язык». Казахо-коммунистов необходимо использовать в качестве политработников в казахской воинской среде (Рассекреченная война, 2010: 124).

Особое внимание следует обратить на термин «нерусские народы» – это понятие официально фигурировало во всех документах военного времени, так или иначе затрагивавших национальные вопросы. Хотя, как таковой «нерусской национальности» не существовало, применяемый оборот свидетельствовал о том, что имело место своеобразная альтернатива – русские как государственнообразующий народ и остальные народы СССР – нерусские. По существу, это более мягкая замена прошлого имперского понятия «туземцы». Полагаем, что один из главных тезисов советской историографии об интернациональном единстве народов, требует корректировки. Поскольку реального равенства не было. Неравенство существовало, и оно официально закрепились в послевоенный период в таких идеологемах как «русский народ первый среди равных» и «старший брат в братской семье народов». «Не русскость» означала незнание русского языка и русской культуры. В силу этих отличий они с трудом входили в русскоязычную армейскую общественность. Это способствовало формированию комплекса неполноценности в сознании казахского народа, который теперь должен был найти свое место в другой – русской культуре. «Второсортность» обосновывалась и другим широко пропагандируемым тезисом о вековой отсталости казахского народа, который к моменту прихода советской власти находился на грани вымирания, и только советская власть открыла путь к прогрессу и процветанию.

Тем не менее, создание национальных соединений сыграло свою роль в стимулировании мотивации казахских юношей к службе в армии. Эта служба рассматривалась казахской молодежью как реальная возможность личностного и социального роста. Стоит отметить, что аналогичная ситуация имела место в годы Первой мировой войны, когда в 1916 году, казахов призывали в армию, но не дали оружия и статуса полноценного солдата. Это вызвало волну возмущения и явилось одной из основных причин, приведших к восстанию 1916 года. Теперь же в ряды действующей армии призывались представители всех народов СССР независимо от социального положения и вероисповедания. Для казахского народа это было одним из первых признаков реального равноправия, показателем того, что власть считает их полноправными гражданами. Это, безусловно, способствовало патриотическому подъему казахского народа. В определенной степени вступление в ряды армии было осознанным выбором рекрутов из числа казахов. Воспоминаниях Мухамета Шаяхметова отмечалось: «... в то время, когда в Европе события 1939 рассматривали как начало войны, в Казахстане местное население относилось к этому как очередному конфликту». Когда в апреле 1941 года пришло время призыва в армию, то этот 19 летний парень даже не думал избегать его. Он отмечал, что поколение, которому он принадлежал, было поражено сталинской идеологией. Поэтому все пригодные юноши, получив приписные удостоверения, считали службу в армии чрезвычайно привлекательной. По мнению Шаяхметова, это было связано с

патриотизмом, но не только. Очень высокой была степень социального признания военнослужащих. Как свидетельствует автор, их провожали на службу и встречали как героев. Сами они возвращались возмужалыми, в униформе, а победы 1939-1940 гг. повысили статус сталинской власти. Национальные проблемы у М. Шаяхметова возникли позже, когда он все-таки попал в ряды Красной армии в начале войны с Германией (Shayahmetov, 2006: 258).

Кроме того, здесь необходимо также отметить традиционно высокий статус ратного труда, воинской службы для казахского менталитета. Отношение к войне базировалось на сохранении элементов кочевнического сознания, которые, хотя и в фрагментарных формах, еще сохранялись в национальном менталитете. Воинская служба всегда рассматривалась кочевниками в качестве достойного занятия при условии, что государство дает воину оружие, обмундирование и доставляет к месту боевых действий. Для молодых людей военная служба выступала в качестве реального социального лифта, предоставляла возможность быстрого общественного роста.

Еще одним фактором успешной поведенческой мотивации – стало изменение религиозной политики власти. Реалии военного времени вынудили руководство партии отчасти пересмотреть свою политику в сфере религии. Руководство, страны в трагические первые месяцы войны вынужденно было стать лояльным к верующим, в том числе и к мусульманам. Причин, из-за которых атеистическая советская власть решила повернуться лицом к религии было несколько. Во-первых, представители всех конфессий, в том числе и мусульмане с первых дней войны заняли открытую патриотическую позицию. Позабыв все гонения и преследования, верующие принимали самое активное участие в военных действиях, а также в сборе материальных средств для нужд Красной Армии. Исламские священнослужители помогли советскому руководству поднять моральный дух граждан Советского Союза мусульманского вероисповедания и мобилизовать их силы на борьбу с гитлеровским агрессором. В Докладной записке секретарю ЦКВКП(б) Г.М. Маленкову о патриотической роли мусульманского духовенства в годы войны говорится следующее: «...19 октября в Ташкенте закончил работу съезд представителей мусульманства Средней Азии и Казахстана. Одним из вопросов съезд заслушал доклад о патриотическом подъеме в работе духовенства. По этому вопросу было принято обращение ко всем верующим мусульманам. Делегат от Казахстана Аминов Абсолям, обращаясь к делегатам, заявил: «...я твердо уверен, что делегаты единодушно готовы защищать свою Родину, я очень рад, что в такое напряженное время нам предоставляют возможность созывать съезд. Будем молить бога, и просить Аллаха о скорейшей победе над фашизмом». (ЦК РКП (б), 2009: 45).

Во-вторых, жесткий контроль общественного сознания, установленный сталинским режимом, а также подавление любых форм инакомыслия в условиях войны оказалось малоэффективным. На фронте и тылу имело место стихийное отправление религиозных обрядов. Многие верующие начали открыто высказывать свои религиозные взгляды, посещать молитвенные здания, игнорируя прежние запреты и ограничения. Обращение к традиционным духовным ценностям еще раз показало насколько тонкой и поверхностной была укорененность в общественном сознании советской атеистической идеологии. В-третьих, необходимость корректировки религиозной политики СССР была связана с международными интересами советского государства. Заинтересованность в открытии второго фронта

требовала от советского руководства смягчения отдельных сторон жизни советского общества, чтобы выглядеть в лице мировой общественности более человечным и продемонстрировать приверженность общечеловеческим духовным ценностям. Черчилль и Рузвельт дали Сталину понять, что настроить общественное мнение их стран в пользу Советского Союза могут свидетельства о религиозной свободе в СССР. Неслучайно официальное признание властями заслуг религиозных организаций и верующих произошло накануне переговоров на высшем уровне в Тегеране.

В сентябре 1943 г. состоялась встреча И.В. Сталина с главами Русской православной церкви, в ходе которой были приняты решения, ознаменовавшие новый этап в отношениях государства и религии. На практике это выразилось в смягчении налогового законодательства в отношении зарегистрированных служителей культа, освобождении их от призыва по мобилизации, предоставлении религиозным организациям ограниченных прав юридического лица, а также в других мерах, предпринимаемых властями, по регулированию государственно-конфессиональных отношений.

В том же году к действующему Центральному духовному управлению мусульман (с центром в г. Уфе) были образованы еще три духовных управления мусульман – Северного Кавказа (Буйнакс), Закавказья (Баку) и Средней Азии и Казахстана (Ташкент). Это событие стало частью идеологической кампании, проводившейся советским руководством для воздействия на гражданские, патриотические чувства населения и для его мобилизации в военных условиях. Среди духовных управлений мусульман статус неформального лидера приобрело Среднеазиатское духовное управление, в ведении которого находилось единственное на территории СССР высшее мусульманское учебное заведение – медресе «Мир-Араб» (г. Бухара). 20 октября 1943 г. состоялся съезд мусульманских улемов Средней Азии и Казахстана, в котором приняли участие свыше 160 делегатов из всего региона.

Нельзя сбрасывать со счетов и такой ресурс власти как политико-правовые, или точнее, репрессивные методы, которыми пользовалась власть в чрезвычайных условиях военного положения. К ним относится серия, приказав ГКО о расширении карательных полномочий командиров в отношении солдат, а также жесткие методы контроля за трудовой дисциплиной в тылу, репрессивные методы депортации целых народов, уличенных в сотрудничестве с врагом. Продолжением репрессивной политики в условиях войны стало принятие 16 июля 1941 г. постановления ГКО, подписанного Сталиным, где отмечалось: «Государственный Комитет Обороны должен признать, что отдельные командиры и рядовые бойцы проявляют неустойчивость, паникерство, позорную трусость, бросают оружие и, забывая свой долг перед Родиной, грубо нарушают присягу, превращаются в стадо баранов, в панике бегущих перед обнаглевшим врагом». Далее шел список девяти высших командиров Западного, Севера-Западного и Южного фронтов, расстрелянных за «трусость, бездействие власти, сдачу оружия противнику без боя» (Мультигули, Музафаров, 2016:130).

Степень влияния мотивации страхом в моральной мобилизации советских граждан достаточно новая тема в истории войны 1941-1945 гг. Интересным в этой связи является мнение российского исследователя М.А.Вылцана. Определяя основные факторы поведенческой мотивации трудовой деятельности крестьянства в годы войны, он отмечает, что: «В поведенческой структуре крестьянства не последнее место занимало и

ощущение страха неотвратимости наказания за неисполнение «своего гражданского долга», приказа высших и местных властей. (Вылцан, 1995: 74).

Это положение российского автора можно применить и к оценке мотивационных факторов казахских солдат, которые в основной своей массе были сельскими жителями. Поэтому есть основание предположить, что самоотверженный труд и воинская доблесть казахского народа не являются в полной мере следствием только патриотического подъема. Здесь, безусловно, имело место чувство страха, которое всегда является «стимулом» деятельности и поведения всего народа, следствием тоталитарного воспитания. Это своего рода гражданская реакция на сугубо насильственные, репрессивные методы государственного руководства, сопровождавшихся идеологической пропагандой. Этому также способствовала недавняя трагедия - насильственная коллективизация, в которой казахи были в роли пассивной жертвы советской модернизации. Все это не могло не сказаться на моральном состоянии казахского народа. Прямые физические потери как следствие коллективизации, современные историки квалифицируют как «этноцид», что нанесло тяжелейшую травму национальному сознанию. Она показала степень безжалостности новой власти. Полагаем, что добровольная жертвенность казахского народа в годы войны объясняется не только умело приводимой национальной политикой, эффективностью средств агитации и пропаганды, но также под давлением страха перед жестокой всемогущей властью. Мотивация страхом стала еще одним ресурсом власти в мобилизации населения.

Однако, как указывалось выше только репрессивные способы давления не могли быть достаточно эффективными в условиях, когда люди должны были добровольно жертвовать всем, включая собственную жизнь. В такой ситуации должны были быть задействованы более мощные факторы мотивации, чем страх перед наказанием. Таким фактором стала новая «советская идентичность». Наличие такой категории в мировоззрении советских людей подтверждается свидетельством немецкого агента калмыцкого происхождения, засланного немецким командованием в зону оккупации Калмыкии для работы с местным населением в марте 1943 года. При встречах с молодыми калмыками он «обнаружил довольно сильный советский патриотизм, в особенности среди молодежи. Мне было трудно понять их аргументацию. Они говорили: «Мы конечно не коммунисты, но посмотрите - у нас есть своя республика, своя столица, свои министры, великолепный Дом Советов. Открылось множество школ». Прошедшие десять лет наложили на население сильный отпечаток, и этого нельзя было не принимать в расчет. Пути назад в прошлое уже не было. Я увидел перед собой поднимающийся новый тип человека, способного на многое, но умеющего приспособливаться и подстраиваться под обстоятельства». (Гарвардский проект, 2018: 127).

Свидетельство калмыцкого агента констатирует формирование общей системы ценностей граждан большой страны, которая становится общей для всех независимо от национальной принадлежности. Это было единство народов, которое основывалось не только на официальной государственной доктрине. Но эта не та идентичность, которая провозглашалась властью и сталинским режимом. «Идеальный проект советского человека, как нового человека и дружба народов пропагандируемый государством, официальной идеологией, преломляясь через этническое восприятие и необходимость адаптировать эту идеологию для повседневной жизни и практики привели к созданию собственной модели отношений и идеального образа, который не

есть точное воплощение официальной политики властей, но во многом приближенная к ней собственная культурная форма». (Лурье, 2011:8).

Это были горизонтальные человеческие связи, которые существовали параллельно официальной государственной доктрине о «дружбе народов» и «братском единстве». Единство народов, объединенных общей трагической судьбой и вынужденных жить и выживать в тяжелейших условиях тоталитарного режима. Это была взаимопомощь народов, которые оказались в беде, и с которыми казахи делили общие тяготы жизни под «всевидающим оком» жестокой власти. Имеется много примеров взаимопомощи и поддержки народов Советского Союза. Дружба народов и советская идентичность к началу войны стали реальностью, которая явилась одним из факторов патриотической мотивации казахских солдат, которые пошли защищать общую страну как советские люди. Не официальная, насаждаемая правящей властью система ценностей, а спонтанно сформировавшаяся система отношений. В огромной стране, куда вместе с другими народами входили казахи, положение простых людей было равным - все были одинаково равны в своем бесправии и зависимости от вездесущей власти. Казахи вместе с другими народами СССР вместе выстрадали тяготы становления советского государства, более того, в далекие исторические времена они всегда были соседями, всегда жили рядом. Общность исторического прошлого порождала чувство единства трудной судьбы. Это не до конца осознаваемое чувство, больше чем официальные идеологемы сближало народы СССР. Поэтому патриотизм казахских солдат наряду с другими факторами, мотивировался этим чувством. Единство советских людей было единством народов, вместе вставших на защиту общего государства, которое оказалось в трудном положении.

Казахские солдаты пошли защищать не коммунистический режим и даже не социалистическое отечество – они разделили судьбу народов, оказавшихся в одном тоталитарном государстве и с честью выполнили свой воинский и соседский долг. Этот фактор мобилизационной мотивации проявился позже всех, и он не имел ничего общего с политикой государства. Но это была инициатива «снизу» как всенародное явление. Однако, значение этого фактора в моральной мобилизации воюющего народа важнее, чем все усилия власти. Поэтому автор считает, что Победа в Отечественной войне 1941-1945 гг. была одержана советским народом не благодаря советской власти и руководству И.В. Сталина, а вопреки ему. Это была народная победа.

**Заключение.** Изучение вопроса об основных факторах поведенческой мотивации казахских солдат в годы Великой Отечественной войны на примере национальных воинских формирований требует специального комплексного изучения. В данном случае имеет место попытка постановки проблемы и обозначение основных векторов исследовательского поиска, внутренних причин самоотверженного поведения казахских воинов на полях сражений. Война, как событие экстремальное, обнажило многие слабые места советской внутренней и внешней политики. Суровая военная действительность показала насколько реальное положение отличается от той радужной картины, которую рисовала советская пропаганда. Большинство провозглашенных достижений оказались не жизнеспособными. Эти просчеты и ошибки советской власти учитывали и немецкие военачальники, надеясь, что как только войска вермахта перейдут границу СССР советское правительство будет свергнуто собственным народом. Однако этого не произошло. В результате своевременной перестройки национальной политики советское государство смогло обеспечить быструю моральную мобилизацию населения

национальных республик. Поскольку от них во многом зависело спасение страны в первые критические месяцы войны. в годы войны фактически произошла определенная десталинизация режима. Это явление продолжалось недолго и сразу же после коренного перелома в ходе войны, т.е. начиная с 1943 сталинский режим начал восстановление прежде сданных позиций. Апелляция к традиционным национальным и религиозным ценностям национального сознания позволил власти использовать духовный подъем народа, который добровольно пошел на неисчислимые жертвы. Создание национальных воинских формирований, и казахских в том числе, так же является свидетельством перемены содержания национальной политики, связанной с военной действительностью. Таким образом, мы можем констатировать, что в условиях начавшейся войны, особенно в первый критический период в деле идеологической пропаганды произошел коренной поворот. Большинство методов репрессивной политики оказался бездейственным в условиях войны. Управлять силой людьми, которые каждый день должны добровольно рисковать жизнью невозможно. Здесь действует только фактор добровольности и осознанного поведения. При этом произошел отход от прежней идеологии пролетарского интернационализма в сторону национально - патриотической идеологии. Это был вынужденное обращение к национальной тематике, причем не просто национальной, а исторического национального прошлого. Вместе с тем нельзя полностью игнорировать такой ресурс советской власти как репрессии и жестокое подавление инакомыслия. Военное положение облегчало использование всей силы репрессивной машины. Мотивация страхом являлся важным фактором поведенческой моральной мобилизации казахских солдат. Добровольная жертвенность казахского народа в годы войны, объясняется не только умело проводимой национальной политикой, но и эффективностью средств пропаганды и агитации.

Таким образом, реальная картина моральной мобилизации и патриотического подъема казахских солдат обусловлена целым рядом причин и представляет собой сложный социо-культурный процесс в котором государственная политика и народное сознание не всегда совпадали, но в итоге привели к Победе.

#### Әдебиеттер тізімі/ Список литературы

1. Алдажуманов, 2011 – Алдажуманов К.С. История войны 1941-1945 годов и Казахстан: «белые пятна» и проблемы // Социогуманитарная наука Казахстана. Алматы, 2011.
2. Балакаев, Алдажуманов, 1989 – Балакаев Т.Б., Алдажуманов К.С. Историография Казахстана периода Великой Отечественной войны // Актуальные проблемы истории Советского Казахстана. Алма-Ата, 1989.
3. Бивор, 2016 – Бивор Э. Вторая мировая война. М., 2016. 1450 с.
4. Безугольный, 2016 – Безугольный А. «Источник дополнительной мощи Красной Армии». // Национальный вопрос в военном строительстве в СССР 1922-1945. М.: РОССПЭН, 2016. 271с.
5. Вылцан, 1995 – Вылцан М.А. Приказ и проповедь: способы мобилизации ресурсов деревни в годы войны // Отечественная история. 1995. № 3.
6. Все для фронта, 1985 – Все для фронта все для Победы! // Алма-Ата: Казахстан, 1985.
7. Гарвардский проект, 2018 – Гарвардский проект: Рассекреченные свидетельства о Великой Отечественной войне. М.: РОССПЭН, 2018. 493 с.
8. Гланц, 2008 – Гланц Д. Советское военное чудо 1941-1943. Возрождение Красной Армии. М.: Яуза, Эксмо, 2008. 640 с.
9. Козыбаев, 1991 – Козыбаев М.К. Великая Отечественная война: истоки Победы / История и современность. Алма-Ата: Гылым, 1991. 266 с.

10. Козыбаев, 2000 – Козыбаев М.К. Казахстан на рубеже веков: размышление и поиски. Алматы, 2000. 417 с.
11. Козыбаев, 1991 – Козыбаев М.К., Белан П.С. Казахстанская историография Великой Победы аналитический обзор. ОНИОН АН Казахской ССР, 1991. 30 с.
12. Книга Памяти Казахстана, 1995 – Книга Памяти Казахстана – Боздақтар. Сводный том. Сост: Белан П.С., Едыгенов Н.Е. Алматы, 1995. 518 с.
13. Лурье, 2011 – Лурье С.В. «Дружба народов» в СССР: национальный проект или пример спонтанной межэтнической самоорганизации // Общественные науки и современность. 2011. №4. С. 145-153.
14. Мультатули, Музафаров, 2016 – Мультатули П.В., Музафаров А.А. Великая Отечественная война. Победа духа и традиции. М.: РИСИ, 2016.
15. Рассекреченная война, 2010 – Рассекреченная война: «особые папки» ЦКП (б) Казахстана 1941-1945. (Сб. документов). Алматы, 2010.
16. Тишков, 1993 – Тишков В.А. Стратегия и механизмы национальной политики в Российской Федерации // Этнографическое Обозрение. 1993. №5. С. 12-34.
17. ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос 1933-1945. Т. 2. М.: РОССПЭН, 2009. 1094 с.
18. Shayahmetov, 2006 – Shayahmetov M. The Silent Steppe. The Memoir of a Kazakh Nomad under Stalin. New York, 2006. 266.c.

## References

- Aldazhumanov, 2011 – Aldazhumanov K.S. Istoriya vojny 1941-1945 godov i Kazahstan: «belye pyatna» i problemy // Sociogumanitarnaya nauka Kazahstana. Almaty, 2011. (in Rus.)
- Balakaev, Aldazhumanov, 1989 – Balakaev T.B., Aldazhumanov K.S. Istoriografiya Kazahstana perioda Velikoj Otechestvennoj vojny // Aktual'nye problemy istorii Sovetskogo Kazahstana. Alma-Ata, 1989. (in Rus.)
- Bivor, 2016 – Bivor E. Vtoraya mirovaya vojna. M., 2016. 1450 s. (in Rus.)
- Bezugol'nyj, 2016 – Bezugol'nyj A. «Istochnik dopolnitel'noj moshchi Krasnoj Armii». // Nacional'nyj vopros v voennom stroitel'stve v SSSR 1922-1945. M.: ROSSPEN, 2016. 271 c. (in Rus.)
- Vylcan, 1995 – Vylcan M.A. Prikaz i propoved': sposoby mobilizacii resursov derevni v gody vojny // Otechestvennaya istoriya. 1995. № 3. (in Rus.)
- Vse dlya fronta, 1985 – Vse dlya fronta vse dlya Pobedy! // Alma-Ata: Kazahstan, 1985. (in Rus.)
- Garvardskij proekt, 2018 – Garvardskij proekt: Rassekrechennyye svidetel'stva o Velikoj Otechestvennoj vojne. M.: ROSSPEN, 2018. 493 s. (in Rus.)
- Glanc, 2008 – Glanc D. Sovetskoe voennoe chudo 1941-1943. Vozrozhdenie Krasnoj Armii. M.: Yauza, Eksmo, 2008. 640 s. (in Rus.)
- Kozybaev, 1991 – Kozybaev M.K. Velikaya Otechestvennaya vojna: istoki Pobedy / Istoriya i sovremennost'. Alma-Ata: Gylym, 1991. 266 s. (in Rus.)
- Kozybaev, 2000 – Kozybaev M.K. Kazahstan na rubezhe vekov: razmyshlenie i poiski. Almaty, 2000. 417 s.
- Kozybaev, 1991 – Kozybaev M.K., Belan P.S. Kazahstanskaya istoriografiya Velikoj Pobedy analiticheskij obzor. ONION AN Kazahskoj SSR, 1991. 30 s. (in Rus.)
- Kniga Pamyati Kazahstana, 1995 – Kniga Pamyati Kazahstana – Bozdaqtar. Svodnyj tom. Sost: Belan P.S., Edygenov N.E. Almaty, 1995. 518 s. (in Rus.)
- Lur'e, 2011 – Lur'e S.V. «Druzhba narodov» v SSSR: nacional'nyj proekt ili primer spontannoj mezhetnicheskoy samoorganizacii // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 2011. №4. С. 145-153. (in Rus.)
- Mul'tatuli, Muzafarov, 2016 – Mul'tatuli P.V., Muzafarov A.A. Velikaya Otechestvennaya vojna. Pobeda duha i tradicii. M.: RISI, 2016. (in Rus.)
- Rassekrechennaya vojna, 2010 – Rassekrechennaya vojna: «osoby papki» CKP (b) Kazahstana 1941-1945. (Sb. dokumentov). Almaty, 2010. (in Rus.)
- Tishkov, 1993 – Tishkov V.A. Strategiya i mekhanizmy nacional'noj politiki v Rossijskoj Federacii // Etnograficheskoe Obozrenie. 1993. №5. S. 12-34. (in Rus.)
- CK RKP(b) – VKP(b) i nacional'nyj vopros 1933-1945. T. 2. M.: ROSSPEN, 2009. 1094 s. (in Rus.)
- Shayahmetov, 2006 – Shayahmetov M. The Silent Steppe. The Memoir of a Kazakh Nomad under Stalin. New York, 2006. 266.s.

## Front-line biographies of natives of the Removsky selsoviet of the Borodulikha District (East Kazakhstan) on the basis of materials from the documents of the Central Archives of the Ministry of Defence, Russian Federation.

DOI: 10.31551/2410-2725-2019-5-2-296-310

### Schmider Marina Aleksandrovna

Doctor of Philosophy, employee of the City Museum of Vechta, member of the Center for the Study of Catholicism and the Resistance Movement at the University of Vechta / Germany. Federal Republic of Germany. 49377 Vechta, Zitadelle 15. E-mail: marina\_schmieder@live.de.

**Abstract.** In the beginning of the 20th century a number of villages emerged in the eastern part of the current Borodulikha district in East-Kazakhstan. The study of these villages' history rarely attracts the attention of researchers. However, while the villages of the German enclave (which had been in existence until the 1990s) sometimes arouse a few researchers' interest, the history of the Removsky selsoviet remains unexplored. The selsoviet was centrally located within the German enclave, the majority of its inhabitants being Kazakhs and Ukrainians. To this day, two of the three initial villages (N. Kireevka and Ordzhonikidze) have already disappeared from the map of East-Kazakhstan and the village Remki is gradually disbanding. Most recruits of the eastern part of the Borodulikha district originated from the selsoviets Removsky and Peremenovsky. Over the past ten years, the Ministry of Defense (Russia) has published documents from its Central Archive (TsAMO RF) on the Internet. On the basis of these documents as well as of results from a survey among Remky residents, the author was able to collect information about the front-line soldiers of the Removsky selsoviet. This article devotes itself to the analysis of the current list of combatants and of the table containing their personal details. It deals with the Removsky soldiers' contribution to victory, their battle- and work biographies and the turning points of their lives. It has come to light that the number of soldiers killed in action was three times higher than it had been estimated before (about 90 men). The article does not only present the heroic but also the tragic biographies of officers and Red Army men. The author names and explains facts surrounding their wounds, captivity in war and punishments through the decisions of the military court. Documents about the war decorations of Removsky soldiers shall serve as an example of the Red Army commanders' motives for the award of such war decorations to their subordinates. The information gained from the Central Archive documents on the biographies of the Removsky combatants contribute to the exploration of the history of East-Kazakhstan's villages and their inhabitants.

**Keywords:** East Kazakhstan region, Semipalatinsk, Borodulikha district, Great Patriotic War, local history, the Soviet period, research methods.

## Ресей Федерациясының ҚМОН құжаттарының материалдарындағы Бородулиха ауданының Ремовский ауылдық кеңесі (Шығыс Қазақстан) тұрғындарының майдандық өмірбаяндары

### Шмидер Марина Александровна

Философия докторы, Фехта қаласының қалалық мұражайының қызметкері, Фехта/Германия университеті жанындағы «Католицизм және қарсыласу қозғалысын зерттеу орталығының» мүшесі. Германия Федеративтік Республикасы. 49377 Vechta, Zitadelle 15. E-mail: marina\_schmieder@live.de.

**Аңдатпа.** XX ғасырдың басында Шығыс Қазақстан облысының қазіргі Бородулиха ауданының шығыс бөлігінде қонысаударушылардың бірнеше елді-мекендері пайда болған. Бұл поселоктардың тарихын зерттеуге зерттеушілер сирек көңіл бөледі. Неміс анклавты зерттеушілердің назарына іліккенмен, Ремовский ауылдық кеңесінің тарихына қызығушылық жоқ десе болады. Соңғысын көбінде қазақтар мен украиндар мекендеген. Ауылдық кеңес неміс анклавтының орталығында орналасқан. Бүгінгі күні үш ауылдық кеңестің екеуі (Новая Киреевка мен Орджоникидзе) ШҚО картасынан жойылса, ал Ремки селосы да солардың тағдырын қайталап алдында. Ауданның шығыс бөлігінен ҰОС-на шақырылғандардың көпшілігін Ремовский пен Переменовский ауылдық кеңесі құрайды. Мақала ҰОС-на қатысушылардың ағымды тізімін талдауға арналған және олар туралы жеке мәліметтер көрсетілген кестелерден тұрады. Мақалада ремовшылдықтардың Жеңіске қосқан үлесі, олардың соғыстағы ерліктері мен еңбектегі өмірбаяндары, тағдырлары қарастырылады. Округ бойынша қайтыс болғандардың саны 90 немесе бұрын көрсетіліп жүргеннен 3 есе көп екендігі анықталды. Мақалада офицерлер мен



қатардағы қызыл жауынгерлердің ерліктері ғана емес, сонымен қатар қайғылы тағдырлары да көрсетіледі. Автор олардың жарақат алу, тұтқынға түсу және әскери трибуналдың үкімі бойынша жазалану фактілерін талдаған. Ремовлықтардың марапат парақтарының негізінде командирлердің қол астындағыларды әскери марапаттармен марапаттау себептері айқындалған. МООМ-ның құжаттарының негізінде олардың әскери өмірбаяндарының фактілері анықталып, ШҚО елді-мекендері мен олардың тұрғындарының тарихын зерттеуге үлес қосады.

**Түйінді сөздер.** Шығыс қазақстан облысы, Семей, Бородулиха ауданы, Ұлы Отан соғысы, өлкетану, кеңестік кезең, зерттеу тәсілдері

### **Фронтовые биографии уроженцев Ремовского сельсовета Бородулихинского района (Восточный Казахстан) на материале документов ЦАМО РФ**

#### **Шмидер Марина Александровна**

Доктор философии, сотрудник Городского музея г. Фехта, член „Центра изучения католицизма и движения сопротивления“ при университете Фехта/Германия. Федеративная республика Германия. 49377 Vechta, Zitadelle 15. E-mail: marina\_schmieder@live.de.

**Аннотация:** В начале XX века в восточной части современного Бородулихинского района Восточно-Казахстанской области возник ряд переселенческих посёлков. Изучение истории этих посёлков редко привлекает внимание исследователей. Если селения немецкого анклава попадают в их поле зрения, то история посёлков Ремовского сельсовета - нет. Последний населяли преимущественно казахи и украинцы. Находился сельсовет в центре немецкого анклава. Сегодня из трёх посёлков сельсовета два (Новая Киреевка и Орджоникидзе) уже исчезли с карты ВКО, а село Ремки исчезает. Основной костяк призывников ВОВ из восточной части района происходил из сёл Ремовского и Переменовского с/с.

За последнее десятилетие на сайтах Минобороны РФ были опубликованы документы ЦАМО РФ. На основании этих документов и по результатам анкетного опроса населения, автору удалось собрать данные на фронтовиков Ремовского с/с. Статья посвящена анализу текущего списка участников ВОВ и таблицы с их персональными данными. В статье рассматривается вклад ремовцев в Победу, их боевые и трудовые биографии и перипетии их судеб. Выяснилось, что павших было ок. 90 или в 3 раза больше, чем предполагалось в округе ранее. В статье представлены не только героические, но и трагические биографии офицеров и рядовых красноармейцев. Автор анализирует факты их ранений, пленения и наказаний по приговору военного трибунала. На примере наградных листов ремовцев отслеживаются мотивы командиров для награждений подчинённых различными боевыми наградами. Выявленные из документов ЦАМО факты боевых биографий ремовцев, вносят вклад в дело изучения истории поселений ВКО и их жителей.

**Ключевые слова:** Восточно-Казахстанская область, Семипалатинск, Бородулихинский район, Великая Отечественная война, краеведение, советский период, приемы исследования.

**UDC/УДК 93/94-908**

### **Фронтовые биографии уроженцев Ремовского сельсовета Семейского региона на материале документов ЦАМО РФ**

*М.А. Шмидер*

**Введение.** В 1970-ые годы на мемориальной стеле комплекса Славы в с. Переменовка Бородулихинского района ВКО были выбиты имена около 30 павших на фронтах ВОВ жителей Ремовского сельсовета (1918-1975 гг.). В 1997 году в справочнике „Книга Памяти“ Семипалатинской области авторы обнародовали новые имена убитых и пропавших без вести ремовцев. (Книга Памяти, 1996) Однако разработка более полного списка павших и вернувшихся с войны односельчан стала возможна в последние десять лет. С 2008 года Министерство Обороны РФ начало публикацию цифровых копий

документов своего Центрального Архива (ЦАМО РФ) и записей из более 1000 томов Книги Памяти. Для этого использовались сайты общедоступных электронных банков: <http://podvignaroda.mil.ru>, <https://pamyat-naroda.ru> и <https://obd-memorial.ru>. Почти одновременно с названными проектами, в 2012 году, на сайте Министерства Обороны Республики Казахстан в „Банке данных погибших и пропавших без вести в период Великой Отечественной войны военнослужащих призванных с территории Казахстана“ был опубликован алфавитный список казахстанцев-фронтовиков. <https://mod.gov.kz/memorial/pages/e/e1.html>). В период оцифровки и публикации архивных документов ЦАМО РФ развивалось международное общественное гражданско-патриотическое движение „Бессмертный полк“. Оба события нулевых дали новый импульс исследованию боевых биографий советских фронтовиков и способствовали повышению интереса общественности к увековечению памяти погибших.

**Материалы и методы.** При помощи опроса, проведённого в 2015-2019 гг. среди жителей села Ремки, а главным образом, благодаря опубликованным документам ЦАМО РФ, автору удалось составить таблицу с персональными данными на участников ВОВ, уроженцев и жителей Ремовского с/с. Собранная информация – ФИО, года и места рождения, гибели и призыва, воинские части, звания и награды позволяют воссоздать фронтовую историю односельчан. Среди использованных документов преобладают донесения о потерях личного состава, в том числе о безвозвратных и санитарных, приказы подразделений, наградные листы, извещения о гибели, учётно-послужные карточки офицеров и анкеты военнослужащих.

В текущем списке автора насчитываются имена примерно 40 военнослужащих со славяноязычными и около 110 с тюркоязычными фамилиями. Следует учесть, что в документах военного времени встречаются ошибки не только в написании ФИО, особенно в тюркоязычных именах и фамилиях. Некоторые военнослужащие, указанные в документах погибшими или пропавшими без вести, например, З. Бакебаев, И. А. Соколовский и И. Матайбаев, к счастью, остались живы. В процессе ознакомления со списком, родственники уточняют и корректируют данные на фронтовиков.

Анкетирование в интернете – удобная возможность опроса, так как бывшие жители сельсовета проживают не только в различных уголках Казахстана и в странах ближнего зарубежья, но и в Германии. Сегодня из трёх его посёлков два, Новая Киреевка и Орджоникидзе, уже исчезли с карты ВКО, а миграция в регионе ведёт к запустению села Ремки. Если в 1999 году здесь проживало 158 человек, то через 10 лет их осталось уже 89. (НРК, 2009: 227).

**Обсуждение.** Изучение истории поселений Ремовского сельсовета и их жителей не вызывало интереса исследователей. В мемуарной же литературе с. Ремки упоминается. (Аманжолов, 2012: 15-16). Краеведы из Казахстана, России и Германии охотно интересуются историей немецких переселенческих посёлков в округе села Ремки. Интерес вызывает особенно большое, немецкое католическое село Мариенбург/Переменовка. (Недзелюк, 2006; Shaidurov, 2018; Даутов, 2011).

Для интерпретации таких явлений войны, как плен и наказания военнослужащих по приговору военного трибунала в статье использовались работы российских исследователей. (Воробьев, 2014; Букейхайнов, 2013; Исаев, 2015). Кроме того при работе над публикацией привлекались

справочники, сборники документов и географические карты. (Справочник, 2006; Карта, 1911)

**Результаты.** Из трёх селений Ремовского сельсовета, Бельагачского (с 1944 г. Бородулихинского) района Семипалатинской области – Ремков, Новой Киреевки и Орджоникидзе были призваны на фронт более 150 мужчин. Это были сыновья украинских, казахских, татарских переселенцев и казахских старожилов. Их родители основали в начале XX века на переселенческих участках N77 и N78, на западной окраине Ремовской степи три небольших населённых пункта. (Карта, 1911) Особенность их местоположения состояла в том, что они находились в центре большого немецкого анклава из восьми переселенческих посёлков.

В первые годы войны селения, на чьих улицах ещё недавно звучал смех вперемешку с тюркской и славянской речью, изменились. Поменялся не только жизненный настрой, но и состав жителей. С колхозных ферм, полей и пастбищ исчезали с каждым годом мужчины призывного возраста. На фронт ушло почти всё молодое мужское поколение переселенцев. Часть оставшихся жителей тоже покинула посёлки, найдя поддержку и опору у своих родственников в округе. Пережить тяжёлое время сообща было легче. Постепенно в Ремовском сельсовете появилось много новых лиц. Это были дети родственников, одни или с матерями, эвакуированные из больших городов (Ленинграда и Волгограда) русские семьи, а также депортированные с Волги и Кавказа немецкие и чеченские семьи. Односельчане жили в постоянной тревоге за жизни своих родных. Больше всего в те годы боялись увидеть на пороге дома мрачное лицо сельского почтальона. Он носил в своей сумке не только письма родных с фронта, но и извещения о их гибели. Некоторым многодетным ремовцам похоронок приносили часто. У переселенца Михаила П. Пазий ушли на фронт четыре сына, двое из них погибли в возрасте 19-20 лет. Иллариону Д. Соколову война оставила только одного сына – Савелия. Терентий и Николай не вернулись. Ввиду того, что сыновья в казахских семьях имели зачастую разные фамилии, именуясь либо по имени отца, либо по имени деда, сложно выявить родных братьев в числе фронтовиков. Тем не менее из донесений о потерях следует, что погибли или пропали без вести по трое красноармейцев Мусабаевых, Дюсембековых, Мамытовых, Смагуловых, Турганбаевых, Тусуповых и Мукашевых.

В летописи Великой Отечественной, как и любой другой войны, есть страницы не только героических подвигов. В ней истории гибели и ранений миллионов солдат и офицеров, а также пленение их врагом или наказания по приговору военных трибуналов или постановлений командиров и особых совещаний. Из примерно 150 ушедших на фронт ремовцев, домой вернулись только около 60 человек или меньше половины. Из ок. 90 погибших, до 50 военнослужащих погибли или пропали без вести в первые месяцы войны или в свой первый год службы. Зачастую павшие не успели удостоиться боевых наград. Не сохранилось документов и писем с фронта с информацией об их боевой биографии и обстоятельствах гибели. Однако общеизвестно, что на их долю выпали тяжёлые моральные и физические испытания – они принимали участие в наступательных и оборонительных боях, после каждого боя теряли и хоронили товарищей, страдали от ранений и пребывали в экстремальных боевых условиях.

Наградные статусы предусматривают награждения за тяжёлые и многократные ранения. 22-летний младший сержант и командир стрелкового отделения Балташ Жапаров был представлен к медали „За отвагу“ за три

ранения. Такой же медали были удостоены и оба родных брата Руденко – многодетный Семён М. 1909 г.р. и холостой Сеня М. 1913 г.р. Старший брат был ранен во время боевого задания по подрыву железнодорожного полотна при штурме города-крепости Кёнигсберг весной 1944 года. Младший брат получил тяжёлое ранение в голень в мае 1942 года на Северо-Западном фронте, сопровождая в качестве ординарца комиссара полка Панфиловской дивизии на командный пункт. Младший лейтенант Камадан Оразгалиев был удостоен в августе 1946 ордена „Красная Звезда“ за тяжёлое ранение в плечо с повреждением грудной клетки и ребра. Врачи присвоили ему статус инвалида ВОВ II группы.

После возвращения домой ветераны-инвалиды не способны были вести полноценную жизнь. Они подолгу находились на лечении в больницах и умирали, не дожив до старости. Шакир Аубакиров лишился на фронте в результате тяжёлой контузии слуха. У Семёна М. Руденко разрывная пуля повредила бедренную кость и вызвала тяжёлую болезнь кости. Последний перед смертью год он провёл в больнице г. Семипалатинска и умер в возрасте 53 года. Наводчик ручного пулемёта 422 сп 170 сд Кали Турганбаев дважды был ранен. За своё мужество и тяжёлое ранение в бою за д. Ясиновку Гомельской области в июне 1944 года младший сержант был награждён „Орденом Славы III степени“, а позже медалью „За боевые заслуги“. Осколок мины, войдя между пальцами его кисти, вышел через плечо, разорвав мышцу.

В донесениях о потерях зафиксировано, что в плену или под подозрением захвата в плен находились Мукатай Анибаев, Смагул Майлыбаев и Аслан Саимбаев/Саянбаев. Наряду с ними вернулись в родное село из плена Мукатай Турганбаев, Мухаметжан Рахимбеков, Айтказы Сатбеков и старший сержант Хасим И. Уралбаев. Эти красноармейцы оказались в плену в первые месяцы войны. Не вернулся домой сын ремовца Сарсекена Кадырманова, Жумагали С., пленённый во время Сталинградской битвы.

В статистических исследованиях на тему „Советские военнопленные в годы ВОВ“ называются следующие цифры: больше 4 559,0 тыс. военнослужащих оказалось в годы войны в плену. Из них вернулись домой меньше половины или 1 836,5 тыс. человек. (Кривошеев и др., 2001: 453). Некоторых ремовцев-военнопленных ждало в СССР тюремное заключение, а остальных ограничения в правах и пересуды земляков. После окончания войны военнопленные направлялись в рабочие батальоны на предприятия угольной и лесной промышленности. Прямые родственники пленных лишались в военное время денежных пособий и других льгот. В отношении их действовал ряд ограничений при поступлении на работу, учёбу итд. Из-за карательной политики власти в обществе сложилось скептическое отношение к бывшим военнопленным. Исследователь темы „Реабилитация советских военнопленных в СССР“, юрист С. М. Воробьев, считает, что в отношении пленных и их семей во время и после войны советское государство совершало "правовой беспредел". (Воробьев, 2014). Уже через месяц после начала войны Ставка Верховного Главнокомандования издала приказ N270 от 16.08.1941. Он гласил, что каждый военнослужащий, оказавшись в окружении, обязан „драться до последней возможности“ и уничтожать сдающихся в плен врагу. (<https://www.1000dokumente.de>). После проверки органами государственной безопасности в проверочно-фильтрационных лагерях было приговорено к тюремному заключению 339 000 вернувшихся из плена советских военнослужащих. (Кривошеев и др., 2001: 453). В середине 1950ых комиссия по делам военнопленных под руководством маршала Г. К. Жукова

резюмировала, что многие из них были незаконно репрессированы. Вместе с тем, жизнь советских военнослужащих в плену была полна лишений и опасности для жизни. Более двух миллионов советских военнопленных погибло от голода и эпидемий или было убито. (Кривошеев и др., 2001: 453). Их содержали в конюшнях, бараках, часто под открытым небом и использовали на различных тяжёлых работах.

Советское государство предпринимало с конца 1940-ых годов меры по политической реабилитации бывших советских военнопленных. Завершились они в период перестройки. Из данных Юбилейной картотеки награждений ЦАМО РФ следует, что правительство наградило бывших в плену ремовцев в 1985-ом, 1987-ом и 1990-ом годах юбилейными „Орденами Отечественной войны II степени“.

В текущем списке ремовцев-фронтовиков насчитывается около 30 военнослужащих сержантского состава Красной Армии. В младшем офицерском составе служили десять лейтенантов и один капитан. Звание капитана имел Василий Д. Каралаш (1923, Ремки - 1985, Семипалатинск). В начсостав Красной Армии входили преимущественно молодые ремовцы 19-25 лет: Камбар С. Аманов, Умеркан Аскаров, Григорий Н. Галушко, Иван Д. Губанов, Кумар К. Канапин, Куб(л)аш Мустафин, Василий Г. Касенов, Камадан Оразгалиев, Иван А. Соколовский и Анатолий С. Якуба. Из-за нехватки командиров, в том числе ввиду их высокой смертности на поле боя, офицерские кадры подготавливали в годы войны на ускоренных курсах. В учетно-послужной карточке офицера с неполным средним образованием Василия Г. Касенова отмечено, что в декабре 1944 он закончил четырёхмесячные курсы младших лейтенантов 7 гв. армии. Уже через два месяца коммунист, имевший на фронтах ВОВ четыре ранения, погиб в бою на территории Чехословакии. Большая часть офицеров и сержантов из с. Ремки были членами или кандидатами в члены ВКП(б). Вернувшиеся с войны коммунисты, пополнили сельскую партийную организацию. Её коллектив был крупнее первичных организаций ВКП(б) соседних с Ремками немецких сёл.

Мало кто из выживших в первые годы войны ремовцев- фронтовиков остался без боевых наград. Наиболее часто награждались офицеры, сержанты, разведчики, а также члены и кандидаты в члены партии. Первоочередное партийное задание коммунистов состояло в том, чтобы показывать в бою пример другим бойцам, воодушевлять их своей храбростью. Вместе с тем нередки случаи, когда рядовые беспартийные ремовцы-красноармейцы удостоивались нескольких боевых наград.

В текущем списке боевых орденов и медалей односельчан насчитывается 20 орденов „Красной Звезды“, 16 медалей „За отвагу“, 11 медалей „За боевые заслуги“, 6 орденов „Славы“ и 5 орденов „Отечественной Войны“ разных степеней. При этом не учитывались юбилейные награды послевоенного времени. Многие военнослужащие из Ремовского с/с являются обладателями медалей „За оборону“, „За штурм“ или „За освобождение“ различных советских и европейских городов. Дважды орденосцем „Красной Звезды“ являлся, погибший на фронте, лейтенант К. С. Аманов, а также ветераны войны лейтенанты К. К. Канапин и И. А. Соколовский. Дважды удостоился медали „За отвагу“ сержант-разведчик К. А. Раев.

Среди ремовцев-фронтовиков нет Героев Советского Союза, их героизм негромкий. Тем не менее и старшее, и молодое поколения отличились на фронте и в тылу. Многие ветераны не любили вспоминать войну. Боевые заслуги односельчан неизвестны зачастую ни их потомству, ни их землякам.

Ниже приведены примеры подвигов военнослужащих различных родов войск и воинских званий из Ремовского с/с. В электронных банках данных опубликованы больше полусотни наградных листов ремовцев. В них командиры корпусов (батальонов и полков) поясняют, за что они представляют своих подчинённых к награде. При этом они не скупятся на такие слова, как „мужество“, „храбрость“ и „героизм“. Командование армий и фронтов либо отвечало на их запрос приказом о награждении, либо оставляло его без внимания. Случалось и так, что военнослужащие погибали, не дожив до приказа. Иногда, взамен запрошенной командиром награды, командование выделяло какую-либо другую. Ценность наградных листов состоит и в том, что они являются источником информации для воспроизведения картины боевых действий на различных участках фронтов ВОВ.

Ряд боевых наград имел уроженец посёлка Новая Киреевка 1920 г.р., а в послевоенное время уважаемый земляками директор Бель-Агачской средней школы Кумар Канапьянович Канапин. До войны он получил педагогическое образование на историческом факультете. Первой своей награды ордена „Красной Звезды“ гв. старший лейтенант был удостоен в марте 1944 года. Будучи командиром взвода в артиллерийском полку, при прорыве обороны под Новгородом он умело корректировал огнём из боевых порядков пехоты. В результате было разрушено 100 метров траншеи, одно 75 мм орудие и до 15 вражеских солдат. Уже через полгода ст. лейтенант был вторично награждён орденом „Красной Звезды“. Он разведывал один пулемётный ДЗОТ, пулемёты, наблюдательный пункт и склад с боеприпасами врага. Кроме того, в рукопашном ночном бою лично уничтожил трёх германских солдат. В конце войны на территории Германии офицер был дважды ранен в одном бою. Несмотря на травму, он продолжал успешно корректировать огонь батареи. При повторном ранении ст. лейтенант потерял сознание и был эвакуирован с поля боя<sup>1</sup>. Кумар К. Канапин похоронен в 1982 году на мусульманском кладбище села Ремки.

Ещё один уроженец с. Новая-Киреевка, лейтенант Камбар/Камир Аманов 1919 г.р. был удостоен нескольких боевых наград. За полгода, с февраля по август 1944 года, командир огневого взвода 12 мм-миномётов был награждён трижды. При прорыве обороны в июле его взвод в составе Прибалтийского фронта подавил 30 огневых точек и уничтожил до 35 солдат и офицеров противника<sup>2</sup>. В следующем бою взвод Аманова подавил огонь пушки. Через несколько недель после повторного награждения Орденом „Красной Звезды“ лейтенант пал в бою на территории Латвийской ССР.

Лейтенант Иван Андреевич Соколовский 1920 г.р. служил в танковых войсках. Командир взвода танка Т-34 за полгода три раза был представлен к наградам. Его воинское подразделение и машина уничтожили в боях за Будапешт и Вену четыре танка, пушку, бронетранспортёр, три пулемёта, два миномёта и до 150 солдат противника<sup>3</sup>.

Будущий капитан, а в конце 1943 года ещё двадцатилетний гв. лейтенант Василий Данилович Каралаш, воевал после призыва в Красную Армию на четырёх фронтах - Брянском, Северо-Западном, Степном и Украинском, где был дважды ранен. В середине ноября рота ПТР ПО 20-го воздушно-

<sup>1</sup> Наградной лист от 11.04.1944. ЦАМО (Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации). Ф. 33. Оп. 690155. Д. 333. Л. 13.; Наградной лист от 4.11.1944. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690155. Д. 6525. Л. 23

<sup>2</sup> Наградной лист от 29.07.1944. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686196. Д. 4992. Л. 8.

<sup>3</sup> Наградной лист от 23.04.1945. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690306. Д. 3518. Л. 32.; Наградной лист от 15.03.1945. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690306. Д. 3519. Л. 7.

десантного стрелкового полка, во главе со своим командиром лейтенантом Каралашем получила боевое задание - прикрыть при штурме правый фланг сопки. На следующий день германские подразделения пошли на пехоту в контратаку с 11-ю танками. Командир полка, гвардии майор Харисов записал после боя в наградном листе лейтенанта: „Несмотря на то, что в команде Каралаша осталось всего девять человек, при натиске пехоты и танков противника не отошли ни на один шаг. [...] Лично сам находился в боевых порядках пехоты, проявив мужеству и отвагу. Приняв на себя удар контраатаки противника, с горсткой храбрецов нанес врагу большие потери и ввёл его в замешательство“<sup>4</sup>.

В списках награждённых Орденом „Красной Звезды“ офицеров-ремовцев есть и имя Умеркана Аскарлова 1914 г.р. За две недели до конца войны, 22 апреля 1945 года, стрелковый взвод под командованием младшего лейтенанта уничтожил у г. Гебельциг/Германия 16 солдат и станковый пулемёт противника. На следующий день его взвод первым прорвал оборону и увёл за собой весь батальон<sup>5</sup>.

Сержант Макен К. Дюсупов 1924 г.р. достиг призывного возраста в сентябре 1942. Прибыв на фронт, кандидат в члены ВКП(б) ежегодно удостоивался боевой награды. Медаль „За отвагу“ командир отделения 278 сп заслужил в ноябре 1943 в Гомельской области, уничтожив своим противотанковым ружьём пулемётное гнездо противника. Последнюю свою награду „Орден Славы III“ степени „мужественный младший командир“ удостоился за то, что в бою первым ворвался в траншею противника, увлёк за собой других бойцов и уничтожил из автомата трёх вражеских солдат<sup>6</sup>. Через два дня после приказа командования о награждении, 3 марта 1945 года, сержант пал в бою у г. Бан/Бранденбург.

Не только мужчины-уроженцы Ремовского сельсовета удостоились боевых наград. Среди сержантов-фронтовиков была и девушка – старшая дочь украинского переселенца Иосифа М. Руденко – Екатерина И. Руденко (1925-1997). Она ушла добровольцем на фронт из с. Калантырь, Новенского с/с в числе ста других девушек с Алтая. В Калантырь она переселилась с родителями из ремовского колхоза „Украинец“. О боевой биографии Екатерины повествует наградной лист и письмо её командира в районную газету „К новым Рубежам“. Медали „За отвагу“ медсестра удостоилась в августе 1944 года после того, как у д. Оле Латвийской ССР вынесла с поля боя одиннадцать раненых офицеров и солдат с их оружием<sup>7</sup>. Командир роты 256 сп 2 Прибалтийского фронта лейтенант Михаил Д. Масюк, разыскивая после войны через газету Локтевского района санинструктора своего подразделения, отзывался о сержанте Е. Руденко с теплотой: „В 1943 году освобождали мы территорию Латвии. В одном из боев девушка была ранена (подорвалась на mine при выносе с поля боя раненого). Она была сильная духом, смелая. Не один десяток советских воинов спасла. С ранеными была всегда ласковой, обходительной. Как сейчас помню ее в забрызганном кровью халате среди раненых“. (Масюк, Героическая девушка, 2005). После войны Екатерина И. (в замужестве Абдулина) работала аптекарем в пос. Березовка Бородулихинского района.

<sup>4</sup> Наградной лист от 24.11.1943. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690155. Д. 741. Л. 5.

<sup>5</sup> Наградной лист от 27.05.1945. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690306. Д. 2951. Л. 4.

<sup>6</sup> Наградной лист от 01.03.1945. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686196. Д. 3947. Л. 96.

<sup>7</sup> Приказ подразделения Прибалтийского фронта от 22.08.1944. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690155. Д. 6257. Л. 3.

Известны имена ремовцев, служивших в конной и пешей разведке. Рядовые красноармейцы Канапья/Конон С. Раев, Иван И. Некрасенко, Мухит Мухамеджанов, а также сержанты-разведчики Назар Токаев, Гаяс С. Ибатулин и Фаиз Сарсенбаев были награждены за взятие „языков“, за участие в засадах и в других операциях, связанных с проникновением в тыл врага.

Командир отделения взвода пешей разведки Назар Токаев 1917 г.р. поджидал осенью 1942 года противника в засаде. Младший сержант подпустил врага вплотную и только потом открыл огонь. Затем он преследовал убегающих солдат с криком „Ура!“ и „Вперёд товарищи!“ Несмотря на ранение в ногу, он оставался в строю до окончания боевой операции<sup>8</sup>. Через два года, в августе 1944 года, отважный разведчик погиб на территории Польши.

Младший сержант Фаиз Сарсенбаев 1910/1913 г.р. удостоился нескольких боевых наград. Исполняющий обязанности командира взвода конной разведки был представлен в сентябре 1944 к Орденом „Красной Звезды“. Находясь на боевом задании, он был окружен группой противника. Сержант вступил с врагами в неравную схватку, уничтожил огнём из автомата четырёх немецких солдат и доставил в штаб точные данные о расположении частей противника<sup>9</sup>.

Разведчик взвода пешей разведки Канапья/Конон Раев 1923 г.р. удостоился вторично Медали „За отвагу“ после того, как в марте 1945 года с группой захвата ворвался в траншею противника, уничтожил трёх германских солдат и взял одного в плен. Пленный сообщил ценные сведения<sup>10</sup>.

За два с половиной года на фронте командир отделения разведки 23-летний Иван И. Некрасенко (1922-1945) заслужил четыре боевых награды. Приказ о последнем награждении ефрейтора „Орденом Отечественной войны II“ степени вышел после его гибели, в конце мая 1945 года. 25 апреля разведчик обнаружил батарею противника. После чего подразделения Красной Армии смогли её уничтожить и занять населённый пункт в Германии. Через три дня противник перешёл в контратаку. Иван И. Некрасенко первым бросился в бой, увлекая за собой других бойцов. Уничтожив несколько вражеских солдат, ефрейтор погиб смертью храбрых<sup>11</sup>.

Разведчик отдельной разведроты в составе 63 Армии Брянского Фронта Гаяс С. Ибатулин 1916 г.р. был представлен к правительственным наградам дважды за две недели во время Орловской наступательной операции. Командир полка писал в июле 1943 в наградном листе (медаль „За отвагу“), что сержант Ибатулин „всё время идёт в боевых порядках при занятии населённого пункта, [...] ворвался первым в населённый пункт Масловка, где смело и бесстрашно действовал.“ Ордена „Красной Звезды“ младший сержант удостоился за то, что во время боевых действий разведроты „несмотря на обстрел врага, своевременно держал связь с группами разведчиков“, передавая нужные сведения в штаб дивизии<sup>12</sup>. Через полгода Гаяс С. Ибатулин скончался в госпитале от ран.

Не только ремовские офицеры, сержанты и разведчики отличились на фронтах ВОВ, но и рядовые красноармейцы. Коммунист из Н. Киреевки Ергазы Карымсаков 1916 г.р. принимал участие в обороне Сталинграда. Через два года, в августе 1944 года, наводчик орудия миномётного полка был представлен своим командиром к „Ордену Славы III степени“, а награждён

<sup>8</sup> Приказ подразделения Калининского фронта от 18.12.1942. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682526. Д. 866. Л. 2.

<sup>9</sup> Наградной лист от 15.09.1944. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690155. Д. 4778. Л. 15

<sup>10</sup> Приказ подразделения от 07.03.1945. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 687572. Д. 2758. Л. 3.

<sup>11</sup> Наградной лист от 08.05.1945. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690306. Д. 3313. Л. 90.

<sup>12</sup> Наградной лист от 24.07.1943. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682526. Д. 1865. Л. 57.



„Орденом Отечественной войны II степени“. „Бесстрашный гвардеец" был ранен осколком разорвавшейся мины 19 июля, но от лечения в госпитале отказался. На следующий день он не воспользовался освобождением от участия в бою. Красноармеец навёл на открытом участке всего за 4 минуты орудие в цель – на скопление вражеской пехоты.<sup>13</sup>

Когда летом 1942 летное поле у города Белая Калитва бомбили две дюжины Юнкерсов Нуруш Ищанов первым бросился тушить загоревшийся на стоянке ЯК-1. Товарищи быстро пришли ему на помощь и истребитель уже скоро вновь бороздил небо. Красноармеец хорошо освоил обязанности финишёра стартовой команды и по сведениям командира батальона предотвратил при посадке аварии более ста самолётов. Через год Нуруш получил необычное боевое задание – обслуживать ложный аэродром. Германские пилоты должны были поверить в то, что аэродром действующий. Заслышав в небе гул вражеских бомбардировщиков, красноармеец выбегал со своими сослуживцами с зажжёнными фонарями на лётное поле. Сигнальными огнями солдаты изображали панику на „аэродроме“. Они выполняли своё боевое задание образцово, и вражеские пилоты попались таки на удочку. Чтобы стереть советскую „технику" с лица земли, они тратили в большом количестве боеприпасы, обстреливая поле пушечно-пулемётным огнём и сбрасывая вниз бомбы. Благодаря команде ложного аэродрома, техника и персонал большого, действующего неподалёку, советского военного аэродрома оставались невредимыми. Эта история - не описание сцен из художественного фильма послевоенных лет „Беспокойное хозяйство“. Факты изложены в наградном листе (медаль "За боевые заслуги") финишера аэродромного обслуживания 4 Воздушной Армии Северо-Кавказского фронта, уроженца с. Ремки Нуруша Ищанова<sup>14</sup>. В отличие от большинства ушедших на фронт односельчан, красноармеец остался в живых и смог праздновать Победу 9 мая 1945 года.

В казачьих войсковых частях 3-его отдельного гвардейского дивизиона связи (3 гв. кк Юго-Западного фронта) воевали два ремовца – Александр М. Пазий и Николай Ф. П/Коверьев. Гвардии казак и кандидат в члены ВКП(б) А. М. Пазий 1920 г.р. умело владел в наступательных боях своим ручным пулемётом. Его командиры дважды, в августе 1944 и в апреле 1945 года, представили его к „Ордену Славы III степени“. Командир полка майор Шахшаев живописно описал картину подвигов казака в наградном листе: „При наступлении на село Рудаевичи [...] гвардии казак Пазий [...] шёл в головном дозоре. Внезапно из засады наперерез дороги вышли два танка противника, на бортах которых находилась группа немецких автоматчиков. Казак Пазий быстро залёг и дал очередь из своего пулемёта. Пять немцев сразу же свалились с борта головного танка, после чего танки повернулись обратно и ушли. Отважно продвигаясь дальше, Пазий [...] обстрелял их [солдат противника] из пулемёта. Оставив на месте трёх убитых, группа немцев в беспорядке разбежалась". Незадолго до Дня Победы, в бою за селение Бачала гв. казак уничтожил из своего ручного пулемёта весь расчёт зенитной пушки (11 солдат) и захватил саму пушку в исправном состоянии<sup>15</sup>. В донесениях о потерях указана аббревиатурой „ВМН" причина выбытия из действующей армии в 1942-1943 гг. трёх ремовцев-фронтовиков. Указанным сокращением

<sup>13</sup> Наградной лист от 24.07.1944. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690155. Д. 4858. Л. 53.

<sup>14</sup> Наградной лист от 14.06.1943. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682526. Д. 1340. Л. 125.

<sup>15</sup> Наградной лист от 27.08.1944. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686196. Д. 76. Л. 68. Наградной лист от 17.04.1945. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690306. Д. 1197. Л. 51.

пометили наказание через расстрел военнослужащих по приговору военного трибунала или особого совещания. Советские войска отступали с первых дней войны по основным фронтам целый год, до лета 1942 года. Боевой дух солдат пал и даже многие командиры прониклись пессимизмом. Чтобы остановить массовое отступление советских войск Нарком Обороны издал во время Сталинградской битвы приказ № 227 от 28.07.1942, известный в народе как „Ни шагу назад“. В числе различных наказаний упоминалось и новое – штрафные батальоны. Сотрудники заградительных отрядов возвратили в годы войны большую часть задержанных в свои части. Остальных арестовывали, расстреливали и направляли в штрафные роты.

Ещё до выхода приказа армейское командование применяло против отступивших самовольно военнослужащих, паникёров, дезертиров и т.д. различные наказания, вплоть до расстрела. В июне 1942 года после боя не нашли 25-летнего Аюпа Турганбаева 1917 г.р. и шесть его сослуживцев 1251 сп Волховского Фронта. Так как все без вести пропавшие, заранее подозревались в возможной измене Родине, военный трибунал приговорил ремовца и его боевых товарищей к высшей мере наказания заочно<sup>16</sup>. Через месяц в 62 Армии Сталинградского Фронта был приговорен к расстрелу 19-летний красноармеец Павел П. Пазий 1923 г.р.<sup>17</sup> Приговор „10 лет лишения свободы“ получил красноармеец 261 сп Сакен Оразбаев (по другой версии Коратай Джоянов) 1916 г.р. в январе 1942 в Томском гарнизоне<sup>18</sup>. В военной статистике тех лет часто встречаются ошибки. Осуждённые заочно и пропавшие без вести могли остаться в живых - попасть за линию фронта, в окружение и плен. Иногда приговор не приводился в исполнение. Расстрел заменяли переводом в штрафную роту.

Документы военного времени повествуют о трагической судьбе ремовского офицера Григория Никифоровича Галушко (1922/1923-1943). Боевая биография старшего лейтенанта начиналась геройски. В 20 лет он уже командовал ротой и удостоился, единственный из всех фронтовиков-ремовцев, „полководческого“ Ордена. Его боевая награда – „Орден Александра Невского“ предназначалась для младшего командного состава Красной Армии. Ею награждали в первую очередь „за личную отвагу, мужество и храбрость, и умелое командование, обеспечивающее успешные действия своих частей“ (Статут „Ордена Александра Невского“ (СССР). (<http://mondvor.narod.ru/ONevsk.html>). Командир 151 сп 8 сд. капитан Касперович представил в начале февраля 1943 года старшего лейтенанта Г. Н. Галушко к одному из высших орденов СССР – Ордену „Красного Знамени“. В наступательном бою командир стрелковой роты „штурмовал опорный пункт противника. Он первый бросился в окопы, увлекая за собой роту, в результате чего подавил шесть огневых точек и уничтожил около 50 немецких солдат и офицеров“<sup>19</sup>. Через несколько недель командование Брянского фронта объявило в своём приказе о присуждении офицеру Галушко вместо Ордена „Красного Знамени“ „Ордена Александра Невского“.

Через полгода после награждения, в июле 1943 года, ротный участвовал в составе 287 сд 63 Армии Брянского Фронта в Орловской наступательной операции, также как и его земляк сержант-разведчик Гаяс С. Ибатулин. В то

<sup>16</sup> Донесение о потерях Волховского фронта от 28.07.1942. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 818883. Д. 786. Л. 42

<sup>17</sup> Донесение о безвозвратных потерях Сталинградского фронта от 22.08.1942. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 818883. Д. 779. Л. 3.

<sup>18</sup> Донесение о безвозвратных потерях гарнизона г. Томска от 25.05.1942. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 818883. Д. 1523. Л. 8.

<sup>19</sup> Наградной лист от 02.02.1943. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682525. Д. 133. Л. 40.

время как разведчик удостоился наград, лейтенант Галушко был расстрелян в период с 10 по 20 июля на высоте 255,2 у села Архангельское Орловской области с формулировкой „за отступление с боевого рубежа“<sup>20</sup>. Очевидно офицер попал под действие приказа „Ни шагу назад“. Самовольное отступление военного начальника от приказа и самовольное оставление поля сражения во время боя считалось воинским преступлением и за это предусматривалась смертная казнь.

На основании скудной информации из донесения о потерях 287 сд за июнь-июль 1943 невозможно выявить обстоятельства случившегося. Вполне вероятно, что в фондах ЦАМО РФ хранится личное дело офицера, которое могло бы прояснить ситуацию и дать ответы на вопросы: Какое задание выполняла рота лейтенанта Галушко в тот злополучный для офицера день? Отступил он один или со своими бойцами? Остались ли в живых его подчинённые?

Есть некоторые основания не подозревать ст. лейтенанта в малодушии. По оценке своего командира в наградном листе офицер доказывал в боях „исключительное мужество“. Приказ Сталина „Ни шагу назад“ был издан за год до события, и ротному было известно, что ему, как командиру грозит за отступление расстрел. Однако отступив с остатком своего подразделения, он мог спасти жизни своих подчинённых.

Исследователи Курской битвы, например, А. Исаев и П. Букейханов упоминают в своих публикациях боевую обстановку с 14 по 18 июля 1943 года у железнодорожной станции Архангельское. (Букейханов, 2013; Исаев, 2015). Орловская наступательная операция „Кутузов“ была решающей битвой лета 1943 года и имела своей целью разгром Орловского стратегического плацдарма группы армий „Центр“ противника и освобождение города. Операция проводилась с 12 июля по 18 августа 1943 года в рамках Курской битвы. Сложность задачи 287 сд 63 А Брянского Фронта состояла в том, что на оборонительном рубеже Вермахта – река Олешня-Подмаслово-Архангельское находились основные узлы сопротивления противника. Для обороны военного аэродрома германское командование не жалело техники и личного состава. Здесь в середине июля шли ожесточённые бои. В них с обеих сторон участвовали танки, самолёты и артиллерия. За два года оккупации у противника было достаточно времени для создания развитой системы обороны. Наступление усложнял ландшафт местности – наличие рек, а также выгодно расположенных и хорошо укреплённых противником высот. Генерал армии С. М. Штеменко пишет в своих воспоминаниях, что к середине июля на Брянском фронте возникло кризисное положение: „Оборона противника была здесь очень сильной, с большим количеством долговременных огневых точек. Пехота никак не могла одолеть ее без непосредственной поддержки бронесредств“. (Штеменко, 1989). Войска только через пять дней смогли прорвать оборону. Вероятнее всего людские потери не имели для советского командования в деле достижения поставленной задачи решающего значения. Приказ командования „наступать“ был выполнен большой кровью. Безвозвратные и санитарные потери Брянского фронта в операции „Кутузов“ достигали 40 % личного состава. (Кривошеев и др., 2001).

Война требовала невероятных сил от ремовцев не только на боевых фронтах, но и в тылу. Юноши допризывного возраста и непригодные к

<sup>20</sup> Донесение о безвозвратных потерях 31224 от 24.08.1943. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18001. Д. 750. Л. 20.

строевой службе односельчане были мобилизованы в трудовые лагеря НКВД на тяжёлые работы. Будущий бухгалтер колхоза „XX партсъезд“ Рашид М. Мухаев работал до 1948 года на шахте г. Караганда, а Владимир П. Нестерюк 1928 г.р. в г. Гурьеве. Инвалид Первой Мировой Войны Емельян Герцовский из Переменовского с/с вспоминал, что смог выжить в своей трудовой колонне, в окружении озлобленных заключённых и при тяжёлых материально-бытовых условиях, благодаря поддержке земляка-"великана" из Н. Киреевки.

В годы войны часть бывших военнопленных и непригодные к строевой службе раненые, а после войны и другие фронтовики распределялись на стройки и предприятия для скорейшего восстановления инфраструктуры страны. Из наградного листа (медаль "За боевые заслуги") Кали Турганбаева следует, что он был занят в июле 1945 года в военизированной охране (ВОХР) завода 434 Наркомнефти в туркменском городе Красноводск. Из действующей армии мл. сержант выбыл в январе этого года из-за тяжёлого ранения<sup>21</sup>.

В то время как трудовые лагеря мужчин находились не только в Казахстане, но и в других республиках СССР, девушки командировались на различные работы на территории области. 16-летняя жительница с. Ремки Екатерина Н. Галушко/Нестерюк 1928 г.р. была задействована на уборке урожая в районном селе Маканчи на юге области. Девушек доставили туда за 600 км на повозках. Сёстры Герцовские из Переменовского с/с были командированы для работы в г. Семипалатинск. Елена Е. 1928 г.р. шила униформы с другими девушками из округа на эвакуированной в город швейной фабрике „Большевичка Украины". Её сестра Мария Е. проработала кочегаром речного судна на реке Иртыш всю войну. Берта И. Бангерт 1921 г.р. из Орловского с/с выполняла строительно-дорожные работы на станции Аул.

Война искалечила жизни не только взрослым, но и украла у детей счастливое детство. К нравственным страданиям – отсутствие или потеря отцов и старших братьев добавились физические – голод и непосильная работа в колхозе. Касымхан Турганбаев вспоминал, как ребенком помогал в сельском хозяйстве. Его сажали на телегу, запряжённую быками. Чтобы он не упалуснув, его привязывали.

После войны правительство оценило вклад ремовцев в Победу, удостоив трудармейцев, работников тыла и ветеранов ВОВ медалей: „За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.", „За трудовое отличие“, „За трудовую доблесть“ и „Ветеран труда“. Независимо от того щедро или нет армейское командование и органы власти наградили тех или иных односельчан за боевую службу или труд, все они заслуживают благодарности и памяти земляков.

**Заклучение.** История Великой Отечественной войны является предметом исследовательских интересов ученых постсоветского и зарубежного пространства. В последнее время предложенная научная проблематика затрагивает вопросы участия регионов, как например вклад восточно-казахстанцев в победу Великой Отечественной войне. Вместе с тем, «Новая историческая наука» диктует новые методологические тренды, как микроисторический, антропологический подходы, что детерминировало наш интерес к вкладу жителей восточной части Бородулихинского района в Победу.

<sup>21</sup> Наградной лист от 14.07.1945. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 744807, Д. 910. Л. 327.

Множество страниц Великой Отечественной войны еще не прочитаны, в том числе неизвестны имена больше полусотни павших ремовцев. Публикация архивных документов на сайтах Министерств Обороны России и Казахстана расширила источниковую базу краеведов и способствует изучению региональной истории. Новые документы ЦАМО введены в статью в научный оборот, составлен и модифицирован при помощи устного опроса и анкетирования мемориальный список и даны биографические справки. На локальном примере реконструирован образ фронтового поколения.

Статья способствует расширению краеведческих знаний и затрагивает тему сохранения исторической памяти о войне в регионе. Введение в научный оборот биографий ремовцев преследует в первую очередь мемориальную цель. Собранные факты являются попыткой противостоять забвению, формируют коллективную память земляков, а вместе с тем и их гражданскую идентичность.

Исследование может представлять интерес как для краеведов и учителей истории, так и для уроженцев ВКО, интересующихся своей родословной. Выявленные факты способствуют дальнейшему изучению истории переселенческих посёлков Томской губернии, основанных в начале XX века

#### Әдебиеттер тізімі / Список литературы

1. Аманжолов, 2012 - Аманжолов М. М. Река моей жизни: Воспоминания-эссе. Алматы: Фолиант, 2012. 279 с.
2. Букейханов, 2013 - Букейханов П. Курская битва. Наступление. Операция «Кутузов». Операция «Полководец Румянцев». Июль-август 1943. Москва: «ЗАОИздательство Центрполиграф», 2013. 671 с.
3. Воробьев, 2014 - Воробьев С. М. Реабилитация как способ возмещения морального вреда советским военнопленным в СССР // История государства и права. 2014. № 2. С. 59-63. [Электронный ресурс] / URL: <http://отрасли-права.pf/article/6425> (Дата обращения 20.03.2019).
4. Даутов, 2011 - Даутов М. Переименование моя: Стихи и воспоминания. Семей: Талант, 2011. 205 с.
5. Исаев, 2015 - Исаев А. В. Освобождение: Переломные сражения 1943 года. Москва: ООО «Яуза-пресс», 2015. 544 с.
6. Карта, 1911 - Карта Томской губернии 1911 года переселенческой районной организации. [Электронный ресурс] / URL: [http://www.etomesto.ru/map-tomsk\\_guberniya-1911](http://www.etomesto.ru/map-tomsk_guberniya-1911). (Дата обращения 10.04.2019).
7. Книга Памяти, 1996 - Министерство печати и массовой информации Республики Казахстан. Книга Памяти. Боздактар: Семипалатинская область. Том 2. Алматы: «Казах Энциклопедия» 1996.
8. Кривошеев, 2001 - Кривошеев Г.Ф. и др. (Под общ. ред. ). Россия и СССР в войнах XX века: Потери вооружённых сил. Статистическое исследование. Москва: Олма-Пресс, 2001. С. 453. [Электронный ресурс] / URL: [http://lib.ru/MEMUARY/1939-1945/KRIWOSHEEW/poteri.txt#w06.htm-\\_Тос536603381](http://lib.ru/MEMUARY/1939-1945/KRIWOSHEEW/poteri.txt#w06.htm-_Тос536603381) (Дата обращения 15.04.2019).
9. Масюк, 2005 - Масюк М. Д. Героическая девушка. // К новым Рубежам. Общественно-политическая газета Локтевского района Алтайского края. Май 2005.
10. НРК, 2009 - Агентство Республики Казахстан по статистике. Население Республики Казахстан. Итоги Национальной переписи населения Республики Казахстан 2009 года. Том 1
11. Статистический сборник. Под ред. Смаилова А. А. Астана: 2011. 242 с. [Электронный ресурс] / URL: [stat.gov.kz](http://stat.gov.kz) (Дата обращения 15.04.2019).
12. Недзельюк, 2006 - Недзельюк Т.Г. Римско-католическая община Мариенбурга: Особенности локального менталитета // AusSibirien 2006. С. 87-90. [Электронный ресурс] / URL: <http://library.ikz.ru/georg-steller/aus-sibirien-2013-2006/nedzelyuk-t.g.-rimsko-katolicheskaya-obschina> (Дата обращения: 10.06.2017).
13. Справочник, 2006 - Центр документации новейшей истории ВКО. Управление архивами ВКО. Справочник по истории административно-территориального деления Семипалатинской области 1939-1997 гг. Семипалатинск: 2006. 238 с. [Электронный ресурс] / URL: <http://referatdb.ru/pravo/67004/index.html> (Дата обращения: 20.04.2019).

14. Shaidurov, 2018 - Shaidurov V. N. The German catholic community of Marienburg from the end of the 19<sup>th</sup> till the beginning of the 20<sup>th</sup> century: Some aspects of the local history. Rusin 2018. Volume 52. Issue 2. S. 288-308. [In English]. [Электронный ресурс] / URL: [http://journals.tsu.ru/rusin/&journal\\_page=archive&id=1733&article\\_id=38579](http://journals.tsu.ru/rusin/&journal_page=archive&id=1733&article_id=38579) (Датаобращения: 20.04.2019).
15. Штеменко, 1989 - Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. Москва: Воениздат, 1989. [Электронный ресурс] / URL: <http://militera.lib.ru/memo/russian/shtemenko/09.html>. (Дата обращения: 10.05.2019).

## References

- Amanzholov, 2012 - Amanzholov M. M. Reka moej zhizni: Vospominaniya-esse. Almaty: Foliant, 2012. 279 s. (in Rus.)
- Bukejhanov, 2013 - Bukejhanov P. Kurskaya bitva. Nastuplenie. Operaciya «Kutuzov». Operaciya «Polkovodec Rumyantsev». Iyul'-avgust 1943. Moskva: «ZAO Izdatel'stvo Centrpoligraf», 2013. 671 c.(in Rus.)
- Vorob'ev, 2014 - Vorob'ev S. M. Reabilitaciya kak sposob vozmeshcheniya moral'nogo vreda sovetskim voennoplennym v SSSR // Istoriya gosudarstva i prava. 2014. № 2. S. 59-63. [Elektronnyj resurs] / URL: <http://otrasli-prava.rf/article/6425> (Data obrashcheniya 20.03.2019).(in Rus.)
- Dautov, 2011 - Dautov M. Peremenovka moya: Stihy i vospominaniya. Semej: Talant, 2011. 205 c.(in Rus.)
- Isaev, 2015 - Isaev A. V. Osvobozhdenie: Perelomnye srazheniya 1943 goda. Moskva: ООО «YAuza-press», 2015. 544 c.
- Karta, 1911 - Karta Tomskej gubernii 1911 goda pereselencheskoj rajonnoj organizacii. [Elektronnyj resurs] / URL: [http://www.etomesto.ru/map-tomsk\\_guberniya-1911](http://www.etomesto.ru/map-tomsk_guberniya-1911). (Data obrashcheniya 10.04.2019).(in Rus.)
- Kniga Pamyati, 1996 - Ministerstvo pečati i massovoj informacii Respubliki Kazahstan. Kniga Pamyati. Bozdaqtar: Semipalatinskaya oblast'. Tom 2. Almaty: «Kazah Enciklopediya» 1996. (in Rus.)
- Krivosheev, 2001 - Krivosheev G. F. i dr. (Pod obshch. red. ). Rossiya i SSSR v voynah XX veka: Poteri vooruzhyonnyh sil. Statisticheskoe issledovanie. Moskva: Olma-Press, 2001. C. 453. [Elektronnyj resurs] / URL: [http://lib.ru/MEMUARY/1939\\_1945/KRIWOSHEEV/poteri.txt#w06.htm-Toc536603381](http://lib.ru/MEMUARY/1939_1945/KRIWOSHEEV/poteri.txt#w06.htm-Toc536603381) (Data obrashcheniya 15.04.2019).(in Rus.)
- Masyuk, 2005 - Masyuk M. D. Geroicheskaya devushka. // K novym Rubezham. Obshchestvenno-politicheskaya gazeta Loktevskogo rajona Altajskogo kraya. Maj 2005.(in Rus.)
- HPK, 2009 - Agentstvo Respubliki Kazahstan po statistike. Naselenie Respubliki Kazahstan. Itogi Nacional'noj perepisi naseleniya Respubliki Kazahstan 2009 goda. Tom 1(in Rus.)
- Statisticheskij sbornik. Pod red. Smailova A. A. Astana: 2011. 242 s. [Elektronnyj resurs] / URL: [stat.gov.kz](http://stat.gov.kz) (Data obrashcheniya 15.04.2019).(in Rus.)
- Nedzelyuk, 2006 - Nedzelyuk T. G. Rimsko-katolicheskaya obshchina Marienburga: Osobennosti lokal'nogo mentaliteta // Aus Sibirien 2006. C. 87-90. [Elektronnyj resurs] / URL: <http://library.ikz.ru/georg-steller/aus-sibirien-2013-2006/nedzelyuk-t.g.-rimsko-katolicheskaya-obshchina> (Data obrashcheniya: 10.06.2017).(in Rus.)
- Spravochnik, 2006 - Centr dokumentacii novejshej istorii VKO. Upravlenie arhivami VKO. Spravochnik po istorii administrativno-territorial'nogo deleniya Semipalatinskoy oblasti 1939 1997 gg. Semipalatinsk: 2006. 238 s. [Elektronnyj resurs] / URL: <http://referatdb.ru/pravo/67004/index.html> (Data obrashcheniya: 20.04.2019).(in Rus.)
- Shaidurov, 2018 - Shaidurov V. N. The German catholic community of Marienburg from the end of the 19<sup>th</sup> till the beginning of the 20<sup>th</sup> century: Some aspects of the local history. Rusin 2018. Volume 52. Issue 2. S. 288 308. [In English]. [Elektronnyj resurs] / URL: [http://journals.tsu.ru/rusin/&journal\\_page=archive&id=1733&article\\_id=38579](http://journals.tsu.ru/rusin/&journal_page=archive&id=1733&article_id=38579) (Data obrashcheniya: 20.04.2019).(in Rus.)
- SHtemenko, 1989 - SHtemenko S. M. General'nyj shtab v gody vojny. Moskva: Voenizdat, 1989. [Elektronnyj resurs] / URL: <http://militera.lib.ru/memo/russian/shtemenko/09.html>. (Data obrashcheniya: 10.05.2019).(in Rus.)

**Құрметті авторлар!**

«Үлкен Алтай әлемі – Мир Большого Алтая» халықаралық ғылыми журналының редакциялық алқасы осыған дейін еш жерде жарияланбаған авторлық мәтіндерді ғана басылымға қабылдайды. Ұсынылған материалдардың барлығы міндетті түрде ғылыми рецензиядан өткізіледі. Соның қорытындысы бойынша мақаланы жариялау туралы шешім қабылданады.

Журнал тілі: қазақ, орыс, ағылшын.

Мақала көлемі 20000-40000 белгіден (сөз арақашықтықтарымен) аспауы керек, шрифт Arial 11, аралық қашықтық – 1 см болуы тиіс.

Мақала құрылымында ӨЖ индексі, мақала атауы, автор туралы ақпарат, түйін (150 сөзден кем емес және 200 сөзден артық емес), түйін сөздер (7-10 сөз), негізгі мәтін (реферативті форматта рәсімделген), әдебиеттер тізімі+reference болуы қажет. Мақала тақырыбы, автор (лар) туралы ақпарат, мақала түйіні үш тілде (қазақ, орыс, ағылшын) берілуі тиіс. Қазақстан Республикасының резидент қатарына жатпайтындар үшін берілген мәліметтерді қазақшаға аудару бойынша қосымша көмек көрсетіледі.

Мәтіндегі сілтемелер гарвардтық жүйе бойынша рәсімделеді.

«Үлкен Алтай әлемі – Мир Большого Алтая» журналы ҒДРИ (Ғылыми дәйексөздің ресейлік индексі) базасына кіреді, болашақта ғылыми дәйексөздің өзге халықаралық базаларына енгізу жоспары бар, осыған орай әдебиеттер тізімдерін рәсімдеуде келесі талаптар қойылады 1) Әдебиеттер тізімі МемСТ Р.05-2008 «Библиографиялық жазу»; 2) reference Гарвардтық стильдің талабына сай болуы тиіс. Әдебиеттік сілтемелер саны – 30-50. <http://www.journalaltai.com/>. сайтында талаптармен толығырақ танысуға болады.

Жариялауға арналған материалдарды электронды түрде журналдың e-mail: [altaytanu@gmail.com](mailto:altaytanu@gmail.com) мекенжайына жіберу керек.

**Уважаемые авторы!**

Редакция международного научного журнала «Үлкен Алтай әлемі – Мир Большого Алтая» принимает к печати авторские тексты, нигде ранее не публиковавшиеся. Все предоставленные материалы проходят обязательное научное рецензирование. По его итогам принимается решение о публикации.

Язык журнала: казахский, русский, английский.

Объем статьи должен составлять 20000-40000 знаков (с пробелами), шрифт 11 Arial, интервал 1.

В структуре статьи предполагается наличие: УДК, названия статьи, информации об авторе, аннотации (объем не менее 150 и не более 200 слов), ключевых слов (7-10 слов), основного текста (оформленного в реферативном формате), списка литературы+reference. Название статьи, информация об авторе(-ах), аннотация статьи предоставляется на трех языках (казахский, русский, английский). Для не-резидентов Республики Казахстан оказывается поддержка по переводу необходимых данных на казахский язык.

Ссылки в тексте оформляются по гарвардской системе.

В связи с тем, что журнал «Үлкен Алтай әлемі – Мир Большого Алтая» входит в базу данных РИНЦ (Российский индекс научного цитирования), а в перспективе, будет включен в иные международные системы научного цитирования, то для оформления библиографии требуется оформление 1) списка литературы согласно ГОСТ Р.05-2008 «Библиографическая ссылка»; 2) references согласно требований Гарвардского стиля. Количество библиографических источников – 30-50. Более подробно с требованиями можно ознакомиться на сайте <http://www.journalaltai.com/>.

Материалы для публикации представляются в электронном виде на адрес журнала: [sovetuk@yandex.kz](mailto:sovetuk@yandex.kz)

**Dear authors!**

The Editorial Board of International Scientific Journal «Ulken Altay alemi – Mir Bolshogo Altaia» (World of Great Altai) invite original, previously unpublished author's papers for publication. All submitted materials are subject to mandatory peer review. The decision for publication is taken on the results of the review.

Journal languages: Kazakh, Russian, English.

The size of the article should be 20000-40000 characters (with spaces), font size 11 Arial, 1 spacing.

The structure of the article assumes a UDC, article title, information about author(s), abstract (no less than 150 and no more than 200 words), keywords (7-10 words), main text (made in an essay format), bibliography+references. Article title, information about author(s), and abstract are given in three languages (Kazakh, Russian, English). Non-residents of the Republic of Kazakhstan get support to translate it into the Kazakh language.

References in the text are made according to the Harvard system.

International Scientific Journal «Ylken Altai alemi - Mir Bolshogo Altaia» (World of Great Altai) is going to integrate into RISC database (Russian Science Citation Index), and in the future, into other international systems of scientific citation. Due to this fact, the bibliography is required in accordance to 1) GOST R.05-2008 «Bibliographic references»; 2) the requirements of the Harvard style. Number of bibliographic sources - 30-50. More detailed information on the requirements can be found on the website [www.journalaltai.com/](http://www.journalaltai.com/).

Materials for publication are submitted in electronic form [sovetuk@yandex.kz](mailto:sovetuk@yandex.kz)

Ғылыми кеңестің редакциялық ұжымы мен Халықаралық эксперттердің пікірі жарияланымға шығатын мақала авторларының ойымен бір жерден шықпауы мүмкін. Журналға жарияланған мәліметтердің дұрыстығына автор жауапты болып табылады. Журналдағы материалдарды пайдалануда қолданылған еңбекке міндетті түрде сілтеме жасау қажет.

Мнение редакционной коллегии и экспертов Международного научного совета может не совпадать с точкой зрения авторов публикуемых материалов.  
За достоверность публикуемых в журнале материалов, сведений, фактов, схем, цифровых данных, реклам ответственность несут авторы.  
При использовании материалов журнала ссылка на источник обязательна.

The opinions of the Editorial Board and experts of the International Editorial Board may not necessarily coincide with authors' views.  
Authors are responsible for the accuracy of materials, information, facts, charts, digital data, advertisement published in the journal.  
When using materials of the journal, link to the source is mandatory.

**Біздің мекен-жайымыз:** 070004 Қазақстан Республикасы, Қазақстан көшесі, 55.  
E-mail: [sovetuk@yandex.kz](mailto:sovetuk@yandex.kz)  
**Наша адрес:** 070004 Республика Казахстан, ул. Казахстан, 55.  
E-mail: [sovetuk@yandex.kz](mailto:sovetuk@yandex.kz)  
**Our address:** 070004 Republic of Kazakhstan, 55 Kazakhstan str.  
E-mail: [sovetuk@yandex.kz](mailto:sovetuk@yandex.kz)

**ҮЛКЕН АЛТАЙ ӘЛЕМІ**  
**Халықаралық ғылыми журнал**

**МИР БОЛЬШОГО АЛТАЯ**  
**Международный научный журнал**

**WORLD OF THE GREAT ALTAI**  
**International research journal**

**Авторфотонаобложке Мазницин А.А.**

**Ответственный за выпуск Ислямова С.А.**  
**Дизайн и верстка Токанова С.О.**

---

Подписано в печать 07.06.2019 г.  
15,08 усл.печ.л. уч.изд.л. 16,29

Формат 70x100  
Тираж 100 Заказ 728

---

**Издательство «Берел» Восточно-Казахстанского государственного университета**  
**имени С. Аманжолова**  
070020, г. Усть-Каменогорск, ул. 30-й Гвардейской дивизии, 42

---